

Игры с огнём

Книга I
Друзья по недоразумению

16+

Нина Сергеевна Цуканова

Игры с огнем. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57396634

SelfPub; 2022

Аннотация

Несчастливая жертва, похищенная драконом, попытается сделать все, чтобы вернуть свою свободу. Однако может оказаться, что не все так просто. И кто здесь жертва – еще большой вопрос... Кто знает, может, это странное знакомство со временем выльется во что-нибудь стоящее. Например, в хорошую крепкую дружбу. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

Жертва обстоятельств	4
Дым без огня	52
Рыбак рыбака...	113
Город	166
Фанатик	190
День рождения	209
Башня	263
Райчи	372
Визит	471
Чужая свадьба	613

Нина Цуканова

Игры с огнем. Книга 1

Жертва обстоятельств

Полуденное солнце освещало матерчатые навесы рыночных ларьков.

Работы не было, и я скучающе бродила между лавочек и людей, стреляя глазами по всему яркому и блестящему. Было многолюдно и довольно тесно. К тому же, то и дело приходилось отмахиваться от назойливых зазывал.

– Лучшая сельдь в области! Прямиком с океана! Девушка, не хотите попробовать?!

– Нет у вас в городе океана, – фыркнула я, подныривая под растопыренные руки и проходя дальше, в ремесленные ряды.

Пару лавок я прошла мимо, у одного из ларьков загляделась было на шкатулочки, но на меня налетел какой-то крупногабаритный мужик и, запнувшись о мою ногу, едва не грохнулся наземь, гремя корзинами.

– Чтоб те... – начал было он, гневно обернувшись на меня, однако тотчас замолк.

С расстояния вытянутой руки уже можно было признать во мне мистика.

По городу я чаще всего ходила не в охотничьей мантии, а в обычной одежде. Которая, впрочем, все равно не очень-то сливалась с одеждой простой горожанки.

– Простите, госпожа... – уважительно с налетом суеверного страха пробубнил мужик под моим холодным равнодушным взглядом и поспешил скрыться.

Честно говоря, это было даже удивительно. Я таки уже несколько намозолила глаза местным, так что обычно с близкого расстояния народ меня примечал. Хоть и относился с некоторым сомнением.

...Почему-то по народному поверью все "ведьмаки" должны быть исключительно обладателями шевелюры цвета воронова крыла. Я видала и блондинов, и были они весьма успешны. "Ведьмы" же, по тому же поверью, должны были быть не иначе как огненно-рыжими. И зеленоглазыми.

Я была такой себе "ведьмой" в глазах общественности – темно-русая и сероглазая.

– Девушка, примерьте сапожки, прямо на вас! – прокричал над ухом очередной зазывала.

– Да идите вы лесом, – беззлобно отмахнулась я. Вот уж кто самих владык Немирья не испугается, куда уж там какого-то мистика.

Мое внимание привлек блеск на одном из прилавков. Приглядевшись, я увидела россыпь всяческих штук для волос: гребней, щеток, заколок и украшений...

"А вот это по мне", – мысленно отметила я, подходя бли-

же и принимаясь разглядывать представленную на прилавке красоту.

– Вот, полюбуйте! Лучшие украшения, привезенные прямо с востока! – проговорил торговец.

– Неужто из самой Заагре? – уточнила я, заставив того немного порастерять задор. – Точно не из Абарии, той маленькой, сбоку припека? Что по дешевке разные штуки копирует?

Торговец, смутившись, начал было невнятно оправдываться. Но тут взгляд мой упал на палочки для волос. Этот тип украшений вызывал у меня трепет и восторг одновременно. Но длина и объем моих волос не позволяли мне их носить.

Длинные волосы – это вообще не моя фишка. Я слишком нетерпелива, а иметь косичку в палец толщиной – так себе стимул.

Был в моем выпуске парень с косой... кхм, простите... волосами до пояса. Вот мне о таком терпении только мечтать!..

Однако, попялиться на красивую блестящую штучку – это святое. Быть может, даже выберу и куплю себе одну, а волосы уж когда-нибудь дорастут. Наверное.

– Волосы не коротковаты? – насмешливо осведомился торговец, глядя на то, как сосредоточенно я рассматриваю палочки.

Я скрипнула зубами, размышляя, не стоит ли мне при ответе упомянуть его происхождение от четвероногого друга

человека, но передумала.

– Знаете, вы правы. Надо для начала проверить. Возьму, пожалуй, пока эту на пробу. А если понравится, куплю потом еще, – я нахально сунула палочку себе в нагрудный карман, даже не подумав достать деньги.

Мужчина скривился. Но спорить с мистиком не отважился. Ничего, в следующий раз подумает, прежде чем "ведьме" хохмить.

Я миновала торговые ряды и направилась к выходу. Покупать я ничего не собиралась, а толкаться надоело. Уже на выходе с рынка меня в очередной раз окликнули:

– Пойдите..!

– Отвалите, я уже купила все, что хотела! – привычно отмахнулась я, не глядя на говорящего.

– ...госпожа мистик!..

Теперь-то я удостоила его вниманием. Надо же, с такого расстояния признали без мантии.

В ожидании продолжения я поглядела на совсем молодого худощавого парня с чуть всклокоченными светлыми волосами, облаченного в скудный доспех, состоящий из кожаной куртки и легкой кольчуги без рукавов. Его товарищ, круглолицый коротко стриженный шатен, повыше и почти вдвое шире в плечах, с бородкой (пожалуй, чересчур аккуратной для матерого воина), был одет в похожую куртку и латы. Хотя у этого были еще и поножи.

Интересно, кто они? Городскую стражу экипируют по-

другому. Для солдат слишком скудно. Для разбойников – богато.

– Скажите... Вы заказ взять не хотите? – осведомился первый, подходя ближе.

– Смотря какая работа и сколько платите, – веско заявила я.

Парень стрельнул глазами туда-сюда, видимо, оценивая, не слишком ли много лишних ушей вокруг, и, чуть понизив голос, продолжил:

– Мы дракона бить собираемся...

– Батюшки! А что ж он вам сделал? – всплеснула руками я.

– Зря смеетесь, госпожа! – недовольно проговорил второй. – Мы, – он сделал значительную паузу, – драконоборцы!

Сдержатъ усмешку было невозможно.

...Я выпускник Соулской Мистической школы. Наша школа – известнейшая не только в стране, но и на всем континенте. Она подготовила многих достойнейших специалистов, наиболее успешные ее выпускники состоят штатными мистиками при королевском дворе и в лучших домах страны; в военных подразделениях выпускник СоулМиШ в штате считается почти что знаком престижа. Три-четыре десятка ее лучших студентов каждый год работодатели расхватывают как горячие пирожки. А поступает на обучение ежегодно... пара сотен, а то и больше.

Вычитать, небось, все умеют, и получается...

Знатная толпа выпускников, которым, вроде как, и не было оснований не дать диплома, но за которых Школе стыдно перед потенциальными работодателями и миром.

Так вот отсюда и я. Дзета Янше, одна из неблистательных выпускниц Соулской Мистической школы.

В основном, школа готовила практиков. Конечно, наши преподаватели и старшие наставники давали нам советы, разные, порой даже противоречивые... Сходились в одном. Главное, не брать мутных заказов от всяких дураков.

...Я живу именно этим.

– Что ж, господа, я готова выслушать ваше предложение! – пафосно заявила я. – Ежели драконоборцы вы, тогда какова будет моя роль?

– Дык дракон-то не прилетит сам, – вновь заговорил первый, тот, что потщедушнее. – Нам нужен кто-то, кто сможет его... приманить.

– Приманить? – хмыкнула я. – Это как?

– Смотри, мистичка, – подал голос второй, высокий и плечистый. – Драконы, они чего? Селенья палят, все ценное в гнездо свое уносят да девок молодых крадут и жрут...

– Да не жрут они их, дубина! – вклинился первый. – Крадут да портят!

– Почему тебе знать? – огрызнулся товарищ.

– А вот почему! Зачем же они в старину именно девиц молодых требовали на откуп? Ну, молчишь? Вот оттого и ловить нужно на невесту.

Парень, не желая спорить, махнул рукой:

– Как скажешь! В общем, ты, мистичка, должна будешь сыграть невесту, чтобы его призвать. А как он прилетит, тут мы его и схватим!

– А почему именно невесту? Речь же шла про "девицу", – спросила я, чуть скривившись на уже второй раз высказанное пренебрежительное обращение.

– Нет, ну а как дракон поймёт, что девица невинная? А с невестой-то всё понятно...

Я хмыкнула с сомнением. Нравы нынче были уже не те, что лет триста назад... Но вместо философии скептически уточнила:

– Так значит, ваш план – приманить дракона на "отданную на откуп невинную девицу" и сразить его?

– Ну... да, – ответили доблестные "драконоборцы".

– Ребят, мне жаль вас огорчать, но... скорее всего, ничего не получится.

Лица их выразили удивление, которое затем начало медленно превращаться в недоверие.

– Понимаете, в чем дело, – продолжила я. – Это все байки. Дракон не прилетит на "невесту". Это ж чушь собачья. Рассказни и народные домыслы, что драконы деревни сжигают, молодых девок крадут и портят...

– Мы много об этом слышали! – начал первый с легкой обидой прилежного, но неопытного ученика. – И даже в книгах об этом есть, нам читали. Недаром же в старину отдавали

драконам девиц на откуп!

– Ну, в старину и чуму молитвами да святой водой лечили. Тоже мне, нашли аргумент.

– И всё же, не бывает дыма без огня!

Я скептически закатила глаза. А впрочем... заплатят же.

– И что же полагается делать?

– Да там ерунда, песенку спеть в свадебном платье.

– От незадача... – театрально покачала головой я. – Платья-то у меня и нет.

– Возьмешь да простыней обмотаешься, – проговорил второй. – Что, дракон приглядываться, что ли, будет? И на голову что-нибудь придумаем. У нас вон штора красивая есть, кружевная!

– Ну, хорошо, – я посмеялась. – А теперь вопрос на сто сереньких¹. Что вы будете делать, если дракон *прилетит*?

– Не бойсь, мистичка, – бодро сказал он. – У нас баллисты. Отстреляемся.

– И сколько вы за это предлагаете?

– Тридцать сереньких даем, – ответил первый; я уже почти удовлетворенно кивнула, но он добавил, – если дракон прилетит.

– А если не прилетит? – нахмурившись, осведомилась я.

– Ну-у, каков результат, такова и плата. Прилетит – запла-

---

¹ «Серенькие» – серебряные монеты. «Рыженькие» – медь. Золото достаточно ценное и мало встречаемое среди основной массы населения, чтобы потрудиться называть монеты золотыми. Хотя и форма «желтенькие» иногда встречается.

тим.

– То есть, если я спою, а дракон не прилетит, вы мне не заплатите? – праведно возмутилась я.

– То есть, мы должны платить, если дракон не прилетит? – праведно возмутились они.

– Так я вам сразу сказала, что дракон не прилетит! Бесплатно я для вас петь в простыне не намерена!

– А где нам гарантия, что вы и правда приложите усилия, чтобы его призвать, а не просто споете для виду?

– Резонно, – согласилась я. – Тогда давайте так. Двадцать сереньких – задаток. И еще двадцать сверх – если дракон прилетит.

– Не многовато для задатка? – возмутился второй, тот, что повыше.

– А на меньшее я не согласна!

– А что, если мы другого мистика найдем? Который согласится!

Я демонстративно огляделась, козырьком приставив ладонь к глазам.

– Ну, ищите ветра в поле... – фыркнула я и, развернувшись на каблуках, направилась прочь.

– Ну хорошо, мы согласны! – крикнул мне вслед первый "драконоборец".

Я остановилась и обернулась.

– Значит, по рукам?

– По рукам... Пойдемте в наш лагерь, обговорим все.

Лагерь "драконоборцев" располагался за городской чертой на склоне холма, так, что из города видно его не было. И "лагерь" было довольно лестным названием. Самих ловцов было всего человек восемь. И пара неплохих баллист.

Там я получила порядком истрепанную книгу, у которой не представлялось возможным прочитать название (не удивлюсь, если там некогда было написано "Былины и небылицы народов мира") и несколько сложенных листов с текстами.

Встретиться условились в том же месте завтра на рассвете. Я почти слезно умоляла хотя бы часов в девять. Но решили пораньше. Чтобы без лишних глаз – добычей не делиться.

Вечером я занялась чтением "сказок". Несколько раз прочитала песню, чтобы запомнить, но сильно усердствовать не стала. И, сделав себе подсознательную установку проснуться незадолго до рассвета, легла спать.

***

Я потянулась в постели, щурясь на высвеченный восходящим солнцем кусочек потолка, после чего с дежурным ужасом осознала, что проспала. В это время мне полагалось уже быть в лагере.

Я наскоро оделась, сунула ноги в ботинки, торопливо сбегала по лестнице со второго этажа постоянного двора и выскочила на улицу.

Улицы были заполнены тенью: солнце еще не поднялось настолько, чтобы полностью осветить пространство между

теснящимися домами. Было по-утреннему зябко. Я поплотнее запахнула куртку и зашагала к холму.

Я не успела с утра порадоваться жизни, позавтракать и зашнуровать ботинки, и потому пребывала не в лучшем расположении духа.

Когда я была на месте, солнце уже примерно на высоту часового пути поднялось над горизонтом. Почти неподвижными лежали в его косых лучах кустящиеся свежей зеленью поля. Деревья по склону окутывал легкий туман. Вспугнутый солнцем, тот уже убирал свои щупальца со склона; тело его, почти недвижимое, лежало над озером. У подножья было безветренно. Вершины же холма уже касался ветерок, легкий, но слишком свежий, чтобы назваться приятным.

– Ну, здрасте, – бросила я, подходя к "ловчему лагерю".

– Уж заждались вас, госпожа, – буркнул один из "драконоборцев", условно взявший на себя обязанности командира, черноволосый, постарше остальных, с суровым небритым лицом. Хотя, на самом деле, эти товарищи больше походили на шайку, а не на команду.

"Заждались они меня, ага. Сами вон только встали..." – мысленно усмехнулась я; вслух же говорить ничего не стала, дабы не уязвлять достоинства доблестных ловцов.

– Вот одежда ваша, – командир указал на повешенные на одну из баллист тряпки. – Наряжайтесь, только пошустрее, солнце уж поднялось...

Я обернула простыню вокруг спины, перекрестила на гру-

ди и завязала сзади на шее.

– А куртку-то бы снять, – критично на меня посмотрев, проговорил недоглавнокомандующий шайкой. – Рукава всё впечатление портят...

– Да вы издеваетесь?! – возмутилась я. – Дубак же несусветный!

– Ну и что? Вы где-нибудь видели, чтобы подвенечное платье поверх куртки надевали?

– Вот дали бы вы мне подвенечное платье, я бы еще подумала. А вы мне простынь дали, – буркнула я, развязывая оную. Сняла куртку и начала было прилаживать "платье" вокруг рубахи.

– Да руки голыми должны быть! – с нотками раздражения заявил командир. – А то на саван смахивает!

– Да дракон вас подери, вы обалдели! – возмутилась я. – На саван смахивает! Тут не в рубахе моей дело, а в вашей простыне. Между прочим, свадьба раньше считалась символом смерти девушки как молодой девицы, потому и платье белое... Отвернитесь все тогда! За танцы с раздеванием мне никто не платил!

Я сняла рубаху, оставшись в одной сорочке, и торопливо обернулась простыней, хоть тепла от нее было, как от индюка молока. "Фату" я кое-как примотала к голове лентой, оставив красивый кружевной хвост сзади, а на лицо свесив верхнюю часть шторы. По длине она полностью закрывала лицо, а снизу имела прошитый карман для нанизывания на

палку. Закончив с "фатой", я торопливо накинула куртку на покрытые мурашками плечи и зябко ими передернула.

– Хорошо, – покивал головой командир, придирчиво рассматривая такую красоту. – Только вот штаны под "платьем" плохо смотрятся...

– Точно доплату за раздевание потребую! – с угрозой прорычала я. – Уж не ваши ли слова, что дракон приглядываться не будет?!

"Драконоборцы" тотчас согласились, что штаны под "платьем" смотрятся вполне себе нормально.

Я скинула куртку и подошла к условленному месту. Туман истаивал; меж деревьями по склону он стал уже почти прозрачным.

Небо было чистое, безоблачное. Но воздух еще оставался наполненным утренней дымкой. Восточный склон холма деревья покрывали почти до вершины, отгораживая от нас солнце, поэтому я даже не могла погреться в его лучах. Однако есть в этом и плюс: стрелкам глаза не ослепит.

Было свежо и зябко. Я повела голыми плечами, ежась под холодным дуновением утреннего ветра. Петь полагалось "песню невесты", а тянуло – "песенку черно книжника".

Ой, ладно, хоспаде. Сейчас спою им их несчастную песню и обратно спать пойду. Делов-то.

Я вздохнула, потирая зябнущие плечи. Быстрее начнем – быстрее закончим. Как там начиналось?

– *На высокой скале берегов океана*

Черно-красным цветком отцветает закат.
Омывает вода камня старые раны,
Словно горная твердь, его память крепка.

Там живет царь ветров, зверь, что ужас внушает,
Охраняя границы своих берегов,
Красной бронзы броня его грудь украшает
И жемчужная нить ... из людских черепов, – что и гово-
рить, маги прошлого любили всякие замысловатые форму-
лировки.

– Коль судьба моя – Землю покинуть до срока,
Не склоню головы пред своею судьбой,
И, едва познав, с жизнью проститься земною,
Но взамен глотнуть жизни страны грозовой.

И крылатому змею навеки стать данью,
Что бессмертному солнцу огонь подарил,
Землю – добрую мать целовать на прощанье,
Коль он огненный взор на меня обратил.

Что ж, приди же по душу мою молодую,
Неприкаянной дочью меня не оставь,
Забери меня в небо, страну грозовую,
Из которой никак не вернуться назад... – песня, однако,
звучит как-то даже чересчур оптимистично... Для девушки,

отдаваемой в жертву. Словно та сама желает этого. Какая ирония!

*– И быть может тогда ты заполнишь зарею
Мое сердце – прозрачный кусок хрусталя,
И рассыпется в пыль все, что было игрою,
Я теперь неба дочь, до свиданья, Земля".*

Песня закончилась. Ничего не произошло. Ветер гулял по тростнику у озера, заставляя туман чуть клубиться. Я обернулась и, взглянув на несостоявшихся "драконоборцев", раскинув руки, крикнула:

– Ну, что я вам говорила?

Лица их, выражающие разочарованное смятение, вдруг резко вытянулись. Я даже не успела подумать, отчего бы. В эту самую секунду резкий и шумный поток ветра накиннул штору мне на лицо, разметав волосы, и через мгновение грудную клетку сжали огромные лапы.

От рывка из легких выдавило весь воздух, и я даже не почувствовала, как из-под ног ушла земля. За мгновение перед глазами пронеслись люди, баллисты и "ловчий лагерь", а следом – и деревья на склоне, и вот только тогда я наконец сумела с хрипом вдохнуть и заорать.

– А-а-а-а-а!!! Стреляйте, придурки!

Видимо, до этого они додумались и без меня. Потому что щелчок я услышала, еще когда набирала воздух перед словом "стреляйте".

Сразу две стрелы прошли воздух; дракон, едва не разжав когти, увернулся от одной, а вторая и так шла безнадежно мимо.

Теперь я осознала всю глупость своего последнего заявления. И крикнула, из-за недостатка воздуха срываясь на хрип:

– НЕ стреляйте, придурки!!!

Даже *если* они попадут в дракона, я спикирую на землю с такой высоты, что ничего хорошего мне не светит.

В своем отношении к выстрелам дракон был со мной солидарен и, словно для подкрепления моих слов, плюнул огнем в дерзновенные баллисты. Люди бросились врассып-

ную; баллисты вспыхнули, как зачарованные. Дракон взмыл вверх.

Осознав, что уже слишком высоко, я прекратила свои трогательные попытки вырваться из когтей, и даже, напротив, покрепче в них вцепилась.

Однако одну из баллист, видимо, успели взвести, и она сработала. Вновь послышался звук выстрела, заставляющий сердце сжаться, а пальцы скреститься, и где-то совсем рядом с драконом прошла стрела. И его когти разжались...

Человеку подвластна левитация. И лучшие маги с моего выпуска это умели. Но я никогда не была лучшей.

Я не настолько умна и удачлива. Ибо, если бы таковой была – не была бы самопальной вольнонаемницей...

Время будто замедлилось; за миг в голове успевала промелькнуть тысяча мыслей. Видно, на полную включилась Теневая Сущность.

Озеро было левее. Лучшее, что я могла сделать – лишь чуть-чуть снизить скорость и немного подкорректировать траекторию своего полета навстречу матушке-земле, чтобы с этой самой встречей повременить.

Я об воду хоть не убьюсь? Плевать! О берег убьюсь точно!..

Крутанувшись в воздухе, я попыталась отрегулировать положение своего тела. Предполагаемая траектория изменилась, причем даже почти так, как надо. Только не двигайся, только не двигайся!

Все более реальным становился шанс упасть в озеро у самого берега. Благо, тот был крутой и сразу уходил глубоко под воду, так что, глубина обнадеживала.

Правда, настолько же реальным был шанс влететь и в бережок.

Сверху, сквозь свист ветра в ушах, слышалось хлопанье огромных крыльев.

"Поймай меня! Поймай меня!" – малодушно молила я мысленно.

Но, кажется, ему было не успеть... Оставалось надеяться

только на себя. И делать какой-нибудь немислимый финт на подлете.

В воду я влетела почти удачно, но все равно здорово, отбив себе все, что можно и нельзя. Спасибо Теневой, что не плашмя. Дыхание вышибло; в глаза и нос залило воды, жгучей, как острый перец. Но ерунда все это. Зато не в землю.

В озере меня развернуло, и я, уже порядком потеряв в скорости, довольно мягко встретилась левым боком с песчаным дном.

Вода, словно смилостивившись, начала выталкивать наверх. Но не успела я даже толком очнуться от удара, как в бока впились драконовы когти, и, сжав грудную клетку, резко выдернули меня из воды.

С меня градом катилась вода; в лапах дракона я повисла тряпкой, не в силах больше бороться, напоследок взглядом вверх ногами выхватив нашу "ловчую стоянку", стремительно уменьшающуюся с каждым рывком при взмахе огромных крыльев.

"Придурки", – мрачно подумала я.

Холм отдалялся. Объятые пламенем баллисты стали совсем как игрушечные и, даже если бы были целы, на это расстояние уж точно не добились бы.

Ветер свистел в ушах и трепал мокрые волосы. "Фата" слетела еще в первые секунды после появления дракона. С незашнурованными ботинками я тоже распрощалась практически сразу, притом даже не заметила, в какой конкретно мо-

мент. Хотя мне как мистикую полагалось бы, ведь мы должны уметь контролировать тело на тысячу процентов.

Внизу с невероятной скоростью проносились холмы, леса, луга, реки, пока, наконец, на смену им не явились темные воды океана.

"Ну все, – мелькнуло в голове у меня, – пиши пропало. Унесет в свое гнездо на острове..."

Мы летели долго, как показалось, намного больше часа, хотя объективно оценить время в такой ситуации было, наверное, нереально. Потом я почувствовала, что дракон начал снижаться. Подняв голову, увидела впереди скалу.

Самым странным было то, что на скале возвышался замок. Видимо, тварь устроила себе гнездо в чьей-то брошенной крепости. А может, и выгнав (или съев) бывшего владельца?

Перед зданием оказалась большая ровная площадка, как будто нарочно сделанная для приземления дракона. Я испугалась, что он сейчас опустится на передние лапы, в которых была зажата я. Однако дракон, проигнорировав площадку, поднялся к башне (я только теперь поняла, насколько она огромная) и, сложив крылья, влетел в окно.

Мы оказались в просторной каменной зале, но я не успела оглядеться, как дракон швырнул меня к стене. Я жестко приложилась лопатками, тазом и немного головой о камни. Зажмурившись, с тихим стоном потеряла рукой ушибленный затылок. Приходя в себя от удара, я не видела, что делает

дракон, только слышала его неровное рычание.

Меня обдало жаром, достаточно легким, однако. Я приоткрыла глаза, но успела увидеть уже только, как силуэт дракона стремительно уменьшается. Вместо огромного крылатого ящера передо мной оказался человек, упершийся в пол ладонями, со сложенными за спиной крыльями.

Он был невероятно высок, широк в плечах. И... совершенно не одет.

Мужчина поднял голову, откидывая с лица растрепанные черные волосы до плеч, и, сверкнув глазами цвета пламени, сделал рывок ко мне.

Вот теперь я заорала.

– Какого рожна?! – проревел дракон. Он казался мне просто огромным. Я чувствовала себя маленькой девочкой рядом с медведем.

– А-а-а! Не ешь меня! – отчаянно завопила я. Умирая от ужаса, шарахнулась назад, пытаясь не выпускать дракона из виду. Хотя клятая неловкость не давала мне следить за ним нормально и, пялясь ему в глаза, я вполне могла пропустить какую-то...

– Серьёзно?! – рявкнул он. – Я выгляжу голодным?!

Тогда я все-таки опустила взгляд.

– А-а-а-а-а! Лучше съешь меня! Пожалуйста, съешь! – я отчаянно забила ногами, вжимаясь в стену. – И-и-и-и-и!

– Да не ори ты, дура! – рявкнул он.

– Я хочу хранить честь для суженого-о! – в ужасе вопила

я, суча ногами.

– Беги! – проревел дракон, попав в краткий миг, когда я переводила дыхание.

– А? – непонимающе замерла я.

– Беги, дура! – гаркнул он, отворачиваясь. – Вон с глаз моих, а не то я передумаю и отделаю так, что на ноги не поднимешься!..

Я подорвалась и со всех ног бросилась прочь из зала.

Опомнилась я далеко не сразу. Бежала по какому-то темному коридору, босиком, неловко подхватив рукой край порезанной когтями простыни. Куда и сколько раз сворачивала, я помнила смутно.

Нервно оглядевшись и убедившись, что погони нет, я наконец сбавила шаг, судорожно переводя дыхание. Сердце бешено колотилось и прыгало в груди, его удары отдавались в горле и ушах. На глазах от страха выступили слезы.

Немного отдышавшись и отойдя от шока, я, наконец, осмотрелась как следует. Коридор был темным и широким, полностью сложенным из крупных плит почти черного камня, холодного и шершавого.

Я попыталась поудобнее перехватить простыню и только сейчас заметила багровые разводы крови на белой материи. В первый миг сердце пронзил ужас, но уже через пару мгновений разум взял верх, и я поняла, что это кровь из ран от драконовых когтей, и я вовсе не умираю.

Хоть и некстати, я с досадой подумала о том, как, должно

быть, жалко и глупо выглядела. Зареванная, в разодранной простыне поверх такой же разодранной сорочки, отчаянно бьющая ногами... Достоянная выпускница Соулской Мистической школы, тьфу.

В коридоре было темно, однако на стенах были закреплены незажженные факелы. Недалеко впереди чуть заметно высвечивался угол стены, обозначая поворот. Я направилась туда, дойдя до поворота, прижалась к стене и осторожно выглянула из-за угла.

Опасности не было. За поворотом обнаружилась чуть приоткрытая дверь в какую-то освещенную комнату. Я по стеночке подобралась к двери и с осторожностью заглянула в щелку. Это оказалась ванная комната, и она была совершенно пуста. Я шмыгнула внутрь и поспешно заперла дверь на засов.

Ванная была достаточно освещена, выглядела очень чистой и приличной. Там пахло хорошим мылом и травяными отварами. Обстановка казалась почти обыкновенной, что рвало мне шаблоны, потому как такая аккуратная комната никак не вязалась в моей голове с образом огромного чешуйчатого огнедышащего монстра. Все предметы были крупнее, чем обычные; я чувствовала себя так, словно вдруг уменьшилась примерно на четверть.

Осторожно ступая по камышовой циновке, я подошла к зеркалу. Взглянув на отражение, утвердилась в мысли, что выглядела очень жалко.

Развязав и сбросив несчастную изорванную простыню, я сняла пострадавшую не меньше нее сорочку, проку от которой теперь было мало. Пояс и часть штанов тоже оказались нещадно задеты когтями.

Все тело было в свежих синяках. Грудь и бока пересекали глубокие кровавые царапины, уходящие на спину. На левой стороне лица созвездиями распустились несколько сосудистых звездочек; одно маленькое кровоизлияние было даже в глазу.

Я обиженно фыркнула на свою нелегкую судьбу и преисполнилась жалости к себе.

Однако, поскольку проблем это не решало, а надеяться, кроме как на себя, было не на кого, пришлось отменить жаление и заняться делом. Стоило промыть раны, а по-хорошему, еще и чем-нибудь обработать. Но у меня при себе, понятное дело, ничего не было.

Подойдя к массивной ванне, я критически ее оглядела. Вот это номер: здесь есть даже водопровод!.. В обычных городах такое – редкость!

Я повернула рычаг, и ванну начала заполнять вода. Тепленькая. Превосходно!

Подняв глаза, я осмотрела содержимое стеллажа из темной (и, вероятно, весьма недешевой) древесины. Неплохо бы найти здесь что-то, что подошло бы для обработки ран...

Надо сказать, заполнен стеллаж был весьма недурно, даже аристократически. Тут обреталось и хорошее травяное мы-

ло, и несколько травяных и древесных отваров, и эфирные масла...

Изучив содержимое полоч, я выбрала один из отваров густо-зеленого цвета, открыла крышку и понюхала. Да, это именно им так здорово пахло... Думаю, должно подойти. Хуже-то всяко не будет.

Оглядевшись вокруг в поисках емкости, я нашла деревянный ковш. Он был несколько больше привычного, как и все здесь. Я набрала в него воды и добавила с четверть бутылочки отвара. По комнате тотчас разлился приятный запах трав. Осталась примерно половина пузырька (он и до меня был неполный). Подумав, я налила еще часть от оставшегося в ванну.

Стянув штаны, я аккуратно забралась в воду. Царапины от когтей, что были пониже и касались воды, тотчас едко защипало. Но я стиснула зубы и осторожно, но довольно быстро опустила в воду спиной.

Через какое-то время боль притупилась и стало возможным немного расслабиться. Тогда я достала мыло и промыла раны мыльной водой.

Что ж. Раз уж я была так подло похищена, могу позволить себе немного повести себя по-хозяйски.

Я окунула в воду волосы, немного расчесала пальцами (и вытащила из них засохший кусок озерной тины). Затем выключила воду, откинулась на борт ванны и устало прикрыла глаза.

Сумасшедший выдался денек...

***

Сколько точно прошло времени, неизвестно. Я валялась в ванной, пока вода не остыла, несмотря на толстые теплонепроницаемые стенки.

Я поднялась и, склонившись над ванной, обработала раны отваром. Потом вылезла на циновку, отжала волосы и стала ждать, пока обсохнет кожа. Тем же временем задумалась, во что же теперь одеться. Надевать грязную окровавленную разодранную одежду не было ни малейшего желания. Тем паче, закутываться в простыню, помимо прочего полежавшую на камнях пола и уже впитавшую их холод.

Я еще раз осмотрела комнату и теперь заметила шкаф у входа. В нем обнаружилось что-то типа халата, слишком большого и зачем-то с прорезями, начинающимися на спине в районе – предполагаемо – лопаток (для меня – поясницы) и идущими до самого низа. Кое-как подпоясавшись, я осторожно отодвинула засов и выглянула за дверь. Коридор в обе стороны был пуст.

Я вышла. Относительно ванной, коридор сразу показался холодным. В особенности неприятно и зябко было ступать по камням босыми ногами. Поежившись, я осторожно двинулась по коридору. Вскоре обнаружила еще одну дверь и с опаской заглянула внутрь. По всей видимости, это оказалось что-то вроде гардеробной, в которой было несколько платя-

ных шкафов.

Зайдя внутрь, я принялась исследовать вещи. Все-таки, ходить по "вражеской" территории в одном банном халате неудобно, причем во всех смыслах.

Одежда была мне колоссально велика. Значит, мне не показалось. Глаза у страха велики, но дракон и правда крупнее человека.

Я отыскала для себя что-то вроде рубахи, кажется даже, натурального шелка. На ее спине были такие же прорезы, как и у моего халата.

"Это же для крыльев!" – наконец поняла я.

Плечики рубахи у меня были чуть ниже середины плеча. Рукава свисали вниз от кончиков пальцев на добрых поллоктя. В длину она доходила мне почти до колен. Хоть как платье носи, если б не разрезы...

Со штанами было сложнее. Найти что-то хоть сколь-нибудь подходящее оказалось нереально. Тем не менее, я отыскала золотистые, расшитые зелеными нитями шаровары (ну, точнее, шароварами они были для меня), подпоясалась тесьмой и подвернула штанины.

Закатать же рукава оказалось непростым делом, потому что материя скользила, и они постоянно раскатывались. На одном из "халатов" я нашла брошь и заколола правый рукав. Второй броши, увы, нигде не обнаружилось. Поэтому правый рукав у меня был аккуратно подколот, а левый постоянно раскатывался.

Также в гардеробной мне посчастливилось найти обувь – какие-то остроносые туфельки-тапочки. Размер был не мой, сильно не мой, но, за неимением лучшего...

Выйдя из комнаты, я направилась дальше. Надо обследовать замок, возможно, найти выходы, пути для бегства...

Спустившись на этаж ниже и пройдясь по коридору, я натолкнулась на широкий вход в просторную залу, дальняя стена которой виднелась между обрамляющими проход арками. Выдавшись на полшага за арку, я окинула взглядом центр залы и только сейчас заметила сидящего за столом спиной ко мне дракона. И, ахнув, отпрянула.

Но незамеченной остаться не удалось. Залу огласил густой голос мужчины:

– Да не прячься ты. Проходи, садись.

Я несмело вышла из-за стены.

– А вы меня не тронете?

– Нет, я уже успокоился, – сухо ответил мужчина, отхлебывая из кружки.

Я неуверенно направилась к столу, на ходу закатывая расправившийся левый рукав.

Мужчина был причесан и хорошо одет. Свободное темно-фиолетовое одеяние с расшитыми манжетами и стоячим воротником, похожее по крою на те "халаты", что я уже видела, поблескивало вышивкой. Темные волосы были аккуратно собраны в хвост.

Его нынешний внешний вид остро контрастировал с тем,

что я видела в первые минуты по прибытии. Сейчас, когда лицо не искажала гримаса ярости, на вид ему можно было дать лет тридцать пять.

– Чай будешь?

Привстав на мысочки, я присела на высокий стул. Мужчина взял вторую кружку и налил чая из красивого заварочного чайничка.

– Ну, – недовольно проговорил он, поставив кружку передо мной. – Извольте объясниться.

Я потупилась, водя пальцем по торцу непривычно высокого стола.

– Эмм... Как бы сказать...

Дракон опустил на свой стул, недовольно глядя на меня.

– Я мистик... Меня наняли, чтобы... – я осеклась. "Чтобы приманить дракона на живца и убить". Так следовало ответить?!

Мне было, во-первых, страшно, что его это разгневает. Во-вторых... было неловко. Неловко перед разумным и явно цивилизованным существом.

Дракон представлялся мне чем-то вроде... животного. А сейчас... Сейчас я понимала, что это не так. Совсем не так.

– ...Чтобы поймать дракона, – как могла нейтрально проговорила я.

Мужчина скептически приподнял бровь.

– Поймать дракона, значит.

Я снова потупилась, ощутив укол стыда. Он спокойно мог

бы меня убить. И, пожалуй, я бы признала это справедливым. Ведь не это ли собирались сделать "драконоборцы", и я вместе с ними?.. Но я сидела теперь за его столом и пила чай. Мы разговаривали как два цивилизованных человека.

– Мне стоит уточнять, зачем? – холодно осведомился дракон, чуть передернув крыльями за спиной.

Я покачала головой.

– Хорошо. Допустим. Вы решили поймать дракона. И как тогда так вышло, что я забрал девушку в... простыне, певшую песню призыва?

– Ну... – поморщившись, начала я, – ну, мне сказали, что драконы похищают девиц... И в старину даже специально на откуп дев отдавали, чтобы драконы селения не жгли. Поэтому мы ловили... "на живца", так сказать.

– И как ты на такую дурь повелась? – с негодованием всплеснул руками дракон. – Я думал, что мистики должны быть умными людьми!

– Ой, таки что за стереотипы? – деланно возмутилась я.

Дракон едва заметно усмехнулся. В выражении лица его не было злобы. Скорее какая-то... мудрая строгость.

Я тоже улыбнулась, отхлебывая чай.

– Зовут-то тебя как? – беззлобно спросил мужчина.

– Дзета. Дзета Янше.

– Конхстамари Дх'Орр, – ответно представился дракон.

Руки он не протянул, хотя, если б протянул, я бы даже пожала.

– А теперь позволь кое-что прояснить тебе, Дзета – позор университета, – продолжил мужчина. – Та чудесная песенка, которую ты пела – не что иное, как ритуальная песнь призыва. Заклинание было создано в стародавние времена вашими же магами для определенных целей. Призыв базируется на физиологии, и в нем так заложено, что призывающий объект предназначен исключительно для чистой и непорочной плотской любви... И вот, приношу я исполнительницу в свой дом, а она, вместо того, чтобы упасть в мои жаркие объятия, начинает орать и отбиваться... А я, знаешь ли, сторонник традиционных отношений: то есть, исключительно по обоюдному согласию.

Я слушала это, закрыв залитое краской лицо кружкой. Как неловко...

– Так что же, получается, я... – пробубнила я в кружку.

– Ты совершила акт психологического насилия, – холодно проговорил мужчина, слегка качнув крыльями.

Так значит, это не дракон – ужасный похититель, а я – провокатор, подло использовавший физиологию для достижения своих целей? И каких, должно быть, усилий ему стоило не тронуть меня, а отправить куда подальше...

– Ох, должно быть, вам это было очень неприятно...

– Ну, после того, что сделала, ты, как честный человек, должна была бы выйти за меня замуж.

– Простите... господин дракон, – опустив голову, проговорила я. Ох уж эта моя замечательная способность запоми-

нать имена с первого раза...

– Конхстамари, – великодушно напомнил он.

Некоторое время мы сидели молча.

– Вы... Вы ведь вернете меня на континент? – наконец задала я, пожалуй, наиболее важный вопрос.

Дракон сделал глоток из кружки, взглянул на меня своими желтыми глазами и ледяным тоном проговорил:

– Нет.

Я почувствовала, как холодеет в груди. Но, стараясь не подавать виду, как можно более спокойным голосом спросила:

– Почему?

– Ничего личного, дитя. Просто это невозможно.

Я напряженно глядела на него. В голове уже поднялся вихрь пугающих мыслей, особенно про "как честный человек..."

– Невозможно *вернуть* кого-либо на континент, когда он *и так* на континенте, – вздохнув, продолжил дракон. – Вижу, с географией ты тоже не особо дружишь? Мы на мысе Жемчужная Скала, это часть материка.

– С географией я дружу нормально! – вскинулась я, тем не менее испытал небывалое облегчение. – То, что мыс Жемчужная Скала – часть материка, я знаю. Я не знала, что мы на этом мысе.

– А могла бы и знать. Вроде, мистики должны быть способны настолько чувствовать окружающий мир, чтобы осознать своё местоположение относительно Земли...

– Так же как мужчины такого сложения должны уметь отжиматься с мизинцев, – едко ответила я. – Можно, но тяжело.

Дракон хмыкнул и кивнул, соглашаясь.

– Ну, тогда... Вы вернете меня туда, откуда взяли?

– Зачем? – с усмешкой осведомился дракон. – Мы ж на континенте. Съедешь на попе по скале, а там и пешочком можно. Недели за две, небось, дотопаешь.

– Нет, ну!.. – возмутилась было я, но он проговорил:

– Так и быть уж, верну откуда взял. Но не сейчас. Я сегодня уже туда-обратно слетал. Да и стемнело уже, не успею до восхода назад: полночи лету в один конец. Не хочу привлекать лишнего внимания.

– Разве столько? – удивилась я. – Мне казалось, мы сюда часа за полтора долетели...

– Угу. А то, что я к тебе, пока ты пела, за несколько минут долетел, тебя не смущает? Одно дело, когда летишь на заклинание практически сквозь пространство и время, или когда тащишь добычу домой, и совсем другое – когда летишь просто так. А прорезание пространства, знаешь ли, уйму сил требует.

– Хм... – глубокомысленно изрекла я, в который раз закатывая злополучный левый рукав.

Мы снова замолчали на какое-то время.

– А зачем люди создали это заклинание? – неуверенно спросила я. – Неужели чтобы ловить драконов?

– Это его неправильное использование. Изначально оно применялось людьми, которые хотели стать наложниками.

– Ой да ладно! – недоверчиво проговорила я. – Такие были?!

– И немало, представь себе.

– Никогда бы не подумала.

– Что ж, девочка, придется устроить тебе ликбез по расовой психологии, драконологии и еще какой-нибудь чешуе, – протянул дракон. – Некоторые представители людей, как и других народов, охотно соглашаются быть наложницами или наложниками драконов, мы же, взамен, обеспечиваем им хорошую безбедную жизнь.

– Что, и *наложниками* тоже? – скривилась я.

– Драконы по природе своей пансексуальны, – просто ответил дракон. – Если объект нравится, раса и пол не имеют значения.

– И как же к этому относятся ваши женщины?

– Обычно мы стараемся общаться с ними по минимуму.

– Так-то вы, значит, к своим женщинам относитесь? – осуждающе протянула я. – А на другие расы заглядываетесь.

– Они у нас немного... отбитые, – со вздохом ответил дракон. – От такой вовремя не сбежишь – сожрет, и это не преувеличение. Поэтому мы не имеем постоянных отношений с нашим бета-полом и контактируем только со строго определенной целью. А для всего остального – наложники из других рас.

– И они соглашаются продать свою свободу за деньги?

– Многие хотят хорошей жизни. Но не всегда они просят денег. Некоторые девицы и парни мечтают быть обращенными. И даже предлагают за это доплатить...

Я непонимающе переспросила:

– Обращенными? Как это? Я читала только, что в некоторых неправдашных сказках вампиры могут обращать людей в себе подобных с помощью укуса...

– Дракон способен обратить человека в драконэлла, – ответил мужчина со вздохом старого учителя, замученного неосведомленностью нерадивых учеников. – Но это совсем другое. Делают так крайне редко, ибо много чести, слишком дорогого стоит... Мало что может предложить взамен человек.

– Разве драконы не падки на золото? – ухмыльнулась я.

– Золото? – хищно оскалился дракон. – Хочешь, я покажу тебе мою сокровищницу? Два нижних этажа замка, семьдесят четыре квадратных шены²? Так что не знаю, не знаю, сколько золота должен предложить человек... Если только себя в качестве наложника. Но такие случаи редки: это надо очень сильно потерять голову...

– И много у вас наложниц?

– Как правило, нет. Выбираем и обхаживаем тех, которые особенно понравились, – ответил дракон.

Я отхлебнула чай и взглянула в высокое окно; на темнею-

---

² Шена – мера длины, равная двум большим шагам. Чуть больше метра.

щем небосводе разгорались звезды.

– ...Это же, по сути, то же самое, что торговать собой... С той лишь разницей, что только для одного, – поморщилась я. – Но все равно – мерзость.

– Ну... а не то же самое ли выйти за богатого мужа ради денег? – хмыкнув, проговорил дракон.

– Ну, да... – протянула я. – Выйти замуж ради денег тоже к тому близко.

– Многие считают, что стать наложницей – весьма хороший вариант. И я, как потенциальный держатель гарема, не вижу тут ничего предосудительного.

– А как... – я замялась, – дети?

– А что дети?

– Ну... с ними нет проблем? Со здоровьем там? Гибриды, все-таки...

– Нет с ними проблем, – отрезал дракон. – Нет детей – нет проблем. Какие дети? У наших видов слишком сильные биологические различия!.. Девочка, ты вообще хоть что-то учила в этой вашей школе? За что тебе диплом-то дали?

– За красивые глаза! – с вызовом ответила я.

Дракон скептически взглянул на меня, выражением лица давая понять, что ставит под большое сомнение мое последнее заявление. Оскорбленная, я хотела было плеснуть в него из кружки, но чай был слишком вкусный и его было жалко. Поэтому я сняла с ноги тапочек и кинула в дракона. Тапочек легонько ударился о его плечо и упал вниз; дракон проводил

его взглядом, потом недовольно воззрился на меня и проговорил:

– Нет, ну вы посмотрите! Сидит в моем доме, в моей одежде у меня за столом, пьет мой чай, да еще и кидается в меня моей же туплей! До чего нахальная девчонка!

– Я еще и голодна! – храбрясь, нагло воскликнула я. – У вас же есть что-нибудь к чаю?

Дракон вскинул брови, покачал головой, после чего бросил, хлопнув крыльями:

– Наглость – второе счастье... Ладно уж, сейчас принесу что-нибудь.

Он вернулся с подносом фруктов и поставил его посередине стола.

– Да уж, – протянул дракон, когда я с интересом принялась разглядывать содержимое подноса.

Я обернулась и запоздало поняла, что он смотрит сквозь прорези рубашки на царапины.

– Ну уж извиняй, сама нарвалась, – проговорил он, отходя.

***

На ночь дракон выделил мне комнату на третьем этаже замка. Его же комната была этажом выше. Я отключилась почти сразу, как только коснулась подушки.

Утром я проснулась, когда солнце уже поднялось достаточно высоко. Я привела себя в порядок, вышла из комнаты

и прошла в ту самую залу, где мы разговаривали вчера.

Дракон, по всей видимости, встал уже давно.

– Доброе утро, – проговорил он и приглашающе указал на стол крылом.

– Доброе, – ответила я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы усесться на высокий стул.

Дракон поставил передо мной блюдо, на котором лежал неизвестный мне фрукт и пара кусочков обжаренного на огне хлеба.

– Скажите... – проговорила я. – А вы... едите людей?

– Нет, – ответил он, присаживаясь за стол. – Зачем, если с людьми можно делать куда более интересные вещи. А что, человечинки захотелось?

– Нет... Просто интересно, – сказала я.

– Тот, кто поедает разумных существ, постепенно сам теряет разум. Есть поверье, что именно из-за этого русалки так плохо кончили...

Да, слыхала. Говорят, раньше у них были целые цивилизации, но потом что-то пошло не так. Они одичали, и теперь это твари, охотящиеся на людей и подлежащие уничтожению при обнаружении... В нашем, мистичьем ведении.

– А вы один здесь живете? – поинтересовалась я, поправляя неумный левый рукав.

– Угу, – ответил дракон. – Хочешь составить компанию?

– Нет, упаси меня Небо. Хотя жилище, признаться, уютное...

День я провела в замке. Дракон разрешил мне "гулять где вздумается", мотивировав это тем, что я все равно не умней кошки. Только попросил не бросаться из окон и не вылезать на скалу.

На закате мы вышли к той самой широкой площадке перед замком, которую я заметила, когда мы прилетели сюда.

Скала была красива. Загадочные белые россыпи ближе к подножью на фоне темных камней завораживали взгляд. Я подошла поближе к краю, чтобы рассмотреть ближайшие россыпи... и оторопела. Темный камень скалы покрывали... человеческие черепа.

– Что это? – ошарашенно проговорила я, вздрогнув и отступив.

– А-а, это то, почему скалу испокон веков зовут Жемчужной, – просто ответил дракон, сняв, тем временем, халат и оставшись в легких панталонах до колен. – Дурье лазало, лазает и будет лазать... Честно говоря, даже не знаю, что с ними делать: уже и подножье огородил, и табличку повесил: "Опасно!!! Отвесные скалы!!!" – нет, стабильно одного или двух недоумков в год погонит собственная дурь "грязное гнездо твари летающей" штурмовать... И хорошо обычно это не кончается.

– Жаль... – проговорила я, помолчав.

– Жаль. Но я считаю, пусть это и покажется жестоким, что "кто к нам с дурью придет – тот по дури и погибнет"... А теперь отойди к замку, – продолжил он после недолгого молчания, – чтобы я не задел тебя крылом и ты не пополнила эту жемчужную россыпь.

Когда я отошла, мужчина опустил плечи, опершись на пальцы, расправил крылья и сменил "человеческую" форму на драконью. Я заворожено смотрела, как, окутавшись легким огненным маревом, его силуэт изменился, вытянулся, увеличился, и вот уже передо мной на скале стоял дракон вместо человека.

“Ого!..” – только и смогла выдохнуть я.

Дракон выпрямился, расправил огромные крылья, пару

раз взмахнул, разминая их, после чего повернулся ко мне и кивнул. Я приблизилась, и он подставил крыло, сплошь покрытое мелкой, жесткой, словно бронзовой, чешуей, вдоль костей становившейся более крупной, подобной перьям. Я сделала несколько неуверенных шагов по крылу, после чего дракон поднял его, и я съехала ему на спину, уперевшись ногами в гребень.

– А вот теперь держись, девочка, – прорычал дракон.

Он вновь расправил огромные крылья. Я покрепче ухватилась за драконий гребень. Дракон постоял немного и, наконец, поймав ветер, сильно толкнулся от скалы...

В этот момент я познала всю прелесть полета. Ветер разметал волосы, каждый взмах крыльев делал ближе небо, и я ощущала такой восторг, подобного которому не чувствовала никогда прежде.

Мы летели над морем. Оглядевшись, я увидела узкий берег континента и то, как соединяется с ним Жемчужная Скала.

С час мы летели высоко над водой, оставляя слева далекий непрерывный берег. Потом дракон поднялся выше и полетел над материком.

Он летел очень быстро; ветер с боков свистел, я чувствовала, как драконьи крылья рассекают воздух. Я же от воздушного потока каким-то чудом была защищена. Дышалось спокойно, волосы ветер будто бы ласкал... Не иначе магия.

Слегка охладев к полету, я перевернулась на спину, разглядывая глубокое звездное небо. Оно притягивало взгляд и будто бы манило.

Немного полежав, я обратилась к дракону:

– Скажите... Кхст... Канст...

– Конхстамари, – отозвался дракон.

– Конхстамари... – проговорила я, пытаюсь физически запомнить, как это произносится. – Дх'Орр? А можно я буду звать вас Кондор?

– Можно. И можно уже на "ты".

– Кондор... Помнишь, ты говорил вчера про обращение? Я никогда не слышала об этом раньше. Что это такое?

– А что, уже подумываешь? – осведомился он.

– Нет, исключительно праздный интерес! – искренне уверила я.

– Многие мечтают быть обращенными, потому что это

дает кое-какие преимущества. Повышается выносливость и жизнестойкость относительно обычных людей, появляются некоторые возможности к трансформации, хоть и не полноценно... Но сам обряд очень сложен и... и очень дорого стоит обращающему.

– Как это?

– Один обряд – сто лет жизни.

– Ого... – оторопело протянула я, приподнявшись.

– Но это не совсем верная, упрощенная формулировка.

Правильнее сказать "количество жизненной энергии, эквивалентное ста годам жизни". И, если себя хорошо вести, ее потом даже можно восстановить... Однако первое время дракон очень уязвим и даже не может принять драконью форму.

– Ничего себе, – проговорила я. – И неужели кто-то так делает?

– Кто-то делает... Это их дело, у всех свои мотивы.

Я снова опустилась на спину. Вверху плыли высокие облака, волосы шевелил ветер. Лежать на спине дракона, на его ходящих ходуном лопатках, было странно и не то чтобы удобно.

– Знаешь, Кондор... – приподнявшись, проговорила я. – Ты невероятно добр.

– Знаю, – нахально ответил он. Я усмехнулась.

– Жалко будет, если мы больше не увидимся... Мне кажется, мы могли бы быть хорошими друзьями.

– Весьма сомнительно... – протянул дракон. – Не знаю, насколько возможно дружить с объектом своего сексуального интереса. Вот наложницей я бы тебя взял, хоть ты и жульничала, используя заклинание. Но, если я правильно оценил твой характер и убеждения, ты не согласишься.

– Ни за что на свете, – подтвердила я.

Мы летели еще долго. Потом дракон немного снизился и спросил:

– Ну и где тебя "высадить"? На том же холме, с которого забрал?

– Да... Хотя, нет, – ответила я. – Там "ловчий лагерь". Вдруг эти придурки починили баллисты... Лучше в лесу сесть.

– Да-а, мне в лесу, конечно, с моим размахом крыльев, удобно садиться... Там вон приземлюсь, до лагеря своего пешком дойдешь.

Дракон опустился на большую поляну посреди леса, к западу от города. Он вытянул и наклонил к земле крыло. Я стала съезжать вниз по гладкой чешуе, но почти в самом конце запнулась и еле удержалась на ногах, вынужденно пробежав пару лишних шагов.

– А ты точно мистик? – скептически поинтересовался дракон.

– Мистик, мистик, – огрызнулась я. – Была б не мистик, вообще б навернулась!

Дракон с сомнением приподнял брови. Я в очередной раз

закатала уже порядком взбесивший меня левый рукав.

– Одежду с тебя требовать назад не стану. А то словно у нищего последнюю рубаху отбираю...

Я обиженно фыркнула:

– А я б и не отдала! Это взамен моей, которую ты уничтожил!

– Да уж, взамен твоей простыни, – бросил дракон, закатив желтые глаза.

Я рассмеялась.

– Ладно, не буду задерживаться, – сказал Кондор. – Надеюсь, впредь ты будешь умнее.

– До свидания, Кондор, – проговорила я. – Спасибо тебе!

Дракон шумно выдохнул, расправил крылья и взмыл в воздух, обдав меня резким порывом ветра. Я проводила его взглядом, закатала левый рукав и направилась к холму, требовать справедливости от "доблестных драконоборцев".

Выражения их лиц было не описать, когда на рассвете я появилась у палаток "ловчего лагеря" и нахально заявила:

– Ну так что, господа?! Дракон таки прилетел. Гоните мне мои 60 серебряных!

Они с перепугу сложились и заплатили, напрочь забыв о том, что а) мы договаривались на 40, б) задаток в 20 серебряных мне отдали заранее.

Дым без огня

Когда я въезжала в Йетнир, солнце уже перевалило зенит, все ниже и ниже опускающийся день ото дня. Лето близилось к концу.

Йетнир представлял из себя обыкновенный небольшой городок, который не далее как полвека назад был еще селом. Провести в нем я намеревалась не больше недели – взять пару-тройку заказов, после чего перебраться в Красную Дамбу – этот город крупнее и работы там и в его окрестностях побольше. Или еще куда-нибудь.

Как и многие, я была странствующим магом, постоянно переезжала с места на место в поисках работы.

Въезд в город был свободный – ворота, простые, деревянные, были открыты. Вероятно, стража дежурила при них только ночью, и то, думаю, путников пускали.

Я проехала по главной городской улице верхом на хорошей черной лошадке, некоторое время назад доставшейся мне в уплату от хозяина конюшни в одном из предыдущих поселений. Лошадь смотрелась достойно. Я даже немного пожалела, что не напялила мантию – вид бы был очень эффектный...

Перво-наперво в городе следовало найти жилье. Хотя, здесь, по моим предположениям, с этим сложностей возникнуть не должно – городок небольшой. Даже несмотря на то,

что здесь сегодня праздник начала сбора урожая хлеба.

Первые одну-две ночи в городе я, как правило, проводила на постоялом дворе, потом искала какую-нибудь комнату в наем у местных. Я присмотрела один постоялый двор, но решила сразу не останавливаться, а еще прогуляться по городу. Доехала до центра. На одной из боковых улочек заметила книжную лавочку и решила в нее заглянуть.

Хозяином был приветливый полноватый дедушка, он весело поздоровался со мной, спросил, не ищущ ли я чего. Как оказалось, в лавке продавались не только книги, но и какие-то амулеты (не боевые, разумеется, так, народу от сглаза), украшения и еще кое-что по мелочи.

Я ответила, что заглянула просто так, и принялась рассматривать амулеты.

Звякнули колокольчики над дверью, и в лавочку заскочила девушка.

– Здравствуй, Дин! Есть струны для гитары?

Я обернулась и взглянула на вошедшую. Волосы длинные, золотистые, малость в рыжину, собраны в хвост. Одетая в обыкновенную одежду, в которой мог бы ходить путешественник или бард. Но есть что-то такое в ее осанке, движениях...

– Да, Люсиль, – ответил хозяин с улыбкой. – Сейчас достану.

Когда он полез за струнами, она тоже обернулась и окинула взглядом меня.

– Вот, держи, – лавочник положил на стол маленькую коробку.

– Спасибо, Дин, – ответила девушка, бросила на стол монетку и вышла.

Лишь закрылась за ней дверь, я подошла к хозяину и заинтересовалась:

– Простите, эта девушка... она, случайно, не мистик?

Украдкой взглянув в окно, я увидела, как девица с интересом посмотрела на мою лошадь.

– Точно так, госпожа, – ответил лавочник.

"Так и знала", – торжествующе подумала я.

И уже хотела, поблагодарив старика, повернуть к выходу, как он произнес:

– Какая у вас необычная брошь... Позвольте, я посмотрю? – и вопросительно взглянув на меня.

Мне было совершенно не жалко, но я хотела догнать девушку. Я бросила взгляд на окно, отметив, в какую сторону она пошла, и надеясь, что она не уйдет далеко.

– Не беспокойтесь, я недолго, – успокаивающе сказал лавочник, прижав бровью линзу и приблизив лицо к броши. – Уникальная вещица... Золото. Невероятной чистоты!.. Много лет такого не видел.

– О-о... – растерянно проговорила я.

– А камень... тоже высшего качества, – он выпрямился, и убрав лупу, добродушно сказал. – Благодарю Вас, госпожа! Давно не доводилось видеть столь изысканных украшений...

Если вдруг решите продавать – дешевле пятидесяти золотых не отдавайте.

Я ошарашенно присвистнула, поначалу даже не находя слов.

– Вы так хорошо разбираетесь в драгоценностях?

– Я был ювелиром раньше, – с улыбкой вздохнул он.

– Однако, – я огляделась, – не увидела здесь ничего такого.

– Что Вы, госпожа, – отмахнулся он со смехом. – Еще не хватало, чтобы убили. Владеть сокровищем – дело небезопасное... Это магу можно подобное носить и не бояться!

Он подмигнул мне и почтительно поклонился. Улыбнувшись, я попрощалась, выскочила на улицу, торопливо отвязала лошадь и поспешила за девушкой. Она, услышав цокот копыт, обернулась.

– Приветствую, коллега, – окликнула ее я.

– Приветствую! – охотно отозвалась она. – Значит, недаром мне показалось, что вы не простая приезжая. Это очень кстати, я как раз уезжаю через пару-тройку дней.

– А куда направляетесь, если не секрет?

– В Красную дамбу, – ответила она.

– Вот как, значит? Идете на опережение? – шуточно возмутилась я. – А мне потом в Красной Дамбе обьедки за вами собирать?

– Право, госпожа, – проговорила девушка. – Вам и здесь за мной обьедки собирать придется!

Мы расхохотались.

– Дзета.

– Люсиль.

– На "ты"? – предложила я.

– На "ты", – легко согласилась она.

– Училась в Соулу?

Люсиль кивнула. На вид девица была одного со мной возраста. Но, если училась в СоулМиШ – явно не с моего выпуска, иначе бы я ее знала. Думаю, плюс-минус год...

– Год назад закончила, – тем временем добавила она.

– О-о, ну, понятно, – усмехнулась я. – Я два.

Право, спустя два года после окончания школы встретить кого-то младше тебя – это редкость.

– Ой! Так ты пятитысячная? – полувопросительно и радостно уточнила Люсиль.

– Да-а, – протянула я со значением и гордостью. Словно родиться ровно в пятитысячном году было моим персональным достижением. Девушка кивнула. – А зачем тебе струны, если не секрет? – поинтересовалась я.

– Я играю сегодня на празднике, в трактире "Большая кружка".

– Весьма интересная деятельность для профессионального мистика, – ухмыльнулась я.

– Завидуйте молча, барышня, – с усмешкой ответила Люсиль. – А ты, кстати? На чем-нибудь играешь?

– Ну-у-у... – протянула я. – Я пару раз трогала струны...

и, пожалуй, могу весьма похоже спародировать один аккорд.
Люсиль рассмеялась.

– Но зато я довольно неплохо пою, – поспешила добавить я.

– А вот это хорошо. Не хочешь сходить к нам на праздник? Подпеть?

Я вспомнила о том, что мне нужно найти жилье, и взглянула на ведомую под уздцы лошадь, выбирая между возможностью отдохнуть с дороги и пойти попеть в трактир.

– Мне бы комнату снять и лошадку пристроить, – проговорила я, задумчиво теребя повод. – А во сколько у вас праздник? И где это?

– Да сейчас струны перетяну, и начнем... Как раз успеешь. Трактир "Большая кружка", это вот по той улице, – она показала рукой.

– Хм... Что ж, ладно, – сказала я, разворачиваясь назад. – Думаю, приду.

– Тогда увидимся, – ответила Люсиль и свернула в указанную сторону.

Я поехала снимать комнату в присмотренном постоялом дворе. Чутье и опыт меня не обманули – с жильем действительно не возникло сложностей. Отдав лошадь на попечение конюха, я закинула вещи в комнату и отправилась искать трактир. "Большая кружка" оказалась достаточно популярным местом, первый же человек, которого я спросила, охотно показал мне дорогу. Из окон трактира слышались гитар-

ные переборы – видимо, Люсиль уже потихоньку начинала играть.

– Доброго вечера! – бросила я, заходя.

– О, а вот и еще одна певица, – радостно воскликнула Люсиль, махнув мне рукой, и указала на место за столиком рядом с ней.

Народ почтительно расступился, пропуская меня.

– Ренли, яблочного чая, пожалуйста! – крикнула Люсиль хозяйину. – И две кружки! – она повернулась ко мне. – Я правильно понимаю, ты не будешь вино?

– Толку-то? – усмехнулась я.

Основной момент в мистицизме заключается во взаимодействии с телом и подсознанием.

Если начать издалека, в распоряжении мага имеются две главные действующие силы: разум (концентрация внимания, посыл и всякое в этом духе) и физическое тело (чувствительность, очень высокий уровень владения телом в бою, раскрытие его скрытых умений, ресурсов и энергии).

Высокого уровня владения телом мистики достигают, в основной тенденции, не за счет долгих и упорных тренировок для наработки навыка нового движения, а за счет раскрытия потенциала физического тела, той силы и ловкости, на которое оно способно.

Для этого взаимодействуют с "сознанием физического тела" – подсознанием, *Теневой Сущностью*. Теневая сущность при управлении телом использует его скрытые от обывателя

возможности ловкости, скорости, силы, точности движений, задействует неочевидные ресурсы жизненной энергии.

Благодаря ей мистиков сложно застать врасплох, опасно ранить, а если ранение и произошло, она обеспечит спазм сосудов для остановки или хотя бы уменьшения кровотечения, скорейшее заживление за счет усиленной регенерации. Мистик может пережить гораздо более сильную кровопотерю, чем простой смертный – за счет оптимизации Теневой сущностью давления и функций органов.

Мистиков почти невозможно травить – Теневая сущность реагирует на малейшее биохимическое изменение в организме и вызывает защитные реакции: скорейшее выведение, переработка токсина или выработка противоядия к нему, выключение яда из обмена веществ. Нас не берут смертельные яды отложенного действия, не успевают взять и моментальные.

Алкоголь Теневая сущность большинства магов воспринимает как яд и отказывается включать в обмен веществ. Нет, ничего плохого от этого не происходит. Мы попросту не пьянем.

Трактирщик принес нам на подносе небольшой котелок, от которого поднимался густой ароматный пар, а также пару кружек. Поставил поднос на стол и, ловко подхватив котелок перчаткой, налил нам чай.

– Благодарю, Ренли, – кивнула ему Люсиль и осторожно попробовала, не слишком ли горячо.

Я тоже благодарственно кивнула и сделала маленький глоток дымящегося сладковатого напитка со вкусом свежих яблок и пряным запахом корицы.

Люсиль тем временем уже взялась за гитару и несколько раз провела пальцами по струнам.

– Ну-с, господа, что желаете услышать?

– А давай "Распутницу Дуняшу"! – весело крикнул кто-то.

– Ну-у не-е-ет! – протянула она, картинно запрокинув голову. – Эту бурду я петь не хочу!

– Не гоните, госпожа! Шикарная песенка! – со смехом выкрикнули из толпы.

– Эту вашу "Дуняшу" петь можно только сильно по пьяни, когда мозг выключился, а горло подрать хочется! А вы ж знаете, мы, мистики, всегда как стеклышко... Вот и представьте, каково нам это слушать, не то что петь! Пожалели б немножко, – с хохотом проговорила Люсиль.

– А может, "Трактирщика", – робко бросил кто-то.

– О, "Трактирщика", "Трактирщика", – пробежал шепот по рядам.

– Эй! Я вам сыграю "Трактирщика"! – прокричал хозяин от стойки.

– Хе-хе-хе, "Трактирщика", говорите, – Люсиль отхлебнула из кружки и, посмеиваясь, провела по струнам. Потом начала наигрывать веселый мотивчик и запела:

– *Жил да был недалекий трактирщик Джо
И был он выпить не дурак,*

Когда придут к нему друзья,
И даже без друзей.
Радушно он гостей встречал,
И в этот раз не оплошал -
Светильник самый яркий взял,
Чтоб было веселей.

Веселья было хоть куда,
Вино лилось, как в дождь вода,
Сам Джони песни танцевал
И танцы голосил.

Трактирщик наш, должна сказать,
Любил руками помахать
И самый яркий и большой

Светильник уронил, – и гитарным боем на веселый залихватский мотив продолжила.

– Загорелась крыша,
Загорелся пол...

– А ну, молчать! – рявкнул трактирщик, подскочив к нам и стукнув кулаком по столу. – Совсем вы, что ли?!

Люсиль, опустив гитару, бессовестно расхохоталась. Народ в трактире покатывался со смеху.

– Ну полно тебе, Ренли! Это ж просто шуточная песенка!.. – примирительно проговорила она, все еще посмеиваясь.

– Да леший вас, ведьм, знает! – возмущенно продолжил

он. – Я суеверный!

– Вот именно, что "сue-". От слова "суета". Это значит, веришь во всякую чушь! – весело заявила Люсиль. – Говорят, кто верит в суеверия, кланяется перед Сцеррой, а не перед Андалом!

Ренли замялся, не зная, что возразить на такой довод. Я с ехидной усмешкой взглянула на девицу, и та ответила таким же взглядом.

Мистики не религиозны. Мы не очень-то втягиваемся в храмовнические темы. Андал, Сцерра – для нас лишь вымышленные образы...

Нет, мы знаем, что есть высшие силы, судьба, различные духи, стихийные и местные – от великих сил природы до маленьких духов ручейков и деревьев – относимся к ним с уважением, обращаемся за покровительством и благодарим. Но звать их какими-то вымышленными именами... Зачем?

Мы ощущаем все эти силы и знаем, как к ним подойти. Нам не нужны религиозные обряды.

Ну а простые люди больше слышат храмовников, чем собственное сердце, и верят в важность вымышленных образов и действий...

Так и не найдя достойного возражения, Ренли зашел с более весомой карты.

– В конце концов, я оплачиваю ваш концерт, значит, я и репертуар выбираю! Еще хоть одно слово из этой проклятой песни прозвучит в стенах моего трактира – всех выгоню! –

пригрозил он и, отвернувшись, направился к стойке.

– Ох, посмотрела бы я, как ты в одиночку будешь выгонять из трактира двух мистиков и толпу народу, – посмеиваясь, проговорила Люсиль.

Трактирщик лишь недовольно фыркнул.

– Ну что ж, давайте тогда вот эту сыграем... Дзета, подпевай, – сказала девушка и начала:

*– По своей тропе ступаешь ты один,
Никого не ищешь, никого не ждешь.
Сам себе товарищ ты и господин,
Автономию и волю не продать за грош.
Ты свободен и легок, словно ветер полей...
Но в два голоса песня веселей.*

*В одиночку можно путь пройти быстреей
И маршрут, как хочется тебе, менять.
Там, где хочешь ты, устраивать ночлег
И ни с кем не ссорясь, путь свой продолжать.
Да, в дорогу отправляться одному быстреей,
Но в два голоса песня веселей.*

*И тебе в этой жизни всегда легко,
Никому не надо объяснять ничего,
Сам себе товарищ, сам себе судья –
Это ни на что не променяю я.
Хоть свобода мне моя всего ценней,*

Но в два голоса песня веселей!

*Каждому из нас – идти дорогой своей,
Жизнь свою писать, как песню, лишь своей рукой.*

*Может даже ты на свете всех сильнее,
И твой голос громок словно волчий вой,
Слышен песни твой мотив из-за морей...*

Но в два голоса песня веселей!

Так подпой же сегодня этой песне моей,

Ведь в два голоса песня веселе-е-егей! – весело крикнула

она. Я же строчку тянула, и получилось довольно красиво.

Не то чтобы я знала слова. Но я словно вошла в какой-то резонанс с песней, да и самой Люсиль: я ощущала, какое слово она сейчас произнесет, куда через секунду пойдет музыка...

Я даже сама удивлялась тому, как уверенно пою песни, которые едва слышала.

– А здорово! – весело бросила Люсиль, допивая свой чай из кружки.

– Даже очень, – я кивнула. – Я не слышала этой песни раньше. Ты ее написала?

– Ну, я, – Люси кокетливо-смущенно опустила глаза.

Я усмехнулась:

– Прямо про нас, охотников!

– Есть такое, – девушка с улыбкой качнула головой.

Мы, мистики, и правда, по сути, одиночки. Условия на-

шей жизни это предопределяют. Да и профессия обязывает.

– Ну предлагайте! – тем временем весело крикнула Люсиль. – Что еще сыграть?

– Дуняшу! – почти единогласно прогремела толпа.

– Не дождетесь! – гаркнула девица, черпнув кружкой прямо из котелка.

Народ загоготал, потом потребовал какую-то другую песню, которая устраивала Люсиль больше.

Я, последовав примеру коллеги, тоже зачерпнула чай кружкой и сделала глоток промочить горло.

Люсиль же, прежде чем начать играть, пригладила ладонью непослушные волосы, выбивающиеся из хвоста и липнущие к плечам и шее. Они уже порядком ее замучили.

Доиграв песню, девушка поставила гитару, придерживая ее ногами, и принялась перевязывать хвост. Собрала и пригладила пятерней волосы, сняла шнурок и заново его перетянула. Когда она завязывала второй узел, шнурок приказал долго жить и порвался на две неравные части. Причем, так, что обе половинки были коротковаты для утягивания хвоста. Люсиль цокнула языком:

– Вот ведь!..

– Ой, слушай... – я торопливо полезла в карман куртки. – У меня есть шикарная палочка для волос! Новая, не бывшая в употреблении. Могу дать, даже насовсем.

– Давай, – кивнула девушка. – Сколько она стоила?

– Без понятия, – с усмешкой развела я руками. – Она мне

бесплатно досталась.

Люсиль посмеялась, затем спросила:

– А ты?

– А что я? – я демонстративно потрянула шевелюрой. – Эта палка длинней моих волос, куда мне ее?

Девушка хохотнула и принялась собирать свои пряди.

А я, хмыкнув, покрутила в пальцах тоненькую зубочистку... И скрутила в маленький пучок верхнюю половину своих волос, без затылка – те все равно слишком коротки. Потом всадила зубочистку в собранный пучок, закрепляя.

– Вот, мой размерчик, – со смехом сказала я. – Очень глупо выглядит?

– Нет, даже вполне нормально, – ответила Люсиль, подхватывая гитару. – Ну что ж, продолжим! Песню урожая знаешь?

– Нет! – бодро ответила я. – Но подпевать буду!

Люсиль звонко рассмеялась. Потом прошлась по струнам перебором и запела. К ее голосу присоединись с десяток голосов местных, и я решила, что, даже если я сфальшивлю, уже никто не заметит, поэтому можно смело подвывать песне по меньшей мере на припеве.

Перед вторым припевом Люсиль замедлила музыку, призывая петь всех, кто хоть немного его знает. К третьему разу запели почти все, а четвертый припев тянули уже хором всем трактиром. Чтобы больше расшевелить народ, Люсиль сыграла припев еще и в пятый раз, хотя, кажется, в песне он

был не предусмотрен. Но это пришлось всем по вкусу.

Допели; народ с радостным смехом похлопал себе и певиче. Люсиль сделала пару глотков чая и проговорила:

– Давайте теперь вашу, городскую!

"Вашу городскую" я не знала совершенно, но сделала ставку на то, что подобные песни обычно сочиняются не особо сложными, чтобы можно было подхватить, да и припев, в конце концов, повторяться будет. Песня действительно оказалась довольно легкой, да, вдобавок, помимо припева, в ней повторялась еще большая часть куплета.

Доиграв, Люсиль повернулась ко мне и поинтересовалась:

– А какие песни ты знаешь?

Я припомнила одну песенку, которая нравилась мне в школе. Люсиль попросила ее напеть и быстро подобрала, как это играется. На этот раз солировала я, а менестрель подпевала повторяющиеся строки и припев. Песня пришлась народу по вкусу. Впрочем, у меня были подозрения, что народу нравится все, что можно погорланить.

После этого мы спели еще, наверное, песен двадцать. Выбирали по очереди: песню я, песню она. Если она не знала, она просила меня напеть и на ходу подбирала аккорды. Потом у нас закончились песни, которые можно было петь на память.

– Фу-ух, – выдохнула Люсиль, прихлебывая вино. Чай у нас тоже давно закончился. – Ну, я больше не помню...

– А спроси народ, может они еще чего-нибудь предложат.

– Ой, у них в голове, кроме "Дуняши" больше ничего нет! – с усмешкой бросила девушка; потом, чуть помолчав, повернулась ко мне. – Может ты, Зет, знаешь еще какие-нибудь песни? – и посмотрела так, умоляюще...

Я неопределенно качнула головой. Нет, знать-то я знала. Минимум, одну песню. Но вот только исполнять ее явно не стоило.

За окном уже совсем стемнело. Народ в трактире гулял вовсю, и, видимо, не собирался закругляться.

– Пойду я, наверное, – проговорила я.

– Давай. Ты вообще с дороги... Спасибо, что пришла! – ответила Люси. – А я сыграю последнюю, – она усмехнулась, – "Дуняшу", так уж и быть... Не останешься на одну песню? – шутливо осведомилась девица.

– Не, – качнула головой я. Особого желания слушать "Распутницу" и так не было, а уж оставаться ради нее – тем паче. – Не люблю ее.

– Пфф, дак и я не люблю! – со смехом воскликнула Люсиль. – Но что поделать, долг менестреля зовет!..

Я рассмеялась и, поднявшись, прощально махнула рукой:

– Ладно, счастливо!

Люсиль помахала мне в ответ.

– А теперь, – громко объявила она, вскочив на лавку. – Советую заткнуть уши всем, кто считает себя хоть сколь-нибудь культурным человеком, ибо сейчас прозвучит песня, которую не принято исполнять в приличном обществе! "Ра-а-ас-

путница Дуняша"!

Народ радостно зашумел.

Я вышла из душного трактира на свежий ночной воздух, вдыхая его аромат и прохладу. Из окон слышались гитарные переборы, а порой ухо ловило и шуточные пошловатые строки:

*– У распутницы Дуняши грудь с два пушечных ядра,
И глазищи на полрожи, и румянец на щеках,
На башке ее пригожей вот такенная коса,
Во всем городе прекраснее красотки не сыскать.*

Темное небо над городом чуть заметно алело на севере...

*– Эх, Дуняша, синие глаза,
Как же мне тебя да охмури-и-ить...*

С той стороны, все больше сгущаясь, поднимался сизый дым. И уже чувствовалось, как нарастает, расползается и готовится раскатиться по всему городу суматоха.

*– То не в сказочке сказать, ни словами рассказать
Как же сильно я хочу тебя обня...*

– За городом пожар! – закричала я, влетев в трактир.

***

Люсиль выскочила из трактира следом за мной, и мы, не договариваясь, бросились в сторону огня.

Есть такое негласное правило: если маг видит, что происходит какое-то бедствие, и он может помочь – он должен помочь. Это дело чести.

Мы с Люсиль добежали до окраины. Было дымно и жарко.

– Да что ж такое, четвертого дня стога вспыхнули, насилу потушили, а сегодня вот луг... – раздосадованно проговорил кто-то.

Похоже, загорелась оставленная на подсушку трава скошенного луга с дальнего от города конца, а с него огонь перекинулся на ближайшие деревья редколесья. Однако вглубь леска огонь не шел – сильный ветер гнал пламя в направлении города, подхватывая и бросая клочки тлеющего сена в его сторону.

Кошенный луг открывал пламени путь. Убранного поля огонь не трогал: там гореть было практически нечему, лишь тлели срезанные соломинки, испуская легкие струйки дыма.

Порыв ветра бросил в нас дымом и пеплом; в этот же момент от перелетевшего горящего клочка травы начала заниматься крыша ближайшего сарая. На короткую секунду от жара, дыма и не очень хороших воспоминаний у меня даже закружилась голова.

...В восемь лет я внезапно обнаружила у себя магические способности. Совершенно случайно научилась делать огоньки на руках. Потрясенная своим радостным открытием, я бросилась показывать сие чудо родителям. Но на бегу споткнулась и полетела на землю. А брызги огня, в свою очередь, полетели куда попало: на стог, соломенную крышу нашего сарая и крышу соседского дома...

Беды тогда, конечно, не случилось. Сарай и соседскую

крышу потушили, распотрошив кровлю и скинув вниз всю солому. Стог сгорел, да и леший с ним, а дальше не пошло. Соседи перестали с нами общаться... В общем, все путём.

Но, главное, я запомнила, что делают в подобных ситуациях.

Не теряя времени, я кинулась к сараю.

– Девчуль, ты куда? – живо попытался остановить меня, преградив путь, стоящий рядом мужик. – С ума, что ли, сбрендила?

– С дороги! Я маг! – для убедительности пришлось коротко и несильно ударить его под дых.

Мужик чуть согнулся, я поднырнула под его рукой и прыгнула. Уцепившись за край крыши, подтянулась и влезла наверх.

Конечно, наверняка многие знали и непременно додумались бы, что делать, но я была быстрее. Едва оказавшись на крыше, я пинком скинула самый большой горящий клочок, а затем и всё остальное, что успело задымиться.

Еще пара человек взобрались на сарай и принялись поливать солому водой.

Выдохнув, я выпрямилась, глядя вперед, на пожар. Ветер все еще дул в сторону города. Того и гляди, еще искр накидает...

На ближайšie дома тоже начали плескать воду. Я прикинула, что тут люди и сами справятся, и спрыгнула с крыши.

Надо бы ослабить огонь... Только вот, одной магией все,

скорее всего, не потушить.

Я начала было оглядываться в поисках кого-нибудь поглавнее, но тут ко мне сам подбежал, видимо, староста.

– Что прикажете делать, госпожа? – осведомился он. Признаться, сбил с толку. Я не была уверена, что достаточно умна и опытна, чтобы давать такие советы.

– Ну-у... – начала я несмело. – Думаю... можно немного ослабить огонь... мне. И, наверное, можно будет тушить.

Староста с готовностью кивнул.

– Пусть люди встанут в цепочку и подают ведра, – уже увереннее продолжила я, – а я пока пойду туда.

Мужчина снова кивнул и принялся раздавать указания своим. Мне оставалось только направиться к огню. Туда уже двинулась Люсиль, опережая меня шагов на пять. Она чуть притормозила, давая возможность ее нагнать.

– Считаешь, что недостаточно опасно? – осведомилась я у девушки.

– Разве это не работа для мага, госпожа мистик? – с наигранной самоуверенностью проговорила она.

– Вот именно, для мага, госпожа бард! – иронично ответила я. Та лишь усмехнулась.

Понятия “мистик” и “маг” часто употребляются как синонимы, хотя не являются ими в полной мере. Мистик всегда маг, но вот маг – не всегда мистик. Маг – это любой обладатель дара, а мистик – уже обученный специалист.

Мы с Люсиль приблизились к огню, находясь шагах в де-

сяти друг от друга.

Я прикрыла глаза, ощущая кромку пламени невдалеке. Это стихия, притом, весьма своенравная. С ней надо быть осторожной...

Я замерла, налаживая мысленный контакт с огнем.

"Сюда нельзя!"

– выдала я посыл строго. Ответом на него была волна затухающего возмущения.

Огонь чуть дрогнул и приостановился. Пламя на кромке пожара несколько ослабло.

Я продолжила концентрироваться на затухании огня, мысленно отправляя ему соответствующий посыл. Простояла так минут пять.

Конечно, потушить подобным образом такой пожар почти нереально. Но вскоре подоспели горожане с ведрами. Я смахнула пот со лба и чуть отступила. Огляделась, обнаружила Люсиль, что тоже отошла, и направилась к ней.

Мы молча наблюдали за тушением. Теперь все было спокойно; единственное, я подумывала о том, не нужно ли пойти дотушить со стороны леса, али и само утихнет.

Как вдруг...

Мы с Люсиль повернули головы одновременно. Со стороны леса, почти неслышный для нас за шумом ветра, потрескиванием огня и перекрикиваниями тушащих, и, готова поспорить, совершенно неслышный для простых людей, раздался детский плач.

– Твою мать, – с чувством сказала я. – Думаешь, из леса? Люсиль напряженно вглядывалась в дымовую завесу.

– Да, походу...

Выбора не оставалось. Надо идти. Мы свернули на убранное поле и бросились к лесу. Чтобы не терять времени, я вошла в транс и задействовала Теневую сущность.

Транс в мистицизме – это не какое-то оцепенение, будто ты завис и выпал из реальности. Это, напротив, максимально собранное боевое состояние, в котором ты как бы частично передаешь контроль над телом своему подсознанию – "сознанию" самого физического тела, которое, вообще-то, значительно мудрее и сильнее, чем думает о нем голова. И потому в трансе тело способно на значительно большее, чем в обычном состоянии, будничным ум не сковывает его. Однако, разум направляет и определяет использование магии, ее концентрационно-волевою составляющую. Транс – это классическое боевое состояние мистика.

Ну, имеется в виду его обычная форма. Есть еще патологическая, но это совсем другая история³.

Долетев до края поля, я остановилась перед редкими деревцами, прислушиваясь. Сначала могла уловить только звуки шагов Люсиль по тлеющей соломе, но вскоре дитя вновь подало голос. Плач послышался откуда-то справа.

"Ага", – кивнула я себе и бросилась на звук, внимательно прислушиваясь, чтобы определить местонахождение ребен-

---

³ И в рамках этого произведения рассматриваться не будет.

ка. Голос становился все ближе и отчетливее.

– Не бойся, солнце! – пропела я на бегу. – Выходи, никто тебя не обидит!..

Плач, доносящийся от куста шиповника, стих. В ветках зашуршало, очевидно, ребенок начал выбираться из укрытия. Я подбежала к кусту в тот самый момент, когда из-под опущенных боковых ветвей вынырнула девочка.

И лес тотчас прорезал визг, от которого зазвенело в ушах. Девочка отпрянула и, не прекращая орать, повалилась на куст. Ветки попытались ее задержать, однако она, вместо того, чтобы подняться, принялась разгребать их руками и исчезла в гуще побегов.

– Что за?.. – непонимающе оглянулась я на подбежавшую Люсиль.

– Ох... – выдохнула она. – Ты...

Секунду назад Люсиль выглядела так, как обычно выглядит мистик в бою: с горящими голубоватыми искрами глазами и оскаленными, даже чуть заострившимися клыками, как правило, в почти звериной позе для броска... Подобное часто пугало обывателей, ставших случайными свидетелями боя.

Я запоздало осознала, что выглядела так же.

– Ох, демонятина! – прошипела я, торопливо выходя из транса и придавая себе нормальный вид.

Да уж... Находить общий язык с детьми у меня и так-то не очень получалось. А теперь это будет еще сложнее!

Я приблизилась к кусту, опустила на колени и аккуратно раздвинула ветки, заглядывая вглубь, между колючих стволиков шиповника.

– Ох, дитя...

Ответом мне стала очередная порция истошного визга и судорожный шорох веток.

– Чтоб тебе! – прорычала я, пытаюсь залезть дальше в куст и поймать бестолкового отчаянно прячущегося ребенка. – Сгореть здесь заживо хочешь?!

Попыталась схватить девчонку за попавшую в поле зрения ногу, но та, в ответ на мое движение к ней, рванулась назад, протиснувшись меж побегов, и меня хлестнуло по лицу оттянутой веткой.

– Ах ты ж, зараза! – рывкнула я, отпрынув. Потерла оцарапанную щеку и попыталась вновь нырнуть в куст. – Да куда ж тебя несет, бестолочь!

– Дзета, стой! – крикнула Люсиль, останавливая меня за плечо. – Ну что ты делаешь! Ты же ее только сильнее пугаешь!

– Она не вылезает! – пояснила я раздраженно.

– Дай, я попробую, – примирительно проговорила девушка, отстраняя меня. – Иди ко мне, малыш! Не бойся... – пропела она мягко, обходя куст и присаживаясь на корточки рядом с ним.

Фыркнув, я поднялась и принялась отряхивать штаны от травы и пепла.

– Иди сюда, давай... Это же ребенок, Дзета. Нельзя так жестко.

– Да дракон ее... – по привычке ругнулась было я, но осеклась. В свете событий не столь давних ругаться драконом виделось несколько странным. – Ребенок какой-то слишком бестолковый!

– Она испугалась!

– Чего она там, чтоб ей, сейчас испугалась?! – с негодованием воскликнула я.

– Она просто увидела твое страшное лицо! – не задумываясь, брякнула Люсиль, заглядывая под куст.

Тотчас на миг воцарилось молчание.

– Это было грубо, Люсиль, – проговорила я, подавив, тем не менее, импульсивное желание захохотать.

– Ох... Я не это имела в виду! – осознав всю прелесть сказанного, прыснула та.

– Не надо ничего говорить, – картинным жестом остановила ее я. – Ты уже все сказала!

– Ну, ну... Иди ко мне, зайка, – пропела Люсиль, возвращаясь к зыванию к девочке. – Я тебе помогу... Вылезай, не бойся! Пойдем к маме.

Девочка, подкупленная бархатным добрым голосом, наконец вылезла из-под куста и бросилась в объятия девушки. Сомкнув ручки вокруг ее шеи, малышка предприняла попытку оглядеться, но, увидав меня, испуганно пискнула и спрятала лицо на груди Люси.

– А я, между прочим, тоже тебя спасаю, – фыркнула я, без серьезной обиды, разумеется. – И... и ты мне тоже не нравишься.

Люсиль рассмеялась и начала что-то тихо растолковывать девочке. Видимо, что страшная магичка тоже хорошая и ее не надо бояться.

Я тем временем поглядела на огонь. Хоть основное направление продвижения огня и было к городу, понизу он, тем не менее, подступал к нам, медленно и неуверенно. Ветер в редколесье, особенно ближе к земле, был слабый. Может, затухло бы само, а может и нет.

Да, все-таки не зря мы сюда пришли.

– Люсиль, отведи девочку в город, а я останусь тут и остановлю огонь, чтобы не пошел в лес.

– Справишься тут одна? – уточнила она.

– Справлюсь, тут делать нечего.

Девушка кивнула и, выйдя на поле, поспешила к городу.

Я же принялась колдовать на огонь. Затушила границу, истратив на это около пятнадцати минут и почти всю оставшуюся магическую энергию, убедилась, что больше ничего не представляет угрозы, и решила, что можно с чистой совестью возвращаться.

Выйдя на поле, я поспешила к городу. Невдалеке слева оставался луг. Я быстро шагала по полю, вглядываясь в огоньки в окнах города, думая, что все закончилось...

Как вдруг при очередном шаге земля под ногой хрустнула и провалилась, осыпавшись в выгоревшую полость. Я едва успела податься назад и отдернуть ногу. Подошва, чуть подпалившись снаружи, задымилась.

Ой-ой... А вот это уже плохо.

По горячей земле я отступила назад, судорожно пытаюсь придумать, что делать... Осмотрела поле – там и тут от зем-

ли поднимались тонкие струйки и облачка дыма. А это означало, что под землей горит.

Видать, не дотушили тогда стога, и огонь ушел под почву...

Куда деваться, я не представляла. Впереди путь преграждала прогоревшая земля. По моим прикидкам, перепрыгнуть яму было, конечно, можно, но вот гарантию, что приземлюсь я на твердую почву, а не ухну в такую же выгоревшую полость, никто дать не мог.

Я осторожно попробовала шагнуть влево, в сторону луга – к ближайшему выходу с поля. Но там земля тоже горела, и идти было слишком опасно.

Двигаться можно было в противоположном направлении – в сторону середины поля. А вот углубляться в горящее поле как раз очень не хотелось. Неизвестно, можно ли там пройти... В голове пульсировала отчаянная мысль, что огонь загоняет меня в ловушку, специально ведя вглубь поля, к очагу...

Это было страшно.

Я судорожно перебирала в голове, что можно сделать. Магической энергии у меня сейчас на один плевок. Прыгать опасно. Единственным возможным, и то, весьма ненадежным вариантом оставалось пойти на свой страх и риск вглубь поля, надеясь, что там земля не прогорела.

А что, если?..

Новая мысль озарила сознание подобно внезапно вспых-

нувшему в затухающем костре языку пламени.

Я ведь спела сегодня не все, что знала. Быть может, сама судьба советует мне исполнить еще одну песню...

Сознание возвращалось к этой мысли снова и снова. С каждой секундой раздумий вариант спеть песню и призвать на помощь дракона казался мне все более удачным.

Однако я помнила слова Кондора о том, что делать так не очень хорошо... Насколько правильно сейчас воспользоваться этим способом?

В конце концов, ситуация действительно серьезная... Что я могу сделать кроме этого? Переть вглубь горящего поля на свой страх и риск?

Нет, вариант спеть определенно нравился мне больше. Думаю, он все поймет и простит мне это...

Я вздохнула, набирая воздух, и тотчас закашлялась – дым попал в горло. Да уж, оставаться здесь становится все опаснее.

Осторожно отступив еще на шаг, я мысленно прокрутила в голове первый куплет, вдохнула и запела, несмело, словно пробуя на вкус слова:

– На высокой скале берегов океана

Черно-красным цветком отцветает закат.

Омывает вода камня старые раны,

Словно горная твердь его память крепка...

Допев песню до конца, я огляделась, осматривая небо.

С пару минут ничего не происходило. Я крутила головой

во все стороны, надеясь увидеть появление Кондора. И на этот раз мне удалось.

Силуэт дракона словно сошел из облаков. Он стремительно приблизился со стороны леса и спикировал, снеся крылом пару макушек ближайших горящих деревьев, рассыпав щепу и брызги пламени, на скорости пролетел те шестьдесят шагов над полем, на которые я успела отбежать от леса, и, не тормозя, рывком схватил меня в лапы. И тотчас начал подниматься, круто разворачиваясь над лесом.

– П-привет, Кондор... – неловко попыталась заговорить

я. Он не ответил. Только чуть сильнее сжал когти.

Надеялась, хоть на спину посадит...

"Кажется, он раздражен", – с досадой отметила я. Может быть, все-таки не стоило так делать?..

Впрочем, возможно, он просто такой под действием заклинания?.. Надеюсь, он ничего мне не сделает и отпустит, как в тот раз...

Я вздохнула, покрепче ухватываясь за сжимающие меня когти. Внизу, в темноте мелькали, сменяя друг друга, разные пейзажи, однако смотреть вниз сейчас, в таком подвешенном положении, не очень хотелось.

Полет, как показалось, занял меньше времени, чем тогда – навскидку около часа. Но ожидание прибытия все равно было долгим. Наконец, подняв голову, я увидела впереди чернеющую на фоне неба скалу, на вершине которой угадывались очертания замка.

Дракон подлетел к зданию. Но почему-то проигнорировал и взлетную площадку, и то огромное окно.

Он взмыл над замком, чуть выше самой высокой башни, на секунду завис и... разжал когти.

Оторопь первого мгновения сменилась ужасом. Я с криком полетела вниз, прямо на шпиль. Пролетев мимо острия, столкнулась с его коническим скатом, скользя по нему, не в силах зацепиться за слишком гладкую и крутую крышу.

Ноги соскользнули с края крыши и почувствовали пустоту под собой. Почти слетев со шпиля, я умудрилась руками

уцепиться за край, до ломоты стиснув пальцы, и удержаться над пропастью.

Панический крик мой эхом отразился от скал.

333

333

333

333

333

333

333

333

333

333

333

Дракон приземлился на крышу соседней, чуть менее высокой башни.

– Скажи на милость, с чего ты решила, что так можно?! – громовым раскатом грянул над замком его голос.

Я болталась над пропастью, судорожно впившись в край карниза. Пальцы сводило от напряжения и боли.

– Кх... Кст... Кондор! – жалостливо завопила я. – Я...

– Мое имя Конхстамари!

Я дотянулась ногой до каменной стены башни и попыталась упереться в малюсенький выступ неровного камня.

– ...я не думала...

– Это видно! – гневно проревел дракон. – Ты все знала, но сделала это вновь!

– Я... Кх... Кондор, право... мне жаль!.. Но я действительно нуждалась в помощи!..

– Не нуждалась! И по какому праву ты решила, что можно таким варварским способом требовать ее от меня!

Нога соскользнула с уступчика, и я, едва не сорвавшись, с криком вновь закачалась над пропастью.

– А-а-а! А если я сорвусь и разобью себе голову?

– О-о, ничего страшного, – цинично прорычал дракон. – Человечество не много потеряет... К тому же, даже не факт, что это тебя убьет: жила же ты как-то все это время без мозгов!

Я подтянулась на руках, уперевшись в край подбородком, и даже закинула на карниз одну ногу. Но толку в этом не бы-

ло никакого, ибо зацепиться на крыше было совершенно не за что, и влезть дальше я просто не могла... Удержаться подбородком не удалось, и пришлось снова повиснуть на руках.

– Кондор! – взвыла я. – Ради всего святого, сними меня отсюда!

Руки дрожали; под ногтями сведенных пальцев пульсировала тугая боль. Ноги безуспешно скользили по стене, не находя достойной опоры. Я понимала, что долго так не продержусь...

– Прости меня... Кх... Кондор! – отчаянно закричала я. – Я виновата! Прости!

– За то, что ты сделала, – прогремел дракон, – ты не заслуживаешь прощения!

Въедливая боль в пальцах нарастала с каждым ударом сердца. Не отпускать руки! Не отпускать руки! Только не отпускать...

Руки, изможденные напряжением, скользнули, потеряв край крыши. За спиной открылась смертоносная пропасть. Склоны потонули в моем истошном крике.

Дракон сорвался с крыши и, нагнав меня в полете, подхватил когтистыми лапами. Вверх он не полетел, лишь выровнялся почти параллельно земле и пошел на круг над замком.

"Сейчас взлетит вверх и снова бросит на шпиль", – лихорадочно подумала я.

Однако дракон, обогнув замок, приблизился к пролому стены в нижнем ярусе и швырнул меня в дыру, заставив

жестко прокатиться по полу.

– Ты заслуживаешь наказания! – проревел он грозно, рухнув на скалу рядом.

Пролом с грохотом закрыла массивная каменная плита, от удара сбившая часть уцелевшей внешней стены. Неровный верхний ее край с каменным скрежетом забурился под потолок и, видимо, наглухо там застрял. Осталась только маленькая щель сверху – от середины до левого угла.

Небесный свет из нее освещал скупое убранство помещения. Голые каменные стены, тяжелая наглухо запертая дверь с маленьким заделанным решеткой окошком, обломки внешней стены и грубой каменной мебели... Темница.

Из-за плиты послышалось отдаляющееся хлопанье драконьих крыльев, после чего все стихло.

Было прохладно и безмолвно; лишь изредка далекий звук капель оглашал мрачные своды темницы. По всей видимости, здесь уже давно не было ни души. Я поежилась и обхватила колени.

Да уж. Я определенно зря это сделала...

На грубом и холодном каменном полу было неудобно. Я уселась на пятки, но рельефные камни больно давили на косточки ног. Высидев от силы минут пять, я поднялась и прошлась по камере.

Темница оказалась добротной, ничего не скажешь. Ни одной лазейки. Наибольшие надежды подавала щель между потолком и плитой, но даже в самом широком месте в нее про-

лезла бы лишь моя коленка.

Убедившись в бессмысленности поисков, я, вздохнув, осмотрела остатки темничной "мебели". И с разочарованием удостоверилась, что к использованию сие непригодно.

Я устало вышла на середину комнаты, сняла куртку и, зябко поежившись, постелила ее на пол. Улеглась на нее, попытавшись максимально уместиться между острыми углами камней, так чтобы они не слишком больно давили на ребра, через щель глядя в ночное звездное небо.

Несмотря на все неудобства, усталость начала брать свое, и я, свернувшись калачиком, задремала.

***

– Дзета! – послышался голос Кондора из-за двери.

Я тотчас встрепелась и поднялась.

– Кондор! – спешно отозвалась я, походя потягивая затекшую гудящую спину. – П-послушай... Мне очень жаль! Я... Прости! Я знаю, мне не стоило так делать!..

– Отойди от двери, – со вздохом сказал он, оборвав меня, – и голову прикрой. Сейчас камни полетят.

Я не знала точно, сколько времени провела здесь. По ощущениям, не очень много, часа два. Небо все еще было темным.

Кондор погромыхал в замочной скважине сначала одним ключом, затем другим. Потом с силой ударил в дверь, видимо, плечом.

Брызнули каменные крошки. Дверь выдалась из косяка, однако не открылась. Последовал второй удар. Петли, очевидно, некогда сделанные из добротного металла, но не меньше столетия выносящие удары судьбы в виде едкого морского воздуха, рассыпались; от косяка полетела новая порция мелких камней, и дверь, тяжело скрипя по полу, выползла из проема, открыв неширокий проход.

Кондор, в человеческой форме, с аккуратно собранными волосами, заглянул в образовавшийся проход и головой дал знак выходить.

Я выбралась из темницы, перешагивая камни.

– Пойдем, – дракон снова качнул головой и повел меня по коридору.

В руках у него горел факел; освещения в темнице не было. Похоже, в ней действительно уже много лет никто не сидел.

– Из-за тебя пришлось темницу расконсервировать... – с тенью осуждения проговорил Кондор, подтверждая мою догадку.

Я шла за ним, стараясь не споткнуться о камни грубо сложенного пола, разминая рукой шею.

– Конх... Конхстамари, ты... ты не сердишься на меня? – спросила я несмело.

Кондор вздохнул и проговорил:

– Дзета, сердиться на тебя – все равно что на маленького бестолкового зверька...

– Вот спасибо! – фыркнула я.

– Пожалуйста, – ответил он, проигнорировав мой сарказм.

– А зачем тебе в замке темница? – поинтересовалась я немного погодя.

– Несколько веков назад наличие темницы в замке было необходимостью, – философски ответил дракон.

– Кондор... А сколько тебе лет?

– Побольше, чем тебе. Полторы тысячи с лишком. Точнее тебе незачем.

Мы поднялись по длинной лестнице, и я вспомнила, насколько это тяжело – ходить по драконьим лестницам – когда ступенька раза эдак в полтора больше, чем ты привык...

Наконец мы вышли в очень просторный освещенный коридор. Вообще, как казалось, весь замок был сконструирован так, что дракон внутри мог свободно перемещаться как в драконьей, так и в человеческой форме.

Кондор провел меня к парадной лестнице, по которой мы поднялись на два этажа и оказались в той самой зале, в которой пили чай в прошлый раз.

– Ну, проходи, – проговорил он, картинно взмахнув рукой. – Дорогим гостем будешь.

Посреди залы лежали какие-то необычные обрывки ткани. Это показалось мне странным, потому что Кондор, как я могла видеть, очень аккуратен. Я подошла ближе, рассматривая тряпки, блестящие, красивые...

– Я хотел, чтобы ты это увидела, – проговорил Конхстари холодно.

Ткань была хорошей, дорогой; походила на обрывки от какой-то одежды...

– Когда некто поет призывающее заклинание, – ледяным тоном продолжил он, – дракон против своей воли принимает истинную форму и вынужден тотчас лететь на зов. Хочет он того или нет. Чем бы он не был занят...

Обрывки одежды лежали на полу, как свидетельство того, что я застала Кондора врасплох...

– ...Успел только кольца поснимать.

– Кольца? – непонимающе переспросила я, невольно

взглянув на его руки. Пара колец на правой и одно на левой.

– Кольца не трансформируются. А играть в игру «Что крепче: кольцо или кости пальцев?» нет никакого желания...

Я пристыженно опустила взгляд.

– Извини, Кондор, – проговорила я виновато. – Я... я действительно не знала об этом...

– Я уже сказал, что не сержусь на тебя. Однако надеюсь, – сказал он строго, – что впредь ты сорок раз подумаешь, прежде чем выкинуть подобное.

Он кивнул мне на стул, а сам подошел к камину и бросил тряпки в огонь.

– Я так и делала, – чуть осмелев, попыталась отшутиться я. – Но все сорок раз я приходила к выводу, что оно того стоит...

Дракон хмыкнул, приподняв бровь.

– Но согласна, я заслужила тех двух часов, что я провела в темнице, – шутливо добавила я, усаживаясь поудобнее на высоком стуле.

– Я запер тебя в темнице для твоего же блага – чтобы не причинить тебе вреда, – скептически проговорил Кондор, придвинув ко мне чашку с травяным чаем.

– О, уверена, – протянула я, – ты бы мне не навредил.

– Знаешь, даже я не был в себе так уверен, – хмыкнул дракон. – Потому и запер тебя там.

– Ой, зря ты так. Надо верить в себя! – ответила я с хохмой.

– Я и забыл, какая ты нахалка, – проговорил Кондор, откидываясь на спинку стула.

– Еще какая!

– Дзета, не испытывай мое терпение, – с беззлобным возмущением ответил дракон. – Я ведь мог бы поступить с тобой так, как и положено поступать с призывающим...

– Нет! Шутишь? Я бы тогда умерла! – воскликнула я с нервным смешком.

– От психологических травм не умирают.

– А что насчет физических?

– О-о-о, – протянул дракон, – ты даже не представляешь себе, насколько широки пределы выносливости человеческого тела...

– О-о-ох! Давай не будем развивать тему! – закричала я, заливаясь краской.

– Ты сама ее подняла! – с наигранным возмущением фыркнул дракон, но разговор великодушно продолжать не стал.

Я отхлебнула чай и вытащила грушу с подноса. Все это время дракон внимательно на меня смотрел.

– А серьга у тебя одна или вторую потеряла? – спросил он наконец.

– Серьга у меня от природы одна.

– От природы одна, – фыркнул дракон. – Родилась прямо с ней, да?

Я не сочла вопрос достойным ответа. Ну, еще у меня к

этому моменту был набит рот.

– Это зубочистка? – после небольшой паузы спросил дракон, вглядываясь в мои волосы.

– А что такого? – почти что поперхнувшись, с вызовом ответила я. – Люди с короткими волосами тоже хотят ходить с деревянной палочкой в причёске!

Кондор философски пожал плечами и сделал глоток чая.

– Не мне тебя судить.

– Знаешь, Кондор, – проговорила я после недолгого молчания, – в какой-то момент я боялась, что за мной прилетел другой дракон... Могло так случиться?

– Уже нет, – ответил мужчина; я с интересом взглянула в его золотисто-медные глаза. – С заклинанием получается такая картина: в первый раз – ну, если его применяют неоднократно, – в голосе Кондора отчетливо прозвучало осуждение, – оно срывает на ближайшего. При этом формируется своего рода энергетическая связь, и впоследствии заклинание срывает уже только на него.

Я задумчиво кивнула. Кондор допил чай и поставил кружку на стол.

– Посиди здесь, – сказал он, поднявшись. – Я кое-что принесу.

"Надеюсь, печеньки", – подумала я.

Дракон вернулся, когда я почти догрызла грушу. В его руках был маленький деревянный сундучок.

– Поскольку я сомневаюсь, что ты угомонишься, я хотел

бы дать тебе одну вещь, – он положил на стол передо мной золотой браслет со странным орнаментом. – Если вдруг, – он нарочно очень выразительно протянул это "вдруг", – ты решишь, что хочешь стать наложницей, просто сдвинь верхнее кольцо относительно нижнего до щелчка, совместив соответствующие элементы рисунка, браслет активируется, и я получу сигнал, что ты меня зовешь.

– Я не захочу стать наложницей, – нахально ухмыльнувшись, отрезала я.

– В таком случае, я дарю это тебе просто, по-дружески, без какого-либо подтекста, – хмыкнув, с улыбкой ответил Кондор.

У браслета была какая-то хитрая застежка. Я подала правую руку, и Конхстамари защелкнул украшение на ней. Я с довольным видом оглядела браслет, его замысловатый рисунок...

– Ой! – встрепенулась я. – Кондор, совсем забыла!.. У меня осталась брошь золотая, которой я закалывала рукав. Я не специально, и я не знала, что она дорогая... В общем, она у меня, да.

– Да, я знаю, я заметил.

– Небо, надеюсь, она не потерялась... – я принялась было осматривать куртку, но вспомнила, что перед походом в трактир сняла брошь и спрятала в сумке. – Ох, нет... Она осталась в моих вещах там...

– Не переживай, я знаю о том, что она у тебя. Дракон все-

гда знает, где его золото.

– Ладно, – вздохнула я. – Быть может, когда-нибудь я ее не забуду...

В кружке оставался последний глоток душистого травяного чая. Допив, я еще раз осмотрела залу. Вдоль ближайшей к окну стены стояло несколько больших пучков травы.

– Что это? – поинтересовалась я, кивнув на них.

– А, это, – хмыкнул Конхстамари. – Это лекарственные травы с гор на острове Севани. Я, видишь ли, собирался вчера отнести их в город, аптекарю. Но этому помешала одна нахальная особа, заставив меня все бросить и лететь к ней...

Я, цокнув языком, закатила глаза.

– Так что, – продолжил дракон, – я полечу с ними уже сегодня.

– А что за город?

– Долмир. Смешанный. Дракониий и человеческий, – ответил Кондор и взглянул на меня. – Хотела бы туда?

Задумавшись на секунду, я кивнула.

– Ну, что ж. Могу взять тебя с собой.

Я улыбнулась и спросила:

– А есть еще чай?

– Чай есть. Кипятка нет. Надо идти к колодцу вниз, а потом ждать, пока вскипит... Может, вина?

– А ты знал, что мистики не пьянеют? – проговорила я.

– Большинство. Знал, конечно. Но не всегда вино пьют, чтобы опьянеть; иногда – ради хорошего вкуса.

– Да... наверное... – неуверенно проговорила я. У меня вдруг начали зарождаться сомнения. Насколько это все... нормально?

Кондор вышел. Я запоздало задумалась. Лететь в драконий город... На самом деле, я очень бы хотела. Но... Не слишком ли это? Нормально ли то, что он меня туда позвал?

Дракон вернулся с темной стеклянной бутылкой необычной формы и поставил ее на стол.

Он проговорил, что это такое-то хорошее вино, какой-то там выдержки, но я не сакцентировала внимание.

Мне было как-то не по себе... Я думала о том, что это, все-таки, очень рискованно – пить вино в... не то чтобы совсем, но все же малознакомом месте. Тем более, из незапечатанной емкости.

И... Я, мельком поглядывая, все не выбрасывала из головы браслет. Это же наверняка такое же нереально дорогое драконье золото, из которого была сделана и брошь.

Нет, браслет мне правда нравился, но... Почему-то у меня появилось ощущение... что меня покупают.

Конхстамари налил вино в изящный золотой кубок. Я, натянуто улыбнувшись, поблагодарила.

Меня более всего беспокоила мысль, не подмешано ли туда чего... Что тут может быть? Сонное или приворотное зелье? Наиболее вероятно. Даже не удивлюсь.

Я постаралась ненавязчиво принюхаться, сделав вид, будто просто вдыхаю аромат вина. Но... ничего не почувство-

вала. Что-то без запаха. Скверно.

Кондор, вроде как, не глядя на меня, сделал глоток из своего кубка. Но мне упорно казалось, что таким образом он пытается усыпить мою бдительность и убедить меня, что все нормально...

Пока он не смотрел, я чуть склонила голову (большого было не надо – на высоком столе кубок был и так почти на уровне моего лица) и быстро пригубила вино, смочив губы и язык. На вкус я тоже ничего подозрительного не почувствовала... Хотя мне упорно казалось, что должна.

Все это мне очень не нравилось. Надо держать ухо востро. А лучше – рвать отсюда когти...

– Почему ты не пьешь? – взглянув на меня, проговорил дракон.

"А ты следишь за мной, да?!" – мысленно возмутилась я, стараясь, тем не менее, внешне не выдать себя.

Точно что-то не так! Иначе он не следил бы за мной так пристально. Ну, раз так, значит, к черту манеры!

Я резко поднялась со стула. Он был высок и тяжел, и у меня не получилось, вставая, отодвинуть его назад, что, конечно, испортило впечатление.

– Дзета? – вопросительно взглянул на меня дракон.

Я развернулась на каблуках и молча вышла из залы.

Так вот, для чего это все надо! И подарки, и приглашение, и это вино... Я же знаю, чего ты хочешь! Заполучить меня в наложницы!

Он сам говорил об этом!.. Он вообще сам все сказал!

"Дракон всегда знает, где его золото"... Так, значит? Вот для чего это? Вот зачем тебе браслет на моей руке?!

Глупая, купилась на блестяшку!

Я судорожно пыталась придумать, куда бежать. Лучше всего – прочь из замка. Вот только, как я уже имела возможность наблюдать в прошлый свой визит, все выходы из замка выводят на скалу.

А с нее еще надо спуститься. А черепа весьма красноречиво свидетельствуют о том, что скала коварна. Конечно, если Конхстамари мне не соврал об их происхождении!..

Впрочем, для мистика спуститься по скале, думаю, весьма реально.

Как говорил Кондор, "съедешь на попе по скале, а там и пешочком можно, недели за две, небось, дотопаешь"? Вот и чудно.

Я пригляделась к скале через окно. Да уж, сейчас спускаться слишком рискованно. В ночной мгле черные камни скалы сливались в единый темный силуэт, не видно было ни уступчиков, ни трещин... А лезть на ощупь – слишком уж экстремально.

Я досадливо поморщилась. Утра все-таки дожждаться придется. Что ж. Значит, надо запереться где-нибудь и с утра сбежать.

Я кинулась к лестнице и спустилась на этаж, где была комната, в которой я ночевала в прошлый раз. Она была надеж-

на, и там было достаточно мебели, чтобы защитить вход.

Зашла в комнату, заперла дверь и подставила к ручке стул, наклонив его так, чтобы при попытке открыть ее снаружи, он упирался ножками в пол и препятствовал.

Утром я сбегу отсюда! И чертов браслет-наручник не поможет тебе меня найти. А брошь потом в канаве утоплю, и ищи меня сколько влезет!

Опустившись на кровать, я попыталась снять браслет, однако тот притворился цельным кольцом и наотрез отказался открываться.

Я принялась оглядывать застежку, пытаюсь найти способ открыть. Смутно помнила, что что-то должно щелкнуть. Но ничего не щелкало. Я пыталась и повернуть, и разомкнуть, и раздвинуть...

Проклятый браслет!

Похоже, эту заразу невозможно снять самостоятельно!.. А может, его и вовсе не предусматривается снимать? Защелкнул, и с концами?! Птичка в клетке!

Но я все равно придумаю, как от него избавиться!

Утром. Утром я найду способ его снять. Утро вечера мудренее.

Надо будет – с рукой отгрызу...

***

Браслет снимался очень просто: нужно было всего лишь

поддеть ногтем небольшую застёжку, чтобы потом расширить его в месте крепления.

...И вино было обычным вином. Ничего в него не было подмешано. Я бы заметила.

Дура. Психованная дура с завышенным самомнением. Далась я ему. Не-умница, не-красавица, не-мастерица.

Вела себя как идиотка. Впрочем, я такая и есть...

Я поднялась с постели и, взглянув на приставленный к двери стул, сокрушенно поморщилась.

Ах-х, и как я могла думать? Конхстамари – верх тактичности и терпения. Ничего он не имел в виду, просто вел себя вежливо.

Спешно одевшись, я вышла из комнаты и направилась в залу, надеясь встретить там Конхстамари. Однако та оказалась пуста.

Только на столе стояла ваза с фруктами и лежала записка следующего содержания:

"Я отправился в город отнести травы.

Кружки на второй полке в шкафу слева. Котелок у камина, вода должна быть горячей. Если хочешь, завари себе чай. Из сладостей можешь брать все, что найдешь.

Когда я прилечу, я смогу вернуть тебя домой. Пожалуйста, не пытайся вылезти через окно, это опасно.

Конхстамари."

Я почувствовала прилив едкой жалости... Он так тактичен и вежлив! Он не пытался меня обмануть, с чего я вдруг

так подумала? Это я вот уже второй раз варварски врываюсь в его жизнь. А он меня терпит и жалеет.

Я бросила в кружку несколько листьев мяты и зачерпнула кипяток из котелка. Подтащила стул к шкафу и осторожно заглянула в несколько верхних полок. Нашла лукум и поставила на стол.

Попив чай, я в ожидании разгуливала по зале и осматривала все, что еще не рассмотрела.

Наконец за окном послышалось хлопанье крыльев.

Я подбежала к окну и осторожно, так, чтобы не быть замеченной, выглянула.

Дракон сложил крылья и глянул в сторону окна залы. Но не думаю, что меня было видно из-за колонны. Конхстамари пересек площадку и зашел в замок.

Я села за стол и стала ждать. Кондор пришел минут через пятнадцать, опрятно одетый, с аккуратно уложенными волосами.

– Доброе утро, – проговорил он спокойно и вежливо.

– Д... доброе, – смущенно ответила я. Не знала, что говорить по поводу вчерашнего. Вроде, хотела сказать много, но теперь не могла сформулировать мысли.

– Наши правила и обычаи несколько отличаются, – начал Кондор философски. – Может быть, что-то было не так...

– Что-то было не так в моей голове, – проговорила я, нахмурившись и закрыв глаза.

Кондор взглянул на меня вопросительно.

– Я просто надумала себе какую-то ерунду... Извини, Кондор.

– Ничего, – спокойно ответил он, присаживаясь. – Бывает... Мы очень терпеливы к нелогичным поступкам бета-пола. Женщины нашей расы вообще невменяемы.

– Жаль, что я не полетела в город, – проговорила я после небольшой паузы. – Я очень хотела...

Кондор изобразил легкую полуулыбку и ответил:

– Ну, это можно будет организовать. Правда, уже в другой раз. Сегодня стоит вернуть тебя туда, откуда взял.

– А можно не совсем откуда взял? А то там земля прогоревшая...

Дракон усмехнулся:

– Ну ладно, так и быть уж...

– Кондор... – проговорила я, немного помолчав. – Получается, в этот раз мы полетим днем?

– Я планировал, что мы полетим днем. Хотя и не люблю летать над континентом. Люди там темные, сразу начинают пальцами тыкать. Даже мистики, и те дурные попадаются...

– Сам ты дурной, – фыркнула я. Потом, вновь немного помолчав, проговорила. – Слушай... А можно еще одну просьбу? Я тут научилась расстегивать браслет. А вот застегивать – нет.

Дракон усмехнулся, качнув головой.

– Давай сюда руку, я покажу.

***

Минут через двадцать мы стояли на летной площадке. Я ощущала воодушевление уже только от одного предвкушения полета.

Кондор трансформировался и кивнул мне. Я спешно подошла и взобралась по подставленному крылу ему на спину. Дракон сделал пару шагов, пробно взмахнул крыльями. И, толкнувшись от земли, взлетел.

В лицо мне ударил поток ветра, разметал слишком короткие, и потому выбившиеся из прически пряди. Мое сердце заполнил небывалый восторг. Я просто сидела на коленках, подставив лицо ветру. Сейчас я чувствовала себя самым счастливым человеком на земле...

– Хочешь, могу подколдовать, чтобы быстрее долететь.

– Нет! – воскликнула я. – Я хочу насладиться полетом!

Небо... Теперь я понимала, почему люди написали столько песен про тебя. Ничто не сравнится с этим ощущением полета!.. Небо, где нет постылой земной суеты, так притягательно.

Даже в песне отданной на откуп есть слова:

"...Я теперь неба дочь, до свиданья, земля..." – забывшись, промурлыкала я себе под нос.

Дракон дернул лопаткой, заставив меня вздрогнуть.

– Я сброшу тебя в море, если не заткнешься! – возмущенно фыркнул он.

– Прости! – со смехом ответила я.

Дракон, снова повернувшись вперед, недовольно выдохнул. Готова поспорить, что еще и глаза закатил.

– Кондор, скажи, – начала я, опустившись животом на его спину. – Что ты чувствуешь, когда поднимаешься в небо? Ведь это же... просто невероятно! Каково это, уметь летать?

– Хмм, – проговорил он, помолчав. – Мы, наверное, воспринимаем полет не так, как вы. Для нас это естественно, так же, как и уметь ходить... Но, согласен, это действительно потрясающее чувство. Ни на что бы не променял.

– Ах-х! – выдохнула я. – Душу бы продала за это ощущение полета!

– Так в чем проблема?.. – с издевкой начал было Кондор.

– Душу, а не тело! – с нажимом воскликнула я.

Через какое-то время морские пейзажи сменились пестрыми лоскутными картинами земли. Краски на земле играли всеми оттенками зеленого, перемежающегося с золотом спелых полей.

Я лежала, свесив голову вниз с плеча Конхстамари, глядя на проплывающую снизу землю. Но долго созерцать землю обстоятельства мне не позволили: отлетев на некоторое расстояние от побережья, Кондор нырнул в низкие, затягивающие небо облака.

Впрочем, лоскутное одеяло земли все равно было видно. Правда, теперь сквозь дымку окутывающих нас облаков.

И я вытягивала вбок руки, стараясь потрогать облако, но пальцы раз за разом ловили лишь облачную неосязаемость...

– Дзета, – окликнул меня Кондор. – Смотри, что покажу... Дракон начал забирать вверх и вскоре поднялся над облаками.

После мягкой мути облаков, там было настолько ярко и светло, что слепило глаза. Стало тяжелее дышать. Глазам, притерпевающимся к свету, постепенно открывалась залитая солнцем облачная равнина. Небо над головой было таким высоким, ярким и прозрачным, как никогда ранее.

– Ого! Ты видишь? Вокруг солнца!.. – с восторгом прокричала я.

– Это называется гало, – ответил Кондор.

Ощущения были непередаваемые. Я старалась всеми своими чувствами запомнить их, чтобы не потерять потом в будничной суете, зафиксировать в памяти это светящееся кольцо вокруг солнца, этот странный грозовой запах, шум ветра в ушах, его прикосновения к щекам и игру в волосах, и то, как необычайно колотится здесь сердце...

– Хах... хах... О, Небо! Я уже задыхаюсь от восторга! – пытаюсь отдышаться, проговорила я.

– Ты задыхаешься не от восторга, а от того, что на высоте разреженный воздух, – прагматично заметил Кондор. – Ничего, сейчас будем снижаться.

Конхстамари плавно пошел вниз и нырнул в облака, медленно снижаясь уже в их толще. Я прилегла на его плечо, пытаюсь совладать с легким головокружением.

– Люди мало приспособлены к высоте, – проговорил дра-

кон. – Это стоило учсть.

– Пфф, – пренебрежительно фыркнула я. – Расслабься, все отлично. Я все-таки мистик...

– Вот-вот, – хмыкнул Кондор. – Ты-то мистик... А то, может, уже и дубу бы дала.

– Не дала бы, – заверила я. – Люди не такие уж и слабые, а мистики лишь в некоторой степени превосходят не-магов.

Плотная пелена облаков начала помаленьку расступаться, и то тут, то там попадались окошечки чистого неба. Настал момент, когда под облаками мелькнули худо-бедно знакомые мне окрестности Йетнира.

Отлетев немного от города, Конхстамари начал снижаться. Он приземлился на лесной поляне неподалеку от дороги к поселению.

– Спасибо, – сказала я, спрыгнув на землю.

Мы коротко попрощались, потом дракон поднялся над лесом и скрылся в облаках. Я же двинулась к городу. До Йетнира был примерно час пешего пути.

Я уже подходила к воротам, когда из них верхом на гнедой кобыле выехала Люсиль.

– О-о, Дзета, – протянула она, увидев меня.

– Привет, Люсиль.

– Вовремя! Я уже было расстроилась, что не попрощалась с тобой перед отъездом...

– Решила уехать сегодня?

– Да, пораньше. А то слух прошел, что дорогу на Дамбу

могут перекрыть. Правда-неправда не знаю, но лучше пере-страхуюсь...

– Понятно, – рассеянно проговорила я, потом с наигранным возмущением поинтересовалась. – Никого не интересует, как я выжила?

– Я думала, ты просто ушла с другой стороны поля, той, которая не горела...

Я вопросительно взглянула на Люсиль.

– Гораздо интересней то, почему ты не вернулась в город, а ушла в лес... Мы аж начали думать, не случилось ли чего, пошли к полю. Смотрим, земля загорелась от луга. Но там такой кусочек, одной восьмой от всего поля не будет...

Так значит, поле, все-таки, горело только с одной стороны... Э-эх, Дзета-паникерша.

– Эх вы, ничем-то вас не удивишь, – сказала я, украдкой поправляя браслет под рукавом. – Ладно, бывай!

– Бывай, – ответила Люсиль, сдавив пятками лошадиные бока. Но, преодолев пару шен, обернулась и крикнула мне вслед. – Надеюсь, как-нибудь еще споем дуэтом!

Я улыбнулась и махнула ей рукой.

И я.

Рыбак рыбака...

Шла третья неделя последнего месяца осени. До начала зимы и оставалось совсем немного. По бесснежной, но уже тронутой холодком дороге я ехала в Вайрин. Небо было покрыто редкими тучами, в основном над головой; горизонт был практически чист и сиял топазовой голубизной.

С завидной периодичностью я вспоминала последний полет. С тех пор небо пленило мое сердце и не отпускало. Поднимая глаза, я утопала в его манящей глубине, в бесконечной воздушной чистоте. Я скучала по тому неподражаемому чувству свободы, безграничной пустоты за спиной.

Бывало, я пускала лошадку в галоп и неслась по дорогам со свистом ветра в ушах, зачарованно глядя в небо... Правда, разок я так уже слетела с лошади, когда трусливая Шельда испугалась собаки впереди и резко затормозила. Летящей на нее всадницы собака испугалась еще пуще, чем ее – лошадь, и улепетывала так, словно была элитной гончей, а не дворнягой.

Хвала Небу, никто этого не видел. Ну, по крайней мере, в голос никто не заржал.

Вайрин встречал путников незакрытыми воротами и серым камнем улиц. Прокатившись по главной, я свернула на боковую улочку. Найдя достаточно приличный и недорогой постоялый двор, спешила, отдала поводья подбежавшему мальчику и зашла внутрь. Едва я села за свободный столик, ко мне подошла хозяйка:

– Желаете пообедать, госпожа? – вежливо осведомилась она.

– Да, благодарю, – ответила я. – И снять комнату на ночь. Она кивнула и удалилась, а я принялась оглядывать внут-

реннее убранство помещения. Обставлено все было довольно просто, но со вкусом. Уютные деревянные стены, аккуратные занавесочки, букеты сухоцветов.

Вскоре хозяйка вернулась и поставила передо мной тарелку супа и кружку терпкого осеннего компота.

– Какими судьбами в наш город? – поинтересовалась она.

– Да вот, странствую. Я мистик-вольнонаемник, – ответила я. Ну а что? Как народ узнает, что я маг? Нужно же как-то искать клиентов...

– Понятно, – проговорила хозяйка. – И у нас есть мистики в городе.

– Ну, ничего. Больше не меньше.

Пообедав, я оставила вещи в комнате и отправилась погулять по городу. Вайрин располагался в восьмидесяти сотах⁴ к западу от Соулу. Город был небольшой и не особо примечательный. Кроме белокаменной церкви Андала (каких было несколько в Соулу) и дома наместника, смотреть было, откровенно говоря, не на что.

Я надеялась увидеть закат, так давно не открывавшийся взору из-за поздне-осенней непогоды, но горизонт кругом закрывали дома, а пока я добежала до окраины, солнце уже село в затянувшие запад облака и начало смеркаться. Я плюнула и уже зашагала было обратно, как со мной поравнялась какая-то женщина, идущая со стороны деревни.

– Вечера доброго, девушка, – доброжелательно прогово-

---

⁴ Местная мера длины, чуть менее километра.

рила она.

– Доброго, – отозвалась я.

– Вы, видать, приезжая?

– Ага, – легко согласилась я. Одета я была, как в дорогу. –

Мистик-вольнонаемник, путешествую из города в город...

– Госпожа мистик? – обрадованно, но не без тени, тем не менее, суеверной опаски, проговорила женщина. – Повезло мне вас встретить!..

Я мысленно усмехнулась. Редко мне так фартило сразу. Не зря гулять пошла.

Чтобы не быть голословной, я продемонстрировала диплом и лицензию. Обе бумаги украшали СоулМиШские вензеля и печати, а лицензию – еще и Гильдийские. Кроме того, внизу на ней стояла и моя скрепляющая подпись: две печатные буквы “Я.Д.”

Хоть фамилию крайне редко писали перед именем, имея в инициалах “Д” и “Я”, грех было не воспользоваться...

– На наше село чегой-то нападает, кур ворует, – тем временем продолжила женщина. – Не у одной меня. Думали, лисица, выследили ночью, а ничего не увидели! Только курица вскрикнула, да что-то невидимое ее уволокло. Только мой, говорит, глаза заметить успел, немирским пламенем сверкали. Черт⁵, небось...

– Хмм, – задумчиво протянула я, перебирая известный мне "бестиарий", главным образом то, что обычно встреча-

---

⁵ В ходу произношение как через Е, так и через Ё.

ется в селеньях. Скорее всего, это какой-то из мелких демонов – малая химера, феллина, немирская лисица... Добыча в их стиле. На "козодоя" не тянет, ему куры даром не сдались...

“Черти” – то есть “те, кто пришел из-за Черты” – границы с мифологическим Немирьем, в данном случае, Темным – по-научному именовались демонами. И борьба с ними была как раз основой нашей, мистичьей деятельности. “Черти” было понятием просторечным и устаревшим, что тем не менее часто использовалось простым людом, и, конечно, продолжало жить в ругательствах.

– Думаю, можно посмотреть, – сказала я. – Сколько платите? Такое обычно делают примерно за восемь сереньких...

– Хорошо, – охотно согласилась клиентка. Видимо, местные брали побольше. Но не считаю, что я продешевила – новеньким, еще не сделавшим себе репутацию, наглеть не стоит, да и нанимать будут охотнее. – Когда госпожу ждать?

Я посмотрела на стремительно угасающее небо. Пока добегу до постоялого двора и соберусь – уже стемнеет, и придется лесом в ночь к незнакомому селу ехать.

– Давайте завтра после заката, – ответила я. – Расскажите-ка теперь, как добраться до села.

Женщина охотно начала объяснять:

– О, это вот по этой дороге...

Когда я вернулась на постоянный двор, уже стемнело. Народу заметно поприбавилось – свободных мест почти не бы-

ло. Однако я все же нашла какой-то столик в уголке и села. Хозяйка принесла ужин, мы даже обменялись с ней парой фраз, однако сейчас хлопот у нее явно хватало. Я принялась за еду, но тут кто-то подошел к моему столику.

– Вечера доброго, красавица.

Я подняла голову. Перед столом стояли двое. Первый, тот, что постарше, был высоким русоволосым мужчиной лет сорока, с хорошей осанкой, второй – парень с чуть округлым лицом и коричнево-рыжими стоящими щеткой волосами, на вид примерно мой ровесник.

– Чем обязана? – осторожно отозвалась я. У меня были предположения касаясь их, однако пока не была уверена точно.

– Уж не собирается ли госпожа мистик здесь работать? – спросил высокий, тот что постарше. Что-то холодно-отталкивающее было в его голосе.

– А с чего бы вам интересоваться, господа? – спросила я. Они явно не выглядели как возможные клиенты...

– Видите ли, коллега, – нарочито вежливо проговорил первый, особо выделив последнее слово. Мои подозрения подтвердились. – Мы вас заметили. Рыбак рыбака, как говорится... И хотели предупредить. Это наш город. Мы тут работаем и... прекрасно справляемся.

– Вот как, – тихо сказала я, чуть нахмурившись.

– Так что, – продолжил мужчина ледяным тоном. – Если госпожа заработок ищет – милости просим ехать далее.

Я, хмыкнув, отхлебнула и поставила кружку.

– Это... с чего это ваш город?

– Ну, видишь ли, я работаю здесь уже десять лет, а вместе с ним – пять. Сама понимаешь, все по справедливости...

– А вам известно, что Гильдия подобного не приветствует? Я, как вольнонаемница, могу приезжать в любой город и работать там, вне зависимости от того, есть там другие мистики или нет.

Тот, что постарше, поднял бровь и переглянулся с товарищем.

– О как, значит? Ну ладно, ладно. И ведь по-хорошему пытались... – проговорил он холодно. – Значит, так, скажу прямо. Это наш город. Будешь тут охотиться – пеняй на себя.

Я хмыкнула. Мужчины развернулись и вышли.

Вот ведь нахалы! Дуракам закон не писан! Город, видите ли, их... Ну нет, я так легко не сдаюсь, и меня не запугать.

***

На закате следующего дня я выехала из города в сторону указанного села.

При себе у меня был мини-арсенал необходимых амулетов. В первую очередь, конечно, "талисман Сцерры" – главный артефакт мистика. Выглядит как довольно небольшой (с фалангу большого пальца) камушек веретенovidной формы, оранжевого или желто-оранжевого цвета. Как правило, вешается на шею на кожаном шнурке – металла этот камень не

любит. Когда маг активирует "талисман", тот начинает светиться.

И это, пожалуй, самая важная штука для охоты, потому что именно "талисман Сцерры" привлекает нежить к мистике, раздражая ее своим излучением. Это амулет-приманка.

Для защиты от негативной энергии демонической сущности я взяла парные серебряные кольца, простые, расписанные лишь защитными знаками.

Свой арсенал защитных амулетов маги, как правило, подбирают индивидуально. Кто-то составляет себе комплексный набор из различных по функциям колец, браслетов, подвесок и Х-образных крестов – защитных знаков Андала, Владык светлого Немирья. А, скажем, я предпочитаю надевать лишь необходимый минимум: "талисман" плюс что-нибудь защитное. Я не очень люблю излишества.

Единственным "украшением" на мне, не несущем магической нагрузки, был драконий браслет: мне просто нравилось его ощущение на руке, поэтому не хотелось его снимать. Да брошь на куртке, которую я поостереглась оставлять на постоялом дворе.

Другие элементы охотничьей одежды, в том числе, мантию, я взяла с собой, чтобы сильно не светиться в городе.

Мантия мистика представляла из себя просторное одеяние с длинным, по щиколотку, подолом, свободными рукавами по локоть и капюшоном. Подол был очень широким, рассчитанным на мах ноги аж до уровня лица противника.

И, в довершение к этому, плотная, малопромокаемая скользкая ткань, чтобы ни за что не цеплялась и не застревала. Практичная, но уж больно приметная вещь. Да и холодно сейчас.

День сегодня выдался довольно погожим. Хоть с утра и попытался накрапывать мелкий дождь, ко второй половине дня облака разошлись, открывая небесные просторы.

Я жадно вглядывалась в последние искорки догорающего костра солнца, пляшущие меж деревьями. Сверху над их темными силуэтами светилось небо, выкрашенное полосами разных оттенков голубого, кремового, розового и бордового.

Дорога до села не заняла много времени. К околице я подъехала, когда смеркалось, а на небе начали загораться первые звезды. Дом той женщины был третий слева. Я оставила лошадь и переделалась у нее.

На улицу я вышла к сгустившимся сумеркам и, собрав волосы в куцый недохвостик, осмотрелась. Злосчастный курятник находился недалеко от хозяйского дома, близ края села. Обойдя его, оказалась у границы леса. Скорее всего, демон прячется именно там, в чаще, потому что больше нигде.

Проходя вдоль леса, я припомнила слова старой песенки-присказки:

– Ночь на землю опустилась,

Все притихло, затаилось,

Замерла в ночи природа.

Зверь выходит на охоту...

Я засекала "дорожку" – этакий энергетический след там, где проходил демон. Энергетика места там снижается, потому что нежить уничтожает ее своим отрицательным биополем, "цвета" словно "блекнут".

Она проходила в направлении от курятника до леса, чуть диагонально, и терялась дальше в чаще. Но идти туда я смысла не видела. Надо караулить тут.

*Тихий, смелый и упрямый,
Он ступает по поляне,
Ухом слышит каждый шорох,
Разгоняет сонный морок.
Видит каждое движенье,
Трав и листьев шевеленье.
Сам не издает ни звука,
Тишина ему порука...*

Лес был безмолвен, лишь чуть похрустывали временами деревья, охлаждаясь. Я, затаившись, поджидала хищника. Смотреть глазами было, скорей всего, бессмысленно – наверняка тварь спрячется за пеленой невидимости, поэтому и местные не смогли ее увидеть. Замерев, я прикрыла глаза, стараясь ощутить новую дорожку и засечь приближение демона.

*Он силен и хладнокровен,
Он под мир теней подстроен.
Ночью он в лесу хозяин,
К своим жертвам беспощаден.*

Погода к ночи немного подпортилась – небо все сильнее и сильнее затягивало тучами, звезды изредка выглядывали в маленькие редкие окошечки. Капать пока ничего не пыталось. Впрочем, демону дождь не помеха.

*Даже если дождь польется,
Без добычи не вернется,
Ведь нелепой непогоде
Не сорвать его охоту...*

Хотя никаких внешних проявлений твари не было, что-то привлекло мое внимание. Я резко повернула голову и насторожилась. *Что-то* есть.

Оно было шагах в двадцати, на самой границе леса, и двигалось в сторону села.

Стараясь не издать не звука, я аккуратно сделала шаг, "присматриваясь" и ощущая. Еще шаг. Осторожность на максимум – враг очень проворен.

*От его стального взгляда
Не укрыть дождю и граду,
И надеяться не стоит -
Ночь от тьмы тебя не скроет.*

О-очень аккуратно приподняв руки, я сконцентрировала свое внимание на кончиках пальцев. Первым ударом нужно безошибочно попасть в цель и разрушить пелену невидимости. Ведь сражаться с невидимым противником весьма непросто...

Тьма на дикий лес спустилась,

*Замерла и затаилась,
Неподвижно ждет природа.*

Выхожу я на охоту.

*Этой ночью я охотник,
Не уйти тебе, негодник.*

Вдох. Разгорающиеся искры на кончиках пальцев, поднимающаяся волна в груди и бегущие по рукам щекочущие молнии. Выдох. Удар.

На мгновение всполыхнула красными молниями-трещинками пелена невидимости, словно разбитое зеркало, отражающее реальность, и осыпалась, помутнев, крошками запекшейся грязи, обнажая демоническую сущность.

Тварь рывкнула, взвившись, и сделала было рывок к лесу. Но я, тотчас входя в транс, кинулась ей наперерез.

Немирская лисица. Лисицей названа за выбор объекта и манеру охоты: душит некрупных зверей и домашних птиц. Внешне на лисицу не похожа ни единого раза. Скорей, на страшную безухую кошку с чрезмерно длинным, но отчего-то облысевшим хвостом. Чёрная, с тонкими, желто-рыжими пламенеющими прожилками, ярко сверкающими в темноте.

В ответ на мой маневр, тварь заметалась и бросилась в противоположном направлении. Я была уже довольно близко, когда "лисица", достигнув курятника, взбежала вверх по его стене, толкнулась от нее и попыталась меня атаковать.

Я встретила ее силовой волной, резко уходя в сторону,

и попыталась достать магическим ударом "шаровой молнии" – одного из классических боевых приемов. Однако лисица увернулась, и молния лишь взрыла землю.

Не успели осесть крошки земли, как получивший по щам демон уже топил обратно к курятнику и вверх по стене. Я бросилась следом. Когда я прыгнула на стену, вцепившись в выдающуюся доску, хвост лисицы скрылся в незабитом окошке. Не теряя времени, я подтянулась на руках, и, схватившись за край крыши, влетела в окошко сокровенного курятника.

Справедливо испугавшаяся лисица метнулась в угол, усилив и без того нарастающий переполох. Я бросилась следом, а навстречу мне полетели перья и куры.

Разогнаться в курятнике было негде, демон принялся убежать, извиваясь узким телом наподобие ящерицы, и мне пришлось по-идиотски носиться за ним по кругу под истерическое кудахтанье всполошившихся кур.

Лисица металась, меняя направление, забиваясь в углы и гоняя клуш, заполнивших все помещение и отчаянно мешавших мне целиться. Наконец, выгадав момент, когда тварь была в наиболее свободной части, я метнула в нее силовым импульсом, но лишь прижарила стену перед ее мордой.

Загнанная в угол лисица с перепугу вписалась головой в дверь, но быстро сориентировалась и, душераздирающе заверещав, отчаянно протиснулась в щель между дверью и по-

рогом, оставив на последних немалую часть своей шкуры.

Мне, за неимением лучшего, запертую снаружи дверь пришлось вынести с ноги, сорвав крепежи засова.

Когда из-под двери курятника с диким верещанием выдвинулась лисица, а в следующий миг, с грохотом распахнув дверь с ноги, выскочила растрепанная мистичка с горящими глазами, подглядывающие прежде в дверные щели сельские перепуганно попрятались обратно.

Дабы не дать уйти добыче, я, не задерживаясь, кинулась следом со скоростью, на которую способны мистики в бою.

И, со всей дури налетев на стоящее посреди двора ведро, эпично наворачнувшись, загремев всеми подручными (подножными) средствами. Кубарем прокатилась по двору и затормозила было лицом о клумбу, но вовремя вспомнила, что я мистик, и вышла из кувырка в присед.

Тем временем тварь, под перепуганные вскрики свидетелей, неслась по селу, пока, слава Небу, все еще в пределах двора. Я бросилась следом, первым же рывком сократив разрыв на возможный максимум, и, не придумав ничего лучше, по-звериному прыгнула вперед, перемахивая через демона и преграждая ему дорогу. Я приземлилась на руки перед беглецом и, чтобы не упустить его в противоположную сторону, совместила разворот с магической атакой. Когда я повернула голову, силовой импульс уже пульсировал в кончиках пальцев. Однако тварь, попросту не успев развернуться, была почти вплотную ко мне, в ладони от моего лица. И невольно

отпрянув, я инстинктивно схватила летящий в лицо объект руками, в том числе правой, заряженной...

Аккуратно умерщвить демона не получилось. Его размазало по всему, что оказалось рядом, а рядом оказалась по большей части я. Черной маслянистой кровью забрызгало руки и лицо, и немного грудь.

Кто-то отчаянно заорал, где-то слева послышался глухой удар, предположительно, чьего-то бесчувственного тела о пол.

Я яростно оттирала более-менее чистым предплечьем

"лисью" кровь с лица. Из курятника слышалось испуганное кудахтанье кур, которые, даже с перепугу вылетев из двери со мной, с перепугу же обратно и забежали. И, тем не менее, дело сделано.

Поднявшись и придав себе невозмутимый вид, я двинулась к заказчице. Она робко вышла навстречу из-за незакрытой двери.

Народ, кажется, был впечатлен, по крайней мере, в основной массе.

– Тварь уничтожена, – констатировала очевидное я. Женщина сделала было движение к мешочку на поясе, но я, опустив взгляд на свои руки, вынуждено продолжила. – Только... где у вас тут можно умыться?

Умыться можно было только в ледяной воде на улице; я скупно ополоснула руки, более-менее отмыв ладони, немного потерла лицо мокрыми руками. Сильно плескаться на ночном позднеосеннем морозе не хотелось, а в темноте все равно не видно. Кровь мертвой твари неопасна, если не употреблять ее внутрь.

Покореженную тушку твари я на палке отнесла к лесу – мне она была даром не нужна, деревенским – и подавно.

Было поздно и холодно. Чтобы не задерживаться, я только переобулась, надела теплые штаны поверх охотничьих и куртку прямо на мантию.

Несмотря на поздний час, народ еще толпился на улице, робко начинали обсуждать последние события. Я проезжа-

ла мимо людей к дороге, ведущей в город. Позади, где-то за моей спиной, какая-то скептическая тетка тихо, разговаривая с кем-то, бросила замечание:

– ...споткнулась... Думала, мистики ловчей... Эта, наверное, не очень опытная. Непрофессионалка.

Обернувшись, я метнула в говорившую холодный взор. Обе тетки, она и собеседница, испуганно ахнули, вскинув взгляды на меня.

– Нешто слышала? – еще тише, совсем шепотом проговорила первая в сторону.

– Слышала, слышала, – подтвердила я. – И, если вам интересно... Я *профессионалка*, – с нажимом проговорила я, умышленно употребив такую же форму. – Я дипломированный специалист. Но такое качество, как ловкость, не может быть у всех одинаковым. Не все мистики способны видеть кожей и подсознательно обходить все препятствия.

Женщина, под столь пристальным вниманием, предпочла уйти в тень, то есть за спины окружающих. Я развернулась и поехала дальше. В город.

Темный лес был тих и загадочен, словно располагал к раздумьям. Я тяжело вздохнула.

...Я на самом деле не была крутым мистиком. С самого начала мне "повезло" быть немного не такой, как все. Точнее, не такой, как мистики.

Дело в том, что для мистика совершенно естественна

высокая чувствительность к собственному телу и ко всему окружающему миру. Подавляющее большинство мистиков буквально "видит кожей", ощущает все окружающее пространство и просто подсознательно, не задумываясь, не прилагая к этому мысленных усилий, не контактирует с препятствиями и делает другие крутые мистичьи штуки. Они настолько хорошо контролируют свое тело, что для них совершенно естественно чувствовать. Большинство...

Ну а я... Для мистика у меня так себе координация. И чувствительность как у полена.

Я не чувствую физическое тело так хорошо, как должен чувствовать мистик. Я не "вижу" препятствия просто так, мне приходится прилагать усилия, чтобы ни на что не налететь. Я знаю, зачем люди касаются стены, делая ласточку. Я могу стукнуться лицом о колено при кувырке. Я из тех, кто может провалить охоту, постыдно споткнувшись на ровном месте о собственную ногу.

Для обычного человека не-мага это почти нормально, ну неуклюжий немного, ничего. Но для мистика... Конечно, я все равно умею все то, что должен уметь специалист, но мне для этого требуется гораздо больше усилий, чем обычным мистикам.

На самом деле, такое бывает. Нечасто, но бывает. Встречаются же мистики, восприимчивые к алкоголю. Так и встречаются мистики-неувязки⁶ с чувствительностью полена. Ни-

---

⁶ Неувязок (сленг.) – неловкий, неуклюжий человек, временами попадающий

чего исключительного. Мне рассказал об этом один профессор СоулМиШ, у которого я обучалась.

...Свою магическую карьеру я начала в восемь, подпалив соседский дом. С этого момента мне запретили посещать обычную школу. Тогда мама отвезла меня в Соулу, но там сказали, что принимают детей только с двенадцати лет. На ее возмущение "Куда мне её ещё четыре года?", ей посоветовали какую-то спецшколу. И с этого момента я училась в интернате, откуда забирали только на лето.

А потом, когда мне стукнуло двенадцать, я, как и положено каждому приличному ребенку с магическими способностями, была принята в Соулскую Мистическую школу.

Школа обязана принимать на бесплатное обучение всех детей с магическими способностями и обучать их, разумеется, при условии их должного старания. Во-первых, потому что обученные маги полезны и нужны, а во-вторых, потому что необученные маги страшнее обученных.

В целом, учиться мне было нормально. Ну, подумаешь, навернулась, отрабатывая толчок от стены. Посмешила всех, поднялась и дальше поехали...

Настоящий кошмар начался, когда настало время изучать блок "Ритуальной магии". Ритуальная магия, что характерно, от слова "ритуал". То есть раздел, наполненный всяче-

---

из-за этого в странные ситуации, некоторые из которых заканчиваются физическими травмами. Как бы *не* вполне *увязывает* факторы окружающей действительности со своими действиями и движениями.

ским обрядами, чье магическое содержание почти всегда сопряжено с танцами, пением, ритмом и очень хорошо выверенными движениями.

В ритуальной магии огромное значение имеет координация. Что для такого неувязка, как я, оказалось настоящим испытанием.

На практических занятиях нас частенько ставили на длинное бревно: наилучший способ отработать точность шагов там, где те должны быть строго в ряд. Ошибся – упал.

И, если у других сложности вызывало не забыть и не перепутать последовательность элементов, то для меня первым испытанием было просто устоять на бревне, не упасть с него при первом же шаге. А вторым – не упасть при втором...

И ладно, когда это просто шаги, пусть даже с сопряженными с ними движениями руками. Но когда нужно сделать прыжок вверх на пол-оборота и приземлиться на бревно в полуприсед, правой ногой вперед, ровно в двух стопах от задней, носок по диагонали на десять градусов...

Итак, я старательно мучилась целый блок, и вот приблизилась пора экзаменов. А я по-прежнему падала с бревна в лучшем случае на середине ритуала.

Но не сдавалась. Недалеко от корпусов, где жили студенты, находился ухоженный лесок. Гуляя по нему, местные натоптали немало тропок и дорожек. А еще была там широкая канава, заполнявшаяся водой по весне, поперек которой лежало упавшее дерево.

Каждый день я бегала туда и тренировалась. Ходить по бревну, разворачиваться на бревне, делать прыжки... И десятки раз срывалась с бревна и падала в воду и грязь.

Но у меня была цель, и я старалась изо всех сил.

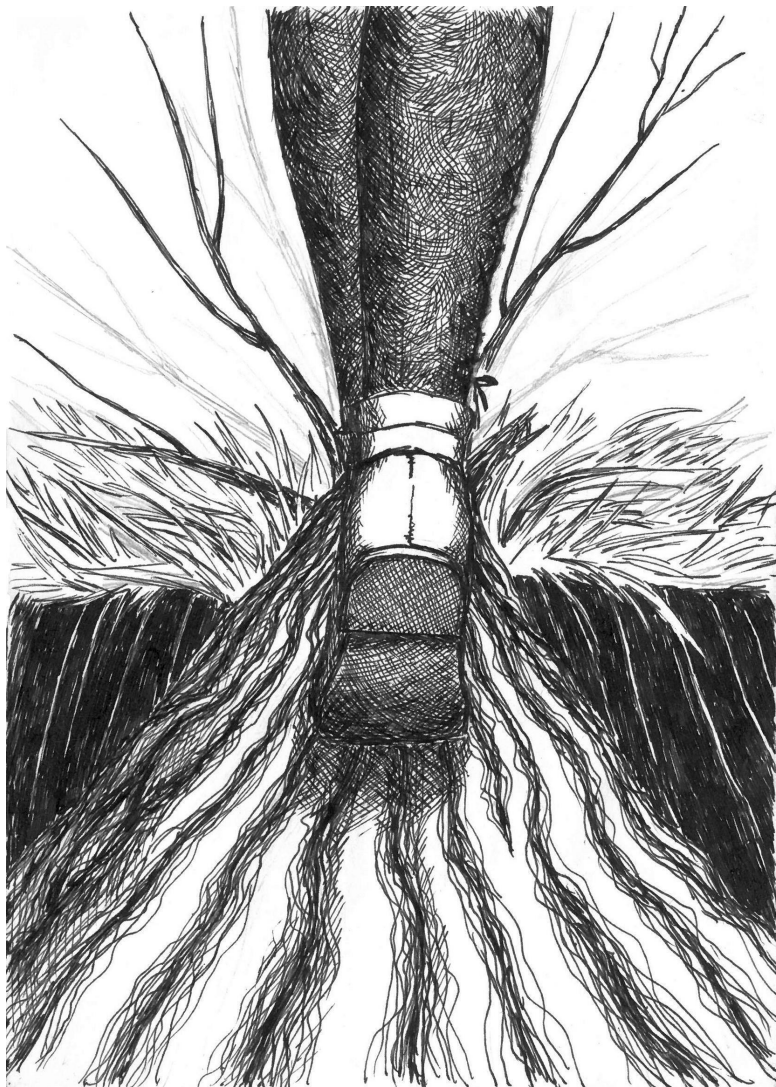
Каждый день. Срывалась. И поднималась. Срывалась. И поднималась. Срывалась... И снова поднималась.

И снова срывалась.

И вот настал день накануне экзамена. А я все еще через раз срывалась с бревна при развороте, при том что лесное шершавое бревно было раза в два шире тренировочного.

На экзамене нужно было продемонстрировать один из пройденных обрядов, случайно доставшийся в билете. Я все их примерно знала. Но по-прежнему не могла стабильно безошибочно исполнить даже первую, наиболее простую половину ритуала.

В двадцатый раз за день я начала сначала отработку обрядовых движений.

Первый шаг правой ногой вперед, точно по направлению движения; руки вниз, пальцы прямые, ладони повернуты к себе; голова смотрит прямо, чуть опущена.

Шаг левой ногой, носок в сторону на десять градусов; руки начинают сгибаться в локтях, ладони скользят вдоль тела, пальцы прямые, но сжаты неплотно; голова точно прямо, взгляд вперед.

Подшаг правой ногой и сразу ей же шаг вперед, ставится на мысок, колено слегка согнуто, смотрит в сторону; левая рука двигается чуть назад и вверх, пальцы растопырены, правая рука полностью согнута, прижата к корпусу на уровне груди, пальцы сжаты в кулак; голова поворачивается влево, взгляд на руку.

Шаг левой ногой с разворотом вправо, нога ставится боком, вторая выпрямляется и доворачивается, носки точно вперед, вес равномерно распределен между ногами; рука при шаге движется через бок вперед, пальцы мягкие, взгляд за рукой, голова поворачивается вместе с ней, но, когда рука останавливается сбоку, доворачивается точно вперед; глаза прикрыты – в этой чертовой ритуальной магии регламентируется даже моргание.

Перенос веса тела на левую ногу, правую ногу подтянуть к себе, колено вперед, носок оттянут; параллельно с этим левая рука собирается и прижимается к телу, так же, как правая.

Разворот на носке левой ноги, спиной по направлению движения, голова вскидывается, взгляд чуть выше горизонта; шаг назад, стопа строго по линии движения; правая рука выбрасывается вперед ладонью вниз, пальцы собраны, вытянуты, большой палец вниз.

Вес переносится на заднюю ногу, одновременно с этим левая нога собирается, тянется коленом к одноименному плечу, носок натянут; руки через верх в стороны; поворот на носке влево, нога выводится в сторону, затем ставится на носок, направлен вперед; нога сгибается, одновременно с этим идет разворот корпуса в сторону переднего колена и правая нога подтягивается ближе; руки, прямые, направленные в стороны, двигаются вместе с поворотом корпуса; в итоге приходим в присед, левая нога впереди, руки в стороны; голова опущена, глаза прикрыты.

Ноги выпрямляются, подъем на носках; руки отводятся назад, голова запрокидывается.

Опускаемся на полную стопу, вес на левую ногу. Шаг правой ногой, руки через стороны вперед, параллельно земле; взгляд на горизонт. Подшаг левой; руки через низ в стороны, голова чуть выше.

Прыжок вверх с поворотом на сто восемьдесят градусов и приземление в полуприсед, правая нога впереди, ровно в двух стопах от задней, носок смотрит на десять градусов вправо...

Левая нога соскользнула при приземлении, и я упала на

ноги в грязную воду канавы, придерживавшись руками за бревно.

– Проклятье! – воскликнула я в сердцах, саданув по стволу кулаком. Схватила руками и, подпрыгнув, села на бревно.

"Бесполезно!" – прошипела я, стиснув зубы от досады. Душили рыдания; я сидела одна в лесу на бревне, злая и с мокрыми ногами.

– Что плачешь, красавица? – совершенно внезапно окликнул меня добрый мужской голос.

Я от неожиданности вскрикнула и подскочила. От этого соскользнула рука, и я, не удержав равновесия, качнулась назад и слетела в канаву. Тотчас поднялась, конечно, но все равно вся вымокла.

Говорившим оказался профессор из школы. Его звали Исейнэр Магнус Тристер. Пожилой многоопытный профессионал, очень добрый и внимательный. Все ученики его обожали.

– Ничего я не плачу, – сбивчиво начала я, потрянув головой, чтобы накинуть волосы на глаза, и поспешила выбраться из канавы. – Просто сидела, вот.

Я влезла обратно на бревно. Профессор подошел и присел рядом.

– Холодно же, небось, – мягко проговорил он, снимая куртку. – На вот, накинь.

– Не надо, спасибо, – попыталась отказаться я. – Она же

станет грязной...

– Станет грязной – почищу, – философски проговорил профессор, накидывая куртку мне на плечи. – Дзета, правильно помню? Так что ж, почему ты сидишь здесь одна и *не* плачешь?

Я шмыгнула носом и ответила:

– У меня завтра экзамен по ритуальной магии! А я настолько неловкая, что не могу сделать и четверти обряда, не навернувшись...

Профессор Тристер внимательно смотрел на меня, ожидая.

– А все потому, что я не чувствую физического тела.

– Не чувствуешь? Неужто совсем? – улыбнулся он.

– Не совсем, но... хуже, чем все остальные. Они все всё чувствуют, скачут на бревне, как горные козы... А я... падаю постоянно и ошибаюсь.

– Даже так?

– Просто я ущербная! – воскликнула я. – Неуклюжее "полено"! Ни координации, ни равновесия! Уникальная ущербность!..

– Ой, как много чести, – по-доброму рассмеялся профессор. – Уникальная, скажешь тоже! Мистики с нестандартным уровнем чувствования были, есть и будут. Это редко, конечно, но ничего уникального.

– Ну, а мне оттого не легче, – пробубнила я.

– Быть немного "не такой" – нормально, – мягко прого-

ворил он, положив руку мне на плечо. – Просто нужно это учитывать.

– Я стараюсь, как могу! Но ничего не получается! У меня просто нет того, что есть у них...

– У тебя есть магия и ты умеешь ей управлять, а это главное. Ты мистик. Пусть с нетипичным уровнем чувствительности. А все остальное неважно. Тебе же необязательно будет связать свою жизнь с ритуальной.

– Толку-то, – мрачно проговорила я, – если я экзамен завтра провалю...

– Если у тебя другой уровень чувствительности, ты же можешь сдавать по альтернативной программе.

– По упрощенной, на полу, без соблюдения темпа и с допущением помарок? – поморщилась я. – Как для отстающих!.. Я хочу как нормальные сдавать!

– Ну, это уже твое дело, – ласково проговорил профессор. – Хотя, конечно, будет сложнее. Главное, не думай, что ты в чем-то хуже всех. Низкая чувствительность встречается среди магов, но ее можно развивать, хоть для этого и потребуются больше усилий.

Он поднялся.

– Спасибо, профессор Тристер, – взглянув на него, ответила я. Его слова очень помогли мне тогда, вселили в меня уверенность.

Хотя в итоге, мне все равно пришлось сдавать по альтернативной программе: на полу и без соблюдения темпа.

...Шельда вдруг зафырчала и потрянула ушами.

– Ну чего ты? – хмыкнув, поинтересовалась я, оглядевшись. – Здесь ничего нет.

Я поехала чуть быстрее, пристально вглядываясь вперед. Ни дорожек, ни каких-либо других признаков нежити здесь не находилось. Но чувство опасности сохранялось.

Впереди кто-то был. Люди.

Я настороженно натянула поводья и пошевелила ногами в стремях. Разбойники? Это не страшно, все равно на мистика не нападут... Кто еще?..

Очевидно, заметив, что я замедлилась, люди обнаружили себя. Двое всадников выехали на дорогу, преграждая мне путь. Нас разделяло около двадцати пяти шагов. Я узнала в них давешних мистиков.

И напряглась, готовясь к действию.

– Надо ж, какая встреча, – заговорил главный, тот что постарше. – Что же Вы тут делаете, госпожа, в столь поздний час?

– Гуляю, – с вызовом ответила я.

– В мантии? – скептически уточнил говоривший.

– А что? Мистику дозволено носить мантию всегда, если он того хочет.

– Да неужели? – холодно бросил он. – А кровь откуда?

Я закусила губу. Все выстраивалось слишком явно против меня.

– Носом пошла, – в том же духе продолжила я.

Мужчина нахмурился. Я сильнее сжала поводья в руках...

– Шельда, но! – рывкнула я, резко ударив пятками в лошадиные бока.

Лошадь перепуганно рванулась галопом, я наклонилась вперед, к ее голове. Если сейчас пролететь между всадниками и рвануть к городу, есть шанс уйти!

Мистики вскинулись; я лишь сильнее сжала лошадиные бока. Не успеют ничего, еще чуть-чуть и...

Но шагах в пяти от противников трусливая Шельда резко затормозила.

– Шельда! – закричала я, ударяя ее пятками в бока; она плясала на месте, все норовя развернуться, но я сдерживала эти попытки поводьями.

Старший ударил шаровой молнией в дерево прямо над лошадиной головой. Шельда перепуганно заржала, вскидываясь на дыбы. Я закричала, отчаянно пытаюсь удержаться в седле, но при очередном рывке слетела на землю – благо мистик, не расшиблась. Лошадь, лишившись сдерживающего фактора, с паническим ржанием бросилась прочь.

Тотчас поднявшись, я рванула в сторону, по поляне, надеясь хотя бы бегом уйти от конфликта. Однако в ногу мне тотчас прилетело какое-то ловчее заклинание, и я, трагично всплеснув руками, растянулась на жухлой траве. Нога была светящейся темно-синей паутиной прикреплена к земле. Я попыталась было сразу разрушить заклинание, но сходу раз-

гадать его принцип работы не удалось, и я лишь безуспешно подергала ногу. Отпускать магические путы отказались, лишь плотнее охватили щиколотку, затягиваясь подобием силка.

Противники уверенно зашагали ко мне. Я торопливо поднялась и чуть отшагнула. Паутинка вытянулась в подобие веревки, охватывающей голенище, позволив сделать шаг в сторону.

– Попала ты, девка, – сплюнув, недоброжелательно проговорил старший, приближаясь.

– Эй-ей, ребят! – пятясь, начала я. – Что за самоуправство! По закону, каждый мистик может работать, где хочет... Этот город – не ваша собственность.

– Ну, вот сейчас и посмотрим, кто прав. Рыбак рыбака, как говорится, жалеть не станет.

– Гильдия подобного не приветствует...

Ловушка натянулась и дальше отступать не пускала.

– Ой-ой... и че? Побежишь и в Гильдию пожалуешься, соплячка?

– А вот и побегу! – огрызнулась я. – Посмотрим, что они об этом скажут!

– А ну как мы скажем, что самоуверенная нахалка на охоте травмировалась? И все деньги растеряла? А, чтобы не остаться в убытке, решила честных ребят, работающих здесь уже много лет, подставить? Свидетелей-то нет. Кому поверят, а? Ну, что молчишь? Кому из нас поверят?

Я прикусила губу, осознавая свое бессилие в данной ситуации. Вообще-то, конечно, права была я. Но они были больше и сильнее.

Они превосходили меня и числом, и чисто физически, и по магическим способностям, причем не только суммарно за двоих, но и поодиночке... По крайней мере, тот, что постарше, всяко покруче меня будет... Будь здесь один пацан – еще посмотрела бы я, кто кому нос утрет... Но двоих не одолеть, это точно. И я никак не могла понять, как устроено заклинание, чтобы его разрушить.

– Слушайте, ребят... – пошла я на попятную. – Давайте как-нибудь миром уладим? Как насчет такого? Я отдаю вам весь заработок и еще верхом денегат подкину, и мы разойдемся. Всем хорошо...

– Ах, милая, – прищурившись, проговорил старший. – Ты не в том положении, чтобы диктовать условия, – голос его вновь стал жестким. – Мы возьмем все.

– Может заодно и честь девичью отнимем, а? – гыгыкнув, парень заискивающе взглянул на мужчину.

Тот скептически окинул меня взглядом, хмыкнул и, не впечатленный, сказал:

– Веселей будет дегтем вымазать, в перьях извалить да по городу пустить.

– Я за деготь с перьями! – искренне заявила я.

Мужчина скривился.

– Угу, делать нечего... – он подошел ко мне и грубо про-

хлопал по карманам, как охранник-досмотрщик подозрительного путника на въезде в город. – Опа, что у нас тут?

Я мысленно застонала; там, над карманом, к изнанке куртки была пристегнута брошь.

Мужчина попытался рвануть застежку куртки, но я зарычала, пытаюсь отбиваться. Чертово заклинание! Как же оно снимается?!

– Джакоб, придержи, – цинично бросил он, и парень заломил мне руки за спиной. – Ты глянь, – поцокал он языком. – Неужели настоящее золото?

Маг сунул мою брошь в карман и бессовестно продолжил обыскивать. Стянул талисман Сцерры с моей шеи, потом схватил за левую руку, снимая кольцо...

Я мысленно застонала и закусила губу. Ох, и дернул же меня черт взять с собой браслет!.. Зачем, зачем, зачем?..

Мужчина, отпустив мою левую руку, взялся за правую, снял второе кольцо и дежурно прошелся по предплечью...

– Ох, ты смотри, – он вытащил браслет из-под рукава и, приподняв брови, кивнул сам себе. – А птичка-то наша залетная не так проста...

– Не надо, пожалуйста! – простонала я.

Мужчина, быстро разгадав застежку, бесцеремонно свинтил браслет с моей руки и поднял к лицу, рассматривая и крутя в руках. Потом провернул до щелчка и с щелчком вернул обратно. Щелк, щелк. Щелк...

Я сокрушенно зажмурилась. Мистик, довольно хмыкнув,

отправил браслет себе в карман.

– Зря вы это сделали, помяните мое слово, – прошипела я.

– Угу-угу, – бросил тот, бесцеремонно схватив меня за подбородок и повернув мою голову, так чтобы рассмотреть серьгу. – Серьги сама снимай, а то с ушами оторву.

Джакоб отпустил мои руки, попытался придержать за плечо, но я, рванув корпусом, скинула его руку и принялась снимать серьгу.

– А вторая? – требовательно проговорил мужчина, когда я опустила сережку в его руку.

– У меня одна, – огрызнулась я, продемонстрировав второе, непроколотое ухо.

– Вот некомплект, – пренебрежительно бросил он. – Даже здесь нас подвела...

Я злобно сверкнула глазами. Русоволосый продолжил цинично обшаривать мои карманы, вытащил кошелек и принялся пересчитывать, медленно и со вкусом.

Было тихо. Я напряженно прислушивалась и приглядывалась.

– Не густо, – протянул тот, ссыпая деньги обратно в кошелек и отправляя в свой карман. – Думал, и тут золотишко отыщется...

– Мало тебе броши с браслетом? – злобно прорычала я. Маг лишь усмехнулся.

– Ну, дитя-молочные сопли, надеюсь, урок ты усвоишь: не лезть на чужую территорию... – он кивнул Джакобу, и тот

сильнее заломил мне руки за спиной.

– Не лезть в чужую паству?! – негодуяще прошипела я. – Хотела бы я знать, где такое написано, бесчестные мерзавцы!

– Ах, дети, – со вздохом произнес он, хрустнув пальцами. – В вас еще свежа память об идеальном мире, который вам рисовали в школе... Но мир, золотко, чуть-чуть не так устроен. Ну, ничего, – ехидно взглянул он на меня, – вырастешь – поймешь.

Он небрежно схватил меня левой рукой за подбородок, разворачивая лицо. И замахнулся для удара...

– Фе-ерус!!! – вдруг не своим голосом завопил пацан, вздрогнув всем телом. Мужчина встрепенулся, резко повернувшись в сторону, в которую рукой показывал парень...

– Дракон!!!

– Твою ж!.. – русоволосый кинулся в сторону.

Меня обдало нешуточным порывом ветра. Дракон, почти спикировав, пронесся над поляной, едва ли не снося макушки деревьев...

Джакоб панически заорал, с нечеловеческой скоростью бросаясь бежать к коням. Меня вновь обдало ветром; поляну накрыло тенью; я ощутила, как коснулись земли тяжелые лапы дракона. Подняла голову. Он стоял прямо надо мной.

В тот же миг Конхстамари с рычанием сделал рывок вслед мистикам. В один прыжок настиг Феруса и сомкнул челюсти... на подоле его мантии. И поднял того в воздух, заставив с криками поболтаться вверх тормашками; на поляну до-

ждем посыпалось содержимое его карманов.

Кондор несколько раз качнул, словно вытрясая из него еще что-нибудь, потом опустил голову и с небольшой высоты швырнул мистика в сторону. Тот прокатился по земле и, с ужасом поглядев на дракона, подорвался и бросился прочь, вслед за Джакобом, к перепуганным бьющимся на привязи лошадям.

Я же тем временем, наконец сумела разобраться с заклинанием... Кондор подошел ко мне.

– Привет, – проговорила я, стряхнув с ноги остатки чар. – Слушай, надеюсь, я могу позвать не только в случае, если надумаю кем-то там стать?..

– Я так и понял, – прохладно изрек дракон, аккуратно поддвигая ко мне когтем браслет.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила я, надевая браслет и оглядывая темную поляну. Стоило приступить к поискам остального...

– Ну что? – проговорил Кондор после некоторого молчания, грациозно усаживаясь на землю. – Может, зайдешь на чай?

– Отчего бы не зайти, – ответила я, со светящимися глазами шарясь по поляне. – Но **только** на чай!

– Конечно! – ответил Кондор. – Не думаешь же ты, что я еще и сладости на тебя тратить буду?

– Ах, кстати, – я подняла с земли брошь и протянула дракону.

– И куда мне ее прикажешь деть? – осведомился он, выразительно воззрившись на меня. – На чешую приколоть?

Я смущенно усмехнулась и сунула брошь в карман, приколов к его внутренней части, чтобы не потерять.

***

– Знаешь, когда я говорила, что только на чай, я не думала, что настолько буквально... – я сделала глоток ароматного травяного отвара из кружки и скучающе провела пальцем по пустому столу.

– Я не ждал сегодня гостей, – философски ответил Конхстамари. – Только завтра собирался в город за покупками...

– В город? – заинтересовалась я. – Тот самый? Смешанный? Как он там...

– Долмир, – подсказал дракон и кивнул.

– О, ты обещал меня взять!

– Помню, – спокойно констатировал Кондор, прихлебывая чай.

Недалеко от камина висела, чуть покачиваясь, мантия. Перед тем, как сесть за стол, я, наконец, отмыла лицо и руки от крови твари и застирала верхнюю часть одеяния.

– И как ты умудрилась так угваздаться? – покачав головой, спросил Кондор. – Ты что, быка зубами раздирала?

– Нет, я просто немирскую лисицу заряженной рукой поймала...

– Эх, грязно работаете, госпожа мистик, грязно, – прого-

ворил Кондор.

– Знаю, – хмыкнула я, пожав плечами. – Такой я человек.

***

Утром мы отправились в Долмир. Конхстамари полетел над морем, но не в ту сторону, куда обычно летал со мной, а словно огибая материк с другой стороны.

Менее чем через час полета взгляду открылся город, расположенный в живописной бухте, окруженный со стороны материка невысокими горами.

– Ну, вот и Долмир, – проговорил Кондор, снижаясь и забирая к бухте. Однако сам город он обогнул слева и направился к широкому безлесному пространству за ним.

Разумеется! Взлетная площадка!..

– Только этого не хватало, – недовольно пробурчал Конхстамари, приземляясь.

На поляне, неподалеку, оказался еще один дракон. Кондор бросил на него быстрый надменный взгляд и направился к городу. Однако тот дракон заинтересованно взглянул в нашу сторону и приблизился.

Он попытался внаглую посмотреть на меня, но Кондор резко поднял крылья, закрывая обзор. Я машинально дернулась, выглянув из-за крыла, но, на краткий миг встретившись взглядом с другим драконом, испуганно отпрянула назад.

– Кто это? У тебя новая наложница? – нараспев поинте-

ресовался тот.

Он оказался мельче Конхстамари раза в полтора. Его чешуя темно-песочного цвета отливала золотистым. Рожки были небольшие, изогнутые, направленные назад; крылья сложены, прижаты к спине.

– Это – не твое собачье дело, – грубо ответил Кондор, не сводя с дракончика недоброжелательного взгляда.

Тот тотчас припал к земле, еще сильнее прижав к телу сложенные крылья, чуть развернувшись, словно не желая подставлять спину под удар, глядя на Конхстамари снизу вверх.

– *Х'хархт*, *Личи*, – рыкнул Кондор, очевидно, по-драконьи, и сделал явно недружелюбное движение головой вниз. Дракончик, не расправляя крыльев, довольно грациозно отпрыгнул в сторону, продолжая прижиматься к земле.

Кондор проводил его взглядом и решительно двинулся к городу.

– Кто это? – шепотом поинтересовалась я, когда мы чуть отделились.

– Придурок один, – презрительно бросил он. – Не обращай внимания.

– А что ты ему сказал?

– "*Х'хархт*", переводя на ваш язык, что-то вроде "отвали" или "проваливай".

Я кивнула. Хоть на мои жесты Кондор и не смотрел.

Часть пути мы прошли пешком, потом Конхстамари спу-

стил меня на землю и, обратившись, оделся в приготовленную с собой одежду, аккуратно собрал волосы. Сумку повесил себе через плечо.

– Знаешь, ты похож на чертика... – усмехнувшись, проговорила я.

Даже в человеческой форме у дракона все равно оставались крылья и рога. Правда, становились они сравнительно меньше. У Кондора были почти прямые, с небольшим изгибом, рога, направленные вверх и немного вперед.

И глаза: с желто-медной радужкой и узким вертикальным зрачком. Но не то чтобы это так сильно привлекало внимание.

Климат на западном побережье был мягкий. У меня со-
здалось ощущение, что здесь еще только первый осенний ме-
сяц. Дополнялось это ярким запахом поспевающих осенних
фруктов. Даже ветер здесь был легкий и гораздо менее хо-
лодный, чем там, где жила я.

Город был уже совсем близко. Поравнявшись со мной,
Конхстамари чуть наклонился, приблизив лицо к моему уху
и проговорил:

– Дзета, слушай внимательно. Это смешанный город, дру-
гой народ. Держись около меня. Никуда не уходи. И, главное,
ни у кого ничего не бери. Поняла?

– Угу, – ответила я, зачарованно вглядываясь в живопис-
ные крыши приближающегося города.

Едва войдя в город, мы как будто бы сразу попали на яр-
марочную площадь – настолько широка, ярка и много... люд-
на была главная улица.

Такого пестрого состава я не видала еще нигде. Конечно,
больше всего было людей, но и крылатые драконьи силуэты
встречались, куда ни глянь. Кроме того, то тут, то там мель-
кали в толпе обаятельные “эльфийские” мордочки, и шер-
стяные звериные ушки диких, и даже одна амфибия подня-
ла на меня большие влажные глаза, грустно кутаясь в легкий
серый тулупчик.

Я семенила рядом с Конхстамари, с трудом поспевая за
его широкими шагами.

Кругом бурно и шумно кипела жизнь. За этим гвалтом едва можно было слышать собственный голос. Однако город казался мне необычайно гостеприимным. Приезжих встречали с улыбками, кое-где махали руками, как на базаре.

Заглядевшись на уличных торговцев слева, я чуть сбавила шаг.

В это время ко мне вдруг приблизился незнакомец, судя по рогам и крыльям, дракон. Я подалась было чуть назад, но тот с улыбкой протянул мне цветок. Я была в растерянности и не знала, как реагировать. Но он приветливо улыбался. Немного помедлив, я тоже неуверенно улыбнулась и протянула было руку...

И тут за плечо меня резко одернули; рядом материализовался Конхстамари и, бросив что-то резкое и недружелюбное по-драконьи, выхватил из руки дракона цветок и бросил на землю.

Тот рыкнул что-то в тон Конхстамари; тем временем Кондор, довольно жестко держа меня за плечо, притянул к себе, отстраняя от другого. Они обменялись несколькими недружелюбными репликами, и Конхстамари, развернувшись, двинулся прочь, сначала потянув меня за руку, а потом прижав за плечи к себе.

Я успела увидеть, как другой дракон, обиженно фыркнув, поднял с земли свой цветок.

– Дзета, ты меня вообще слушаешь? – недовольно поинтересовался Конхстамари, шагая по улице, продолжая тяже-

лой рукой прижимать меня за плечи к своему боку. Дракон реально был крупнее человека, и моя макушка доходила ему от силы до груди. – Я же понятным языком сказал: "ничего ни у кого не бери"!

– Я... – начала я растерянно. – Просто... боялась, что это будет невежливо.

– Невежливо будет, когда ты окажешься в чьей-нибудь постели! – сурово проговорил Конхстамари.

– Ох-х, – холодея, протянула я. – Неужели, это *это* значит? Это же просто цветок...

– Цветок – это подарок. Принять любой подарок – означает принять приглашение: переспать, а то, может, и вовсе стать наложницей на постоянной основе... И потом никто не будет разбираться, что ты чего-то там не знала или не поняла. Здесь все просто. Взяла – согласна... Не подумай, что я ревную! – хмыкнув, театрально продолжил Конхстамари. – Ты не моя наложница, ты свободное вольное существо, имеешь право делать, что хочешь. Хочешь переспать с ним – пожалуйста, не вправе тебя задерживать, – Кондор отпустил меня и чуть подтолкнул рукой в сторону.

– Нет-нет-нет! – нервно затараторила я, впиваясь в его руку и прижимаясь к ней.

Кондор, вздохнув, снова приобнял меня за плечо и немного прикрыл крылом со спины. Я понимала, что в этом не было ничего пошлого или какого-то скрытого смысла – это был жест защиты. Хотя идти так было не очень удобно.

– Н-но... – растерянно проговорила я. – Я и правда не думала, что просто цветок может значить что-то столь серьезное...

– Все имеет значение... Если не знаешь обычаев, лучше даже не разговаривай ни с кем. Я имею в виду, в первую очередь, драконов. Яллай и тэйрам ты даром не нужна, они здесь случайные гости. А вот драконы... кхм... интересуются всем, что двигается. Местные просто знают и сразу срезают подобные попытки.

– Ладно, – ответила я.

Это место больше не выглядело столь гостеприимным; теперь оно казалось коварным и лицемерным. Я торопливо шагала рядом с Конхстамари, стараясь больше не отделяться. Кондор взглянул на меня и сбавил шаг.

– Кондор... – подняв глаза, спросила я наконец. – Скажи... А когда ты подарил мне браслет, и я его взяла... Это тоже?..

– Дзета, – сказал он спокойно. – Когда я подарил тебе браслет, я специально проговорил, что ничего такого не имею в виду.

Я вздохнула с облегчением. Тем временем, мы приблизились к какой-то аптекарской лавке, и Кондор, пару раз стукнув, открыл дверь и зашел внутрь. Лавка была маленькой, шкафы заставлены какими-то пузырьками и мешочками. Человек за прилавком, растиравший что-то в ступке, поднял голову.

– Здравствуй, Доран, – проговорил Кондор.

– Здравствуйте, господин Дх'Орр, – почтительно склонив голову, проговорил тот и коротко взглянул на меня.

Кондор вынул из-за пазухи небольшой мешочек, в который были завернуты соцветия какого-то незнакомого мне растения, и протянул пучок аптекарю; тот, увидев цветы, радостно всплеснул руками.

– Вот. Я все-таки смог найти их позавчера... Последние собирал, отцвели уже.

– Ох, благодарю! – сказал аптекарь, рассматривая соцветия. – Уж и не думал, что в этом году увижу! Как всегда, все в лучшем виде! – он бережно завернул растения в ткань и спрятал под прилавок. – Сколько я должен?

Конхстамари чуть сощурился и махнул рукой:

– Право, Доран, мне стыдно брать деньги за такое мизерное поступление. Два с половиной соцветия...

– Ну, не скажите, – проговорил аптекарь. – Это редкое растение, оно высоко ценится... У меня аптекарский союз и половину этого пучка сереньких за три бы выкупил, пожалуйста.

– Не переживай, сочтемся, – усмехнулся Кондор.

Доран скромно скрипуче посмеялся:

– Чем же я могу рассчитаться? Микстурой от простуды? Которая вам даром не нужна?

Конхстамари усмехнулся.

– Знаешь, я бы взял ароматическую соль для ванны и ка-

кие-нибудь отвары... Если будешь готовить, и меня посчитай.

Доран кивнул. Потом, после небольшой паузы проговорил:

– Рейну кольцо недавно принесли... Конечно, очень потрепанное, побитое жизнью... Он сейчас им занимается, пока сложно что-то точно сказать, но он считает, что золото там очень хорошее, полагает даже, что может оказаться драконьим...

Кондор кивнул.

– Интересно. Взглянул бы... Если и правда драконье – готов выкупить.

– Я скажу Рейну. Ну, это уж когда...

– Да, не переживай, Доран. Не последний раз захожу. Я же еще птичью мяту скоро принесу.

– Хорошо, – склонился в легком поклоне аптекарь. – Еще раз спасибо! Как всегда выручили!

Кондор махнул от двери и вышел.

– Это твой друг? – поинтересовалась я.

– Хороший знакомый. В основном, для него я травы собираю. Человек честный, хороший. Он готовит лекарства и прочее из трав и минералов. А Рейн, его брат, ювелир.

– Ты разбираешься в лекарственных травах? Где-то училась? – спросила я.

– Знания, плюс природное чутье, – ответил Кондор. – И, что немаловажно, возможность добраться в такие места, ку-

да не добраться человеку.

– Понятно тогда, почему микстура от кашля в уплату тебе не нужна, – усмехнулась я. – Ты сам себе подобный сбор соберешь...

– Ну, и это, да, – сказал Кондор с улыбкой. – Но вообще, драконы просто невосприимчивы практически ко всем человеческим болезням. Да и, в целом, здоровье куда как сильнее человеческого. Ни одна дрянь с нами ужиться не может, мы токсичны для большинства тварей, вызывающих болезни у других рас, – добавил он с улыбкой. – И человеческие лекарства нам использовать, как правило, без толку.

– Правда? Здорово! – прищелкнула языком я.

– Ну, что? – Конхстамари тряхнул кошельком. – Теперь пойдем на рынок.

***

Купив все необходимое, мы вернулись в замок. Было слегка за полдень.

– Можешь пока передохнуть. Я буду готовить обед. Хотелось бы сначала пообедать, прежде чем улетать на шесть-семь часов.

– Это очень кстати. А то завтраком я была разочарована, – заметила я, припоминая скромный кусочек обжаренного на огне хлеба и яблоко.

– А я и не брал на себя обязательств тебя кормить, – хмыкнув, бросил Кондор и дыхнул огнем на дрова в камине.

Я заинтересованно взглянула на него.

– А зачем разводить огонь, если можно просто дыхнуть огнем на пищу?

Кондор посмотрел на меня, как на дурочку.

– Ну, это смотря какой результат тебе нужен: если горелые угли снаружи и сырая еда внутри – то да, почему нет... Соизмеряй силу и интенсивность огня. Если ты намереваешься что-то приготовить, чаще всего тебе нужен несильный огонь

на протяжении долгого времени. Вижу, в готовке ты тоже не сильна...

– Нормально я готовлю! – обиженно воскликнула я. – Нормально для путешественника.

Кондор философски хмыкнул, потом поинтересовался:

– Тебя устроят зажаренные на огне овощи?

Я кивнула.

– Вот и отлично, – сказал он, насаживая порезанные крупными кусками овощи на шампур.

– Знаешь, я раньше думала, что драконы едят... другие вещи...

– Например, рыцарей с доспехами? – саркастически осведомился Кондор, размещая шампур повыше над огнем. – Ах, да. Еще невинных дев.

Я, фыркнув, закатила глаза.

– Ну, в смысле, дичь какую-нибудь, не знаю. Там, кабаничка, зажаренного целиком. Но... Ты даже не купил мяса... Вы его не едите?

– Мясо мы едим довольно редко. Предпочитаем ему рыбу. Но, в основном, мы едим фрукты, овощи... – начал он задумчиво. – Еще яйца, сыры, творог и некоторые другие продукты из молока. А также хлеб, зерно, мед, сладости.

– А само молоко пьете?

– Молоко почти никто не переваривает, поэтому оно особо не пользуется спросом.

– Удивительно... – проговорила я.

– Люди тоже не все молоко могут пить. При том, что вы вообще млекопитающие.

– Ну, да, – я усмехнулась. – Как я могла заметить, вы пьете всякие там чай...

– Да, но только травяные.

– А другие что? – с интересом спросила я.

– В черном и зеленом содержится кофеин, а он для нас вреден... Думаю, про кофе и говорить нечего...

– Понятно. Я, к слову, тоже его не особо жалею... А вообще говоря, вы как-то... довольно скромно питаетесь, – задумчиво проговорила я. – Почему так?

– Все просто: трансформация.

Я с интересом поглядела на Кондора.

– Грубо говоря, набитый желудок может затруднить трансформацию. Просто подумай, что при изменении размеров тела будет происходить и пропорциональное изменение внутренних органов, ну а с тем, что телу не принадлежит, все сложнее. И если при трансформации из "человеческой" формы в "драконью", это не критично, то в противоположном случае ты попросту не сможешь трансформироваться, потому что физическое тело не глупое и не хочет себя травмировать... Поэтому в рацион в основном входит то, что может быстро усвоиться. Это исторически обоснованный тип питания. Хотя, теоретически, – немного помолчав, продолжил он, – дракон способен переварить много чего из того, что не может человек. Например, хитин, змеиный яд, даже железо

в небольших количествах...

– Но не молоко? – засмеялась я.

– Иронично, правда? – хмыкнул Конхстамари.

– Странно... Но, разве для трансформации с увеличением размеров не требуется дополнительной материи?

– Не все так очевидно. Трансформация – это, в большей степени, субматериальный процесс. Надо заметить, что вне зависимости от того, в "человеческой" или в драконьей форме пребывает дракон, энергетически он все равно выглядит, как в "драконьей". Эта форма и считается истинной.

Кондор снял шампуры с огня.

– А как вы едите в драконьей форме? – спросила я и, усмехнувшись, продолжила. – Или в целях экономии вы едите в "человеческой"?

– Не то чтобы это так работало. Нужно поддерживать обе формы. Особенно – в молодости, в период роста. Хоть обе формы и взаимосвязаны, и изменения обеих влияют друг на друга, в юности особенно важно следить за состоянием и развитием истинной, чтобы не отстала, по человеческой может быть не очевидно...

Я кивнула.

– К тому же, как видишь, нам приходится постоянно менять форму. Например, летать в человеческой форме, хоть это и возможно, особо не станешь, сама погляди, какая там аэродинамика... А истинная требует энергии намного больше как сама себе, так и в счет дополнительного энергорасхо-

да на полет... Просто поесть в человеческой форме и после, трансформировавшись, надеяться, что этой энергии хватит для драконьей – очень наивно...

– Ну да, логично, – согласилась я. – Интересно вы живете, конечно.

– Я представляю, как ты интересно живешь, – вздохнул Кондор, ставя передо мной блюдо и присаживаясь. – Что ни день – то открытие... Кстати, – взглянул он на меня. – Где же твоя от-природы-одна-серьга?

– А, я ее потеряла на поляне, – проговорила я, недовольно хмыкнув. – Попробую сегодня посветлу отыскать...

Какое-то время мы сидели молча.

– А чем ты любишь заниматься здесь? – спросила я. – Ну, кроме того, что собираешь травы, и так далее...

– Я люблю рисовать, – ответил Кондор.

– Ого, правда? – воскликнула я. – А покажешь?

– Не, – бросил он флегматично. – Тебе не понравится.

– И что ты там такое рисуешь? – поинтересовалась я, сощурившись.

– Иллюстрации, – нахально проговорил Кондор, приподняв брови. – К своим фантазиям.

Я хмыкнула, не желая уточнять, к каким.

– И ты там тоже есть, – усмехнувшись, с издевкой бросил он, чем вызвал мое недовольное шипение.

Вскоре мы собрались в путь. Покинули замок и направились к Вайрину.

– Посади меня, пожалуйста, там же, откуда забирал... – попросила я. – А то у меня там лошадь убежала.

...Давешняя поляна подготовила приятный сюрприз: прямо на ней паслась трусливая Шельда. При приближении дракона она перепуганно кинулась в лес, запуталась поводьями в деревьях да так и стояла, взволнованно фыркающая, до моего прихода.

А вот потерянную серьгу я так и не нашла. Плюнув, я села на лошадь и поехала к городу. Сунула руки в карманы в поисках перчаток. Правая рука наткнулась на что-то колючее...

"Брошка", – сокрушенно подумала я. Опять забыла!

Ну ничего. Значит, еще свидимся...

Город

Конец зимы радовал неожиданно хорошей погодой. В предвкушении сезона Ирмье солнце решило порадовать землю своими яркими лучами и слегка поторопившемся теплом.

По улицам звенела капель, срываясь с тронутых солнцем крыш. Люди спешили поскорее сбросить с себя теплые зимние вещи; однако, обманываться солнцем не стоило – для того, чтобы, скажем, снять шапку, было еще слишком холодно.

Я шагала по солнечной улице Мейта, старательно прикрывая мерзнущие уши волосами. На днях обо мне вспомнила Гильдия: пришла повестка с рекомендацией явиться в ее штаб в Мэйте, в пригороде которого я находилась. Иногда такое происходило – выпускника вызывали по какому-то поручению. Выбирали в таком случае подходящую кандидатуру из тех, кто находился относительно недалеко от места выдачи задания. Вот так и меня поймали и привлекли к обществу полезному поручению.

В здании мне пришлось подождать с четверть часа, пока обо мне доложили, затем направили на второй этаж. Там ожидал секретарь, который провел меня к кабинету начальника отделения Гильдии мистиков по Мейту. Я зашла в кабинет и поклонилась.

– Госпожа Янше? – повернувшись, спросил начальник, не

очень высокий, полноватый мужчина, подняв голову от стола в своем кабинете. – Итак, вас уведомили о поручении Гильдии.

Я кивнула, ожидая пояснений.

– Поручение простое, – продолжил он. – Отвезти депешу в Дарп. По пути старайтесь не задерживаться: депеша должна быть там не позже, чем через восемь дней. Дальше можете отправляться по своим делам. В Эрстхен не заезжайте, лучше сразу возвращайтесь в Центральный регион. Дорога будет вам оплачена.

Он протянул мне пакет с серебристым росчерком молнии на конверте – знаком депеши.

– Хорошо, – ответила я, принимая документы.

– Какие-то вопросы? – дежурно поинтересовался начальник.

– Да... Почему не заезжать в Эрстхен?

– Это не наша территория.

– Поняла, – кивнула я и вышла.

Гильдия обязалась оплатить мне дорогу до Дарпа и оттуда до ближайшего города Центрального региона. Надо сказать, хорошее задание. Мне это было весьма на руку, потому что в ближайшее время я, по сути, буду путешествовать бесплатно, хоть и по определенному маршруту. Да и Гильдия осталась в плюсе: им не пришлось оплачивать услуги курьера.

Пункт назначения располагался почти на самом западном побережье, в двадцати сотах от моря. Я вскочила на лошадь

и, дав лишь небольшой крюк за своими вещами, двинулась по западному тракту, почти прямо и без поворотов идущему до самого Прибрежного региона.

***

На западном побережье была настоящая весна: уже распускались листья, а кое-какие плодовые деревья даже зацвели. Несмотря на не слишком большое расстояние, климат у моря отличался от нашего разительно. Оказавшись там, я словно перенеслась во времени на месяц-полтора вперед.

Воздух был наполнен легким ароматом свежей зелени и начинающих распускаться цветов, а временами ветер доносил свежий морской запах.

Депеша достигла пункта назначения через семь дней. Передав ее местному начальнику отделения, я получила благодарность и плюсик к репутации.

Выйдя из отделения, я направилась погулять по городу. Он был, конечно, красивый и необычный, но в конкретный момент меня более интересовал собственно источник соленого морского запаха. Поболтав с каким-то прохожим, я узнала, что, если подняться на холм к северо-западу от города, можно увидеть море.

Поэтому я поспешила направить Трусливую Шельду к северным воротам. Лошадь, хоть и была трусливой, отличалась резвостью и, притом, выносливостью. До холма я доехала довольно быстро и наконец-то насладились вожаемым ви-

дом моря.

А, возвращаясь в город, выйдя на дорогу, ведущую на северо-запад, я натолкнулась на указатель:

"Эрстхен, 25 сот
Долмир, 45 сот".

Изучив указатель, я задумчиво перевела взгляд на уходящую вдаль дорогу и усмехнулась. Кажется, теперь я представляю, чья это территория...

Ну, в конце концов, мне *рекомендовали* не ездить в Эрстхен. А не запрещали...

***

Дорога до города радовала сочной зеленью и распускающимися садами. Да и сам город, открывшийся взору, производил яркое впечатление. Хотя, конечно, не столь яркое, как на меня произвел Долмир, но Эрстхену на руку играла весна.

"Так. Ни с кем не разговаривать, ни к кому не подходить, ни у кого ничего не брать", – прокрутила я в голове, подъезжая.

Хотя этот город был не так похож на смешанный, и Кондор про него ничего не говорил.

Что ж. Прогуляюсь по городу, а потом... А потом можно и встретиться с другом.

Въехав в Эрстхен, я спешила и двинулась по главной улице. Город все больше и больше становился похож на обычные города, которые я знала. Так же кричали торговки,

зазывая покупателей, так же судачили знакомые на базаре; только языки смешивались знакомые с незнакомыми... Обитали в городе, по всей видимости, люди. По крайней мере, мне на глаза не попался еще ни один дракон. Хотя представители некоторых других рас встречались.

Чуть осмелев, я оставила лошадь у какого-то трактира, бросив монетку работнику, и пошла гулять на рыночную площадь. Там было шумно и многолюдно. Весело кричали полноватые бабы за прилавками, по площади сновали торговцы с лотками, очевидно выискивающие простодушных приезжих и болтающие на всех языках подряд.

Я гуляла вдоль прилавков, улыбаясь торговцам, все норовящим что-то мне всучить, потом чуть отошла, подходя к центру площади.

Среди прочих торговцев ко мне вдруг обратился какой-то парень, очень уверенно, без тени прибрежного акцента, пожелав мне доброго дня.

Я обернулась. Передо мной был молодой человек с длинными золотистыми волнистыми волосами, высокий, стройный и очень красивый. С первого взгляда я бы даже, пожалуй, не смогла бы определить, девушка это или юноша. Хотя девице такой рост был бы не к лицу – смотрелась бы дылдой... На нем была красивая длинная куртка, штаны и черные кожаные хорошо начищенные сапоги до колен на почти плоской подошве. Спину его укрывал плащ; на голове была черная тибетейка без узоров и каких-либо орнаментов.

И деревянный лоток с ляжкой через плечо.

– Впервые здесь, госпожа? – почти нараспев протянул он.

– Да, – легко согласилась я.

– Уж не из центрального ли региона?

– Из него самого, – я усмехнулась и с интересом взглянула на прилавок. Приметила, что в лотке у него, помимо прочего, были и какие-то украшения.

Парень стоял довольно близко ко мне. Протянув руку, он аккуратно, едва касаясь, провел пальцем с аккуратно заточенным узким ногтем по моей броши.

– Красивая брошечка, – проговорил он задумчиво. – Откуда она у вас, если не секрет?

– Нашла, – подумав, ответила я. И, по сути, это было правдой.

– Почему бы отдали? – немного помедлив, почти безразлично проговорил парень.

Я хотела было сразу ответить, что не продаю, но, подумав, поинтересовалась:

– А вы почему бы взяли, юноша?

– Ну, – сказал он, прищурившись, – из большого уважения к вам... Золотых за три.

Я мысленно усмехнулась. Ну, что ж, поиграем...

– Сколько? Так дешево? – возмутилась я. – Ну нет, за столько не отдам!..

– Дешево? Ну, знаете ли... – недовольно протянул парень. – Вещица красивая, но не бесценная.

Я с несогласным видом пожала плечами. Почему-то обратила внимание на брови юноши, довольно светлые, чуть темнее волос. На левой, примерно посередине, как будто был маленький шрамик – прерывалась линия волос. Но он был подкрашен в тон бровям и казался почти незаметным.

– Ладно. Четыре, но только за цвет камня...

– Не-е-е, – я поморщилась, помотав головой. – Этого мало.

Я чуть развернулась и сделала было движение в сторону.

– Ох, право. Дороже эту безделушку вы все равно не продадите... – презрительно бросил парень.

– Безделушка, значит? – хмыкнула я, ухмыльнувшись. – Так вот, послушай. Один опытный ювелир, когда увидел эту брошь, сказал мне, чтобы я дешевле, чем за пятьдесят, ее не отдавала. Это драконье золото, юноша!

Он молчал секунд с пять, потом недоверчиво приподнял брови:

– Ох, неужели?

– Именно, – проговорила я.

Он вздохнул и, прикрыв глаза, снисходительно проговорил:

– Вынужден сообщить, что вас, по всей видимости, бессовестно обдурили...

– А по-моему, – прищурившись, ответила я, – меня пытаются бессовестно обдурить прямо в эту секунду!

– Как вы могли такое подумать? – с театральным оскорб-

лением бросил он.

Но я уже разглядывала товары в лотке. Там было много всего разного, помимо украшений. Хотя сам лоток был небольшой.

– Это все, что ты продаешь?

– Ну-у, – неопределенно протянул он, плавным движением облизав точно по контуру верхнюю губу.

Смысл этого жеста остался для меня загадкой. Я непонимающе посмотрела на юношу и вернулась к изучению содержимого лотка. Мой взгляд привлекли глянцево блестящие пластинки, отливающие темным золотом, с чуть разными оттенками, расположенными концентрическими кругами. Размером они были с пол-ладони; и, черт возьми, я была почти уверена, что знаю, что это...

– Что это? – поинтересовалась я.

– Это настоящая драконья чешуя, – пафосно проговорил юноша.

– Драконья чешуя? Это откуда ж у тебя такое?

– Мой друг охотник поставляет, – не моргнув глазом, ответил тот.

– Это какой же охотник драконью чешую добывает? – я подозрительно склонила голову.

– Драконоборец.

– Да ты шутишь, – выпрямилась я, серьезно глядя на него. – Какой, к демону, драконоборец? Драконы – разумная раса!

– Ладно, – вздохнул юноша, прикрыв глаза. – Они добыты не драконоборцем. Это просто чешуя дракона...

– Надеюсь, дракон не пострадал при выколупывании с него чешуи, – проговорила я, покачав головой.

Блестящие чешуйки завораживали меня, мне очень хотелось купить.

– Сколько стоит? – как можно более непринужденно поинтересовалась я.

– По две серебряных за штуку, – с готовностью ответил юноша.

– Сколько!?! – возмутилась я. – Немыслимо!

– Нет, ну а что вы хотели! Она стоит дорого!

– Врешь. Врешь и не краснеешь! Она столько не стоит! – заявила я и нахально продолжила. – Я возьму это за пять рыженьких.

– Рыженьких? – парень скривился так, словно ему предложили обглодать сдохшую пару недель назад кошку. – Это даже оскорбительно! Две чешуйки за одну серенькую!

– Три!

– Грабеж! – возмутился он. – Пять за две!

– А мне столько не надо! – прищурилась я. – Ладно! Две за серенькую, – усмехнулась. – Но, черт возьми, они столько не стоят!

Я сжала в руке пару чешуек и потянулась было к карману; парнишка вдруг резко побледнел и переменялся в лице. И, молниеносно развернувшись, рванул прочь.

– Стой, а... – непонимающе крикнула я.

– Так бери! – бросил он, не оглядываясь.

Я обернулась и увидела прямо рядом с собой Кондора; он сделал резкий бросок вперед и, схватив юношу за край взметнувшегося плаща, рванул к себе. Парнишка шатнулся назад, едва не упав, с его лотка слетело несколько чешуй и еще чего-то.

Окружающие было удивленно обернулись, но тотчас равнодушно отвели глаза, не желая вмешиваться.

Притянув парнишку к себе, Кондор сгреб в охапку его золотистые кудри, вынуждая стоять присогнувшись.

– Ничего не перепутал? – сказал он жестко.

– К-конхстамари... – протянул парень с нервной улыбочкой. – Какая встреча... Не думал увидеть тебя здесь...

– Где были твои глаза, Личи, когда ты к ней подошел? – все тем же убийственным тоном осведомился дракон.

– Конхстамари, ну откуда мне было знать... – проскулил юноша, цепляясь за сжимающую его волосы руку Кондора. – На ней же не написано...

– Да ты что... – хмыкнул дракон и, обратившись ко мне, мягко проговорил. – Дзета, можно твою ручку?

Он аккуратно взял мою правую руку и приблизил к лицу юноши; рукав чуть поднялся, открыв золотой драконий браслет.

– Ой, ну ошибочка вышла... Больше не повторится! – затараторил парнишка, умоляюще глядя на Конхстамари.

Только сейчас я заметила его глаза: янтарно-желтые с по-кошачьи узким зрачком. – Пусти меня, прошу!..

– Твоя ошибка в том, что ты совершенно не умеешь складывать один плюс один, – жестким ледяным тоном изрек Конхстамари. – Запомни, ущербный ты подранок, еще раз к ней подойдешь – и разговор будет совершенно другой. Чтобы я в ста шагах около нее тебя не видел! Ясно? – Кондор чуть поднял руку, заставив парнишку выпрямиться и приподняться на носках.

– Ясно... – проскулил тот, цепляясь за руку. – А что, если она сама подойдет?..

– Сама подойдет? – хмыкнул Кондор, взглянув на меня. – Ну... Чай не столб, к земле не прибит. Отойдешь.

Юноша безнадежно взглянул на него.

– Хорошо... – проговорил он наконец.

– Вот и договорились. Проваливай, – грубо бросил Кондор, отпуская его волосы, и парнишка тотчас бросился бежать и растворился в толпе.

Мы проводили его взглядом.

– Ты что, теперь всех будешь от меня отгонять? – холодно поинтересовалась я, повернувшись.

– Держись от него подальше, – вместо ответа жестко проговорил Кондор. – Это та еще сволочь.

– Это что ж теперь, мне ни с кем разговаривать нельзя?

– Нет, зачем, – хмыкнул Кондор. – Общайся с кем хочешь, мне-то что... Но вот с ним... Очень не советую.

Я вопросительно взглянула на дракона.

– Личи – существо паскудное и непредсказуемое. Может, он тебя охомукает да на черном рынке продаст кому-нибудь... Я о подобном еще не слышал, но, если вдруг случится, не буду удивлен... – проговорил Кондор, потом повернулся ко мне и спросил. – А теперь мне хотелось бы знать, что ты делаешь в Эрстхене?

– Ну-у, меня отправили депешу отвезти...

– В Эрстхен? – удивленно поднял брови Кондор. – Это ж не ваша территория.

– Не, в Дарп, – созналась я. – А сюда я просто так захала... Хотела город посмотреть немного, а потом тебя позвать. А как ты здесь оказался?

– Да вот, занесло в Эрстхен. И тут вижу, знакомая рожа. Да еще и не одна...

Я взглянула на Конхстамари.

– Этот Личи... он один из вас?

Кондор тяжело вздохнул и ответил:

– К стыду всего драконьего народа... Да.

Я вопросительно взглянула на Конхстамари. Он, очевидно, не планировал что-то еще пояснять, потому пришлось спросить.

– Его так и зовут, Личи?

– Полное имя – Лиэстер Чиэнстелли.

– Он маленький?

– Довольно молод. Ему без полусотни пятьсот лет.

– Он... твой родственник?

– Упаси, Небо! – воскликнул Кондор. – Я бы не пережил такого позора!

Я достала из кармана чешуйку. Кондор, взглянув на нее, презрительно поморщился.

– Красивая же...

– Волосы твои тоже красивые. Но ты же не идешь, собрав их с гребня, туристам продавать? Нормальные драконы это выкидывают, а этот продает. Всяких простофиль заезжих ищет. Торгует всякой чешуей, в прямом и переносном смысле... И дешевыми стекляшками.

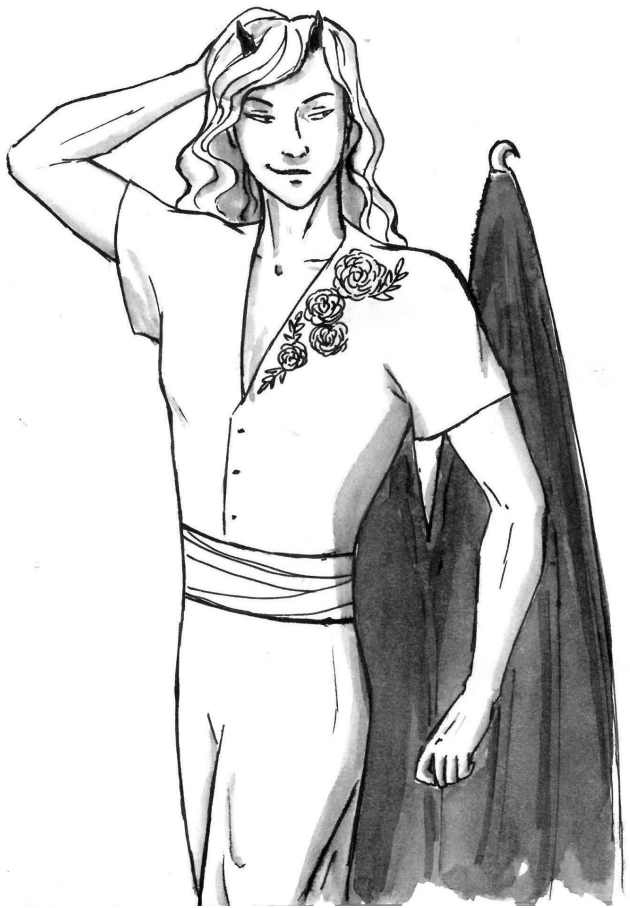
– Возможно, стекляшки не такие уж и дешевые. Живет же он за счет торговли...

Кондор фыркнул.

– Эти безделушки – всего лишь прикрытие. Разве ты не догадалась? Его самый ходовой товар, главный источник дохода – кое-что другое.

Таким “пояснением” Кондор заслужил очередной вопросительный взгляд.

– Ох, невинное неиспорченное дитя... Подумай. Вспомни его смазливую мордочку. Его фишка – это сфера определенного рода услуг.

Я вдруг припомнила это жест с облизыванием губ и поморщилась. Вот оно что.

– Но тобой он вряд ли был бы заинтересован, – отмахнулся Конхстамари. – Его клиентура – исключительно хорошо обеспеченные люди. У него основной критерий отбора – платежеспособность. Не имеет значения ни внешность... ни даже пол.

Я опять поморщилась, но, немного помолчав, уточнила:

– Разве для драконов пансексуальность – не нормальное явление?

– Дело немного в другом, знаешь ли. Дракон в любых отношениях занимает доминирующую позицию. Ни один нормальный дракон не займет позицию подчиняющегося. А Ли-чи все равно. Он готов принять любую роль, если за это заплатят. Иными словами, мы "покупаем", а он продает. Он и перед своими стелется. Даже наложником готов стать, взял бы кто...

– Почему? – поинтересовалась я.

– Это не в чести. Видишь ли, поскольку, по-хорошему, дракон не может занимать позицию подчиняющегося, для драконов проявлять интерес к другим драконам ненормально и порицаемо. Однако... судя по тому, что у него периодически появляется драконье золото – кое-кто все же его привлекает... Но никто не сознается, ибо позор. И сам Лиэстер, готов поспорить, не выдаст имен покровителей.

Мы дошли почти до городских ворот.

– У него узкие плечи... Он маленький... И, наверное, не сильный, – задумчиво проговорила я.

– Верно подмечено. Особенно про узкие плечи.

Я припомнила, что у всех драконов, которых я видела, широкие плечи и хорошо развита мускулатура, особенно корпуса, в частности груди. По всей видимости, это связано с полетом.

– После некоторых событий, он так себе летун.

Я заинтересованно взглянула на Конхстамари. Но тот, видно, счел ответ исчерпывающим. Вновь пришлось требовать продолжения.

– Что за события? Расскажи, пожалуйста.

– Уже достаточно рассказал, – мрачно хмыкнул дракон. – Я тебе не торговка на базаре, все про всех выкладывать. Не мои дела.

– Ну расскажи! – принялась выпытывать я. – Уже заинтриговал! Я же не угомонюсь теперь!

Кондор снова отказал было, но на мое последнее заявление тяжело вздохнул и покачал головой, нехотя проговорил:

– Вот уж точно, с тебя станется. Личи... начинал хорошо, а кончил плохо. Хотя, и начал он тоже, так скажем, неординарно... Ты слышала что-нибудь про драконьи свадьбы?

Я отрицательно покачала головой.

– Это брачный обряд у нашего народа. Раз в определенный период женщина дает клич. Все взрослые мужчины со-

бираются и сражаются за право быть с ней... На тот момент Личи было ровно четыре сотни лет, и это было его первое полноправное участие в свадьбе. То есть, не просто посмотреть, а возможность принять участие в битве на основании совершеннолетия. Маленький и неопытный, он понимал, что со старшими ему не тягаться, и поэтому решил взять хитростью. Пока старшие дрались за право быть избранным Зей-Цвенг, Личи втихую подобрался к ней и попытался завязать знакомство. Но Зей-Цвенг дерзости не оценила.

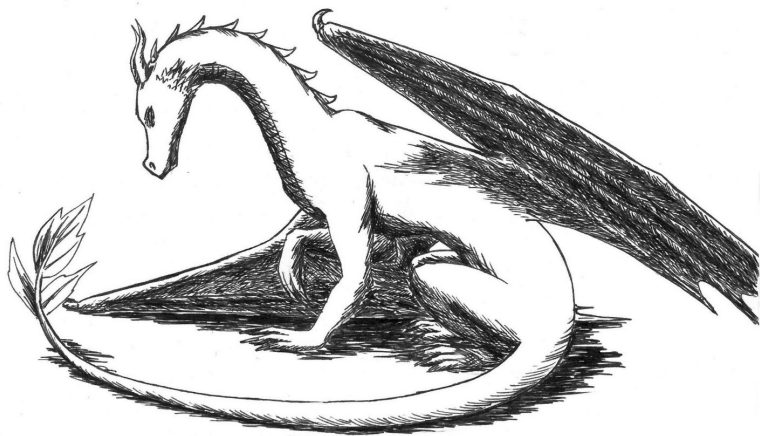
Мы вышли из городских ворот и двинулись по дороге. Конхстамари продолжил:

– ...Наши женщины вообще весьма вспыльчивы и агрессивны. В любой момент могут попытаться убить. А учитывая их физическое превосходство... В общем-то ритуальные битвы за женщину – неспроста. Это не только доказательство превосходства над соперниками, физической силы и потенциально хороших наследственных признаков для нее. Но еще и возможность проверить себя – то есть, если ты не можешь одолеть себе подобного, к женщине лучше вообще не лезть.

– Вот как... – протянула я, внимательно глядя на Кондора. Он же продолжил:

– И в первую очередь нужно хорошо летать. Женщины летают плохо. После совершеннолетия их тело еще продолжает расти, а вот крылья в росте останавливаются. Поэтому

дракайны практически не летают. И, если ты сумел оторваться от нее – ты спасен, – проговорил Кондор. – Личи летал неплохо. У него был хороший потенциал. Но от одного выпада увернуться не смог. Насколько я мог видеть, она неслабо рванула его за крыло.

– Она додумалась ударить в крыло?

Кондор серьезно взглянул на меня:

– Я ни разу не говорил, что они глупы. Неадекватны, отбиты, вспыльчивы. Но не глупы. Она знала, куда бить. Травмировать крылья – и жертва уже не улетит... – Конхстамари

хмыкнул и продолжил. – К сожалению, он не умер, хотя всем бы того очень хотелось. Видимо, он где-то спрятался, и она до него не добралась. Не знаю, – прикрыв глаза, протянул он. – как Личи умудрился с перебитым крылом добраться до континента с острова, расположенного от него в семистах сотах. Может, пожалел кто-то, подобрал на корабль, или еще что... Но он вернулся на континент. И это еще даже не конец истории. – Кондор помолчал немного и продолжил. – За право встретиться с Зей-Цвенг сражался и Сэфхинри Шейр. И в тот раз преимущество было на его стороне. Мне он как раз выбил плечо и имел все шансы победить. Но разгневанная Зей-Цвенг в тот день не приняла никого... Поэтому Сэфхинри счел выходку Личи персональным оскорблением и решил с ним по квитаться.

– Его не остановили?

– Нет, – прохладно и даже несколько удивленно ответил Кондор. – Это его дело. Мы не вмешиваемся в дела и решения друг друга. Сэфхинри захватил замок Личи и все его золото. А на его возмущения ответил: "Не согласен – дерись". Разумеется, тот не смог даже добраться туда. Сэфхинри забрал все, что можно было унести, а замок бросил. Личи, видно, проблем было мало, и, жаждая мести, он замыслил очередную авантюру...

Кондор прикрыл глаза и холодно продолжил:

– Личи пошел на сделку с некой молодой загорянской⁷

---

⁷ Загорянин – житель Заагре, соседнего государства, занимающего северо-во-

аристократкой. Она обязалась предоставить армию и флот, повести войска на Сэфхинри и отбить у него все. А Личи... Личи обещал обратить ее в драконэлла. Он выполнил свою часть договора. И она сбежала, а он не смог ее остановить...

Кондор ненадолго замолчал. Я сунула руки в карманы и внимательно взглянула на него, ожидая продолжения.

– И, наконец, спустя лет пять, когда исчерпалась драконья магия, хранящая вулканический остров от разрушения, произошло извержение, и обломки Личиных владений сгнули в пучине...

– Почему?

– Потому что он так и не вернулся туда. Не мог трансформироваться. Я говорил, что обряд отнимает очень много жизненной энергии... В общем, он потерял все, что имел, по собственной глупости и теперь трется среди людей, торгует всякими безделушками, честью и собой.

– Откуда ты так хорошо знаешь?

– Все это знают. Личи почти для всего народа знаменитостью себя сделал. Такие события просто не могли остаться незамеченными. И обращение... Такое ведь сложно утаить: минимум он не мог трансформироваться... Случилось все это сорок девять лет назад. Но, думается, он только-только, буквально пару-тройку лет как, окончательно оправился после обряда... Хотя обычно сроки восстановления гораздо меньше.

– Понятно, – проговорила я задумчиво, осмысляя рассказанное.

Мы были уже за городом. Кондор начал было снимать куртку, чтобы трансформироваться.

– Так что лучше держись от него подальше, кто знает, что у него в голове. Лишний раз в Эрстхене не останавливайся.

– Хоро... Ох, дракон подери, я забыла свою лошадь!.. – внезапно озарило меня.

Смущенно усмехнувшись, я посмотрела на Кондора и наткнулась на его выразительный взгляд. С секунду непонимающе молчала, но потом запоздало осознала сказанное и охнула.

– Я правильно услышал, ты сейчас выругалась названием моего народа? – прохладно уточнил Конхстамари, глядя на меня, как на дурочку.

О-ох, Небо, это ж надо было так ляпнуть!

Нервно хихикнув, я неловко принялась извиняться. Дракон, закатив глаза, вздохнул.

– А еще маг... – он покачал головой и вновь накинул куртку. – Ладно. Я знаю надежное место в Долмире, где можно оставить твою лошадь. Пойдем.

***

Конхстамари трансформировался и расправил огромные перепончатые, покрытые словно металлическими перьями крылья.

Его чешуя блестела на солнце темной бронзой. На кончике хвоста было своеобразное двухстороннее перепончатое крыло, немного напоминающее резной лист. По шее и спине его, от затылка, начинаясь между второй парой рогов, почти до кончика хвоста, шел гребень. Его черные роговые выросты по форме напоминали волны. Драконью голову украшали рога. Первая пара – длинные и острые, почти прямые, с небольшим изгибом назад; вторая пара гораздо короче, а третья – небольшие костяные выросты. В человеческой форме сохранялась только первая пара.

Я смотрела на дракона с восхищением. Конхстамари вытянулся и повернулся ко мне, сверкнув золотисто-медными глазами. Когда я приблизилась, он, подставив лапу, поднял меня к себе на плечо. Я вцепилась руками в гребень, готовясь к рывку.

Кондор чуть подобрался и, резко толкнувшись от земли, взлетел с места.

Он полетел к морю. Я заворожено смотрела на плывущие внизу прозрачные зелено-голубые волны, ощущая шейей и лицом свежий морской воздух...

– Ты не против немного развеяться? – спросил вдруг Кондор.

– Шутишь? Я всегда за! – воскликнула я.

Кондор тотчас наклонился, резко разворачиваясь влево, а я, нетерпеливо поерзав, крепче вцепилась в его спину.

Взяв курс к горизонту, дракон выровнялся и начал подни-

маться выше. Взмыв высоко над водой, он развернулся, опустив теперь правое крыло, и на скорости описал широкую окружность. Слегка снизившись, несколько раз покачался из стороны в сторону, словно описывая змейку, затем взлетел вверх и опустился вниз, заставив меня почувствовать, как сжимается что-то в груди. Затем снова вверх и снова вниз...

А потом поднялся еще выше над морем... и резко спикировал вниз по большой и довольно пологой дуге, словно скользя по невидимому ледяному склону. Сердце защемило от этого завораживающего и чарующего ощущения падения, и я, вцепившись в его гребень и плечо, радостно закричала, щурясь от ветра.

Кондор пронесся над самой водой, чертя по поверхности краем крыла и поднимая соленые брызги. Крик мой перешел в смех; я вытянула вбок руку, пытаюсь поймать их.

– Держись крепко! – радостно воскликнул Кондор и, практически встав на левое крыло под экстремальным углом, пронесся между каменными скалами.

Приземлившись на одну из каменных скал, мы смотрели на садящееся в море солнце. Был какой-то особенный шарм в этих черных мелкопористых камнях. Несмотря на яркие слепящие блики на воде, они оставались все так же темны. Матовые, без единого блика, словно поглощающие солнце...

Я сидела на краю, свесив ноги. Мне хотелось стать подобной этому черному камню: впитать в себя все эти пологие

манящие лучи солнца догорающего весеннего дня, вобрать их каждой клеточкой, каждой точкой своего тела, от кончиков пальцев до кончиков волос, напитаться долгожданным солнцем про запас, чтобы хватило до самых теплых дней на материке...

Море, густо-сине-зеленое, слегка волнующееся, словно излучало силу и уверенность. И ту бесконечную мудрость, которую способна хранить древняя первозданная вода. Оно манило... Мне хотелось сигануть вниз, в его живую, колышущуюся воду прямо со скалы.

Я вдыхала соленый морской воздух. Этот запах – моря, ветра и свободы – лучше всех духов мира. Я представляла, как он заполняет легкие и разливается по всему телу, стараясь запомнить эти ощущения... Тело мудрое; оно помнит все.

– Здесь очень здорово! – жмурясь, проговорила я.

Кондор опустился на скалу рядом со мной. И мне показалось, что он, чуть развернувшись, сделал было движение рукой ко мне...

Но, опередив дракона, я поднырнула под его руку, заключила его в объятия и восторженно воскликнула:

– Ты просто потрясающий друг!

– А... ага... Спасибо, – проговорил он, скромно, едва касаясь, приобняв меня за плечо.

Фанатик

Спустя неделю после моего возвращения в Мейт, меня занесло в довольно известный трактовый городок, именуемый Литтом.

Решив, что грех пропустить такой шикарной возможности, я собралась посетить Литтскую библиотеку. Конечно, Литт – это вам не Тилана, светозарная столица государства нашего, и коллекция книг там будет поскромнее, однако библиотека есть библиотека, и хотя бы что-то я там найду.

Хорошо бы собрать какую-нибудь информацию о драконах. Чтобы в следующий раз, когда Кондору доведется что-то мне рассказывать, я хотя бы имела какую-то базу. У меня слишком мало знаний.

Народу в библиотеке оказалось весьма немного. Я подошла к милому старичку-библиотекарю.

– Добрый день, госпожа. Что-то ищете? – тотчас поинтересовался он.

– Да, – задумчиво проговорила я. – Вы знаете... мне нужны книги о драконах. Разные. Хоть школьные учебники, если есть.

Старичок секунд с пять молчал, потом неожиданно рассмеялся:

– Что-то мода у девиц нынешнего поколения на драконов пошла!

Я непонимающе взглянула на него.

– Уже вторая юная госпожа за день спрашивает, – продолжил он. – Ну есть, есть... Только вот часть книг она уже и забрала. Пока могу вам выдать только школьное "Драконоведение" в двух частях, том "Разумных рас" и "Обычаи народов мира".

Я кивнула. Старичок исчез минут на пятнадцать и вернулся с четырьмя книгами. Поблагодарив, я пошла было уже в читальный зал, как библиотекарь проговорил:

– Вы, девушка, во-он к той красавице сядьте, – и указал на черноволосую девушку, сидящую к нам спиной, – может, она с вами книгами поделится.

Я благодарно кивнула и направилась к указанному столу.

– Привет, – проговорила я, присаживаясь рядом. Девушка подняла на меня глаза с легким удивлением.

Я обратила внимание на ее книги – некоторые из них были очень старыми и, по всей видимости, специфическими. Наверное, они содержались в библиотеке всего в паре экземпляров, и потому на руки могли быть выданы только одному... Не все книги даже были на нашем языке.

– Тоже интересуешься драконами? – немного неловко попыталась завязать разговор я.

Теперь девушка взглянула на меня с куда большим интересом. Я присела на стул рядом, положив книги на стол перед собой.

– Надо же, – проговорила она красивым бархатистым го-

лосом. – Нечасто я встречаю единомышленников... Я Ремм.

– Дзета, – протянула ей руку я.

После раскрыла первый том "Драконоведения".

– Вижу, ты только начинаешь изучать эту тему? – улыбнулась собеседница.

– Угу, – признала я.

– И что, если не секрет, тебя на это сподвигло?

– Да-а, просто... Кое-что упустила при обучении, не уделала должного внимания. Вот, решила восполнить информационные дыры.

Мистик или не мистик? Если мистик, может поймать на том, что я что-то не договариваю... Хотя, мне кажется, не мистик. Нет в ней какого-то особого неуловимого мистического "шарма". Должна поверить...

Однако Ремм чуть прищурилась и с заговорщической улыбкой проговорила:

– Хитришь, девица. Небось, в наложницы решила податься?

– У...упаси, Небо! – поспешила отговориться я. – Просто... культура нравится!

– Ладно-ладно, – девушка посмеялась, потом выдала. – А вот я мечтаю!

– Ох... – не найдя ничего лучше, ответила я.

Так, значит, моя собеседница из тех повернутых девиц-мечтательниц, о которых некогда говорил Кондор.

– Кстати, в этом издании есть ошибки, – проговорила она,

словно не заметив моей реакции. – Я такое читала.

– Читала? – машинально переспросила я.

– Но я могу рассказать что-нибудь, если хочешь.

– Ну... – я оценила взглядом двухтомное "Драконоведение", и решила, что поговорить с кем-то, разбирающемся в теме, будет весьма неплохим вариантом. – Давай. А почему ты решила... ну, стать наложницей? – последнее слово я произнесла вполголоса, мне почему-то казалось непристойным употребить его в обществе.

– Ах, – закатила глаза Ремм. – Ну, как же! Милая, это же ясно, как день! Они сильные, красивые, щедрые, невероятно могучие и просто звери в...

– По-онятно! – торопливо оборвала ее я, уткнув вспыхнувшее лицо в книгу. – С чего ты вообще это взяла?! Ты хоть раз в жизни видела дракона?

– Нет! – почти по-детски надувшись, ответила она. – Можно подумать, ты видела!

– Брехня это все, – фыркнула я.

– Сама ты брехня! – обиделась Ремм. – Девочка, которая читает школьное "Драконоведение". Я-то побольше тебя знаю! Я изучаю документальную и этническую литературу.

Мне не хотелось продолжать спор, поэтому, опустив глаза в книгу, я для вида перелистнула несколько страниц. Остановилась, наткнувшись на строение крыльев. Почти весь разворот занимал детализированный рисунок крыла, окруженный подписями и громоздящимся по бокам текстом по-

яснений. Я с интересом принялась изучать рисунок.

Крыло состояло из нескольких отделов, по которым имело некоторое сходство с рукой. Так же выделялось плечо и предплечье, но было отличие в том, что косточки последнего были частично сросшимися. И локоть имел дополнительный "шип" – длинную кость, отходящую от локтя вниз, помогающую сохранять форму крылу.

Наиболее яркое отличие наблюдалось в кисти и, в особенности, в пальцах. Самыми длинными костями были маховые. Они представляли из себя, по сути, аналог пальцев – третьего, четвертого и пятого. На местах суставов кости имели утолщение от срастания. "Указательный" палец был короче остальных и недалеко отставал от третьего. Было сказано, что он часто даже бывает редуцирован, и в крыле обывательским взглядом не распознается. Аналогом же большого пальца был коготь.

Если плечевым отделом обеспечивалась, в основном, сила взмахов, то маховыми определялась площадь полотна крыла и, в общем-то, эффективность одного взмаха.

– О, а еще, – вновь отвлекая меня, продолжила Ремм, мечтательно прикрыв глаза, – дракон может обратить человека в себе подобного – драконэлла.

– Правда? – сыграла дурочку я. – Как это?

– О-о-о, – протянула девица. – Это очень сложный обряд. Его секрет драконы хранят за семью печатями. Я перерыла тонны документации, но о проведении обряда нет ничего.

– И зачем тебе это? – хмыкнула я.

– Ну, как же! Быть почти драконом – это невероятно здорово! Драконэлл гораздо сильнее обычного человека, а еще может трансформироваться, летать и дышать огнем...

– Подумаешь, – я вновь хмыкнула. – Мистики тоже трансформироваться умеют.

– Правда? – заинтересовалась Ремм. – Расскажи!

– Ну-у, – протянула я, наскоро прокручивая в голове, что знаю. – Маги тоже могут иногда немного видоизменять физическое тело. Для повышения боевых характеристик. Это называется "первая магическая трансформация". В этой форме и прыжки сильнее, и удары, да и вообще боеспособность повышается, – закончила я объяснение.

По сути, трансформация происходит в энергетическом плане, например, когда на сдвиг энергетики пространства перестраивается энергетическое тело, и физическому приходится как бы подстраиваться. При этом оно усиливается и приобретает в чем-то звериный устрашающий облик.

Первая магическая довольно плохо контролируется сознательно и нередко происходит не по своей воле. Можно самостоятельно толкнуть себя на трансформацию, а можно стать жертвой "сдвига" в пространстве. И порой очень непросто волевым усилием "заставить" энергетику вернуться в обычное состояние, увлекая за собой "физику". А чисто физически, без подключения энергетики, вернуть себе обычный облик не получится.

Штука, мягко говоря, довольно неприятная. Да еще есть там немало подводных камней... Ремм все это знать не обязательно.

Так происходит трансформация у людей. Технически, потенциально способны к этому все люди, но у магов энергетика более чувствительна к "сдвигам", и физическое тело теснее с ней связано... Вот нам и достается.

– Если это первая, получается, есть и другие? – заинтересованно спросила Ремм.

– Ну-у, есть... Вторая там, третья...

– А как делается вторая и третья? – не унималась собеседница.

– Э-это сложно объяснить простому человеку, – уклончиво пробурчала я. – Да и незачем тебе, что зря ляды точить.

Достоверно я могла описать только первую, самую ходовую, а в последующих, мягко говоря, плавала.

Ремм ответ приняла, но потом проговорила:

– Все равно быть драконэллом лучше! Но... Это очень большая редкость, – продолжала она, – ибо цена очень высока. Один обряд отнимает у дракона сто лет жизни.

– Как это? – снова включив "дурочку", уточнила я.

– Ну, понятно, как. Жизнь на сто лет короче.

Я скептически хмыкнула. На троечку, Ремм.

– Эх, но пока стать наложницей – это всего лишь мечта... – вздохнула она. – Я никак не могу найти текст призывающего заклинания. Нигде не попадается. О, Небо, если б мне

только знать слова!..

– Знаешь, – проговорила я, ненавязчиво отодвинувшись на пол-ладони. – Я, наверное, все-таки почитаю...

Я оперлась лбом на руки и поставила локти на стол, уткнувшись в "Драконоведение".

– О-о-о, божечки! Не может быть! – глаза Ремм были обращены на зацепившийся за край рукава и потому выглянувший браслет.

"Не-е-е-ет, – мысленно застонала я. – Только не это!"

– Это настоящий?! – восторженным шепотом воскликнула Ремм, почти уткнувшись лицом мне в руку.

– Нет! Нет, конечно, – торопливо отговорила я. – Это... копия.

Я уже конкретно жалела о том, что вообще заговорила с ней.

– Небо, где ты его достала?

– Это... папа привез из какой-то поездки. Он у меня торговец. Говорят, точная копия драконьего браслета.

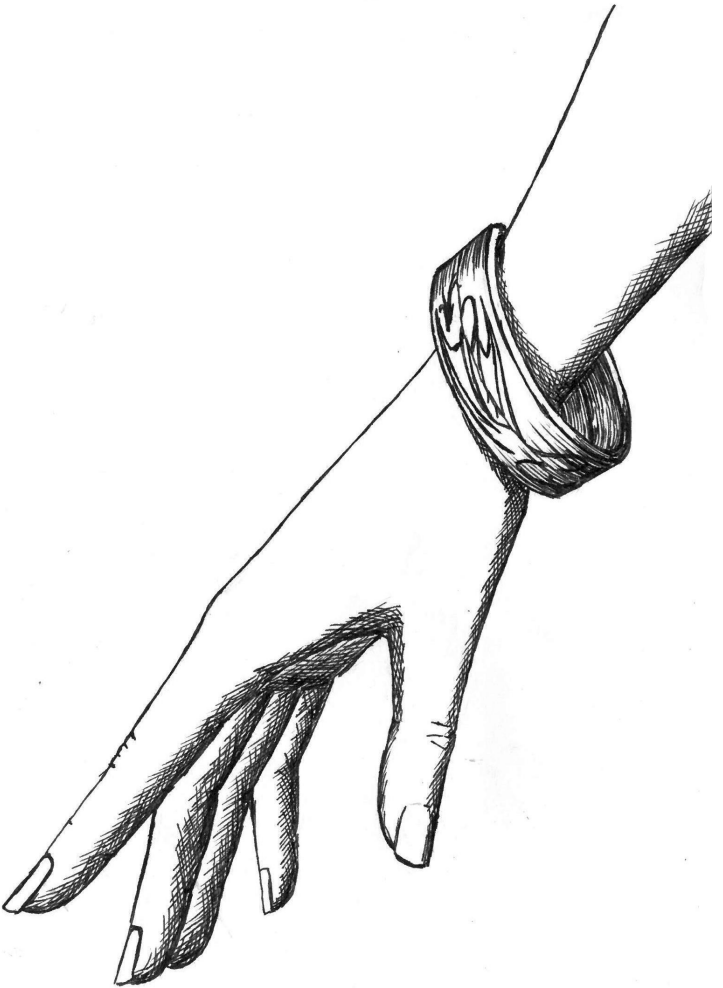
Ремм с надеждой подняла на меня глаза:

– Не продашь? Я за сколько угодно бы выкупила! Душу бы за такое продала!

– Нет! Он не продаётся, – недовольно изрекла я, отстраняясь. – Это же, типа, подарок! Память, и все такое.

– Ах... понимаю, – погрустнев, ответила она. – А можно хотя бы посмотреть, как при обороте составляется силуэт дракончика? Всегда мечтала увидеть.

– Н-нет, – поморщилась я, пряча злополучный браслет под рукав. – Там... механизм сломан. Если повернуть, назад потом не сделать.

– Понятно, – печально вздохнула Ремм. – А ты, случаем, не помнишь, откуда он его привез? Вдруг там есть еще... – проговорила она с надеждой.

– Нет, не помню, – протянула я. – Я маленькая была.

Воцарилось несколько неуютное молчание. Уткнувшись в книгу, я подумывала, как бы ненавязчиво свалить, не вызвав особых подозрений. И постараться больше на Ремм не наткнуться.

Та, вроде, заняла себя чтением своей книги. Я приподнялась, но стул скрипнул, и она обернулась.

– Я, пойду, наверное... – неловко кашлянув, проговорила я.

– Так быстро? – удивилась девушка.

– Д-да... Я с дороги. Устала. Надо комнату найти...

– Ой, а не хочешь пойти с нами? Я знаю отличный постоянный двор неподалеку. К тому же, я познакомлю с одной своей приятельницей.

"О-о, нет! Мало одной фанатички было!"

– Она тебе понравится, отличная девчонка.

– Не стоит, – поморщилась я. – К тому же, не хочу тебя торопить...

– Да ладно, я все равно тут уже давно! – отмахнулась

Ремм, поднимаясь.

Я мысленно застонала. Не отвертеться теперь...

– Она очень веселая и талантливая. И тоже мистик, как и ты, – проговорила она, подходя к названному постоялому двору. Мы зашли в здание и оказались на первом этаже, приспособленном под едальное заведение.

– Вот и она...

За столиком посередине, прислонившись к центральному опорному столбу, сидела девушка. Ее золотисто-рыжеватые волосы были заплетены в длинную косу. Она, любовно перебирая струны, настраивала гитару.

– ...Знакомься, ее зовут...

Девушка приподняла голову и взглянула на меня.

– Люсиль.

Я уже бросилась ей навстречу; она отложила гитару и, торопливо поднявшись, сделала движение ко мне. Не говоря ни слова, мы крепко обнялись, как друзья после долгой разлуки.

– Ой, так вы знакомы... – растерянно проговорила Ремм.

– Только не говори мне, что ты тоже помешана на драконах, – шепнула я прямо в ухо Люсиль.

– Высшие с тобой, – спешно отговорила она.

– А я уже боялась встретить второго фанатика...

– Ты не поверишь, но я нашла единомышленницу! Дзета тоже неровно дышит к драконам! – радостно проговорила Ремм, подойдя и приобняв нас.

Люсиль взглянула на меня ошеломленно. Я сжала губы.

– Покажи ей браслет, Дзета. Ух, душу бы за него продала, – обратилась она уже к Люсиль. Та с удивлением и непониманием глядела на меня.

– Да это копия. Мне папа подарил... – пробурчала я.

Люсиль хмыкнула с тенью недоверия. Но недоверия, скорее, к тому, что я единомышленница Ремм.

– Ты останешься? – спросила она.

– Ну, если я вас сильно не стесню, – я присела, пододвинув себе стул. – А то, как известно, незванный гость хуже загорянина!

Я рассмеялась, но через несколько секунд поняла, что из нас троих смеюсь одна.

Ремм только неловко похихикала.

– Кстати, я загорянка, – посерьезнев, проговорила она. – Моя семья мигрировала в Лиорию, когда я была маленькая.

– Ой... – растерянно проговорила я. – Неловко вышло... Ч-что ж... Может, закажем чего-нибудь попить? – поспешила я сменить тему.

– Пойду за вином, – сказала Ремм, поднимаясь.

– И чаю нам возьми! – попросила Люсиль.

Стоило чернокудрой отдалиться на несколько шагов, я чуть придвинулась к Люсиль и тихо поинтересовалась:

– Тебе не кажется, что она немного повернутая?

– Немного? – выразительно переспросила та.

– Где ты ее подцепила?

– Да вот, встретились. Она меня нанимала, потом позвала в Литт. Нет, она нормальная. Ну, не считая определенных тем...

"Ей точно нельзя в Долмир", – подумалось мне.

– ...и она очень красиво поет, – будто бы покаянно проговорила Люсиль, прикрыв глаза.

Вернулась Ремм.

– Чай будет минут через десять, – с улыбкой доложила она, ставя кувшин на стол и присаживаясь.

– Ну, а ты здесь какими судьбами? – поинтересовалась Люсиль у меня.

– Да вот, недавно по гильдийскому поручению отвозила послание в Дарп. А теперь катаюсь просто так по тракту...

– В Дарп? Здорово! Ты была на побережье?

– Ага.

– А правда, что там не бывает зимы? И что уже сады цветут? – с интересом спросила Люсиль.

– Про зиму не знаю, – ответила я, – но сады цветут.

– М-м-м, – протянула она мечтательно. – Сейчас бы отправиться к морю, так наскучила зима...

– Так чего ж, – хмыкнула Ремм, – отправляйся. Ты-то мистик, куда хочешь можешь ехать. Хоть за границу.

– Ехать-то можно, только вот работу бы там найти... Неужели думаешь, там своих магов нет? А жить на что-то надо.

– Кстати, – проговорила я, – стоит быть осторожнее с

местными магами. Могут и не принять чужака...

– Глупости, – самоуверенно качнула головой Люсиль. – Нет таких правил, чтобы кому-то было запрещено работать там, где есть другие мистики.

– Ага, – хмыкнула я. – Так им и скажешь, когда тебя к стенке припрут...

– Правда? – удивилась девушка.

– Угу, – я кивнула, – Меня так чуть не побили осенью.

– И что? – с участием спросила Люсиль.

– Ну, что, – протянула я, думая, как бы поправдоподобнее убраться из истории все лишнее. – Уехать пришлось.

Мистик со вздохом кивнула, удовлетворившись ответом.

Подошел хозяин, принес котелок и налил нам с Люсиль чай. Ремм же наполнила бокал вином.

– Ну что, – сказала она, подняв кружку, – первый тост за короля?

Мы столкнули бокалы.

– Как извес-стно, лучшая тема для хор-рошей попойки – это разговор о политике... – повернулся к нам уже крепко поддатый мужичок из-за соседнего стола, подняв ополовиненную кружку.

– А в моем краю говорят, – хмыкнула я, – что разговор о политике – это лучшая тема для хорошей ссоры...

Впрочем, кто сказал, что для некоторых это не одно и то же?

– Да здр-равствует светозарный король наш Матин! – в

приступе хмельного патриотизма воскликнул мужичок. – Пусть же купается в солнечных лучах славная Лиория, а поганая Загоряния гниет в Темном Немирье вместе с королем-дураком и королевой своей чертовкой!.. – и плюхнулся лицом на стол.

Мы молчаливо проводили его взглядом.

– Во-первых, – холодно проговорила Ремм, – не "Загорянии", а "Заагре".

– Ладно... Хорошо хоть, что в мире живем, – сказала Люсиль. – Здравья старому королю.

– Главное, чтобы королева курс не сменила, – хмыкнула Ремм. – А то странная она.

– А что с ней такое? – обратилась к ней подруга.

– Королева Адденейз... Ну... Слухов вокруг нее море. Поговаривают... – девушка понизила голос и, облокотившись на стол, приблизилась к нам, – что она ведьма.

Мы с Люсиль переглянулись и через секунду расхохотались.

– Ты серьезно, Ремм? – выдавила я. – Ты живешь в такое цивилизованное время, видишь магов постоянно, более того, с двоими из них прямо сейчас разговариваешь, и – выдаешь такие древние пережитки?

– Она же даже не маг, насколько я знаю, – смеясь, добавила Люсиль.

– Может, она и не маг, – фыркнула Ремм, – но... Король-то старик стариком. Женится черт знает когда. А на ко-

ролеву взглянешь – в дочки ему годится... Не было ни одного известия, чтобы он женился еще раз. Без понятия, сколько ей лет, но, если нам не врут, ей должно быть всяко не меньше полтинника. А ей, на крайняк, тридцать пять дашь.

– А ты сама видела ее?

– Я не помню, маленькой была. Родители видели.

– Ну, Ремм, – протянула Люсиль, – не то чтобы это совсем фантастикой было. Будь она магом, она вполне могла бы выглядеть моложе своих лет, ибо мистики живут дольше.

– Ага, – подтвердила я, – мистик вполне может в пятьдесят выглядеть на тридцать. Она маг?

– Насколько мне известно, нет, – ответила Ремм. – По крайней мере, официально.

– Ну, может, у неё хороший косметолог, – весело проговорила Люсиль, отхлебывая чай.

– Да нет, – воскликнула я. – Просто у нее хороший художник!

Мы рассмеялись.

– Хотя, может, она в крови девственниц купается, – не удержалась я. – Не слышала, в Заагре девиц ко двору в качестве налога не требуют?

Ремм фыркнула:

– Полно вам. Я просто рассказала, что слышала. Конечно, слухами земля полнится, но нет дыма без огня.

– Ладно, согласна, – проговорила Люсиль. – А точно не женился старик тайно? Мало ли?

– Да Сцетра знает... – вздохнула Ремм. – Старики-то говорят, что королева та же, не менялась. Такая и была всегда. Не стареет, говорят, и все.

– А может, у них с королевой была тайная дочь? И король на ней женился и за мать ее выдает...

– Фу-у! – воскликнула я.

– Да кто их разберет, – пожалала плечами Ремм. – Звучит, как бред, но я ничему не удивлюсь...

– Да-а... Темная лошадка эта ваша Адденейз, – Люсиль одним глотком допила оставшийся чай. – Так что, девочки, – она взглянула на нас, – может, уже споем что-нибудь?

...Поздним вечером, когда давным-давно закончился чай и голос начал едва заметно хрипеть, мы разошлись.

Ремм и Люсиль оставались ночевать тут, а я договорилась о комнате с одной женщиной из слушавших наши песни. Пока Люсиль принялась, шурша чехлом, убирать гитару, Ремм негромко и загадочно проговорила:

– Я живу в Адше. Заезжай летом, если что...

Я неопределенно пожалала плечами в ответ. Хотя этот городишко неподалеку от Соулу был мне известен.

Ремм отправилась на второй этаж, Люсиль вышла меня проводить.

– Спасибо за компанию! – проговорила она.

– И тебе спасибо! – ответила я с улыбкой. – Надеюсь, завтра увидимся.

– Ага, до завтра, – махнула рукой она.

Я развернулась и двинулась уже было по темной улице.

– Дзета! – вдруг окликнула меня Люсиль; я обернулась. –

Ты... и правда теперь увлекаешься драконами? – спросила девушка, подойдя.

– Ай, – легко отмахнулась я. – Да я так, немного интересуюсь темой...

– Знаешь, – проговорила Люсиль серьёзно, положив руку мне на плечо и взглянув в глаза. – Не увлекайся этим особо. Не слушай Ремм. Драконы опасны. Хоть это и разумная раса, но это другой народ. У них иные обычаи, иная культура... Лучше остерегайся их.

– Да я знаю! – преувеличенно бодро отмахнулась я. – Не стоит переживать обо мне!

– Ладно, – улыбнулась Люси и скрылась за дверью.

Я вздохнула и зашагала в ночную тьму.

...Неужели и я похожа на фанатика?

День рождения

Эрстхен встретил меня ярким солнцем и по-летнему теплой погодой. Вторая половина весны на Побережье, пожалуй, могла бы поконкурировать с обычным летом в Центре.

Крыши города блестели на солнце, а позади них переливчатой, словно танцующей мозаикой искрились блики на колыхающейся морской равнине.

Мне, конечно, не было нужды заезжать в город, однако, имея день в запасе, я все же решила прогуляться до морского берега.

Осматриваясь, я медленно бродила по рынку, потихоньку продвигаясь к набережной, как вдруг заметила знакомые волосы, мелькающие в толпе. Усмехнулась и, пройдя площадь, приблизилась к светловолосому торговцу.

– Привет, – нахально бросила я.

– Ох, зараза! – процедил он сквозь зубы, едва взглянув на меня, и напряженно окинул взглядом пространство за моей спиной, высматривая, видимо, нет ли поблизости Конхстамари.

– Можешь не вглядываться, я здесь одна, – проговорила я.

– Что ты здесь забыла? – фыркнул Личи, отворачиваясь.

– Да так, погулять заехала, – ответила я, подходя.

– И Конхстамари позволяет тебе одной бывать в Эрстхене? – с недоверием проговорил он, как нарочно глядя в дру-

гую сторону.

Нет, ну что за манера разговаривать, стоя к человеку боком?

– С чего бы нет? Где хочу, там и гуляю! – чтобы видеть лицо собеседника, мне пришлось обойти его.

– Слушай! – возмущенно заявил Личи. – Если уж разговариваешь со мной, хотя бы смотри в другую сторону! А то Конхстамари обвинит меня в том, что я недостаточно старательно от тебя отхожу...

Я запоздало осознала смысл Личиных маневров и отвернулась, сделав вид, что разглядываю что-то на прилавке неподалеку. Воцарилось молчание.

– И, кстати, неужели Конхстамари не запретил тебе ко мне подходить? – недоброжелательно поинтересовался дракончик, сложив руки на груди.

– Он *не рекомендовал*, а не *запретил*, – едко ответила я. – А дальше уж мое дело, к кому подходить, а к кому нет.

– Да уж, конечно... С каких это пор наложницам дозволяется иметь столь свободные нравы?

– Я не наложница Конхстамари! – отрезала я.

– Неужели? – хмыкнул Личи. – В любом случае, не хочу, чтобы нас видели вместе.

– Что, боишься, что слухи до него дойдут?

– Нет, не хочу, чтобы про меня подумали, будто я работаю с нищесбродами.

– Вот как? – фыркнула я, склонив голову набок. – Я и не

думала, что кого-то, кто занимается подобным, может интересовать, что о нем думают...

– Слушай, на кой ты вообще ко мне лезешь? – проговорил Личи флегматично, словно не обратив ни малейшего внимания на издевку.

– Ой, да мне просто интересно, каково это: быть чьей-то "игрушкой"?

– Не знаю, – нахально бросил он. – Ты наложница, тебя надо спросить.

– Я не наложница! – рявкнула я.

– Ну да, ну да, – с ухмылкой протянул дракон.

– Кому бы заикаться вообще, Личи! – огрызнулась я. – Уж точно не тому, кто зарабатывает себе на жизнь таким образом!..

Но, кажется, моя колкость его совершенно не задела.

– Ну-ну... – равнодушно пожал плечами Личи. – И чем же изволит зарабатывать на жизнь госпожа не-наложница?

– Я мистик-вольнонаемник, – холодно проговорила я, скрестив руки. – И для тебя я – госпожа Янше.

– Ну так и я для тебя не Личи, а господин Чиэнстелли, – недовольно фырнул он. – Или, по крайней мере, Лиэстер.

– Буду называть так, как сочту нужным, – заявила я нахально. – Я не собираюсь расшаркиваться с тем, кто торгует собой.

– Слушай, – протянул Личи равнодушно, почти скучающе. – Я понял твою позицию. Если тебе больше нечего ска-

зять, то не трать мое время. Оно стоит дорого, госпожа неналожница Конхстамари.

– Оу, ну конечно! Не смею тебя задерживать... – едко проговорила я, пытаюсь придумать, как бы отплатить за "не-наложницу", но ничего остроумного в голову не лезло, и потому пришлось припомнить лишь его безобидный шрамик и бросить насмешливо. – Личи-крашенные-брови.

– Что-о?! – вскрикнул он, обернувшись, ошеломленно и возмущенно одновременно. – У тебя все в порядке? Как ты вообще до этого додумалась? – продолжил он уже конкретно с возмущением.

– Ты вдохновляешь на колкости, – ехидно ответила я, удивленная тем, что мое неожиданное оскорбление оказалось столь метким. Демонстративно повернувшись, я двинулась было прочь. Но Личи, в один широкий шаг нагнав меня, остановил и резко развернул за плечо.

– Значит, так, – проговорил он ледяным тоном, жестко глядя мне в глаза, – давай сразу проведем границу. Кем бы ты там не была Конхстамари, у тебя нет права так со мной разговаривать и так относиться. Я слова не скажу ему или любому другому дракону... У них есть моральное право меня презирать. А вот ты – не доросла!

Личи вскинул голову, развернулся на каблуках и двинулся прочь. Я простояла секунд пять, осмысляя сказанное, а потом спешно зашагала следом.

– Ладно, ты прав! – негромко крикнула я. – Извини.

Личи обернулся и взглянул на меня несколько удивленно, но при том с подозрением, словно пытаюсь понять, не насмехаюсь ли вновь. Но сейчас я была искренна.

– Ладно, – наконец холодно сказал он. – Извинения приняты.

Вновь повисло молчание. Я бесцельно рассматривала соседний прилавок, якобы делая вид, что мы вовсе не разговариваем.

– Знаешь, трепаться посреди площади – все еще плохая идея, – заметил Личи, вновь окинув площадь взглядом. – Здесь неподалеку есть хороший ресторанчик.

– Что, задумал заманить меня куда-нибудь и попытаться охмурить? – насмешливо осведомилась я.

– Девчуль, – проговорил Личи пренебрежительно, даже как-то покровительственно. – Ты себе очень сильно льстишь...

– Ну хорошо, – бросила я, прикидывая, не сильно ли рискую. – Тогда пойду с тобой. Все равно перекусить собиралась.

– Учти, платить за тебя не буду.

Я хмыкнула, пожимая плечами.

Личи же подошел к одной из уличных палаток, явно пользующейся популярностью, и, обменявшись парой фраз с хозяином, скинул лямку лотка с плеча и оставил его там. И, обойдя площадь, шмыгнул на боковую улицу.

Я пошла следом. С улицы мы зашли в уютный дворик,

на одном из зданий в котором красовалась вывеска "Старый двор".

– Дня, Гефар, – бросил Личи, заходя.

Хозяин приветственно кивнул.

Личи проигнорировал широкую скамью вдоль стены и подошел к одному из столов ближе к центру. Я присела сразу, а он сначала развернул стул спинкой в сторону, и только потом сел за стол. Я вопросительно взглянула на дракончика.

– Что за маневр?

– Куда, по-твоему, я дену крылья? – холодно осведомился Личи.

– Ах да, точно, – проговорила я. Не приходилось мне сталкиваться с этим вопросом ранее, ведь Конхстамари не прятал крылья под плащом.

Подошел хозяин и еще раз приветствовал нас вежливым кивком. Это был мужчина лет тридцати – тридцати пяти, среднего роста, довольно поджарый, в простой серой рубашке и черном фартуке поверх. Последний, казалось, был скорей для вида, нежели для работы. Прямые, почти черные волосы мужчины прихватывала темно-синяя бандана.

– Как-то рано ты на этот раз, – проговорил он, обращаясь к Личи.

– А у меня обеденный перерыв, – с улыбкой бросил тот.

– В пять вечера? – осведомился хозяин, приподнимая бровь.

– Гефар, я индивидуальный предприниматель, – нахально

заявил Личи. – Что хочу, то и делаю.

Хозяин усмехнулся.

– Сообщи, если кто-то будет приближаться, – прошептал дракон едва слышно.

– Кто-то *из ваших*? – так же тихо уточнил хозяин.

Личи прикрыл глаза вместо кивка. Гефар качнул головой и, подойдя к вышибале, что-то коротко скомандовал. Потом вернулся к столику и как ни в чем не бывало поинтересовался:

– Чего изволите?

Я еще не знала, что заказать, и вопросительно взглянула на Личи.

– Давай мяту с лавандой. И клубничный мусс, который мне нравится.

– Мусс сейчас стоит две сереньких, если что.

Я мысленно поперхнулась, начав сомневаться, что сие заведение мне по карману.

– Сколько? – недоверчиво переспросил Личи. – Геф, его что, за такую цену, сам комендант золотой ложкой готовит?

– Нет, а что ты хотел? Для клубники не сезон! Она дорогая сейчас.

– Да за эти деньги можно ящик клубники купить! – с легким возмущением бросил дракон.

– В мае-июне – да! А сейчас она, разумеется, стоит, как специи! Ее привозят из-за моря в маленьких ящичках, обложенную "холодком"!

– Ладно-ладно!.. Ну и цены у тебя тут, конечно, – явно рисуясь, протянул Личи. – А ты не делаешь скидок постоянным клиентам?

– Личи, ты бессовестная содержанка! – с наигранным возмущением воскликнул хозяин. – Ты так редко платишь за себя сам, что тебе грех жаловаться!

Тот лишь рассмеялся.

– Ну, тогда ничего не надо.

– Совсем ничего?

– А, в другой раз.

– Настолько не хочешь сам за себя платить? – ехидно осведомился хозяин.

– Не свои же деньги, право, тратить! – нахально заявил Личи. – Это ж неинтересно... Принеси вторую кружку, буду пить с ней, что она закажет.

Я возмущенно кашлянула, взглянув на него.

– Не переживай, тут большие чайники и долив кипятка за счет заведения, все равно одна не выпьешь! – с издевкой ухмыльнулся тот. – Это же совершенно нормально, угостить кружечкой чая собеседника.

Я насупилась.

– Ч-что ж... – задумчиво протянула я, глядя на хозяина. – Мне, пожалуйста, кувшинчик молока.

Хозяин прыснул.

Я взглянула на Личи; он сжал губы и посмотрел на меня взглядом собаки, которой пообещали кусочек булки, а потом

бессовестно съели его у нее на глазах.

– Извольте вторую кружку? – издевательски вежливо уточнил хозяин.

– Мяту с лавандой, – сухо бросил Личи, невозмутимо улыбнувшись. Хозяин, посмеиваясь, удалился.

– Умеешь проигрывать, – заметила я с усмешкой.

– У меня богатый опыт, – иронично проговорил Личи, прикрыв глаза.

Какое-то время мы молчали.

– Почему мы сели именно здесь? – скучающе поинтересовалась я. – А не там, у стены?

– Там лавка. С крыльями там можно сесть, только если ее отодвинуть от стены. Только лавка общая, и, если какой-нибудь сосед, вставая, двинет ее к стене... будет не здорово.

– О-о, – протянула я. – Да, я могла бы додуматься. Крылья, похоже, довольно большие...

Я мысленно прикинула, что сложенные таким образом крылья должны доходить примерно до уровня колен...

– Ну так, – фыркнул Личи. – Они способны поднять в воздух дракона в человеческой форме.

– Ну, это в идеале, да? – язвительно уточнила я.

Личи, не стирая спокойной улыбки с лица, повернулся к соседнему столу и, вытянувшись, нараспев проговорил:

– Вы позволите? – и, взяв ближайшую кружку, выпрямился и развязно плеснул мне в лицо дешевые пивные ополоски.

Я оторопело отшатнулась, принявшись отплевываться и протирать глаза от гадкого пойла.

– Благодарю, – пропел Личи, возвращая кружку, и бросил сидящим монетку.

– Ого! Четвертушка серебряная! – радостно воскликнули сидящие, чуть ли не подскочив. – Ваше здоровье, господин!!!

“Угу, не чокаясь”, – тихо бросил Личи под нос. За соседним же столом уже всюю требовали еще пива.

Я цокнула языком, брезгливо утирая лицо салфеткой. Пиво намочило волосы, а также стекло на куртку и рубаху. Бу-

дет теперь вонять.

– А ты всегда так остро реагируешь, когда тебе что-то не нравится? – раздраженно проговорила я.

– Да, – легко согласился Лиэстер. – И, должен заметить, это беспроегрышная тактика. Сразу позволяет отсеять ненужных людей. Если человек ведет себя бестактно, отпускает колкости и намеренно хамит, можно смело позволить себе плеснуть ему в лицо вином из бокала, ну или тем, что подвернется... Наглядная демонстрация, что подобное по отношению к тебе недопустимо и ты совершенно не намерен это терпеть. Если человек адекватный и заинтересован в общении, он поймет, сделает выводы и будет впредь вести себя тактичнее. Если же человек неадекватен и не в состоянии что-либо понять – вы просто разойдетесь, и он не будет зря тратить твое время. Фильтр работает безотказно.

– То есть, ты совершенно сознательно ведешь себя как склочная истеричка? – едко осведомилась я.

– Совершенно верно, – как ни в чем не бывало протянул он. – Кстати, говорят, пиво улучшает рост волос...

– А вот это *ты* зря сказал! – больше в шутку, чем со злобой возмутилась я, демонстративно поднимаясь. Волосы я зимой опять обрезала, не утерпев. – Эй, уважаемые, у вас там не найдется еще недопитой кружечки?

Но ажиотаж по поводу появления монетки за их столом был столь велик, что я осталась незамеченной, и в тот момент, когда я сделала движение, чтобы подойти к ним, вер-

нулся хозяин с чаем и молоком. Поскольку не очень-то мне и хотелось, я сочла это веской причиной и села на место.

Личи налил себе чай и сделал глоток из кружки. И не такой уж тут большой чайник. Да и кувшинчик. По всей видимости, все же, рассчитанный на одного-двоих. Я отхлебнула молока из кружки и надменно бросила Личи:

– Сегодня тебе повезло.

– Угу-угу, – равнодушно хмыкнул он.

Я поглядела в отдаленное окошко, за которым пышным кустом цвели бордовые розы.

– А красивый город... – проговорила я, прихлебывая свое молоко.

Все-таки обожаю Побережье.

Допив последний глоток молока, я нахально налила себе кружку чая, сопровождаемая Личиным ошарашенным взглядом.

– Это же совершенно нормально, угостить кружечкой чая собеседника? – я невинно подняла глаза на дракончика. Тот лишь цокнул языком, сощурившись. Краем глаза я, кажется, заметила, как заухмылялся хозяин.

Личи поспешил долить себе оставшийся чай и, равнодушно глядя вдаль, сделал глоток. Я, торжествуя, продолжила пить. Вкус чая был непривычный, но очень приятный. Пробовать такой мне еще не доводилось.

– Гефар, ты ж сволочь, – беззлобно бросил Личи хозяину. – На чьей ты стороне?

Тот лишь посмеялся.

– Смейся, смейся... Вот возьму да уйду, не заплатив.

– Толку-то, – фыкнул хозяин. – Все равно сюда явишься не завтра, так послезавтра.

Личи хмыкнул и хлебнул чай.

– Совсем уйду, Гефар. И все, ты банкрот, и заведение твое бесславно порастает паутиной... – продолжил он также безэмоционально, даже не пытаясь сыграть убедительность.

– Как же, как же, – протянул Гефар. – Кто ж лучше меня твои запросы поймет.

Лиэстер усмехнулся, прихнавая довод весомым.

Наступал вечер, народ постепенно прибывал. Все меньше и меньше оставалось пустых столиков.

– По-хоро-ошему, мне уже пора, – Личи поставил пустую кружку на стол, поднялся, небрежно кинул хозяину серенькую и быстро зашагал к выходу. – Кстати, девчонка сама за себя платит! – крикнул он от двери.

Я хмыкнула. Мерзавец ведь. Оставленных им чаевых вполне хватило бы, чтобы заплатить за мое молоко...

Рассчитавшись, я покинула ресторан, чтобы не заплутать, вернулась на рыночную площадь, и уже с нее вышла на широкую многолюдную улицу, ведущую к набережной.

Шагая по дороге вниз, я рассматривала дома, дворики с цветущими деревьями, как вдруг прямо рядом со мной раздался женский возглас, и с сорванным кошельком вдоль домов к оставшемуся выше переулку метнулся силуэт вора.

Мимо меня он промчался стрелой, толкнув в сторону и вынудив чувствительно качнуться. Но я, тотчас войдя в транс, выровнялась и, развернувшись, ударила ему по ногам ловчим заклинанием.

Удар получился точно в цель, и неудачливый вор, кубарем прокатившись по мостовой, растянулся на камнях. Удивленные взгляды прохожих метнулись на меня.

К злоумышленнику уже бежала стража. Двое стражников тотчас перехватили вора и без особого труда отобрали у него краденый кошель, а старший в тройке, высокий мужчина в возрасте с короткой черной бородой, подошел ко мне.

– Благодарю за содействие страже, госпожа мистик, – отчеканил он, козырнув, потом уже менее официально продолжил. – Не видел вас раньше. Вы недавно в городе?

– Ага, – оправив куртку, приветливо ответила я. – Сегодня приехала.

– Понятно. Дежурный вопрос: есть ли у вас лицензия на работу и разрешение использовать магию в Эрстхене?

Если просьба предъявить лицензию была обыденной, то вторая часть фразы меня напрягла. На всякий случай я достала с лицензией еще и диплом и продемонстрировала обе бумаги. Стражник кивнул, потом взглянул на меня.

– А разрешение, подписанное комендантом?

– Я... я не знаю, – проговорила я растерянно. – У меня вот только это есть.

– Вы... Вы ведь получили от коменданта разрешение ра-

ботать здесь?

– Боюсь, что нет... – морщина протянула я.

Стражник покачал головой.

– Очень жаль, госпожа маг. К великому сожалению, я вынужден арестовать вашу лицензию.

– Н-но... но я же, по сути, не работала здесь! – сбивчиво попыталась отвертеться я.

– Это касается любого применения магии, – он взялся за лицензию, осторожно забирая ту из моих рук. Я жалостливо посмотрела на него, сначала не желая разжимать пальцев, но потом сдалась и отпустила. – Вам придется решать этот вопрос с местным представителем Гильдии. Восьмой дом по Приморской улице. Гонза Ройхейм.

При упоминании местного мистика мне вспомнился осенний инцидент, однако, я надеялась, что, раз уж речь идет о Гильдии, все-таки, все официально.

Стражник поклонился, аккуратно убрал бумагу и, развернувшись, зашагал прочь.

– Извините! – крикнула я ему вслед, теша себя искрой надежды, что все неувязки можно решить за вечер. – Могу я зайти туда прямо сейчас?

Стражник покачал головой:

– Боюсь, что отделение Гильдии уже закрыто. Заходите завтра утром. Ваша лицензия будет передана комиссару.

– Вот и помогай людям после этого, – вздохнув, беззлобно проговорила я, больше рисуясь, чем возмущаясь.

Ну, что ж. Выбора не оставалось. Я печально посмотрела в сторону моря, до которого я так и не дошла, и торопливо отправилась на поиски приличного и, что немаловажно, недорогого места для ночевки...

Утром я поспешила по указанному адресу. Я боялась упустить время и потому постаралась явиться пораньше. Даже перестаралась – когда подошла к отделению, было еще закрыто.

"Отделение" представляло из себя даже не целое здание, а, по всей видимости, всего лишь первый этаж. Хотя, пожалуй, все логично – Эрстхен же не является нашей подведомственной территорией, поэтому и как такового отделения Гильдии в городе нет. Однако, дела магические контролировать все-таки надо, и потому, видимо, для этих целей в город и присылают представителей Гильдии...

Подстелив куртку на холодную каменную ступеньку, я присела и стала ждать.

Утро конца весеннего месяца ирмсильфа⁸ дышало легкой, по-летнему приятной свежестью. Почти месяц как миновал пик весны – сезона веселого-веселой Ирмье. На горизонте искрилось в пологих солнечных лучах море. В воздухе пахло цветами – в городе их было множество. Постепенно улицы начали оживать, появился народ. Мимо "отделения" Гильдии тоже начали ходить люди.

---

⁸ Ирмсильф – второй весенний месяц. По григорианскому календарю длится с 23 марта по 22 апреля.

Я заметила женщину в довольно строгом, хоть и непривычном для лиорианского взгляда костюме. Она шагала по улице в мою сторону и вполне могла оказаться мистиком.

Приблизившись, женщина мельком взглянула на меня и стала быстро подниматься по ступеням. Она! Я вскочила и бросилась следом.

– Госпожа Ройхейм! – окликнула я, заставив женщину обернуться, и почтительно склонила голову. – И... извините...

На вид ей было около тридцати-тридцати пяти. Хорошая осанка. Светло-русые волосы, строгая прическа. Глаза серые, как мои. Видно, что присланная лиорианка.

– А-а, госпожа Янше, я полагаю? – проговорила она. – По поводу лицензии? Комиссар Гонза Ройхейм.

Я приветственно и одновременно утвердительно кивнула. С чего начать разговор, я не знала.

– Госпожа Янше, вам же известно, что Эрстхен – это уже не Лиория, – проговорила комиссар холодно. Я вздохнула. – Выезжая сюда, вы должны были получить в Дарпе разрешение на работу за границей. Или же получить разрешение у коменданта города.

Здесь, в Эрстхене, на смешанной территории, условно человеческим поселением руководил комендант – назначенный правитель со стороны людей. В Лиорианских городах, особенно ключевых и отдаленных, градоправителями были наместники.

– Ну, я же приехала не работать, так-то... – неуверенно начала я.

– Госпожа Янше, – проговорила комиссар. – Вы находитесь за пределами страны. У вас на это должна быть либо стопка бумаг, если вы простая смертная, либо разрешение на работу.

Я вздохнула. Да, мистиком быть хорошо. Куда хочешь, туда и едешь. Хоть из страны выезжай – не нужно, как простым людям, объясняться, зачем, и собирать кучу документов.

Но зато, когда покидаешь подведомственную территорию, обязательно получить разрешение на работу нужно. Было.

– Или уж, – госпожа Ройхейм приблизила ко мне лицо и понизила голос, – хотя не мне, как представителю закона, вам о таком говорить – вести себя тихо и не швыряться заклипаниями посреди города.

Я вздохнула, опустив глаза.

– И что же мне делать?

Комиссар чуть заметно усмехнулась, сняла маску строгости и проговорила спокойно, даже дружелюбно:

– Вам нужно получить разрешение у коменданта. Просто придете, покажете мне разрешение, и я верну лицензию. Так, я выпишу вам справку, – она взглянула на башенные часы, торопливо вытащила из сумки бланк, видимо, заполненный заранее, на перилах вписала мое имя и дату, заверила гербом казенной печатки и протянула мне. – Справка действительна два дня. Поторопитесь, у коменданта как раз идёт прием.

– Хорошо! – бодро ответила я, спрыгивая с лестницы. – Считайте, что я уже почти вернулась! Одна нога здесь, другая там!

Ройхейм посмотрела на меня с сомнением, но я уже мчалась по улице к ратуше.

Через пятнадцать минут я была там. Около здания и на крыльце стояли пара десятков человек. Ловко между ними маневрируя, я пронеслась к крыльцу и ступила уже на ступеньку, как послышались возмущенные окрики:

– Куда такая деловая!

– Очередь не видите?

– Но мне на прием к коменданту, – попыталась оправдаться я, поднимаясь.

– Тут всем на прием к коменданту! – гневно грянула очередь.

Я осторожно приоткрыла двери и наконец в полной мере осознала этот сомневающийся взгляд комиссара... Прихожая была забита до отказа.

– О-о-ох... – простонала я, спускаясь. – И как быстро движется очередь?

– Это как повезет, – буркнула какая-то тетка, стоящая ближе к концу.

Хвост очереди за мной начал постепенно нарастать. И все же, несмотря на нудность ожидания, процесс шел довольно быстро, и уже через полчаса я смогла втиснуться в просторный забитый людьми зал.

Ладно, ну, отсижу, допустим, в ратуше эти полдня... Главное, решить вопрос сегодня. Не уезжать же без лицензии!

Народ в очереди традиционно был настроен агрессивно. Ругань и крики слышались отовсюду. Мне и самой пришлось несколько раз отвоевывать свою позицию в очереди от всяких не в меру хитрых "я-раньше-вас-пришла".

Медленно, но верно я продвигалась к трети зала. И ведь было только десять с небольшим... Кажется, я успею сегодня еще и на море сходить.

Но иллюзиям моим пришлось жить не долго.

– Прием окончен! – грянули из того конца зала, распахнув двери небольшой приемной перед ожидаемым кабинетом.

Народ возмущенно загалдел.

– Что это значит? Почему?! – принялась выспрашивать я у стоящих рядом.

– Приемные часы закончились, – буркнули в ответ. – Комендант принимает с 8.30 до 10.30.

И это было совершенно не здорово...

– И как же быть? – озабоченно и нервно проговорила я.

– Завтра приходите. Очередь переносится на завтра, значит. Это еще новые придут, будут с утра ждать, и доказывай им, что со вчера ждешь...

Очередь гудела, медленно покидая здание. Все пытались застолбить свое место: "Я перед вами стою", "За вами буду..." Я, также заручившись поддержкой рядом стоящих, вышла из здания и нервно зашагала вниз по улице.

Вот ведь зараза! Как неудачно все складывается! Мне сегодня позарез нужно было уехать! Потому что завтра... Завтра особенный день. Завтра сменяется дата, и часы моей жизни начинают отмерять новый виток... День рождения⁹ у меня, короче.

И провести его я намеревалась, ожидаемо, на Жемчужной скале, у Конхстамари.

Мы договорились, что я приеду на Побережье к концу ирмсильфа, и позову его, когда немного отъеду от Дарпа. Но у меня был запас в день, и какой-то демон дернул меня сначала скататься до Эрстхена и ввязаться в неприятности!..

По-хорошему, я уже должна вернуться к Дарпу! Но не могу же я просто свалить из Эрстхена, оставив там свою лицензию!

А что если Конхстамари решит узнать, где я там заблудилась? Время-то уже поджигает... И узнает, что я застряла здесь... Нет, не думаю, что он рассердится, но мне не хотелось бы так “демонстративно” игнорировать его советы.

Я пнула ногой мелкий камушек, и он весело поскакал вниз по улице. Я подняла голову и вздохнула.

Что ж. Ладно. Завтра есть день.

Завтра я должна попасть на прием. Он заканчивается в пол-одиннадцатого. И я как раз успею до Дарпа к полудню.

В общем-то, весьма неплохо. Я встряхнулась и уже бодрее зашагала к морю.

---

⁹ По нашему календарю день рождения у Дзеты 20 апреля.

***

Я поднялась раньше солнца. Когда я шагала по улице, его лучи только коснулись облаков. У ратуши я была, едва тронулись рассветным золотом вершины холмов.

И, разумеется, оказалась не одной такой ранней пташкой.

С каждой четвертью часа людей на площади перед ратушей прибывало. Началась война за место под солнцем в этой очереди. Все жарче и яростнее становились шепотливые споры между теми, кто "раньше-пришел" и теми, кто "занимал-со-вчера".

Я, разумеется, воевала на стороне вторых.

К половине восьмого на площади уже словно было маленькое восстание – столько было людей. Два враждующих лагеря, которые, в придачу раздражались внутренними конфликтами: "Да куда ты лезешь! Я на ползала ближе тебя вчера стояла", "Ты после меня занимал, мошенник", "Да ты только на площадь зашла, когда я уже на ступенях сидела"...

Каждая позиция в очереди отстаивалась в жарком споре. Гомон был несусветный.

Тем не менее, к открытию дверей ратуши справедливость более-менее восторжествовала, насколько возможно воссоздав вчерашний порядок. Народ заполнил зал, оперевшись в запертые двери приемной. Судя по крикам, в том конце зала вообще велась война не на жизнь, а на смерть. Правда, когда охрана пригрозила вывести особо буйных на улицу, пыл

сражавшихся резко поумерился, и они тотчас пришли к согласию. Ну, или сделали вид.

Двери приемной, наконец, распахнули, и народ бодро ее заполнил. Движение началось. Однако бдительность в очереди все равно нельзя было терять ни на секунду. Только рот открой – и перед тобой уже новых человек десять...

Шли минуты. Народ передо мной постепенно таял, получая желанную аудиенцию, и я все ближе и ближе подходила к заветной приемной. Я напряженно смотрела на настенные часы.

Вот, наконец и я достигла конца зала, который вчера мне только снится. Очередь впереди уменьшалась. С каждым выходящим из приемной человеком я чувствовала дыхание освобождения.

Очередь таяла, медленно, но верно, и вот я уже стояла у дверей приемной...

Дверь кабинета распахнулась, выпустив очередного успешного посетителя, но вместо того, чтобы закрыться, явила собравшимся секретаря.

– Последние десять человек! – зычно объявил он.

Я мысленно закричала от безысходности. Я была четырнадцатой!..

Народ возмущенно загудел, многие, крича, просили продлить прием, но напрасно. Те, кто стоял уже у приемной, топтались, не торопясь уходить, видимо, в глубине души надеясь, что им что-то перепадет...

Этого просто не могло случиться! Я не могла позволить себе сейчас потерпеть такой крах.

Я нервно пометалась, и, кусая губы, под возмущенные окрики приблизилась к десятке счастливиц.

– Пожалуйста! – молитвенно сложив руки, проговорила я десятому. – Мне **очень** нужно попасть к коменданту сегодня! Не могли бы вы меня пропустить?

Предпоследняя в десятке женщина издевательски усмехнулась, стоявшие рядом ехидно замычали. Старик, стоящий десятым, возмущенно вскинул брови:

– Чего? Да ты с ума сошла! Пропустить ее, ага!

– Господин, ну мне правда очень надо! Вопрос жизни и смерти! – взмолилась я, пытаюсь подключить все свое обаяние.

– Ага, как же, – холодно буркнул он. – Завтра примут, ничего!

– Экая деловая, – бросила тетка впереди.

– Ну, пожалуйста! Что ж я, зря стояла что ли? – прошептала я умоляюще. – Я никак не могу завтра...

– Ничо, сможешь! Все ждут, и ты подождешь! – недовольно фыркнул старик, отвернувшись.

– Пожалуйста, пропустите меня! – отчаянно заорала я в голос. – У меня сегодня день рождения!

"...дения!.. дения!.." – эхом отразилось от стен.

– Н-ну, ладно уж... – оторопело, хоть и с тенью недовольства проговорил старик. – Че орать-то?..

Благословляя Небо и уступчивого старика, я просочилась в приемную и встроилась в очередь в последней десятке. Главное теперь, чтобы господин комендант не обсчитался и не закрыл кабинет после девятого.

Тетка впереди недовольно хмыкнула и снова отвернулась, пыхтя в спину впереди стоящему.

Первый человек вышел. Второй. Четвертый. Очередь ожидающих чуда начала просачиваться за нами в приемную.

Седьмой.

В зале вновь послышались возмущенные окрики. К ним добавились насмешливо-извиняющиеся нотки мелодичного голоса и приближающийся явно по дорожке для выходящих цокот каблучков.

Восьмой человек вышел, впустив в кабинет тетку, и направился к дверям приемной. Уступив ему дорогу, в приемную зашел высокий молодой человек со светлыми волнистыми волосами. Уже весьма хорошо мне знакомый.

Я смирила его недовольным взглядом, солидарная с мнением толпы ожидающих.

– Доложите, – непринужденно бросил Личи помощнику секретаря, стоящему в дверях между залом и приемной.

Тот вздохнул и, подойдя к дверям, легонько постучался. Выглянул секретарь, они обменялись парой слов, и он вновь скрылся в кабинете.

Через несколько секунд секретарь открыл двери и объявил:

– Господин Чиэнстелли.

Личи усмехнулся и, качнув плечами, легкой походкой прошествовал к кабинету, одарив возмущенную очередь сочувственным и немного покровительственным взглядом.

Секретарь пропустил его в кабинет и начал закрывать дверь.

– Ваша светлость! – проговорил Личи, склоняясь в почти-тельном церемониальном поклоне, но не снимая головного убора.

Дверь закрылась. Я приблизилась, благо и так стояла к ней ближе всех, и напряженно вслушалась. Мистики способны при необходимости обострять все чувства, в том числе и слух.

– Полно, друг мой! – почти по-отечески проговорил комендант. – К чему эти церемонии?

– ...мне не доложили, что у Вас посетитель... – слышался голос Личи.

– Ничего страшного, это терпит, – непринужденно бросил комендант. Уверена, что тетка в этот момент молча негодовала. – Что же привело вас ко мне?

– Господин комендант(е), мне... вчера пришло извещение о налоговой задолженности... – начал Личи.

Я фыркнула, удивляясь произношению. Он странно утяжелял звук "э", делая его похожим едва ли не на носовое "ан", а в самом конце добавлял фантомную "е", которая то ли есть, то ли нет, но, скорее, все-таки есть, отчего слово

"комендант" превращалось практически в "команданте".

– Что? – переспросил мужчина, как мне показалось, возмущенно. – Дайте-ка я взгляну!

Послышались его шаги.

– Возмутительно! – проговорил он жестко. – Надо оторвать руки этим идиотам из налоговой! Забудьте об этой бумаге! – звук разрывания листа. – Это филькина грамота, вот что я скажу... – тон коменданта сменился на дружелюбный, словно даже извиняющийся. – Мне жаль, что это недоразумение доставило вам хлопот, друг мой! Я обещаю разобраться с этим!..

– Что вы, господин комендант(е)! – голос Личи прозвучал приглушенно, словно он склонил голову. – Это не стоит ваших переживаний! Просто я опасался... что имел неосторожность обидеть или прогневить вас...

– Полно, друг мой! Как можно!

– Что ж. В таком случае, не смею более отвлекать вас. Хорошего вам дня, господин комендант(е)! – звонко проговорил Личи.

– Хорошего дня, друг мой!

Личи вышел. Из кабинета послышалось невнятное бубнение тетки.

Я одарила дракончика холодным взглядом, на который он ответил непринужденно насмешливым. Парень медленно прошел к дверям приемной, очевидно, не сильно торопясь. Люди из очереди смотрели на него со смесью зависти и ненависти.

висти.

Вышла тетка.

Следом за ней выглянул секретарь и безжалостно объявил:

– Прием окончен!

– Что?! – совершенно потеряв терпение, заорала я. – Но я же десятая!!!

– Приходите завтра, – неумолимо отчеканил секретарь, затворяя дверь кабинета. Щелкнул замок.

Я яростно попыталась рвануть дверь, но та не поддавалась. Я лишь отчаянно саданула по ней кулаком.

– Ты!!! – заревела я, бросаясь назад. – Это все из-за тебя! Ты украл мою очередь!!!

Я впиалась ногтями в Личино плечо и попыталась толкнуть, однако, совладать с ним, да еще и одной рукой, я была не в силах.

– Хей, – проговорил дракончик, сбрасывая с плеча мою руку и перехватывая ее. – Это что вообще?

– Из-за тебя меня не приняли! Ты во всем виноват! – высвободив руку, я отчаянно ударила его кулаками в грудь и вцепилась в куртку. – Я должна была уехать отсюда **позавчера!**

Глаза обожгло горячей соленой влагой, взгляд помутился на секунду; я отчаянно шмыгнула носом, но втянуть все слезы не получилось, и они сорвались с глаз, скользнув по щекам.

– Мою лицензию арестовали! И у справки завтра истечет срок действия!..

– Пф-ф-ф, ну тихо, тихо, – проговорил он.

– Я должна была уехать! Я должна быть уже в Дарпе! Я не могу просто свалить без лицензии! – прокричала я, замахнувшись. – А я должна встретиться с Конхстамари! У меня... У меня сегодня **день рождения!**

"...дения! ...дения!.." – повторило эхо.

Личи остановил мою руку, довольно жестко схватив за локоть, подтащил к двери кабинета и громко и настойчиво постучался.

– Господин комендант(е)! – звонко крикнул он. Голос у него был сильный и весьма красивый.

– Открой, – послышалась из кабинета короткая команда коменданта. Щелкнул замок, и секретарь открыл нам двери. – Что стряслось, друг мой? – спросил комендант участливо.

– Тут в приемной девочка плачет, – мягко проговорил Личи. – Она была десятая в заключительной группе. Я украл ее очередь... У нее сегодня день рождения. Может, примете?

Комендант по-доброму усмехнулся и махнул рукой. Личи с улыбкой кивнул мужчине и церемонно указал мне на дверь.

С трудом взяв себя в руки, спешно утирая слезы и рывком головы набрасывая челку на лицо, я вошла в кабинет и присела в низком реверансе, как требует этикет.

Комендант стоял около большого стола.

– Присаживайтесь, госпожа, – снисходительно кивнул он мне на стул. Я смотрела на мужчину из-под сброшенной на глаза челки.

Он был не слишком высок и малость полноват. Даже скорей... мягковат? Изнежен? Я не часто замечаю за собой желание судить чью-то внешность, но вот он мне почему-то не нравился. В его чертах, казалось, было что-то несуразно детское. Может, чуть пухловатые щеки и губы, хотя мужчина и не был толст. Отчего-то не понравилась изящная укладка на светлых волосах. И даже от двери я чувствовала раздражающий меня запах его ароматизированной воды.

Не знаю почему, его вид вызывал у меня неприязнь. Хотя, может, это было просто оттого, что я так долго ждала в приемной, или что меня чуть не отправили ни с чем...

– Что же привело вас ко мне? – комендант присел за стол.

– Мне... Мне нужно разрешение на работу в Эрстхене, – я протянула справку от комиссара.

– О, лицензия изъята, – с раздражающей снисходительностью проговорил он. – Что же вы, госпожа Янше? Неужели не знаете?

– Не додумалась, – буркнула я.

Комендант, видимо, был не в настроении читать нотации, да и желал поскорее закончить с приемом, и потому, усмехнувшись, бросил секретарю:

– Принеси бланк.

Через полминуты на его стол лег почти заполненная бу-

мага с вензелями.

– Та-ак, – протянул он, взявшись за перо. – Дзета Янше... Двадцать девятый день ирмсильфа... – комендант почирикал пером, вписывая нужные сведения, потом поставил штампик персональной печати и протянул мне бумагу.

Я почтительно кивнула, взяв разрешение, и, попрощавшись, поспешила удалиться. Вновь щелкнул замок.

Выйдя из приемной, я рассмотрела несчастное разрешение, аккуратно свернула бумагу и спрятала за пазуху. Пересекла зал и поравнялась с Личи, что стоял около двери и ненавязчиво поправлял плащ перед зеркалом. Вышли мы вместе.

– Спасибо, – проговорила я, когда мы оказались на улице.

– Должна будешь, – непринужденно бросил он.

– Не буду, – просто сообщила я. – Ты искупил свою вину.

Считай, что ты теперь не должен.

Личи взглянул на меня с усмешкой.

– А ты нахалка! – проговорил он как-то даже уважительно, явно признавая это моим достижением. Я самодовольно ухмыльнулась.

– А теперь извини, я спешу, – бросила я, свернув в сторону Приморской улицы. Личи, пожав плечами, направился к площади.

В "отделении" получить лицензию действительно не составило труда – я показала госпоже Ройхейм разрешение, и она вернула мой документ.

Я тотчас рванула было в Дарп, но задумалась о том, стоит ли терять на это время. Все равно ведь ехать в сторону Долмира... Однако, чтобы не вызывать подозрений, я решила пожертвовать получасом езды и активировать браслет на дороге до Дарпа.

Конхстамари прибыл через десять минут.

– А я уже начал переживать, – приветливо проговорил он, опускаясь на землю.

– Да я... да, задержалась немного, – улыбнулась я.

– Что ж. В любом случае, прими мои поздравления, – Кондор красиво расправил крылья. – Сразу полетим, чтобы сэкономить время?

Я опустила глаза на лошадь. Она нервно плясала на месте.

– А как же?..

– Возьмем ее и оставим в Долмире. Только глаза ей закрой, чтобы не испугалась.

– Шутишь? Да она уже от одного твоего вида вот-вот коней двинет... – проговорила я с усмешкой.

Впрочем, мне и самой не хотелось долго ехать по дороге на лошади, потому я достала из сумки пустой мешок...

По-моему, Трусливая Шельда едва не словила инфаркт уже от того факта, что я надела мешок ей на голову. И после этого какой-то там полет в лапах дракона уже не произвел на нее особого впечатления. Оставив ее в Долмире, мы полетели на Жемчужную скалу. Свесившись с плеча, я любовалась морем.

– Все-таки понесло тебя в Эрстхен? – наконец, с усмешкой поинтересовался Кондор, повернув голову.

Я вздохнула, невинно водя пальцами по бронзовым чешуйкам.

– Я подозревал, что тебя потянет на Побережье, – проговорил он, вздохнув. – Надеюсь, никто не приставал?

"Нет, это я ко всем приставала", – мысленно усмехнулась я. Вслух же ответила:

– Только стража и мистик-комиссар. Разрешения на работу не было...

Кондор фыркнул и покачал головой.

– Умеешь же находить неприятности на ровном месте. А если не найдешь, так создашь.

Я рассмеялась. Ну что тут возразишь?

***

Лапы дракона коснулись площадки перед замком, и я даже смогла аккуратно соскользнуть с крыла на камни.

– Добро пожаловать, – кивнул мне Кондор на вход.

– А где же "чувствуйте себя как дома"? – ехидно осведомилась я.

– Пф-ф-ф, – закатил глаза Конхстамари. – По-моему, ты и так, с первой нашей встречи, чувствуешь себя здесь как дома...

Я рассмеялась.

– Иди в зал, я подойду, как только оденусь.

Я запоздало сообразила, что на праздник стоило бы припасти пару красивых (хотя бы условно) вещей.

Я тоже заскочила в уже почти мою комнату, чтобы оставить меч и поискать хоть что-то поприличнее запыленных походных шмоток.

Из условно красивого у меня была только простая белая рубаха. И охотничья мантия с комплектом. Но надевать мантию, хоть мистику и дозволяется ходить в таком виде чуть ли не на обеды в лучшие дома (если, конечно, его туда зовут), мне не хотелось.

К тому же, она была грязная. Да, опять. В нашей профессии перемазаться в крови (да и в чем-то еще похуже) – как нечего делать.

Переодев рубаху, я поспешила в зал. Вскоре подошел и Конхстамари.

Я почувствовала себя неловко: он был одет очень красиво, парадно, а я сидела такая... какая есть. Надо было додуматься взять что-то нарядное. Впрочем, что уж. В конце концов, первый раз он увидел меня вообще в простыне.

– У меня есть маленький подарок для тебя. Помнится, осенью при интересных обстоятельствах ты потеряла серьгу... – проговорил Кондор, сунув руку в карман. – Думаю, это должно тебе подойти.

Он положил передо мной маленький тканевый мешочек. Я открыла его и аккуратно вытряхнула себе в ладонь пару красивейших золотых сережек с камнем цвета фуксии, ко-

торый в лучах света практически сиял.

– Спасибо, – проговорила я, восхищенно разглядывая подарок. Кондор улыбнулся, довольный произведенным эффектом.

Котелок у камина закипел, и дракон заварил чай.

– Кстати, – поинтересовалась я. – А когда у тебя день рождения?

– Ну, – задумчиво протянул Конхстамари. – Мы не придаем этому особого значения. К тому же, не всегда есть возможность точно установить конкретную дату.

– Правда? Почему? – удивилась я.

– Маленьких детей воспитывает мать. И только она одна. Она уж точно не будет запоминать дату вылупления – не нужно... Обычно, удается установить год и, в лучшем случае, месяц, плюс-минус, зная мать, а, следовательно, время, когда она бросала клич, и примерный срок от оплодотворения до появления детей.

– М-м-м... – протянула я. – Так, значит, спихиваете на женщин всю заботу о потомстве?

– На наших женщин если не "спихнуть всю заботу о потомстве", они возьмут ее сами, силой, убив всех несогласных... Материнский инстинкт выражен сильно, что и говорить. Так что, пусть их... – фыркнул Кондор.

Я усмехнулась.

– В общем, большее значение имеет количество лет. Особенно, если число круглое. Но мы, можно сказать, не празд-

нуем. Просто подмечаем, что событие произошло...

– Ну, да... – проговорила я. – Логично, пожалуй... Ведь ваша жизнь длится тысячи лет. Впрочем, мистики тоже живут дольше простых людей – лет двести-триста... – я усмехнулась. – Ну, это если в бою не помрут. Профессия-то интересная.

– Да уж, это точно, – кивнул Кондор. – Слышал об этом.

– Однако, надо отметить, что убить мистика реально не просто, – весело проговорила я. – Слава Теневой Сущности!

Дракон посмеялся, наливая мне чай.

– Знаешь... Я подумал, что раз уж тебя так сильно тянет к морю, – проговорил он, – мы можем куда-нибудь слетать. На Побережье сейчас тепло, можно будет даже искупаться.

Я тотчас вскинула голову, взглянув на Конхстамари, и бодро ответила.

– Однозначно, да!

Через полчаса мы уже летели над морем.

– Здесь неподалеку есть маленький песчаный островок. Как раз за теми черными камнями, у которых мы были.

– Конхстамари, – начала я. – А ты можешь... ну... полетать так же, как тогда?

Кондор усмехнулся.

– Ну-у... Тогда держись крепче!

Я, довольно улыбнувшись, понадежней ухватила одной рукой за его плечо, а второй за гребень.

Кондор спикировал вниз, к поверхности воды, и пронесся над ней, поднимая брызги. Потом лихо развернулся, прочертив кончиком левого крыла по воде, сбивая гребешки волн.

И устремился вверх, к небу, разрезая свистящие потоки ветра.

Взмыл над морем, готовясь сорваться вниз. От рывка меня чуть подбросило... и руки соскользнули с гладкого драконьего плеча.

– Ахх!..

Зависнув на секунду в воздухе, я полетела вниз. В груди что-то сжалось; хотелось закричать, но от все ускоряющегося падения и словно сдавленной грудной клетки я не смогла вдохнуть и разжать челюсти. Воздух свистел в ушах; ветер выдувал слезы из жмурящихся глаз.

"Конхстамари!" – мысленно воскликнула я.

Проклятье! Какая здесь высота?! Левитировать я не умею, траекторию правь, не правь с такой высотой – вода как камень будет!..

Воздушный поток бил меня в грудь, подхватывал руки, трепал полы куртки, неумолимо разворачивая спиной вниз...

Вшух...

Дракон пронесся вихрем, подхватив меня в лапы; я даже не сразу сумела поверить, что падение окончено.

"Хах... хах...", – судорожно хватала воздух я, впившись побелевшими пальцами в прохладный драконий коготь, хоть

это и не имело смысла.

– Ох, Дзета... – выдохнул он, очень бережно прижимая меня к груди. – Ты в порядке?

Я лишь немного нервно улыбнулась, подняв глаза.

– Испугалась? – по-доброму поинтересовался Кондор, приподняв меня на лапах так, чтобы видеть мое лицо.

– Н-немного, – нервно усмехнулась я, прижимаясь и обхватывая его ладонь.

– Не бойся, – Кондор бережно поднес лапу к плечу, и я, судорожно вцепившись в чешуи, перебралась ему на спину. – Что бы ни случилось, я тебя поймаю.

– Я верю, – едва слышно прошептала я, стараясь унять дрожь в голосе. Все еще ощущая, как неумолимо трясутся коленки.

***

На песчаный бережок острова набегали волны.

Спрыгнув с плеча Конхстамари, я спешно стянула ботинки и коснулась ногами песка. Он был теплый и мягкий. Ноги слегка тонули в нем при каждом шаге, он затекал и щекотал между пальцами. Какое же это удовольствие – первый раз пройтись босиком после зимы!..

Я подошла к воде и потрогала ее пальцами ног. Что ж... Вполне нормально для купания!

Развернувшись, я отошла и скинула куртку. Разделась, оставшись в нижнем белье и рубашке до бедер.

– Эх, не хотелось бы рубашку мочить... – проговорила я, расстегнув верхнюю пуговицу.

– Пфф, какие проблемы? Тут тебя никто не увидит, хоть голышом купайся, – издевательски бросил Кондор.

– Не дождешься! – фыркнула я, решительно застегивая пуговицу.

Вновь подошла к воде и наклонилась, коснувшись пальцами.

"Здравствуй, Вода..."

От нее исходила освежающая прохлада; сердце стучало от манящего желания окунуться с головой. Я словно всем существом ощущала, как она зовет.

Я улыбнулась и прошла пару шагов вглубь. Набежавшая волна окатила ноги до колена.

Бррр...

Я тихо посмеялась; по коже пробежали мурашки. Немного холодно... Холодно, но так желанно...

Вода обожгла прохладой бедра; в мокром песке утопали ноги. Еще шаг, и волна коснулась рубашки, ткань которой тотчас начала охотно впитывать воду и влажно прилипла к телу.

Я наклонилась и окунула в воду руки по локоть. Потом зашла чуть глубже и, выдохнув, нырнула с головой.

Проплыв под водой, я вынырнула и тряхнула волосами, сбрасывая их с лица.

Обернулась. Кондор тоже заходил в воду.

– Кондор! – весело крикнула я ему. – Давай, кто быстрее!

– Уверена? – с вызовом проговорил он. – Я же тебя обгоню!

– Вот и посмотрим! – я с брызгами бросилась вперед.

– Ах так! – с шутливым возмущением вскрикнул он и нырнул следом.

Я усерднее заработала руками. Но дракон уверенно настигал меня. Когда он выбился вперед, я сделала рывок влево и коснулась черного камня.

– Я победила! – нахально объявила я. – Надо было доплыть до этого камня!

– Нечестно! – со смехом бросил Кондор.

Я толкнулась от камня и медленно поплыла дальше.

Покупавшись минут двадцать, мы вышли. Все-таки, вода была еще довольно прохладная.

Мы развели костер на берегу из собранных палок. Кондор вернулся в истинную форму, я села к костру, прислонившись к дракону спиной. Теплый воздух от огня колыхал полы сохнувшей на мне рубашки. Солнце медленно скатывалось за море.

Когда одежда высохла, а костер почти догорел, мы полетели назад.

– Знаешь, – проговорил Кондор. – Если позволишь, я бы хотел тебя нарисовать сегодня. Вот так, как ты выглядишь сейчас.

– Хо-хо, ну-у, – протянула я. – Я, право, даже не знаю...

Если только прилично.

– Разумеется! – усмехнулся Конхстамари, потом добавил издевательски. – Неприлично я тебя и из фантазий нарисую...

– Я тебе нарисую! – шутливо возмутилась я. – И... И вообще!.. Я запрещаю тебе рисовать меня из фантазий!

– Пф-ф-ф, – с усмешкой бросил он. – Вот тут ты не вольна приказывать!

Я, хмыкнув, перевернулась на спину.

– Ох уж эти ваши шуточки, господин дракон! – бросила я. – Впрочем, я сегодня добрая, я прощаю вам эту блажь!..

Он посмеялся.

Закат догорал. На землю спускались сумерки.

***

Я проверила сумку, убеждаясь, что все на месте.

– Ты все же хочешь уехать?

Подняла глаза на Конхстамари.

– Ну, нужно же подзаработать денег, – улыбнулась я.

Он вздохнул.

– Зачем? Ведь ты могла бы отринуть эту необходимость...

Если бы только согласилась остаться. Ты жила бы в замке, в роскоши, не испытывая ни в чем нужды. Я мог бы одаривать тебя золотом, цветами, заботой... Этот замок стал бы твоим. Одно твое слово...

– Конхстамари... – прикрыв глаза, проговорила я. – Нет.

Я не могу...

Он кивнул, взглянув на меня с пониманием и легкой тенью печали.

– Что ж... Я уважаю твои решения.

– Спасибо, – тихо сказала я, поднимаясь.

– Итак, – преувеличенно бодро поинтересовался он. – Куда тебя доставить?

– Я думаю, к Долмиру. Оттуда поеду верхом.

– Я частично провожу тебя по окрестностям Долмира, – сказал Кондор. – Чтобы было спокойнее.

Я кивнула и, закинув сумку на плечо, двинулась к летной площадке.

Забрав Трусливую Шельду, мы двинулись по дороге на Дарп.

Солнце медленно садилось в океан. Как раз к ночи буду в городе.

Мистики не боятся ездить потемну. Нам не страшны ни демоны, ни разбойники. Скорей, разбойникам придется убежать и прятаться, едва они завидят боевого мистика при оружии. Хотя, если маг без мантии, могут и спутать... Но это будут уже их проблемы.

Окрестности Долмира радовали тишиной и спокойствием. Миновав пригородную зону, где обычно приземлялись драконы, мы еще немного проехали по дороге.

– Ну, что ж, пожалуй, здесь, тебе уже ничего не грозит, – проговорил Кондор.

– Не надейся, что ты от меня избавишься, – со злодейской улыбочкой проговорила я. – Вернусь в первой половине лета!

Он усмехнулся и махнул мне рукой. Я дала шпор Шельде, и она резво затрусила по дороге. Через минуту я услышала шум драконьих крыльев: Кондор трансформировался и полетел в сторону Жемчужной скалы. Дорожка убегала вдаль; небо постепенно темнело.

Справа из-за холма начали вырастать очертания Эрстхена. Какие-то слишком освещенные и яркие для обычной городской ночи... Когда я подъехала ближе, начали угадываться едва слышные звуки музыки.

"Похоже, там какой-то городской праздник", – догадалась я. Интересно...

Я окинула взглядом подсвеченные очертания города, усмехнулась. И повернула направо. В конце концов, заночевать можно и в Эрстхене.

В городе оказалось весело и шумно. Улицы светились фонариками, слышались музыка и песни. Основная часть гуляний проходила, что логично, на площади. Я направилась туда.

Площадь была украшена фонариками с цветными стеклами, цветами, гирляндами из ракушек... Теплый свет фонарей подсвечивал украшения, рассыпался зайчиками, брызгами, разбегающимися по стенам и лицам людей. Сладко пахло цветами и выпечкой. Прямо под открытым небом стояли

широкие столы, на них радушными хозяевами были разложены всякие вкусности, которыми угощали всех желающих.

С полчаса я толкалась с веселыми празднующими, угостилась несколькими вкусными штучками. Как ни странно, не встретила никого знакомого.

Прошлась вдоль лавочек. Нашла даже магазин, на котором гордо красовалась надпись: "Купеческая лавка Б. Шенлера", что пользовалась популярностью. Видимо, успешный купец.

Пройдя мимо лавочек, я оказалась в дальнем от побережья краю площади, и потому, чтобы снова не пробираться сквозь толпу, решила обойти. Боковая улочка попыталась увести меня прочь от площади, и пришлось, пробравшись какими-то дворами, вновь взять курс в ее сторону.

Гомон площади начал слышаться явственней, и к нему добавились еще голоса. Один из которых я без труда узнала.

Усмехнувшись, я попыталась выйти на площадь. Хотя на кой-то ляд там было все перегорожено. Кое-как преодолев преграды, я вышла как раз к купеческим лавкам, только с обратной стороны.

В основном, люди толпилась перед лавками, чуть поодаль от нас, а здесь было свободно.

– Небо, какие люди! – бросила я. Личи, отступая от края площади, взглянул на меня.

– Сцерра же тебя возьми! – закатив глаза, совсем по-человечески воскликнул дракончик. – Ну что ты опять здесь

делаешь?

– На праздник приехала! – с вызовом ответила я, не глядя перескочив небольшое углубление в земле, видимо дренаж. – А что, тебе жалко?

– Тебе лучше отойти, – бросил он, отступив на полшага.

– Счас! Это тебе сказали отходить от меня, если я окажусь рядом, – издевательски напомнила я.

– Ну хорошо. Я отойду, – как-то слишком легко согласилась Личи, большими шагами отходя назад.

Только сейчас я наконец распознала надрывающееся чувство, что что-то не в порядке. Резко обернулась, и практически в ту же секунду за моей спиной с оглушительным грохотом взлетела ракета фейерверка.

Я, постыдно завизжав, спешно повалилась на землю, судорожно отползая от взлетающих одна за другой ракет.

Личи беспардонно хохотал, закрыв лицо рукой.

– Ты идиот?! – гневно-перепуганно вскрикнула я. – Совести у тебя нет!

– Откровенно говоря, – смеясь, бросил он, – для мистика ты несколько туповата...

– Отвали, – огрызнулась я, поднимаясь и отряхиваясь. Хорошо хоть за радостными воплями народа моего позорного отступления никто не заметил.

– Ну, а теперь вопрос со звездочкой: догадайся, почему там все перегородили?

– Ты, что ли городил? – нашлась я. – То-то я смотрю, так

паршиво все сделано!

– Я не старался, – нахально проговорил дракончик. – Как говорится, имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, имеющий мозги да не полезет туда, где загрожено...

– Замечательно свою жизнь охарактеризовал! – не осталась в долгу я.

– Пф-ф-ф, – проговорил Личи, не стирая улыбки с лица. – Золотко, неужели ты думаешь, что за столько лет я не научился спокойно реагировать на подобные издевки?

Он вытащил из стоящей рядом неплотно набитой, уже, видимо, частично разобранный коробки еще несколько фейерверков и подошел к канаве. Установив и увязав ракеты, поджег фитиль и отошел.

Через несколько секунд в небо снова одна за другой стали взлетать ракеты, раскрываясь там огненными цветами.

Личи тем временем, немного поковырявшись, достал из коробки небольшую шашку и, осторожно приблизив губы к фитилю, легонько дунул на него пламенем, поджигая. Фитилек прогорел за несколько секунд, и шашка начала искриться, сначала слегка, но потом все сильнее и сильнее, словно маленький фонтанчик.

Тем временем, подбежала какая-то девушка из тех, кто стоял поближе. Черноволосая, кареглазая, как и почти все южане. Аккуратно постриженные волосы длиной до подбородка были прихвачены лентой.

– Потрясающе вышло! – радостно воскликнула она.

Личи, усмехнувшись, кивнул как само собой разумеюще-муся.

– На, хочешь поддержать? – бросил он ей.

Девочка явно очень хотела, но слегка побаивалась. Она неуверенно протянула руку.

– Не бойся, это холодное пламя, оно тебя не обожжет...

Девушка подставила ладонь, и Личи "пересадил" ей на руку искрящийся фонтанчик. Она сначала перепугано морщилась и отворачивалась от огненных брызг, но они не причиняли ей ни малейшего вреда. Осмелев, девочка стала держать фонтанчик уже более уверенно.

– Потрясно!.. – протянула она.

Было темно; лицо девушки подсвечивал лишь искрящийся фонтанчик. С таким освещением было трудно судить, но мне казалось, что та значительно младше меня. Она выглядела почти девочкой, подростком.

– Девочка, – проговорила я. – Лучше не доверяй ему.

– Че? – подозрительно взглянула она на меня.

Личи посмотрел на меня с ухмылкой, пока не до конца мне понятной.

– Не стоит так легко верить кому не попадя! Тебя обманут в два счета, – бросила я.

Девочка взглянула на меня с подчеркнутым сомнением. Ее лицо сейчас было хорошо освещено; ей было лет шестнадцать на вид.

– Вы думаете, что я нуждаюсь в ваших советах? – нахально фыркнула она.

– Я думаю, что ты еще слишком молода и наивна, и не знаешь, с кем связываешься!

Девочка удивленно взглянула на Личи.

– Кто это вообще?

– Я сам ее едва знаю, Ева, – бросил тот.

– О-о, так вы знакомы? – недоброжелательно протянула я.

– Да мы живем вместе! – воскликнула девочка, словно громом меня поразив.

– Что?! Серьезно? – вскрикнула я, метнув взгляд на Личи.

Тот откровенно смеялся, закрыв лицо рукой.

– Я снимаю этаж в доме ее отца, – снисходительно пояснил он. – А ты что подумала, грязная извращенка? А еще строит из себя Андалову послушницу, носик морщит, – дракончик повернулся к девочке. – Эти лиорианцы, особенно центральнорегиональные, все толкуют превратно...

– Про тебя и не такое подумаешь! – бросила я ему.

– Ну да, – хмыкнул Личи. – Не то что про тебя. С тобой-то все просто. Взглянешь, и все сразу понятно, на лице написано – "простофиля".

– Ага, ага... То-то ты уже разок ошибся насчет меня, и Конхстамари указал тебе на это, – с издевкой напомнила я.

– В любом случае, чтоб ты знала, я **ненавижу** детей, – холодно сказал Личи.

Я лишь хмыкнула.

– Кстати... У кого-то тут день рождения на днях был? Что ж... – хитро проговорил дракончик, от чего я почувствовала себя неуютно; он выхватил ракетницу фейерверка. – Салют в честь госпожи Янше! – гаркнул он, дунув на шнур огнем; пламя охватило его почти моментально; низ ракеты заискрился.

Ева с криком отвернулась, свободной от фонтанчика рукой закрывая лицо. Я успела лишь податься назад на полшага и прикрыть голову.

Личи отвернул лицо, держа фейерверк в вытянутой ру-

ке, которую почти полностью скрыл мощный фонтан ослепительных искр; ракета с оглушающим шумом стартовала с его руки и, свистя, взмыла в небо, разорвавшись там красно-изумрудным цветком.

– Ты вообще нормальный?! – рывкнула я, нервно опуская руки.

Личи бессовестно рассмеялся. Я поспешно смахнула поздно замеченную тлеющую искру с плеча; частично прожечь куртку успело.

– А я еще имела неосторожность сомневаться в словах Конхстамари, когда он говорил, что ты неадекват!..

– А это не опасно? – поинтересовалась Ева.

– Не, нисколько, – небрежно бросил Личи, смеясь, отряхивая руку от сажи.

– А можно мне так же? – с энтузиазмом спросила она.

– Что? Нет, конечно! А если тебе руку оторвет?! Что я скажу Борису?

– Скажем, что я сама виновата...

– Если *твою* руку оторвет *моим* фейерверком, эта версия не пройдет.

– А говорил, не опа-асно... – протянула девушка укоризненно.

– Ну, для меня не опасно, – самодовольно бросил Личи. – "*Чудовище помнит хозяйскую руку*", – усмехнувшись, нараспев проговорил он строчку из одной старинной баллады. – В них, как-никак, моя магия...

– Магия? – сощурилась я. – А лицензия у тебя на это есть?

– Есть, – язвительно ответил он с видом "что, не поймала?".

Фонтанчик в руке Евы несколько раз пыхнул и погас, зачадив черным дымом. Легкий бриз бросил дым прямо Личи в лицо.

– Ева, зараза!.. – с трудом выдавил он, зайдясь кашлем.

– И правда, помнит, – издевательски заметила я. – Смотри, как безошибочно определил, в чью сторону дымить!

Ева флегматично бросила шашку на землю и без энтузиазма слегка придавила подошвой туфли.

– Ты там не умираешь? – уточнила я у Личи. Еве тоже попало чуть-чуть дыма в нос, но она лишь пару раз кашлянула.

– Кх... Кх... Ева, твою ж! Я двое суток этой дрянью в лаборатории дышал, чтобы ты на меня еще шашкой дымила!

– Извини, – легко бросила она. И, помолчав, добавила. – А отец говорил тебе, что нечего по десять часов в лаборатории сидеть... Хватило бы в два раза меньше фейерверков.

– Поучи меня жить, ага, – проговорил он, выпрямляясь.

Ева хмыкнула и скучаяще покатила прогоревшую шашку по земле.

– Дай мне еще "ручной фонтанчик"? Пойду перед ребятами похвастаюсь...

– Фонтанчик последний был, – развел руками Личи. – Ну, хочешь, могу несколько искристых палочек дать.

– Давай, – девушка энергично покивала. – Хвастаться

пойду.

Личи вытащил из ящика восемь палочек.

– О-о-о! – протянула Ева, с довольным видом взяв по четыре в каждую руку и рассовывая их между пальцами. – Подожги?

В уличном гомоне голосов вдруг выделился мужской требовательный крик, по всей видимости, из ближайшей деревянной палатки, стоящей к нам спиной.

– Ева! Е-ева!

Девушка оглянулась. Личи только поджег одну из палочек.

– Ева! Куда ты ушла! Быстро иди сюда!

– Пап, я не могу! Я помогаю Личи с фейерверками!

– Что? С фейерверками?! – еще сильнее возмутился голос. – А ну иди сюда немедленно!

– Скажи, что я тебе нужна! – вполголоса проговорила она Личи, поджигая остальные палочки.

– Да, Борис, забери мелкую! Она меня уже достала!

– Ррр! – топнула ногой девочка. – Мы больше не друзья! – она, поддев ногой, бросила в Личи прогоревшую шашку. – Пять минут, пап! – она развернулась и побежала прочь от палатки. – Эй, смотрите, что у меня есть!..

– Пфф, мы ими никогда и не были, – фыркнул Личи ей вслед.

Я еще немного постояла рядом, потом пошла на основную часть площади. На углу ближайшей лавки заловила бе-

гущую, по всей видимости, к отцу Еву.

– А у вас, случайно, нельзя снять комнату на ночь?

Ева покачала головой.

– Нет.

– Что так категорично? – осторожно поинтересовалась я.

Девочка вопросительно взглянула на отца и покачала головой.

– Нет, – ответила она. – У нас уже сдана в аренду часть дома.

– Неужели не найдется одной комнатки на ночь для одинокого путника? – как можно обаятельнее проговорила я.

– То есть, вам обязательно снять комнату именно у Шенлеров? – поинтересовался мужчина за моей спиной. – Вы мелко не плаваете?

Я подняла глаза на вывеску; ближайшая лавка как раз оказалась той самой "Купеческой лавкой Б. Шенлера". За прилавком стоял невысокий довольно худощавый мужчина с узким лицом. Его темные волнистые волосы по длине доходили до подбородка, лицо украшали усы с небольшой аккуратной бородкой. Но особенно выделялись глаза: взгляд мужчины был уверенным и пронзительным.

Рядом с лавкой стояла, видно, охрана, двое рослых парней, довольно молодой шатен и черноволосый мужчина постарше со шрамом через левую щеку.

– О-о-о... Извините, – неловко усмехнулась я. – Не сразу поняла. А вы, вижу, пользуетесь успехом.

– Ну да, – мужчина, хмыкнув, с полуулыбкой кивнул.

– А я просто... Я не местная и никого в городе не знаю.

Случайно познакомилась с вашей дочерью, думала, может и комнату снять смогу...

– Извиняйте, – прохладно проговорил мужчина. – Больше никому не сдаем.

Я, вздохнув, кивнула.

Ну и ладно. Все равно до Дарпа ехать собиралась.

Башня

Пыльную грунтовую дорогу с обеих сторон обрамляли густые заросли цветущих полевых трав. Раскаленный полуденный воздух пропах их легким сладким ароматом. Ароматом степи, воли и свободы...

Поле гудело стрекотом цикад и кузнечиков. Головки цветов качались от дуновений теплого летнего ветра. Когда его порывы были сильнее, по зеленому морю пробегали волны.

Я вздохнула и сделала глоток воды из фляги. Из-за холма медленно вырастали чуть размытые из-за знойного марева очертания Дарпа. Вдалеке за городом блестело море.

Пограничного города я достигла к раннему вечеру, как раз в том часу, когда останавливаться на ночлег еще слишком рано. Особенно в один из самых длинных дней в году.

Сначала я планировала вернуться на Побережье к празднику солнцестояния. Отметить событие на гуляниях в честь летне-огненного духа Ялль, заодно посмотреть, сильно ли отличаются обычаи на смешанной территории...

Сезонные праздники, как и самих духов-покровителей, народ очень любил. У каждого сезона был свой дух, относящийся вместе с тем и к определенной стихии. Ялль отвечал-отвечала за лето, огонь, и приписывались ему-ей страсть и ярость.

Стихиальных духов обычно изображали стоящими рядом

мужчиной и женщиной, схожими, как близнецы. Они носили одно имя, ведь являлись, по сути, разнополыми ипостасями одной сущности. Однако, в отличие от Высших – Андал(а) и Сцерры, что считались каждый двуедиными, две сущности любого из сезонных духов были разделены. Помимо огненного-огненной Ялль, выделяли еще Дарро, Бриду и Ирмье.

Было интересно, так же ли празднуют пиковые астрономические даты побережцы, как мы, центральнорегиональные.

Но я не уложилась в сроки, на день опаздывая к празднованию. Впрочем, встретить Пик лета в степи, наедине с природой было ничуть не хуже, а то и даже лучше: тише и искреннее, без малозначимой для нас, магов, празднично-обрядовой мишуры. Мы не поклонялись их вымышленным образам, но знали и уважали сами силы.

Вечер был еще слишком ранним. Подумав, я решила без остановок миновать Дарп и доехать до моря. За час с небольшим я достигла Эрстхена и, оставив лошадь, пошла к набережной.

Город еще хранил на себе следы праздника – висели на улицах гирлянды из подсохших цветов, дома украшали неубранные цветные фонарики, а с мостовых не смели лепестки и листья. Город был по-своему очарователен в этом легком послепраздничном беспорядке.

На площади в вечерний час кипела жизнь. Там еще не

успели разобрать все столы и снять украшения.

В очередной раз я без труда опознала среди народа Личи – слишком приметного, чтобы затеряться в толпе.

Он был одет в легкую белую рубашку, темные штаны; несмотря на жару, плечи его прикрывал плащ. На ногах – сапоги на высоком каблуке. Хотя он и без каблуков был на голову выше меня. Впрочем... Скажем, Конхстамари в росте он явно проигрывал.

Подойдя ближе, я его окликнула. Дракончик, не оборачиваясь, вздохнул, затем медленно развернулся и, закатив глаза, проговорил:

– О, Небо... И чего тебя опять сюда занесло?

– И это вместо вежливого приветствия? – шутливо возмутилась я.

– Другого ты не заслужила, – бросил он.

– Куда тебе еще и каблуки? – поинтересовалась я. – Ты об дверные косяки головой не бьешься?

– На смешанной-то территории? Лестно, лестно... – приподняв брови, прохладно бросил он.

На смешанной территории, я заметила, действительно двери, потолки, арки были выше, чем у нас... Видимо, с расчетом на другую расу. В Долмире это было особенно выражено, здесь – чуть менее.

– А я думала, ты предпочитаешь обувь на плоской подошве.

– Как сильно не угадала, – протянул Личи. – На плоской

подошве я ношу обувь чисто для маскировки, чтобы сильно не отсвечивать... И чаще всего, в светлое время суток. А каблуки я ношу, просто потому что красиво.

– А я думала, чтобы компенсировать свой комплекс маленького роста, – ехидно бросила я.

– Знаешь, – проговорил он, одарив меня превосходственным взглядом сверху вниз, – от тебя это звучит скорей комично, нежели оскорбительно.

Я усмехнулась, не достаивая его выпад ответом.

– Если все сказала, – осматривая периметр, сказал Личи, – можешь чесать отсюда.

– А может быть, я собираюсь купить серьги! – заявила я.

– Ну так покупай! – бросил Личи.

Я взяла с лотка первую попавшуюся пару, но с ней зацепилась еще одна. Та попыталась упасть, но я ее поймала.

Обе пары оказались одинакового вида – с подвешенным камушком в форме колокольчика. Но первая пара была с темно-бордовым, покрытым многочисленными прожилками и оттого мало прозрачным камнем, а вторая – с сиренево-фиолетовым, тоже с разводами и прожилками.

– Это гранат и аметист, – проговорил Личи.

– Это не настоящий камень, – скептически хмыкнула я, рассматривая серьги.

– Как раз настоящий камень. Природный. Просто не драгоценный, а поделочный.

– Поделочный? – с тенью разочарования протянула я.

– Да, поделочный, – прохладно ответил Личи. – Пусть он и не такой дорогой, как драгоценный, но от этого он не менее настоящий.

– Он даже не прозрачный, – бросила я, попытавшись посмотреть сквозь гранат на рыжее закатное солнце.

– Ты не так смотришь. Он прозрачный, если не прямо на солнце смотреть, – ответил Личи, прокатив гранат по ладони; сейчас я заметила, что камень и правда пропускает солнечные лучи. – И в нем есть его неповторимый природный рисунок, который не увидишь ни в одном драгоценном.

– И какая мне лучше? – хмыкнув, я взяла по серьге из каждой пары и попеременно приставила к левому уху. – Что бы вы посоветовали? С какой красивее смотреться буду?

– Ну-у, – протянул дракончик, прищурившись. – Серьгой-то тут не исправишь...

Я оскорбленно фыркнула и отложила серьги.

– Ну, я тогда еще похожу, посмотрю... – рисуясь, прощально объявила я, и повернула к улице, что ведет к морю.

– Надеюсь, ты утонешь! – доброжелательно бросил Личи мне вслед.

"Хах, утону я", – усмехнулась я мысленно, а вслух крикнула в ответ. – Мечтай!

Но не успела я отойти и на пять шагов, как площадь огласил звук рога. Я оглянулась и вопросительно посмотрела на Личи.

– Какое-то важное объявление, – сказал он почти скучаю-

ще. – Привлекают внимание.

– Внимание жителям Эрстхена! – возвестили с помоста. Он был по центру площади, но было не очень хорошо видно за головами впередистоящих. Хотя Личи, с его ростом, да еще и с учетом каблуков, это неудобств не доставляло.

– Пойдем, подойдем поближе? – предложила я.

На помосте стоял глашатай, судя по форме, лиорианский. Он покашлял, призывая к тишине, и громко объявил:

– С прискорбием сообщаем, что почтенный король Заагре, наших добрых соседей, Рейфэ Рассудительный почил... – говоривший выдержал приличествующую паузу, после чего продолжил. – Да здравствует королева Адденейз!

Традиции предписывают прославлять монарха соседней и (условно) дружественной державы, причем, касается это и смешанных территорий, хотя те и не имеют прямой границы с Заагре.

Народ на площади тотчас загудел, обсуждая новость.

– Надо же, – проговорила я задумчиво. Личи лишь равнодушно пожал плечами.

В этот момент к нему подбежала какая-то девушка и с легким поклоном протянула небольшое письмо. Одетая она была как служанка и передавала, по всей видимости, записку от госпожи.

Личи, кивнув, взял письмо из ее рук и аккуратно развернул.

"...сильно поранила ногу сегодня... ждать доктора..."

встретиться на следующей неделе..." – едва слышно пробор-мотал он, читая.

– Как жаль, – повернулся он к служанке. – Очень сочувствую... Передавай от меня пожелания скорейшего выздоровления.

Я фыркнула.

– Изволите писать ответ? – вежливо поинтересовалась девушка.

– Угу, – проговорил Личи, вытаскивая из кармана листок, и, черкнув несколько слов карандашом, сложил и передал девушке.

Та с поклоном приняла записку и растворилась в толпе.

– Оп. Неожиданно свободен вечер, – бросил Личи равнодушно, так что я так и не смогла понять, рад он этому факту или разочарован.

– Я даже не буду спрашивать... – бросила я, поморщившись.

– Я бы все равно не удостоил тебя ответом, – приподняв брови, ответил он.

Я фыркнула и, отвернувшись, направилась к набережной.

Людей на пляже оказалось слишком много, и купаться там было – все равно что крикнуть: "Эй, люди добрые! Отдаю деньги, оружие да документы даром!" ...

Можно было бы, конечно, какое-нибудь охранное заклинание установить... Но боевое по понятным причинам нельзя, а к предупреждающему добежать не успею.

В поисках какого-нибудь безлюдного местечка я отправилась вдоль побережья, через заросли, в сторону Долмира. Однако вскоре увидела, что проходимый берег закончился врезающимися в море каменными глыбами, словно когти торчащими из небольшой возвышенности, чего-то вроде маленького холмика с крутым скатом к воде. Чтобы посуху преодолеть препятствие, пришлось подниматься на холм и около часа лазить по кустам, распугивая кузнечиков.

Взойдя на холмик, я вышла к очень красивому маленькому обрывчику, с которого открывался невероятный вид на море. С трех сторон полянка была окружена растительностью. Я подошла к краю; лицо погладил своим соленым прикосновением свежий морской ветер. Перед глазами распахнулся необыкновенный простор, небо и море, соединенные далеким горизонтом. Меня заполнило зачарованное ощущение полета. Так и тянуло сорваться и полететь...

Я сладко вздохнула и взглянула вниз. Было совсем не высоко. Колыхалась вода, волны разбивались о каменное подножье. Слева оставался городской пляж, в воде барахтались купающиеся. С той стороны слышался гомон, детские крики и смех. Правее, там, где заканчивался камень, оказался частично заросший каменистый берег.

В пределах видимости никого не было. Очевидно, купающиеся сюда не забирались. Что ж... Отличное место для одинокого путника.

Я спустилась на побережье. Разделась, на всякий случай

повесила над вещами охранный маячок и пошла купаться.

...Вечерело. Волосы уже почти высохли.

Свою жажду искупаться в море я удовлетворила. Теперь бы еще поужинать нормально.

Пока сохла, я догрызла остатки хлеба, но на хороший ужин это не тянуло. Я оделась, закрепила ножны за спиной, повесила сумку на плечо и двинулась к городу.

С набережной я вышла на площадь. Ближайшим из известных мне едальных заведений был ресторан "Старый двор". Хотя там и недешево, я прикинула, что сегодня могу себе это позволить, и направилась туда.

В ресторане в вечерний час оказалось довольно многолюдно. Свободных столов не нашлось, но я заметила вход во второй зал, отделенный перегородкой, где казалось чуть посвободнее. Хотя совершенно не занятых столиков не нашлось и там.

Я оглядела сидящих и ухмыльнулась, заметив Личи. Что ж, логично, в это время он вполне мог бы быть здесь.

Он сидел за столиком в самом уголке и о чем-то мило беседовал с крутящейся рядом разносчицей. Девиц в ресторане было мало, и, видимо, все с кавалерами, иначе, уверена, все они были бы тут...

– Пожалуйста, чаю и что-нибудь горячее на ужин, – проговорила я, отгесняя разносчицу и садясь за стол сбоку. Она разочарованно поджала губы и удалилась.

Личи взглянул на меня скучающе, совершенно безэмоционально, и отхлебнул из кружки.

– Других мест, я так понимаю, не было, – протянул он.

– Представь себе, – развела руками я.

– Что ж, мне даже на руку, будешь занимать место и отгонять других...

– Еще чего, – усмехнулась я. – Я для тебя ничего не буду делать.

– А тебе и стараться не придется. Ты сама по себе... весьма отталкивающая, – бросил Личи с издевкой.

– Считаешь меня настолько некрасивой? – с вызовом осведомилась я, постукивая пальцами по столу.

– Ну-у, нет, видал и похуже, – с ухмылкой протянул дракончик. – Подобную внешность я бы охарактеризовал как... – он на секунду замолчал, цинично взглянув на меня, – нестрашненькая.

Я насупилась, намереваясь отпустить какую-нибудь колкость, вот только пока думала, какую, вернулась разносчица с чаем.

– Ужин будет готов позже, – проговорила она, ставя поднос с чайником и кружкой на стол.

Я налила себе чаю и сделала глоток.

К столу приблизился человек. Личи поднял на него глаза, и потому я тоже обратила внимание.

На подошедшем был темный плащ, голову скрывал капюшон, но, поскольку он стоял близко, я могла разглядеть ли-

цо ниже уровня глаз. Оно показалось мне знакомым, но я не помнила, где видела его раньше.

– Доброго вечера! – проговорил подошедший. Личи сделал было движение, чтобы подняться, но человек жестом остановил его.

Вспомнила. Комендант.

Однако, я рассудила, что раз он остановил Личи, и мне вскакивать не стоит. Комендант покосился на меня, но дракончик чуть заметно махнул рукой, видимо, давая понять, что на меня можно не обращать внимания.

– Чудесный день выдался, не правда ли? – начал комендант.

– Да, весьма, – согласился Личи.

– Ваше вчерашнее выступление было поистине великолепным, – пухлые губы коменданта тронула улыбка; дракончик, прикрыв глаза, самодовольно ухмыльнулся, словно само собой разумеющемуся.

– А господин старший храмовник все грозился отстранить меня от роли! – помолчав, с едкой усмешкой добавил Личи.

– Неужели! Он, видно, не в себе, – полушутя возмутился комендант.

– Он говорил, что я слишком много смеюсь, – ехидно добавил Личи. – Оставьте... Ему пришлось согласиться и смириться, что лучше меня на роль Сцерры он никого не найдет.

Комендант усмехнулся. И будто бы чуть покосился на меня. Я почувствовала себя неуютно.

– Могу ли я рассчитывать иметь счастье увидеть вас у себя в ближайшее время? – продолжил мужчина.

– Право, даже не знаю... – протянул Личи, отхлебывая из кружки.

С пухленького пальца коменданта на стол соскользнул увесистый перстень. Глаза Личи алчно сверкнули, и перстень моментально переключился на его палец.

– И когда господин желает со мной пообщаться? – слащаво пропел он, совершенно в открытую рассматривая перстень.

Я сделала большой глоток из кружки, подавляя внутреннее недовольство.

– Я бы с радостью принял вас у себя сегодняшним же вечером.

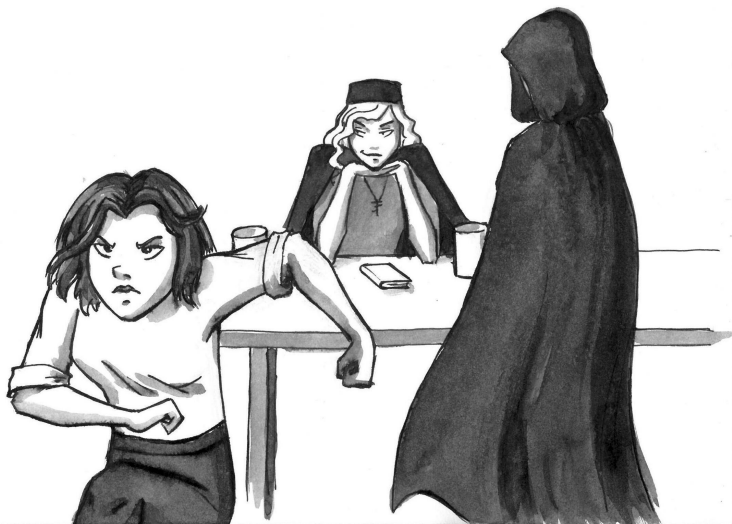
– Ой, не знаю, не зна-аю... – протянул Личи, демонстративно открыв и перелистнув страницу изукрашенной записной книжки, – смогу ли я выделить время...

– Какая жалость! – комендант осторожно коснулся книжки, словно намереваясь опустить ее, привлекая внимание собеседника. – Я надеюсь, Вы не слишком заняты сегодня... – с его пальца соскользнул еще один дорогой перстень и скатился по переплету прямо в ладонь Личи.

– Впро-о-очем, – елейным голосом протянул тот, закрывая книжку, – дела могут и подождать...

Тошнотворная мерзость, все нарастающая с каждым словом, наконец переполнила мою чашу терпения и сдавила

грудь. Не желая более слушать этот гадкий и слащавый до омерзения разговор, я со стуком отставила недопитую кружку, поднялась и, бросив монетку хозяину, молча пошла прочь.

Комендант удивленно проводил меня взглядом.

– Впервые ее вижу, – бросил Личи в ответ на незаданный вопрос.

– Я, видимо, тоже... – задумчиво проговорил комендант.

Я выскочила на улицу. До чего ж гадко! И ведь ни капли стыда!

Вот же продажная сволочь! А хорошо живет! Два дорогих перстня только лишь в качестве аванса!..

Ни стыда, ни совести у людей! Так в открытую, бесстыдно... Брр!

Я вздохнула. От посвежевшего вечернего воздуха раздражение быстро стихало, хотя у меня все равно оставался противный осадочек.

А лучше бы ужин.

***

Переночевав в не сильно дорогой гостинице неподалеку от побережья, я собралась и направилась к городским воротам.

Хотела просто выехать из города, но на прямом пути от гостиницы до ворот лежала площадь, а миновать ее, не встретившись с Личи, было не так просто. Тогда я решила, пользуясь случаем, продемонстрировать свое презрение.

Личи тоже заметил меня и обернулся.

– Надо же, опять ты, – бросил он и саркастично добавил. – И кто бы мог подумать...

– Я просто в очередной раз хочу сообщить, что презираю тебя, – бросила я, проходя.

– Кака-ая неожиданность, – протянул Личи, картинно закатывая глаза. – Кстати, – проговорил он после небольшой паузы. – Тебе стоит поработать над тактичностью. Твое счастье, что командант(е) не счел твое поведение вызываю-

щим...

Я раздраженно обернулась.

– И что же я такого сделала? – возмущенно фыркнула я. – Это нормально? В людном месте... вести такие беседы?

Личи хмыкнул, явно давая понять, что не видит ничего столь критичного и не разделяет моего возмущения.

– Это... мерзко!

– Спасибо за твое бесценное мнение, – протянул дракончик. – В списке моих приоритетов оно занимает примерно... место этак за двухсотое, и может быть, я даже когда-нибудь прислушаюсь к нему, если вдруг разом перестанут работать предыдущие двести позиций...

Я негодуяюще сощурилась.

– А вот тебе не стоило так уходить...

– А что я должна была делать? – огрызнулась я. – Сапоги облизывать ему?

– Брось, он бы побрезговал... – фыркнул Личи, издевательски взглянув на меня. – Но тебе стоит быть вежливее с градоправителем.

Я презрительно сплюнула.

– С этим бессовестным негодяем?

– Как грубо, – осуждающе бросил Личи. – И совершенно несправедливо. Господин комэндант(е) золотой человек...

– Ты уверен, – скептически осведомилась я, – что правильно применяешь это слово?

– Господину комэндант(е) это нравится... Так почему бы

нет? – пожал плечами Личи.

– Ага... Так значит, делаешь это специально, чтобы потешить его тщеславие?

– А ты бываешь порой не так глупа, как может показаться... – ухмыльнувшись, нараспев проговорил дракончик.

– Теперь понятно, – презрительно бросила я, – как ты решаешь вопросы с лицензией...

– Мимо, – усмехнулся он. – Вопросы с лицензией я решаю по-другому.

– Неужели? – скептически приподняла брови я.

– Ах, – вздохнул он, снисходительно глядя на меня. – Нужно просто знать, что госпожа комиссар – одинокая тридцатичетырехлетняя женщина...

– Совести у тебя нет, – помолчав, проговорила я.

– Есть, и я даже могу сказать тебе, сколько она стоит, – легко усмехнулся он, потом, взглянув на меня, добавил. – Правда, тебе все равно будет не по карману.

– Все, что продается за деньги, ничего не стоит, – брезгливо сощурившись, бросила я.

– Так значит, и твоя охота тоже? – помолчав, с издевкой осведомился Личи. – Ведь ты ровно так же продаешь свой дар за деньги... А, госпожа вольнонаемница?

– Это другое, – хмуро бросила я.

– Другое? – приподнял брови он. – Чем это? Ведь ты берешь свои навыки и так же обмениваешь их на деньги...

– Не смей даже сравнивать! – отрезала я. – Я боевой маг,

и я защищаю человечество от демонов!

– Угу... платежеспособное человечество, – добавил он язвительно.

Я скрипнула зубами. Пересказывать Кодекс Чести мага и доказывать, что мы ловим демонов не только ради денег и не только по заказу, желания не было.

– Тут уж, что поделаться. Есть-то на что-то надо, – просто фыркнула я.

– Горячие пирожки! – как раз к месту прокричала почти над ухом проходящая в паре шагов от нас бойкая старушка-торговка с лотком через плечо. – Привет, золотко! – радушно обратилась она к Личи.

– Дня, Лания, – приветственно махнул ей рукой он.

– Ну-ка, держи! – она, едва ли не ударив его поддых, сунула ему сверток, запечатанный руной – для сохранения тепла.

– Ох, – проговорил он, перехватывая сверток. – Спасибо, Лани... Как Динка?

– О, чудесно! Бегаешь! Как рукой сняло! – радостно ответила пожилая женщина. – Хотела сегодня же на рынок со мной идти, я не пустила.

– И правильно, – проговорил Личи с легкой улыбкой, но все же серьезно. – Рано пока, пусть хотя бы пару-тройку деньков дома посидит.

Женщина серьезно кивнула.

– Спасибо тебе! – сказала она с чувством.

– Ой, да будет, Лани... – легко отмахнулся Личи. – С чем

пирожки, кстати?

– Обижаешь, – протянула продавщица. – Яблоко, конечно!

Личи улыбнулся.

– Спасибо.

– Будет... Тебе спасибо! – махнула рукой продавщица и продолжила путь по площади, зазывательно крича. – Горячие пирожки!

Она отошла всего на два шага, и я догнала ее, чтобы тоже чего-нибудь купить. Выбрала ароматную слойку с клубникой. Та аппетитно грела руки через пергаментную бумагу, и я посильнее сжала ее в ладонях, чтобы не остыла – платить лишнего за рунку не хотелось.

Народу было немного. Личи отошел в сторону и, сняв с плеча лоток и чуть отведя назад крылья под плащом, присел на скамейку.

Я огляделась. Лавочек в окрестности больше не наблюдалось, и потому пришлось садиться на ту же, хоть и на некотором расстоянии.

– Кто эта женщина? – поинтересовалась я.

– Лани? – проговорил Личи, тщательно вытирая руки платком. – Продавщица выпечки, ясно же...

Я фыркнула, разворачивая обертку.

– Моя хорошая знакомая, – усмехнувшись, все же пояснил он. – Вместе с детьми занимается выпечкой. Ее дочь серьезно заболела несколько дней назад...

– Так... Ты врачуешь? – поинтересовалась я, откусывая теплое хрустящее тесто.

– Ну, "врачуешь", это сильно сказано. Просто подкинул им парочку настоек, несколько рекомендаций и так, по мелочи.

– Значит, тоже разбираешься в травах?

– Пожалуй, это логично, – проговорил он, пожав плечами. – Почему бы не заниматься этим, если можешь использовать знания и природное чутье...

– А как ты определил, чем она больна?

– Ну, тут я только предполагал. Я могу почувствовать, что с человеком что-то не так. Точно болезнь одним чутьем, конечно, не установить, но вот сам факт ее наличия – без проблем. Да и ее природу и место в теле – можно постараться.

Личи достал пирожок из свертка и откусил. Сладко запахло горячим запеченным яблоком.

– Ты ведь не со всеми местными торговками в столь теплых отношениях, – заметила я.

– Нет. Только с особенными, – бросил он. – Я знаю Лани с... – он задумался, видимо, формулируя, – с тех самых пор, как перебрался в Эрстхен.

Голос его, тем не менее, остался непроницаемым, и, как я ни силилась, я не смогла уловить эмоций.

– Лучше бы ты лечил, раз умеешь, – заметила я, откусывая, видимо, предпоследний кусок слойки и досадуя на ее малый размер.

– Пфф, – нахально усмехнулся Личи. – Врачевание для меня хобби, не более...

Запихнув в рот остатки своей слойки, я нахально влезла рукой в сверток у него на коленях и выудила оттуда один из пирожков, горячий и ароматный. Личи сопровождал это действие лишь крайне возмущенным взглядом.

– А ты лучше б сидела в своем Центральном регионе и не моталась к Побережью... – процедил он недовольно, недобро сверкнув на меня глазами.

– А я сюда, может, тоже работать приехала, – заявила я. – Давай, подскажи, раз живешь здесь, сколько на смешанной территории составляет налог?

– Не имею понятия! – легко и весело бросил Личи.

– В каком смысле? – нахмурившись, спросила я с набитым ртом.

– Милостью командант(е) я освобожден от уплаты налогов, – проговорил он, бросив на меня превосходственный взгляд.

– Вот гад! – с чувством воскликнула я.

Личи посмеялся в ответ.

– Ну и не приставала бы тогда ко мне. Катилась бы в свои Постирушки...

– Чего? Какие еще Постирушки? – со смехом переспросила я. – Сам ты...

– Ах да, – протянул Личи. – Ты же не знаешь... – он усмехнулся. – Раньше, лет двести назад, важный приграничный

Дарп был маленькой деревенькой, именуемой Дирпова Ричка – от слова "дирпати" – "стирать" на местном наречии...

– Правда? – рассмеялась я.

– Это потом Лиория расширилась, и деревенька превратилась в ключевой пограничный пункт. Вот и притянули сюда драконье "Дарп" – "граница". Только в классическом произношении оно, скорее, "тх'арп".

Украденный пирожок закончился, и я ткнулась было рукой в сверток, но на коленях Личи его уже не было. Я подняла глаза на дракончика, и мы обменялись обоюдозамуженными взглядами.

***

Море блестело в ярких бело-желтых солнечных лучах. Где-то далеко-далеко слева высвечивались солнцем очертания Долмира. Также вдалеке желтел песчаный остров. Мы парили высоко над водой, настолько, что сверху море казалось неровным полотном с мелкой шероховатостью волн.

Кондор закончил набирать высоту и максимально выровнялся, сгладив все рывки от взмахов крыльев и просто планируя.

Я осторожно поднялась на ноги и выпрямилась во весь рост. Встала на его плече, балансируя руками. И шагнула вниз.

Тело охватил ветер, взметнув волосы и полы куртки.

Раз-два-три-четыре-пять... – быстрым речитативом, куда

быстрее, чем идут секунды.

Конхстамари осторожно подхватил меня, а затем рывком бросил на спину через плечо. Я почти успешно приземлилась, но, в последний момент запнулась о гребень, прокатилась по блестящей чешуе и слетела с другого бока, ниже крыла.

И снова полетела вниз.

Меня резко крутануло в воздухе, но едва я успела скороговоркой досчитать до пяти, Конхстамари снова поймал меня.

– В прошлый раз было лучше, – с усмешкой проговорил он, аккуратно пересадив меня на свое плечо.

– Не в счет, я просто споткнулась! – весело заявила я.

Конхстамари демонстративно закатил глаза. “Не убедилась”.

– Давай еще раз, у меня получится! – застегнув куртку, проговорила я.

– Ладно, – со смехом ответил дракон. – Будем считать, что это случайность...

– Это все твой гребень!

– Знаешь ли, плохому танцору... – усмехнувшись, бросил Кондор.

Я демонстративно проигнорировала издевку. Мы поднялись достаточно высоко, и Конхстамари, расправив крылья, завис в воздухе.

Я выпрямилась, медленно и осторожно поднявшись на но-

ги. Нужно только шагнуть. И я не боюсь.

Я не боюсь.

Я столько раз шагала вниз, что страх потерял власть надо мной.

Мое сердце больше не сжимается, пронзаемое тысячей ледяных игл, когда исчезает из-под ног столь необходимая опора и тело заключает в холодные объятия неосязаемая воздушная пустота.

Это, наверное, самое важное, чему я научилась сегодня.

Да, далеко не все приземления были удачны. Сколько раз я спотыкалась, падала и срывалась...

Вероятно, мне потребуется еще немало попыток, чтобы наконец вышло что-то толковое.

Но главное не это.

Я больше не боюсь падать.

Может быть, потому что знаю, что меня поймают?..

Я выдыхаю и медленно шагаю вперед. Вниз.

Раз-два-три-четыре...

Захват.

Бросок.

Я перелетаю плечо и приземляюсь на драконову спину. Прокатываюсь, разворачиваюсь и торможу ногами о глянцевую чешую, ухватившись рукой за гребень...

***

Жемчужная скала как всегда завораживала своей жуткой

смертоносной красотой.

Выбеленные солнцем черепа жемчугом рассыпались по черным матовым камням скалы. В россыпях были и другие кости, однако взгляд почему-то цеплялся именно за черепа.

Ветер трепал чуть отросшие с весны волосы, полосами выгоревшие на солнце, глядя и лаская их. Я словно ощущала ими мир, и потому любила называть их *вибриссы*.

Замок купался в солнечных лучах.

Я съехала по услужливо опущенному крылу на каменную площадку. Пошла в комнату, в которой всегда ночевала, чтобы оставить вещи, а Конхстамари отправился приводить себя в порядок и одеваться.

В залу-гостиную мы пришли почти одновременно. Кондор поставил котелок кипятиться, мы сели за стол.

На мой стул была приспособлена подушка: иначе столешница была бы мне слишком высоко.

– Ты надолго на этот раз? – поинтересовался Конхстамари.

– Думаю, останусь на недельку, – проговорила я. – Конечно, если ты не против...

Дракон фыркнул, прикрыв глаза и покачав головой:

– Когда б я был против... Хоть насовсем! – издевательски добавил он.

– Ну уж нетушки! – весело отозвалась я. – Не надейся.

Кондор усмехнулся.

– Куда отправишься теперь?

– В центральный регион. Покатаюсь по тракту, может, даже до Соулу доеду. Надо бы.

Конхстамари взглянул на меня слегка вопросительно.

– Отметка в Гильдии. В Дарпе передали извещение, что надо показаться в Соулу...

– Мм, – кивнул он. – И часто вам такие передают?

– Нет, – проговорила я. – Ну, в смысле, не знаю... Мне вот в первый раз. Наверное, это для таких же вольнонаемников, которые нигде не числятся, а просто катаются по городам... Кажется, это для выпускников последних пяти лет. Если я что-то помню из того, что нам говорили в школе, это просто дежурная условность, которую, тем не менее, нужно соблюдать.

– Понятно, – без особого интереса кивнул Кондор, заваривая чай.

Я задумалась, прикидывая, сколько времени мне потребуется, чтобы добраться до Соулу. Не так мало на самом деле. Тем более, что я буду перемещаться с остановками для охоты...

Хм. А что если сразу отметиться в Гильдии, а потом поехать свободно гулять по тракту? Такой план действия показался мне органичным и привлекательным.

– Конхстамари, – позвала я. Тот поднял голову, взглянув на меня. – А ты мог бы доставить меня прямо в Соулу?

– Да. Легко, – ответил он с улыбкой.

– В таком случае, ты сможешь насладиться моим обще-

СТВОМ ПОДОЛЫШЕ.

Мы рассмеялись.

***

Соулу встречал привычным столпотворением. Крупный город на тракте, с портом, хоть и речным, город, в котором располагалось главное учебное заведение для магов, просто не мог быть малолюдным.

На въезд в город у меня ушло около часа, даже при том, что мистики в города пропускаются вне очереди. Но то, что не обязательно выстаивать, пока досматривают у ворот телегу какого-то мелкого купчишки, не отменяет того факта, что до ворот надо еще как-то добраться по забитому тракту.

То ли мне показалось, то ли и вправду досматривали сегодня как-то более придирчиво, чем обычно. Впрочем, стражники тоже люди, вот и злятся от жары.

...Признаться, я даже скучала. По этим блестящим крышам и каменным проулкам.

Ах, Соулу. Сколько лет с тобой мы провели вместе... Это, наверное, сложно передать: когда ты смотришь на слишком знакомые стены и вспоминаешь о бесчисленном количестве прекрасных вечеров и дней, проведенных здесь...

Говорят, люди зовут это... Ностальгией?

...Из романтических дум меня вывела суровая реальность городской толчеи буднего летнего дня, а именно недовольный крик какой-то базарной бабы, посвященный тому фак-

ту, что здесь и так слишком тесно, чтобы кататься верхом.

Верхом пересекать наводненную городскую площадь – подобную роскошь себе могли позволить только аристократы да мистики!

Баба возмущенно орала. За свою жизнь в Соулу она насмотрелась на магов вдоволь, чтобы перестать их чураться. Я усмехнулась. Ничего не изменилось.

К счастью, дальнейший путь до ведомства проходил более свободными дорогами.

Я надеялась, что отметка не займет много времени. В конце концов, делать нечего: сообщить, что я жива и периодически работаю. Дежурная условность.

Ждать в приемной практически не пришлось, меня сразу отправили в кабинет какой-то ответственной за занятость выпускников.

Ей оказалась шустренькая полноватая женщина лет сорока с милыми русыми кудряшками. Не маг, судя по всему.

– Здравствуйте. Дзета Янше, выпускница СоулМиШ, – дежурно проговорила я, поклонившись и протянув женщине документы. – Вольнонаемница.

– Здравствуйте, – приветственно махнула она мне, взяв бумаги. – Госпожа Янше... Госпожа Янше... Вы куда-нибудь прикреплены?

– Нет, – качнула головой я. – Вольнонаемница же.

– Ой, надо вас тогда куда-нибудь прикрепить!..

И вот тут я неприятно удивилась. Ни о чем таком я раньше

не слышала.

– Я думала, меня просто должны отметить, как вольнонаемницу...

– Мы сейчас стараемся найти занятость всем нашим странникам-вольнонаемникам, – проговорила та.

А вот это мне совсем не нравилось. Как обычный странствующий маг, я не была никуда прикреплена. В этом-то и была моя свобода. Как раз того, чтобы меня куда-нибудь прикрепили, очень не хотелось...

– О, это ни к чему вас не обяжет! – бодро запела она, видимо увидев мое скисающее лицо. Просто, держитесь Центрального региона.

О. Центрального. Замечательно.

– А почему так? – напряженно спросила я. – Что-то поменялось?

Это было странно. Весьма странно. Не припомню, чтобы так делали раньше... То ли лыжи не едут, то ли Дзета, как всегда, дуручка.

– Да, новый указ. Политика теперь такая, – проворковала кадровик.

– А в связи с чем? – уточнила я.

– Ой, ну просто... Чтобы в случае чего... – дамочка словно бы осеклась и на миг замолкла, но нашлась и бодренько продолжила. – Просто, если вы не прикреплены ни к какой точке, либо организации, и не наняты ни в какую команду...

Я встрепенулась.

– ...то Гильдия помогает найти работу и заказы...

– Погодите! Что ж вы молчали? – перебила ее я. И уверенно веско бросила. – Я нанята!

– Наняты? Что ж. Тогда это меняет дело, – протянула кадровик, задумчиво приподняв брови.

Я придала своему лицу максимум решительности. Ну... не то чтобы я прямо уж была нанята. Но, вероятно, сегодня же буду.

Я, по сути, даже не вру. Всего лишь предвосхищаю.

Но все равно, хорошо, что она не маг. Опытный маг-комиссар раскусил бы меня, как тыквенную семечку.

– Просто, – продолжала кадровик, – я думала, бы в данный момент безработны... Ах, – улыбнулась она. – Видимо, мы друг друга не поняли!

– Ага-ага, – поспешно закивала я.

– Что ж, – весело продолжила женщина, – тогда, позвольте я отмечу ваш подтверждающий документ.

– Подтверждающий документ? – в который раз за день неприятно удивилась я.

– Ну да. Договор найма, или что там у вас...

Я была в смятении. Очередное правило, которого я не знаю?

– Давно у вас так? – спросила я, не подумавши. Однако, вопрос, вопреки ожиданию, оказался даже не глупым.

– Уже... около месяца, – как будто бы даже смутившись, проговорила она.

– Вы знаете, – начала я, – Обычно я работаю...

Без договора? Да, так и скажи ей, тупица.

– ...по договоренности, – я все же нашлась. – Но давайте я возьму письменное подтверждение у нанимателей и завтра же вам его предъявлю.

– Что ж, хорошо! – радушно согласилась женщина.

Я в который раз порадовалась, что она не маг. И не слишком умна.

Вышла на душную улицу из чуть менее душного помещения ведомства. За вечер предстояло найти нанимателей. Да еще и добиться от них договора...

Что ж. Куда направиться, если хочешь быстро поймать какой-нибудь сомнительный заказ? В кабак, конечно!

Убьем разом двух зайцев. И отметку получим, и подзаработаем.

Я, не шибко долго побродив по городу, выбрала кабачок неподалеку от центра, стоящий почти на тракте. И, взяв кружку чая, села присматриваться и прислушиваться.

Вести себя надо было тихо и не подозрительно. Я сразу отринула вариант спросить хозяина, ибо, скорее всего, все давно схвачено местными.

Кабак жил своей обычной кабацкой жизнью. Народ веселился. Лилось пиво и вино. Много было людей в походной одежде, что было более чем объяснимо для притрактовых кабаков. Многим хотелось отдохнуть с дороги. Выпить, расслабиться. Приглядеть ночлег.

Тем не менее, я заметила двух парней. Оба пили мало и, по ощущениям, не намеревались тут ночевать. Вот к ним я и решила подойти.

– Вечерочка, добрые господа. Вижу, вы не очень-то налегаете на выпивку. Не ночуете?

Парни переглянулись, очевидно, понимая, что ни на разносчицу, ни на распутницу я не тяну, а интересуюсь явно не просто так.

Тогда первый честно ответил.

– Да мы тут по делу. Мага-наемника ищем.

– Какая удача, – протянула я, подсаживаясь. – А я как раз ищу нанимателей... Дзета Янше, – приветственно кивнула я, – дипломированный мистик-вольнонаемник.

Парни заинтересовались. Я ненавязчиво огляделась, но, кажется, никто не обратил внимания на подсевшую к двоим парням девицу. Редкое ли явление в подобном месте?

– И правда удача, – проговорил первый, русский, относительно коротко постриженный парень с худым лицом. – А то прикормленные, – он ненавязчиво кивнул в сторону хозяина, – дерут безбожно... Я Паллус, – добавил он.

– Варр, – ответил второй. Покоренастее и потемнее.

– Только это... – вновь начал первый. – Затея рисковая. Оклада у нас, надо полагать, нет. Что добудем, то и поделим...

Я улыбнулась:

– Что вы, ребят. Только так и работаем! – и, сплетя пальцы

и вытянув вперед руки, проговорила. – Люблю авантюры.

Парни удовлетворенно кивнули, радостные, что нашли мага, согласного работать за удачу.

– Только дело такое, – в свою очередь начала я. – Мне нужен договор.

– Хм... – протянул худенький. Как его там?.. – Договор?

– Да. Хотя бы условный. Сам факт его наличия. Это для нашей Гильдии, не вдавайтесь в подробности, сама не понимаю. Просто я должна показать им что-то, что подтверждает, что я работаю... Сможем что-нибудь придумать? – поинтересовалась я.

Парни переглянулись.

– Думаю, что-нибудь придумаем.

– Ну и чудненько, – отвязно заявила я. – А чем, собственно, ваш отряд собирается заниматься?

– Поедем бить нежить в Коттские леса. Тамошний глава щедро обещает за каждую демоническую тушку.

Я кивнула. Подобные аттракционы невиданной щедрости и массового отлова были не такой уж редкостью. Летом часто вылазило из болот и "разломов" всякой пакости. И местное население начинало вставать на дыбы, не желая оплачивать охоту из своего кармана.

– И каков будет мой круг обязанностей и доля в выручке? – ударилась я в расспросы.

Обсудив и придя к согласию, мы поспешили покинуть трактир, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и

уже спустя полчаса выехали из города через северные ворота в сторону Адше – маленького городишки к северо-востоку от Соулу, где мои наниматели остановились.

– А что в Адше? Нет магов? – поинтересовалась я дорожкой.

– Заезжих не было, а тамошний прикрепленный насиженное место покидать, понятное дело, не желает, – ответил долговязый Паллус.

Я понятливо кивнула. Еще бы. Я и сама, не прижми меня Гильдия со своим прикреплением, чего понадежнее бы поискала, с заранее оговоренной платой...

Адше мы достигли часа за полтора относительно неспешного хода лошади. Там парни поспешили показать мне присмотренный ими дом. На первом этаже располагалась небольшая пекарня, второй был жилой. Видимо, владельцы решили подзаработать, еще и недорого сдавая часть комнат на ночь. Окна горели как внизу, так и наверху, следовательно, несмотря на довольно поздний час, дом не спал.

Паллус постучался. Дверь открыла, вежливо поклонившись, светловолосая девушка, видимо, служанка или работница.

– Хозяйка, мы вернулись, – весело крикнул Паллус.

– Мага нашли? – отозвались сверху грубоватым мужским голосом.

– Вижу, хозяйка сурова, – не удержалась от издевки я. Парень прыснул.

– Да, Гард! – ответил он.

Пока работница закрывала за нами дверь, а мы скидывали куртки, слева к лестнице приблизились тяжелыми шагами двое мужчин. Первый коренастый с короткой стрижкой, седой бородой и шрамом на скуле, судя по уверенному шагу, командир, и идущий следом невысокий рыжеволосый парень. А на опережение им с другой стороны выбежала хозяйка.

И на секунду замерла на лестнице, узнав меня. Я тоже признала ее сразу. По густым черным кудрям и едва уловимым деталям внешности... Много ли у меня знакомых загорян?

– Какие люди! – весело заявила Ремм, с улыбкой вскинув брови.

Я улыбнулась ей в ответ.

– Рада, что ты заехала, – проговорила она, спускаясь.

– Забавное совпадение, – ответила я.

Ремм, пропустив спускавшихся за ней мужчин вперед, указала нам на дверь в боковую комнату справа. Это оказалась небольшая импровизированная гостиная. Мы сели переговорить, пока хозяйка обязалась соорудить чай.

Как я поняла, седобородый Гард действительно оказался условным командиром шайки. Мы расселись на кресла вокруг стола, чтобы обсудить детали.

– Гард, только это, – проговорил ему Паллус, – госпоже мистику нужна от нас подтверждающая бумага.

– Какая еще подтверждающая бумага? – нахмурился тот. –

Расписка что ль?

– Договор найма, – отозвалась я. – Или что-то типа него.

– Ну-у, – протянул он. – Мы, как бы, люди простые, с договорами не возимся.

– Ну, а в этот раз придется, – вздохнула я.

– Неужели это прямо так важно?

– Да, важно.

– Да ладно, мы ж не обманем, – сказал командир.

– Да я верю, – отмахнулась я с усмешкой. – Еще б вы мистика обманули... Но мне для Гильдии нужен договор обязательно, – я начала объяснять.

Вернулась Ремм с чаем.

– Слушай, – спросил Гард, – ну а что будет-то если не будет бумаги?

– Если у меня не будет бумаги, я завтра поеду в какую-нибудь дыру по распределению, а не с вами с Котту...

– Господа, так вы намереваетесь в Котту? – проговорила Ремм за нашими спинами.

– Угу, – ответил Гард. – В нее. Там местный глава... – начал он было рассказ.

– А возьмете в экспедицию? – не дослушивая, в лоб спросила Ремм.

– А вам, сударыня, Котта зачем? – неуверенно проговорил темненький из трактира.

– А мне не Котта. Мне... другой городишко в той области.

Сурайя, если это вам что-то говорит. Дорога туда неблизкая, да и небезопасная. Одной страшно...

– Так, мы, милочка, не дам в дальние пути сопровождаем, – оборвал ее Гард, – а на тварей отправляемся охотиться... Нет.

– Нет, погодите, – не унималась девушка. – Меня сопровождать не надо, я хочу быть в команде.

Повисло молчание. Парни удивленно переглянулись.

– Понимаешь ли, нам лишние-то люди не нужны.

– А кто сказал, что я буду лишней?

– В таком походе от бабы толку нет! – заявил командир, но, взглянув на меня, осекся и добавил. – Ну, если это не маг, конечно.

– А кто готовить будет вам в походе? Стирать? Неужто мистику будете еще и за стряпню платить?

– Кстати, да, – проговорила я. – Кто будет готовкой заниматься?

Судя по растерянным взглядам, предполагалось, что я Ремм оперлась локтями на спинку кресла за моей спиной.

– Не, ребят. Вы меня мистиком, а не кухаркой нанимаете. Повар из меня не ахти какой. Да я и не притязательна. Я картошку в огне пожгу, меня устроит, – честно призналась я.

– Ладно, – оборвал тему Паллус. – Разберемся. По очереди будем дежурными, значит.

– А что будем делать с договором? – вновь подняла я интересующий меня вопрос.

Парни задумались. Потом Гард предложил просто написать для меня то, что я требую.

Что конкретно требую, я и сама не знала, но, поскольку за обещанную мной некую "договоренность" сойти могло едва ли не что угодно, сильно заморачиваться с правдоподобием бумаги было не обязательно. Поэтому я предложила вариант,

что просто надиктую, а кто-нибудь грамотный запишет.

"Грамотным" из всех назвался только Паллус, и то, писал он исключительно под диктовку по буквам и... примерно так, как я писала в своем первом классе. Видимо, один класс всем его образованием и был.

– Ох, мама родная, – простонала я. – Это не годится! Кто еще из вас пишет?

– Только он.

– Отлично. То есть, из вас четверых никто не сможет написать?

– Ну, может тогда госпожа мистик сама напишет? – уязвленно фыркнул Паллус.

– Да, – поддержали его напарники. – Напишите сами, если не нравится.

– Ребята, – раздраженно прорычала я. – Я не могу притащить бумагу, написанную моей рукой, моим почерком, и сказать, что мои наниматели безграмотные и поэтому да, я все сама написала, и расписалась за обе стороны! Меня обвинят в подлоге!

– Ну, я могла бы написать... – протянула за моей спиной Ремм. – Вот только жаль, что я в этой команде никто...

Паллус цокнул языком.

– Послушай, милая. Мы бы взяли... Но только вот если мы еще и тебя в долю возьмем, всем совсем мало останется... Дорогу, так и быть, обеспечим тебе, продукты, взамен на то, что будешь готовить и прочую бытовую делать. Но на боль-

шую выручку не рассчитывай. Устроит тебя такой расклад?

– А по рукам! – заявила Ремм. – Меня устраивает! Мне только дорога до Сурайи с вас и нужна.

– А как же хозяйка пекарню оставит? – возразил Варр.

– Мать последит в мое отсутствие, – заявила девушка. – Златка, добеги до матушки, пусть спустится.

Девушка-работница кивнула и торопливо побежала на второй этаж. Ремм что-то зашебетала, спешно пробравшись к столу с пером и чернильницей.

– Ну-с, диктуйте, госпожа мистик...

Мы занялись составлением бумаги. Почерк у Ремм оказался прекрасный. Куда как лучше, чем у меня. К тому моменту, когда послышались шаги на лестнице, бумага была почти дописана.

– Ну, что тут стряслось посреди ночи? – бесцеремонно воскликнула пожилая женщина, заходя и складывая руки на груди. Волосы ее были почти черные, лишь редкие прядки посеребрило сединой.

– Айралл, матушка, мне нужно вновь просить тебя побыть хозяйкой, так как завтра я уезжаю, – торопливо и буднично доложила девушка, подняв глаза от бумаги.

Женщина, всплеснув руками, хлопнула себе по ногам.

– Ну началось! – возмущенно воскликнула она. – Это куда ж ты опять намылилась?

– В Сурайю, – коротко бросила Ремм и обратилась к Паллусу, как самому "грамотному" из всех. – Надо подписать

тут.

– В Сурайю, – передразнила мать, картинно закатив глаза. – Далась тебе эта Сурайя?

– Надо. Мне нужно попасть там в архив.

– Тебе нужно делом заниматься и замуж выйти! – с беззлобным недовольством проговорила женщина. – А в Сурайю тебя *майре иг хённ*¹⁰ гонит...

Ремм рассмеялась.

– Полно, Айралл, – ответила она, передавая мне бумагу. – Не хочу я замуж. Мне там информация нужна кое-какая.

– Опять она со своими драконами, – фыркнула женщина, вскинув брови и качая головой. – Дурная девица...

– Айралл, не осуждай чужие интересы, – бросила Ремм. – Для тебя свое важно, для меня свое...

– Надо было тебя в восемнадцать выдавать за Ябло, как ты хотела... Пока у тебя мозги не повернулись. Че я, дура старая, не согласилась! – иронично, с напускным сокрушением проговорила женщина. – Сейчас бы уже внучков нянчила, сказки им рассказывала...

– Айралл, дорогая, перестань, – усмехнувшись, отозвалась Ремм. – Отправляйся спать, а хочешь, можешь мне помочь. Мне нужно собраться. Мы выезжаем завтра на рассвете...

– Лучше б замуж так собиралась! – сварливо заявила мать. – Так и останешься старой девой со своими драконами!

---

¹⁰ Шило в заднице (загор., разг.)

– Не переживай. Девой не останусь, – недовольно отмахнулась Ремм, спешно выходя из комнаты.

Мать плюнула и махнула рукой.

– То-то обрадуется твой отец, когда вернется завтра с покупками...

– Передай Данзэ, что я его обнимаю, – отозвалась Ремм с лестницы, после чего крикнула уже постояльцам. – Господа, пойдёмте, я провожу вас в ваши комнаты...

Мужчины встали. Айралл, качая головой, прошла и села на кресло рядом со мной.

– Ой, небушко, – проговорила она все тем же ироничным тоном. – Девки в этом возрасте женихов ищут да слезы льют, ежели не находят... А эта носится со своими книгами, аки осой в хёни ужаленная... Вот уж действительно, горе от ума.

– Ну, я вон тоже незамужняя, хотя ей ровесница, – проговорила я, прихлебывая остатки чая из кружки.

– Ты-то хоть магичка, – по-свойски проговорила женщина. – Вы... Это тебя извиняет. А эта дурочка... ай! – она досадливо махнула рукой.

– Давно вы переехали сюда? – спросила я после недолгого молчания.

– Да лет семнадцать уж как, – отозвалась женщина. – Решили вот перебраться.

– Почему, если не секрет?

– Да знаешь... Захотелось новых возможностей. Дело свое хотелось. Дома развернуться не давали, считая, что в доле

моей все predetermined... Вот мы с Данзэ и рванули, – улыбнулась женщина.

– Я так погляжу, Ремм есть в кого авантюристкой пойти, – усмехнувшись, с некоторым ехидством ответила я.

Женщина рассмеялась, окрестив меня нахалкой.

Немного погодя в гостиную вернулась Ремм.

– Дзета, ты не могла бы помочь мне советом, что следует взять в такой поход? Я прежде ездила только в обычные поездки...

С готовностью поднявшись, я направилась за кивнувшей мне девушкой на лестницу.

– Ну, во-первых, возьми с собой теплую одежду, – проговорила я, после чего, опомнившись, сочла необходимым пояснить. – Прямо совсем теплую, как на зиму.

Ремм кивнула и обернулась на старшую женщину.

– Айралл?..

– Пойду отопру вещевую кладовку, – та поднялась и поспешила за нами.

Я хотела было задать уже давно интересующий меня вопрос, но женщина меня опередила.

– Да, не удивляйся, мы зовем по имени старших родственников. Знаю, что в ваших краях так не принято... Многие удивляются.

Я кивнула и поблагодарила за пояснение.

Мы поднялись наверх, в комнату Ремм, где я еще немного подкорректировала ее походный инвентарь. Пока девуш-

ка собиралась, мы разговорились.

– А ты с какой стороны едешь? – поинтересовалась Айралл.

– Со стороны Побережья, – ответила я.

– О-о, значит мимо Тиланы проезжала? Как там? Небось, вовсю готовятся к празднику? Большая дата, как-никак...

– Ну-у... Я в столицу не заезжала, мимо проскочила, – уклончиво ответила я.

– А, ну да... Там, небось, столпотворение. Уж в Сорусе-то какое, а что говорить о столице, – отозвалась Ремм.

– В Соулу всегда народу немерено, – ответила я. – Он же еще и речной порт.

Мне нравилось называть город Соулу – по-старинному. Хотя ныне это название считалось устаревающим и постепенно выходящим из оборота, вытесняемое его более современной формой. Впрочем, скажем, Школу переименовывать не спешили, а по слухам, и не планировали.

– Это да, – согласилась Айралл. – Но наверняка там загодя все готовить начинают... Год в стране особенный. Как-никак, трехсотлетие с восхождения на престол династии Лиранов. А к весне – столько же Перемирию.

– А мы еще в начале зимы празднуем изгнание вражеской армии за границу... – брякнула я и осеклась.

– Да, милая, знаю, – улыбнулась Айралл. – У нас-то эта дата – начало вторжения. Но мы ж с тобой не будем припоминать давние обиды наших стран?

Я тоже улыбнулась.

– Конечно, нет.

Историю я знала не то чтобы хорошо. Однако, основные события представляла. К тому же ныне, в юбилейный год, история была особенно на слуху.

Конфликты за территорию у двух едва ли не доминирующих на континенте человеческих народов в стародавние времена были не редкостью. Споры были, в основном, о занимаемых площадях и местоположение границы. Каждая из сторон хотела отхватить кусок побольше и повкуснее.

Так исторически сложилось, что кусок "побольше" достался Заагре. А вот "повкуснее" – Лиории.

Лиория при заселении и дележе оказалась, очевидно более успешной, ведь континент был поделен явно в ее пользу: нам перепала самая "вкусная", теплая и плодородная юго-западная часть материка, тогда как Заагре достался жестокий континентальный отстегнутый горными хребтами от теплых морей Восток с северо-востоком. Морское побережье Заагре имела лишь на севере. За полярным кругом.

Предки загорян, разумеется, такой ситуацией были недовольны и старались отодвинуть границу, однако против сильной и укрепившейся Лиории всерьез и со стабильным успехом воевать не могли.

Зато было немало набегающих на Лиорию, видимо, от отчаяния лихих отрядов загорян, знавших, что грабить и убираться надо быстро, пока не подросла армия, против кото-

рой легким отрядам не выстоять.

Конечно, старые конфликты за территорию постепенно ушли в прошлое, а мелкие приграничные стычки были делом обычным.

Но однажды (а именно три столетия назад) в Лиории по весне грянула революция. Серьезная такая. Многие города были перерыты, мостовые разобраны на баррикады... Воевали, разумеется, за свободу, за правду (даром, что каждый за свою), ну и за власть, прежние представители которой себя не оправдали, а новые никак не могли прийти к согласию. Боевые действия сотрясали крупнейшие и не только города державы.

И тогда на страну, ослабленную революцией, напала Заагре, в своем давнем желании отбить более теплые и мягкие по климату области.

Война стала очень болезненным ударом по Лиории, загоряне взяли Соулу и дошли едва ли не до Ласточкиных Норок. Однако потом престол отбил властный предок нашего Матина – Дэйр Лиран, и железной хваткой поставил страну на ноги. Вынужденно объединившись перед лицом общего врага, бывшие по разную сторону баррикад пошли отвоевывать родную землю.

И, несмотря на ослабленность, оказались в этом довольно успешны, благодаря новому Королю.

Границу отбили до прежнего уровня. Лиорская армия пошла было теснить нападавших и дальше, возжелав сдвинуть

границу в еще более выгодное Лиории место, однако тут уж загоряне вгрызлись зубами в родную землю, не желая уступить противникам. Наступление захлебнулось, и лиорианские войска отступили обратно.

На этом обе страны пошли на перемирие. Граница осталась на прежнем месте, а память обоих народов наполнилась былью и небылью о военных бесчинствах соседей...

С тех пор обе страны живут относительно в мире, не считая каких-то редких и мелких приграничных стычек.

Однако прошлые обиды все же нашли отражение в народном творчестве, в пословицах, поговорках и даже сказках...

– Ну, как говорится, главное в мире живем, – включилась в разговор Ремм. – Ты ведь, кстати, слышала новость? В начале лета король Рейфэ умер... И теперь королева правит.

Я кивнула.

– Да, слыхала, когда была в той стороне, – я махнула рукой в сторону Побережья. – А вы, наверное, видали королеву? Какая она?

– Видала несколько раз. Но нечасто. Мы из провинции Тойшир, почти приграничья, туда королевская чета нечасто заезжала... Конечно, красива, чертовка! Не знаю, сколько ей там, но я б ей столько не дала, – рассмеялась женщина.

Сумка Ремм была практически собрана, та увязывала застежки. Айралл вздохнула и поднялась.

– Ладно, девочки, пойду я спать, – сказала она нам. – И вы не засиживайтесь.

Мы пожелали ей доброй ночи.

Помимо основного тюка со всем необходимым для похода, Ремм взяла еще небольшую сумочку через плечо, для которой приготовила несколько тетрадей разной степени испи-санности и письменные принадлежности.

– А ты сама откуда, Дзета? – спросила меня девушка, укладывая конспекты в сумку.

– Да я из Катриса. Родители, насколько мне известно, так там и живут... В ремесленной слободе. Мой отец гончар.

– Ты же говорила, что он торговец... – удивленно взглянула на меня Ремм.

– Ну-у... – протянула я, мысленно охнув, – он... торговец горшками, – все же нашлась я. – Гончарит и торгует.

Ремм посмотрела на меня, скорей, несколько удивленно, чем недоверчиво.

– Ты, наверное, нечасто бываешь дома? – проговорила она, немного помолчав.

– Мягко сказано, – усмехнулась я. – Мы мало общаемся. Нет, общаемся, конечно, ежели видимся. Никто ни на кого не в обиде. Заезжаю, если бываю рядом. Бесплатный ночлег как-никак, – я рассмеялась.

– Ты, вижу, особо не скучаешь? – поинтересовалась Ремм.

– Мы как-то без особых привязанностей, – пожалала я плечами. – Я, наверное, слишком рано обособилась и оторва-лась от семьи, отправившись сначала в спецшколу, а затем и в СоулМиШ... Дома бывала только летом. Вот и выросла

такой самостоятельной и независимой. В общем-то, так довольно часто бывает среди магов... – не кривя душой, добавила я.

Ремм кивнула с пониманием человека, видевшего магов, но имеющего на магию только взгляд снаружи.

– А почему ты так рвешься в Сурайю, Ремм? – поинтересовалась я.

– Знаешь, на кое-каких записях, что мне доводилось находить, было указано, что информация из Сурайского архива. Вот я и хочу попасть в этот самый архив. Наверняка я смогу найти там гораздо больше... – ответила она, присев на кровать.

Я кивнула, взглянув в окно. Было уже совсем темно.

– Ладно, – проговорила я, поднявшись. – Вставать рано, особенно с учетом моего заезда в Соулу... Давай спать.

– Пойдем, провожу тебя в комнату, – хозяйка с готовностью поднялась вслед за мной.

Она провела меня в гостевую комнату неподалеку от хозяйской. Зайдя, я собралась было ложиться.

– Ах да, Дзета, – окликнула меня Ремм. Я с готовностью повернулась к ней. – Спасибо, – тихо проговорила девушка, улыбнувшись. – Спасибо, что подыграла. Если б не ты, небось, не взяли бы...

Я кивнула, усмехнувшись. Не особо я и подыгрывала-то.

***

– Сцerra бы побрали эти Скотские болота! – Паллус рубанул несколько засохших ветвей в совсем уж непроходимом месте.

Мы прорубались через лесную чащу, пытаясь выбраться к тропе.

То ли нас кто-то знатно облапошил, то ли леса вычистили до нас, но вот шли уже пятые сутки, как мы полезли вглубь (с)Коттской глухомани, и за это время нас не соизволил встретить ни один представитель местной нежити.

Зато комаров, мошкары да прочего гнуса – хоть отбавляй...

Я не дезактивировала талисман часов по восемнадцать, но за все путешествие по лесам заряжать его пришлось всего лишь шесть раз. Тогда как в присутствии нежити где-то поблизости он урабатывался часа за два-три...

Это говорило о том, что нежити рядом нет.

– Проклятый бурелом, – выругался Гард, пробираясь следом между ветвями и придерживая их для меня.

Я продралась сквозь кусты и выскочила на открывшийся небольшой пяточок. Под ногами мерзко хлопнуло, и едва подсохшие ботинки неприятно набухли влагой.

Западная часть области представляла из себя низину, и особенно низкие участки заболачивались в сырые годы.

Воздух пах сыростью и болотным смрадом. До тропы оставались последние полтора десятка шен.

Я пересекла пяточок и полезла напрямую через кусты.

Меня прогулка с одной стороны забавляла. А с другой, куда более весомой, бесила. Ибо с таким раскладом работали мы уже чувствительно в минус.

Судя по развеселому щебету птиц в округе и стрекоту на все лады всяческой живности, добычи нам здесь не видать. А вариант просто ради своего удовольствия лазить по скотской глухомани мало кому импонировал.

Чащоба наконец расступилась и открыла тропу. Преодолев еще один маленький заболоченный участок, мы, наконец, вышли на нее и продолжили путь, повернув налево.

В паре сотен шен дальше по тропе нас ждали Ремм и Варр с лошадьми. Варр был сегодняшним дежурным, не могли же мы оставлять с ними одну неподготовленную девчонку.

Вообще-то мы должны были дойти прямиком до ребят, но слишком устали, чтобы переть по диагонали, и потому малодушно вылезли к тропе напрямую.

Я обреченно вздохнула. Еще один день безуспешного путешествия.

К сумеркам мы миновали заболоченные участки и вышли к сухой поляне с ручейком неподалеку, на которой начали было разбивать лагерь.

Но тут талисман долгожданно замерцал.

Исследовав периметр, я нашла истончившуюся и уже почти "померкшую", по всей видимости, вчерашнюю, "дорожку" – след в энергетике пространства от перемещения демонической сущности. Конечно, называть ее "померкшей"

по факту неправильно, ведь "дорожка" и представляет из себя, по сути, померкший след, где ощущается энергетический провал, и словно тусклее краски, а вот с течением времени они постепенно восстанавливаются.

К поляне "дорожка" подходила петляюще и неуверенно, а потом убежала дальше в лес, прочь от лагеря.

Я обернулась, взглянув на парней, и указала им направление. Как ни заманчива была мысль сушить промокшие ноги у костра, решение обследовать было принято единогласно.

Оставив в лагере Ремм и Варра с ней, мы вчетвером пошли искать тварь.

Возможно, та и сама нам встретится. Пока мы не подобрались достаточно близко, мы знаем о ней, а она о нас нет. Но вскоре мерцание талисмана нас выдаст.

"Талисман Сцерры" действует на нежить раздражающе, привлекает ее внимание, но только с близкой дистанции, в пределах видимости.

Я шла по "дорожке". Остальные следовали за мной. В левой руке меч; правая – готова в любой момент разить магией.

Двигалась я уже в трансе, максимально обострив все чувства. "Дорожка" несвежая, почти затянувшаяся. А тварь рядом. Чую.

Мы уже очень близко. Ближе, ближе... Вот тут, буквально...

Я с готовностью раздвинула кусты.

– Черт, просто прекрасно, – выругался после секундного

молчания Паллус. – Мы нашли лошадиную тушу!

Он сделал было нетерпеливое движение на поляну, но я остановила его рукой и прошипела, сверкнув глазами:

– Стоять!

Парень, заметно вздрогнув, отступил... Мистик страшен в бою, да-да.

Полуразложившийся частично обглоданный труп лошади валялся среди кочек. Его положение мало походило на положение мирно павшего животного. Голова была неестественно заломлена назад. Животное как будто откуда-то упало. Или от кого-то отбивалось.

– Это не просто лошадиная туша, – проговорила я. – Это гнездовище.

На пальцах правой руки уже дрожат искры. Я уже целю в тушу импульсом, разрушающим пелену невидимости.

Вдох-выдох; удар.

Пространство взорвалось писком и рваным ревом. С лошадиной туши словно брызнули в разные стороны твари.

Раз, два, три... Четыре!

Четыре демоновых недоростка. Размером примерно с кошку.

Твареныши заюлили по прогалине, неуклюже перебирая непропорциональными конечностями, и с прерывистым во-ем и повякиванием кинулись нападать.

Бой окончился быстро.

Первого я поймала на меч, второго уложила брошенной с

пальцев искрой. Двух других зарубили парни.

Четыре недоростка полевой панты мистику и трем воинам не соперники.

Я оглядела тварьи туши. Недоразвитые, несформированные, угловатые. Недельные недоростки (к действительной нежити неприменимо слово "детеныши"), наплодившиеся, очевидно, не далее как в ближайшее полнолуние.

– Это что за демоны? – недоуменно проговорил Брег, один из напарников, тот самый, рыжий. – Какие-то они странные...

– Это пантов приплод, – ответила я.

Полевая панта – это относительно небольшой демон, находящийся почти в той же группе, что и всякие малые химеры, немирские лисицы и подобное. Живет, вопреки названию, по большей части в лесах, хотя и в поле встречается нередко. Отличается тем, что крупнее и дурнее перечисленных “однотруппников” и готова нападать на добычу, значимо превышающую ее размерами (конечно, с оговоркой, что та чем-то ослаблена), вцепляясь в горло и душа.

– Надо же, – я покрутила в руках кинжал, которым собиралась отчекрыжить голову одному из недоростков. – Мне всего четырежды доводилось найти гнездовища до этого дня...

Демоны (действительная нежить), по сути, бесполы. К ним неприменим актуальный для живых существ способ размножения. У них иное внутреннее строение, многие органы,

а то и целые системы, свойственные живым, зачастую отсутствуют.

Большая часть действительной нежити размножается при избытке пищи на мертвой плоти.

Твари не жрут мертвечину. Они убивают жертв и "едят" тепленькими. Чаще всего выпивают кровь, изредка поедают мясо только что убитой жертвы, и то, скорей, ради крови.

Кровь – мощнейшая энергетическая субстанция. Собственно, ради энергии демоны и убивают. Не ради того, чтобы набить брюхо (не у всех даже есть развитая пищеварительная система), не ради мяса, а именно ради потребления жизненных сил только что убитого существа.

Убивая и получая энергию, демоны растут. А на определенном этапе своего развития, когда расти уже некуда, и когда тварь сыта, если у нее оказывается избыток добычи, она может приплодиться. Она вводит в мертвую тушу животного либо через слюну, либо специальным жалом, свои "яйца". Но не стоит думать, что "яйца" имеют какое-то физическое выражение. Процесс по факту энергетический: тварь закладывает в мертвую плоть свои энергетические "копии", и из оскверненной, зараженной плоти постепенно и формируется приплод – маленькие копии заложившего их демона.

С живой плотью у тварей такого не прокатывает. Энергетика живого слишком сильна, чтобы сработала энерго-информационная программа твари.

А вот мертвая плоть (совсем мертвая, остывшая и окоч-

невшая уже, потерявшая энергетику живого) для этого подходит хорошо. Отчасти, и поэтому так важно убирать трупы. Неча "скворечники" демонам предоставлять.

Иногда и свойства самой мертвой плоти могут оказать влияние на выплождающихся тварей. Самые страшные твари появляются из человеческих трупов.

Родительским инстинктом твари не наделены, и, заложив приплод, бросают тушу. Труп, из которого выплодились твари, они считают своим гнездовищем. И некоторое время, пока "не подросли", держатся около него, используя как защиту и укрытие.

Гнездовище периодически подъедают, однако это мясо не дает им особых сил. Это лишь более-менее пригодная пища на начальных этапах существования.

Демонам не свойственна коллективная деятельность, поэтому с течением времени недоростки разобщаются.

Достигнув определенных размеров и уровня развития, они начинают охотиться. По сути, только на живой энергии недоростки могут доформироваться в полноценную демоническую особь.

Надо отметить, что подобное "размножение" не единственный способ появления новых тварей в нашем мире. Они могут также вылезти из какого-нибудь разлома.

Разлом – это такая щель в энергетике пространства, которая может "отрыгнуть" из себя какие-либо энергетические сущности. Твари выходят, по сути, из подпространства – до-

вольно туманное понятие, обозначающее некий слой с иной, чем у нашего мира, частотой. Энергетика словно продырявливается, нарушается барьер и из дыры выплескивается чуждая энергия, в "нашем мире" обращающаяся в сгустки и находящая физическое выражение в тушках нежити. Разлом – явление в первую очередь энергетическое, однако, там, где пострадала энергетика пространства, часто страдает и материя, порождая вполне физические нарушения в виде провалов, трещин и котловин, доходящих порой до разломов в земной коре...

Нетрудно догадаться, что именно отсюда растут ноги у легенд про подземное Темное Немирье, откуда и происходят демоны, и про родство их с мифическими Сцеррой. И почему, собственно, зовутся они именно так.

Покрутив в руках кинжал, я все же вернула его в ножны и рубанула демонову тушку мечом.

– Твою ж... – вдруг сдавленно вскрикнул было Паллус, но тотчас прикусил язык. И, замахнувшись мечом, кинулся к туше. Кою уже беспардонно жрало круглоголовое страшное на морду существо.

Я отшвырнула трофейную голову и кинулась наперерез. Замахнулась, обогнав Паллуса на шаг. Моя рука оказалась быстрее.

– Не трожь его, это падальщик! – крикнула я, перегородив молодому человеку дорогу и довольно жестко отводя его

руку.

– Это тварь! – попытавшись вырваться, возмущенно заявил он.

– Да, но не враг человеку!

Падальщик к этому времени уже благоразумно убрался. Паллус досадливо цокнул языком.

– Какая разница? – поумерив пыл, проговорил он. – Все одно староста бы заплатил за него!..

– Заплатил бы только будь он дурак! – ответила я, потом продолжила, подняв брови. – Нет, я, в принципе, не исключаю такой возможности. Но как охотник я категорически против! Падальщики конкуренты нежити, поедая мертвечину, лишают тварей гнездовий. "Враг моего врага...", слышали о таком?

– И что же он тогда раньше это не сожрал? Поганцев не прогонял?

– Не мог прийти, пока недоростки были здесь, – ответила я. – Падальщики не очень сильны и плохо приспособлены к дракам. Четыре недельных недоростка для него серьезное препятствие.

Паллус вздохнул и убрал меч в ножны.

Падальщиков действительно иногда добывали вместе с тварями, но поощрялось такое только по незнанию. Все-таки не самое благоразумное действие сокращать численность естественных врагов нежити.

Собрав трофеи и оставив тушу притаившемуся в кустар-

нике поблизости падальщику, мы двинулись к лагерю.

Оставленные тела недоростков угрозы не представляли – мало того, что в любом случае не воскреснут, так их плоть полностью, в пепел уничтожит солнечный день. Даже если свет не прямой, рассеянный, проходящий сквозь листву.

Добыча, говоря откровенно, была довольно жалкая, таким только барышень на ярмарках пугать. Однако, то, что мы наконец-то нашли хоть что-то, бесспорно радовало и давало надежду, что мы на правильном пути.

***

После этого дела у нас пошли лучше.

Около двух недель мы путешествовали по лесам, охотясь. Добытые головы тварей мы сдавали в ближайшем городе и сразу делили деньги по договоренности. Там же пополняли запасы пищи и докупали что-то по необходимости.

К концу этого двухнедельного срока мы уже откочевали в восточную часть области, приграничную. В этой части области влияние Заagre на культуру и обычаи чувствовалось явственней. Даже названия городов слегка отдавали загорянским произношением.

К тому же и рельеф здесь был более гористый, в противовес плоским низинам западной и центральной частей области.

И чем ближе мы подбирались к приграничью, а следовательно, к Сурайе, тем веселей и воодушевленной становились.

лась Ремм.

На протяжении путешествия она была непривычно молчалива и флегматична. Она ни разу ни на что не пожаловалась, старательно делала возложенную на нее работу и четко выполняла приказы. Хоть и чувствовалось, как тяжело ей дается столь суровый походный образ жизни.

Но при приближении к долгожданной Сураие, она взбодрилась и повеселела. И даже временами вспоминала, что умеет трещать без умолку. Пока, правда, очень робко и несмело.

Вскоре мы добрались, собственно, до Сураи, несколько дней поохотившись в окрестностях.

Город стоял практически на самой границе, от его стен уже просматривались пограничные укрепления. Мы бы даже не стали заезжать в его окрестности, если бы Ремм не нужен был архив.

Добыча была скудная: пара голов мелкой ерунды. Здесь, в гористой приграничной части тварей было заметно меньше, а гонять их по щелям – гораздо менее эффективно. Пока мы сдавали тварьи головы, Ремм разузнавала об архиве.

Сам архив находился на окраине, но в городской черте, и представлял из себя темно-серое здание, добротное, но почти без украшений, с малым количеством окон, окруженное забором по всем сторонам кроме фасада.

Ремм постучалась в тяжелую дверь. Сначала крайне долго молчали. Ну, как молчали. Я уловила отдаленные невнятные

разговоры, по отдельным словам понятно, что посвященные загорянам и незванным гостям. Шторы в окнах шевелились, выдавая наблюдателей.

– Кто вы и что вам нужно? – наконец отъехала на полови-ну затворка наблюдательного окошка.

– Доброго вечера! – как можно более дружелюбно проговорила Ремм. – Могу ли я попасть в архив?

Снова слышались шорохи и шепотки.

– Мы вас не пустим, – проговорил он, задвигая задвижку перед нашим носом.

– Вообще-то книжные архивы не имеют права отказывать мистикам в доступе к книгам! – напомнила я.

– В иное время – всегда пожалуйста, – недоброжелательно пробурчали из-за двери. Но сейчас время... неподходящее.

– А когда будет подходящее? – не унималась Ремм.

– Позовите сюда вашего главного! – потребовала в свою очередь я.

– Нет на месте, – после некоторого молчания (а скорей, тихого еле слышного обсуждения) ответили из-за двери.

– А завтра он будет?

– Не знаю! – недоброжелательно отозвалась дверь. – Может, будет, может, не будет...

– Ну ладно, – проговорила Ремм, отступая.

Это было несколько странно – обычно книжные архивы не отказывали желающим в информации. А уж тем более мистикам, коим одна только лицензия заменяет добрую стопку

пропускных бумаг.

Мы еще какое-то время поошивались вокруг архива, потом ушли ни с чем.

– Может, все из-за того, что мы пришли вечером? Давайте попробуем прийти завтра днем.

– Можно, – согласилась я.

На следующий день мы закупились в дорогу, после чего вновь отправились в архив, чтобы пожертвовать ему вторую половину дня и ближайшим утром пуститься в обратный путь.

Нас не только не пустили, но даже не отзывались.

– Проклятье! Они не могут нам просто так не открывать! – раздраженно проговорила Ремм, настойчиво стучась в окно. – Пойду поищу какую-нибудь заднюю дверь...

Мы пару раз обошли здание, но нигде никто не пожелал отзываться. Люди внутри явно были, но, видимо, общаться с нами не желали.

– Проклятье! Ну хорошо. Давайте представим, что у них просто выходной. Ну вдруг, – недовольно фыркнула девушка. – Вернемся сюда завтра утром. Два дня подряд они не могут быть просто так закрыты...

Парни нахмурились.

– Мы завтра утром уже в обратный путь тронуться должны, – проговорил Гард.

– Мы и так много потеряли и денег, и времени на эту Сурайю, – добавил Паллус. – Охотиться тут не на что, а на про-

стой тратимся...

– Ну а что делать? – возмутилась Ремм.

– Ехать назад, – едко проговорил он. – Возвращаться и пройти повторно по болотам, чтобы выловить, кого еще не поймали.

– Неужели это не потерпит еще день?

– А ты уверена, что завтра сможешь попасть? – скептически уточнила я.

– **Пару** дней! – фыркнув, поправилась девушка.

– Да тут у них, видать, и неделя не решит! – хмыкнул Паллус.

Ремм кипятилась; парни были мрачны, и я их понимала. Уже много дней все мы хотели возвращаться в низинные леса, чтобы еще поохотиться на заработок, а то предприятие выходило довольно малоприбыльным.

– Сколько можно торчать в этой Сурае? – проговорил Гард недовольно, стараясь не кипятиться.

– Ну, тогда, может, ты останешься, а они пусть едут? – повернулась Ремм ко мне.

– Куда мы поедем без мага? – сдержанно, явно подавляя раздражение, возмутился Паллус. – Как мы без мистика будем охотиться, а, выдумщица?

– Ну... – проговорила девушка сокрушенно. И попыталась вновь достучаться до архива. Тот ответил тишиной.

Парни мрачно молчали. Ремм умоляюще взглянула на меня.

– Прости, Ремм, похоже, нам придется оставить эту затею, – проговорила я.

– Да Сцerra вас возьми! – взорвалась девушка. – Ты с ума сошла?! Просто оставить! Я во всю эту проклятую авантюру ввязалась только ради этого архива!

– Ремм, тише, успокойся, – неловко попыталась охладить ее пыл я. Парни внезапно закопошились и забеспокоились.

– Я проехала полстраны и бог знает сколько пряталась с вами по лесам, – глаза ее заблестели от отчаяния, – спала на земле, сутками таскалась по болотам и грызла сухари с травой для того чтобы попасть сюда! И я не готова просто взять и уехать ни с чем!..

Стук копыт; суета; беспокойство. Я уже поняла, что происходит, и отчаянно попыталась осадить Ремм.

– ...Если будет надо, я выкопаю эту информацию из-под земли!!!

– Никому не двигаться! – оборвал ее слова грубый окрик. – Пограничный патруль!

Ремм тотчас ахнула и обернулась, невольно отступив прочь от них. Я же, пользуясь общим смятением, поспешила чуть податься вперед и отогнать ее за спину, тем же временем неприятно поражаясь серьезностью ситуации.

– Не двигаться, сказал! – прикрикнул командир на засуетившихся позади парней, очень недвусмысленно направляя на них взведенный арбалет.

Перед нами был отряд из десятка вооруженных всадни-

ков. Остальные тоже очень не шуточно направляли на нас арбалеты.

А над деревьями за их спинами торчала расположенная неподалеку смотровая сторожевая башня, небу ведомо во сколько шен высотой. Быть может, там и вся полусотня.

Зараза, и как я не замечала ее вчера? Сумерки скрыли от глаз... Как, должно быть, хорошо с нее просматривается вся прилегающая территория, в том числе и земля близ архива, на которой ошивается какая-то сомнительная банда из лесов...

Впрочем, все ведь должно разрешиться, когда мы объяснимся?..

– Сколько, говоришь, ты проехала? – чеканя слова, спросил командир. – Полстраны? Столичная, что ли, будешь?

– Н-нет, – промямлила Ремм. – Конечно, не пол... Это я условно... Скорей, ближе к четверти.

Я все сильнее ощущала нехорошее предчувствие.

– Так откуда? Из Дэльнэ? Райхиннэ?.. Где там у Вас еще стратегические точки.

– С... стойте... Я из Лиории еду. Не из Заagre! – испуганно замотала головой Ремм.

– Ой ли? – едко поинтересовался командир, подъезжая ближе, но не спеша отводить арбалет. Остальные так же держали нас на мушке. – Неужели думаешь, что вот так на слово тебе и поверим? Нас по душу таких, как вы, и посылают службу нести. Что вы выведывали?

– Это ошибка, – подала голос я. – Мы не шпионы.

– О-о, вот с этим разберемся.

– Вы можете посмотреть... Я подданная Лиории, как и она.

– Что ты врешь! – огрызнулся предводитель отряда, не отводя от меня взведенный арбалет. – Слепым надо быть, чтобы не видеть, что она загорянка!

– По-вашему, загоряне не могут жить в Лиории?! Моя семья проживает в Адше уже семнадцать лет! – вскинулась, не очень, впрочем, рьяно Ремм.

– Тогда что вы делали на границе?!

– Мы приехали в Сурайю ради архива! – вновь заговорила я.

– И что же вы хотели там вызнать?

– Какая разница? Это научный архив! Не стратегический. Кое-какие теоретические данные найти, и только.

– Ты, девочка, не язви. Мы люди простые. Нам был приказ границу стеречь особо бдительно, вот мы и стережем.

– Может, еще и премию дадут, за пойманных разведчиков! – старший злобно ухмыльнулся и сверкнул глазами.

И тогда я очень хорошо поняла, что дела наши плохи. Доказательств, если не найдут, так липовых наклепают...

– Ребят... – едва слышно протянула я, незаметно складывая пальцы за полами мантии. – Валим! – рывкнула я громко. На сигнал обе команды среагировали тотчас: "мои" вскочили в седла, пограничники как один разрядили арбалеты.

Болты залпом ударились в выплетенную и удерживаемую мною невидимую "стену" и осыпались. Стражники выругались и принялись спешно перезаряжаться, честеря друг друга за такую оплошность.

Я вскочила в седло и, ударив пятками в Шельдины бока, рванула вслед за командой.

– За ними, быстро! – рявкнул командир, давая шпор лошади. Прежде чем он прицелился, я метнулась на лесную тропу и скрылась между деревьями.

Подгоняя ударами пяток охотничьих ботинок и без того перепуганную Шельду, я быстро нагнала своих.

– Черт, Зет!!! Почему мы убегаем?! – вскрикнула Ремм. – Мы же невиновны!

– И у тебя есть какой-то способ это доказать? – грубовато крикнула я. – К тому же, парни со взведенными арбалетами явно настроены не на дружеские беседы...

Ремм тотчас уязвленно умолкла, увлекшись дорогой.

– И куда нам теперь? – крикнули спереди.

– Хороший вопрос, демон подери! – прошипела я. Выбор у нас был, в общем-то, невелик.

Лесная тропа вскоре выходила на добротную прямую дорогу. С другой стороны от нее тропа продолжалась, но становилась, чем дальше, тем хуже проходимой для всадника.

Пытаться оторваться от преследователей на прямой хорошей дороге было бессмысленно: у них были весьма неплохие быстрые кони, которых они, притом, не шибко щадили.

Мы же наших лошадок загонять не собирались. А значит, нас быстро нагонят, по крайней мере, до расстояния арбалетного выстрела...

С тропы мы метнулись на склон небольшой горочки, надеясь использовать рельеф в качестве преимущества.

Благодаря нашему рывку при старте, мы достигли некоторого отрыва, но понятно было, что шансов просто убежать у нас мало.

Хотя... Есть у меня одна идейка. Она, конечно... весьма сомнительная, но, боюсь, при таком раскладе сил, вариантов лучше у нас нет. Должно прокатить.

А вот беспокоить Кондора мне хотелось в последнюю очередь. Особенно – делать это при Ремм.

Когда мы добрались до пологой вершины, я приказала остановиться. Нашла площадку ровной земли, весьма удобную. Только расчистить и разметить.

– Расчистите мне площадку, только быстро! Будем отбиваться, – проговорила я. – Сейчас проведу один обряд... Он немного... ну... не важно, в общем. Но сейчас может нам помочь.

...Обряд называется "Призывной круг".

Его цель – призвать определенного рода энергию. Чаще всего что-то стихийное.

Некая сила, которую маг может направить на что-то согласно своим целям, если ему нужно гораздо больше энергии, чем есть собственной у него. Разумеется, мощность при-

зываемой силы куда больше собственного магического ресурса человека.

В зависимости от того, какую энергию хочет призвать маг, выбираются символы, что рисуются на круге.

Выполнение обряда зависит от "знака". Точнее, по сути, направления энергетических потоков. Маг начинает, ориентируясь на существующее направление призываемой силы, и строит обряд так, чтобы та исходила прочь от него, в "мишень".

Если знак сменяется, то энергетический поток меняет направление и, значит, обращается против призывающего. Заданное спецификой выполнения направление "посыл мага – круг – мишень" меняется на движение потока в сторону мага – он сам становится мишенью.

Поэтому, выполнив половину, нужно проверить направление течения энергии. В зависимости от знака выстраивается проведение дальнейшей части обряда. После этого знак обычно уже не успевает смениться.

Для наглядного определения знака используется "флюгер" – миниатюрная стрела тонкого металла, свободно обрачивающаяся на небольшой оси-спице. Фиксирует он именно сам факт смены направления – поворотом стрелки.

Надо понимать, что стихийная энергия, призываемая магом, ему самому не принадлежит и, следовательно, весьма капризна. Разумеется, просто по мановению указующего перста она не явится. Ее нужно чем-то "приманить".

Чем-то ценным и дорогим с энергетической точки зрения. Например, живой горячей кровью. Собственной кровью. Да, "Призывной круг" – обряд на крови.

Магия крови не запрещена как таковая, но не поощряется. Используется для крайних случаев и считается очень опасной.

Кровь вообще штука весьма ценная и полезная, особенно когда она внутри. Очень много энергии в ней, не говоря даже о чисто физической практической пользе. По ней можно энергетически "выследить" человека, причем сделать это может как другой маг, так и некоторые виды нежити. Потому стараются с кровью быть поосторожнее и лишний раз не следить.

Хотя в работе мистика немало шансов и реальных ситуаций пустить кровь.

– И чего мы добьемся? – скептически уточнил Гард.

– Сильно помешаем им нас догнать. С помощью обряда я, скажем так, призову силу. Это мощная стихийная энергия, которую я смогу направить. В общем, обрушим стихию...

– Им на головы? – воодушевленно поинтересовались парни.

– ...на склон! – с нажимом ответила я. – На склон, преграждая им дорогу... Знаете, я как-то еще морально не готова попасть под трибунал за необоснованное применение полуправильной магии против людей! Стихия обрушится на склон и сделает нас недосягаемыми для патруля, таким об-

разом, у нас будет запас времени, чтобы уйти... – я откинула с полянки мешающуюся мне ветку и добавила себе под нос. – Ой, дай мне только небо не промахнуться...

Я приступила к подготовке обряда. Хорошо, что ее там на пару минут: землю расчистить, да разметить основные линии и знаки.

И воткнула чуть поодаль, позади себя, флюгер, поручив Ремм следить за знаком и сообщать мне. Расположение флюгера позади – наилучшая позиция с точки зрения энергетики (так он лучше и раньше улавливает смену энергетического фона), но не с точки зрения простого удобства. Ежесекундно оборачиваться на него максимально сконцентрированному на обряде магу попросту невозможно.

Потому и ставит маг обычно рядом человека, чтобы тот докладывал обстановку, а по сигналу подтверждал, что знак не менялся и все путем.

Остальные участники действия стояли чуть поодаль за моей спиной.

Я разгребла траву и листья, освободив себе небольшую площадку ровной земли, на которой буду чертить знаки. Села на колени перед местом будущего круга. Поощущала пространство вокруг, стараясь уловить энергетику. Еще раз проверила разметку опорных точек.

Вдохнула, собираясь. Пора.

Я достала ножичек и рассекла левую ладонь. Подобное часто любят делать особыми ритуальными клинками, однако

по факту решительно не принципиально, чем наносить порез – главное пустить кровь. Всякие красоты – больше для эстетики, хотя могут нести порой какой-либо фоновый слабо влияющий магический эффект. Однако при необходимости можно резаться любым острым предметом, суть остается прежней.

Ладонь загорелась и разрез быстро наполнился кровью.

Тотчас взметнулись тени, местные низкоэнергетические сущности, охотники до "горяченького". Такие есть едва ли не всюду. Я была в тесном контакте с энергетикой места и пускала кровь, потому очень их интересовала в плане пожратушки. Однако защитный контур вокруг меня не давал им "подойти", то есть, достигнуть меня и вступить в непосредственный контакт.

Я сжала кулак, подставила под закапавшую кровь пальцы правой руки, и окровавленными пальцами принялась рисовать призывной круг.

"Круг" рисуется не как попало. Изобразиться каждый сегмент должен последовательно по часовой стрелке, начиная с нижней, ближайшей к призывателю точки.

Я провела пальцами по намеченной линии и кровь впиталась в чуть влажную почву. Начертила нужный знак. И повторила снова.

Небо над нами начало темнеть, сгущались тучи, усиливался ветер.

Я рисовала кровью на земле, напевая себе под нос, чтобы

максимально удерживать концентрацию. Колдовать можно и молча. Абсолютно молча. Но иногда пение помогает удерживать внимание.

Я не поднимала глаз от земли, рисуя, но чувствовалось, что стихия собирается, напрягается, как зверь перед прыжком.

Вот и половина круга.

– Знак? – коротко и требовательно проговорила я.

– Не менялся, – отрапортовала Ремм.

Отлично. Значит, доделываем, как и начали, ничего в обряде не меняем.

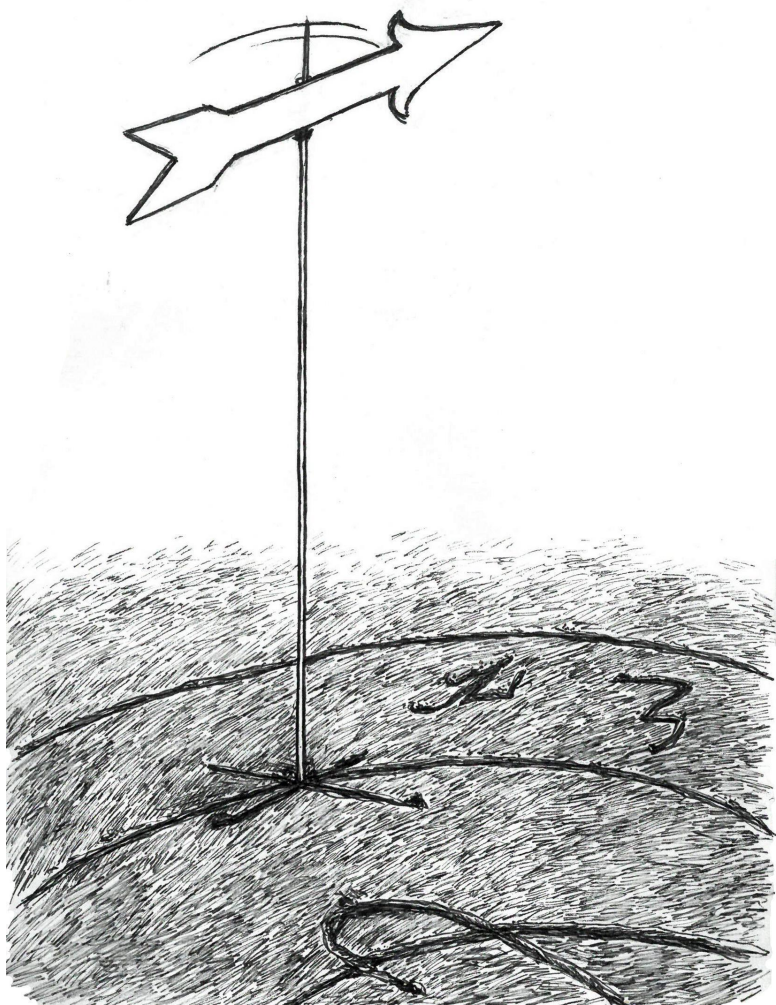
После перехода на вторую половину изменить в обряде уже ничего нельзя. И завершать надо оперативно, пока все стабильно. Вторая половина обряда выполняется, по возможности быстрее.

Я быстро, но аккуратно вырисовывала на земле оставшуюся часть круга. Небо уже вовсю гроыхало над головой.

Мне осталась только последняя четверть и замкнуть круг...

– Дзета! – встревоженно вскрикнула вдруг Ремм за моей спиной. – Знак сменился!

Я потрясенно обернулась, удерживая часть внимания на круге. Стрелка флюгера и правда смотрела в другую сторону, чуть подрагивая.

Проклятье! Повезло же!

Отдернув руки от круга, я метнула взгляд в бушующее небо.

В таких случаях – только спешно рвать связь. Призванную силу уже никак не остановить, игра идет только за то, чтобы лишь отвести удар от новой "мишени"...

Магия крови ужасно опасная вещь.

Я спешно оборвала связь, тянущуюся от рисунков на земле к моим рукам. Суетливыми манипуляциями разорвала нити, ведущие ко мне, отреклась от пролитой крови, признавая ее не своей, от потраченных сил...

...Нет! Не жалеть! Забыть! Уже не мое!..

И едва успела отшатнуться назад, как в круг ударила с оглушительным треском сильнейшая молния. Ее изломанный контур искрил во все стороны, выпуская дуги, словно ищущие, выщупывающие жертв. Но я была уже не "в связке". Сила уходила в землю.

Мимо... мимо...

Удар был такой мощи, что в земле осталась лишь опаленная дымящаяся воронка с "рваными", растрескавшимися краями, дошедшая до самых моих колен, диаметром больше шены; волосы мои распушились от разряда.

Еще во время удара носом хлынула кровь, забрызгав одежду и руки. Только бы никуда еще!..

Испуганный вскрик Ремм сзади, который я не сразу услы-

шала.

– Я жива! – поспешила отозваться срывающимся голосом я. – Бежим, ничего не вышло!

...Алое на ярко-зеленом, свежие брызги крови на земле и траве. Проклятье!!!

Я спешно подскочила, стараясь не пошатнуться, и, грязными руками размазывая кровь по лицу, запрокинула голову. Знаю, что нельзя, но сейчас не до правильности.

Шмыгнув носом, втягивая кровь в себя, поспешно влезла в карман и вытащила платок, которым замотала левую ладонь и плотно сжала кулак.

Правым рукавом рубашки вытерла лицо; в носу отчетливо щекотало текущей кровью.

Выругавшись, поменяла руку и уткнулась носом в локтевой сгиб левой, чтобы не накапать кровью еще куда-то. И судливо бросилась ликвидировать уже пролитую.

Ведь найдут же!..

– Зет! – Ремм подбежала ко мне, видимо, заволновавшись, что я слишком долго вожусь.

– К-кровь! Кровь накапала!.. – нервно пробубнила я в руку, судорожно пытаюсь убрать кровь. – Бегите! Бегите!..

Проклятье. Уже надо рвать когти. Быстро. Вот прям сейчас!

– К лошадям, Ремм!

Я поднялась, оставив попытки стереть кровь с травы рукавом и коленями, и затерла остатки ногой в землю.

Ремм только сейчас, со мной, развернулась и побежала к

лошадям. Мы вскочили в седла и, ударив лошадей пятками в бока, погнали вслед лишь чуть ранее стартовавшим парням.левой рукой я по-прежнему закрывала лицо, держать узду приходилось одной правой.

От нашего "преимущества" ничего не осталось. Преследователи были уже совсем близко.

Шансы уйти есть у нас, только если мы скроемся в лесах. Пока что нужно гнать как можно быстрее.

Дорожка вышла на склон серпантинном; справа вверх под небольшим углом уходила земля, а слева был относительно крутой, но с пологими участками склон.

К счастью, дорога заворачивала и прямых участков, на которых нас могли нагнать или, приноровившись, выстрелить, было мало.

В нас бросили "шаровой молнией" – я предполагала, что один из патрульных, вероятно, должен быть мистиком – однако безнадежно промазали, и молния взорвалась над нашими головами, осыпав искрами.

Это напугало лошадей. Кони ребят, всхрапнув, прибавили ходу.

А Трусливая Шельда, перепугавшись, вместо того, чтобы рвануть вперед, взбрыкнула и заплясала. Я чуть дернула узду и хлестнула лошадь ей по шее, а потом, ослабив, ударила пятками в бока.

Однако это сделало только хуже. Кобыла крутанулась и рванула назад, и, оступившись, соскользнула ногой с тропы.

И мы с ней ухнули с дороги под резко-встревоженный окрик Ремм:

– Дзета!..

От рывка недостаточно согнутая в голеностопном суставе левая нога в плоскоподошвенном охотничьем ботинке проскользнула в стремя. Ох, и ругались бы в школе, на занятиях верховой езды, за то, что опустила мысок... Впрочем, это сейчас было делом последним.

Шельда приземлилась на бок; я, бросив узду, упала рядом, выше нее, вылетев из седла, но "привязанная" за ногу к стремени. От удара, хоть головой я и не приложилась, унявшаяся было кровь пошла с новой силой, накапав на одежду и на землю.

Заняться ею в эти секунды мне было решительно невозможно, так как были проблемы серьезнее.

Лошадь, упав, покатила по склону, увлекая за собой меня. Я, дернувшись, не с первой попытки сумела выхватить кинжал и, наклонившись, спешно перерезала стременной ремень.

Снимая с ноги железку, я подняла голову и увидела, что, осадив лошадь и спешившись, к краю подлетела Ремм.

– Беги, дура! – грубовато закричала я.

Я поспешно поднялась и взглянула вниз.

Шельда съехала по склону немногим дальше меня и уже встала на ноги, взволнованно похрапывая. Цела, вроде бы, хвала небу, только перепугалась до смерти, да ей не привы-

кать.

Я поспешно спустилась к ней и, схватив под уздцы, потащила наверх. Шельда торопливо пошла, вроде даже не хромяючи, чего я не могла сказать о себе.

Повернувшись к дороге, я сокрушенно вздохнула. Ремм, уже спустившись, подбежала ко мне, протягивая руку. Она помогла мне взобраться, а после мы вдвоем затащили Шельду.

Бежать было бессмысленно. Нас уже окружали.

Мы с Ремм стояли близко друг к другу, девушка нервно сжимала мою руку, которую так и не отпустила, когда взобрались на дорогу. Патрульные взяли нас в кольцо, не отводя взведенных арбалетов.

– Отошли! – рявкнул командир. – Руки перед собой, чтобы мы их видели! Без фокусов!.. Ну, живо!

Я высвободила ладонь из рук Ремм и она сделала маленький нерешительный шаг в сторону.

– Ты, магичка! – патрульный развязно помахал на меня взведенным арбалетом. – Лицом в землю!.. В землю, сказал! – я, вздохнув, опустилась, предпочтя не дожидаться того, чтобы мне помогли. – И руки перед головой! Так чтобы мы видели! Вот так! И только попробуй как-нибудь пальцы сложить!..

Я покорно разжала руки, положив ладони на дорогу. И не стала огрызаться и информировать их о том, что, вообще-то, магу вовсе необязательно использовать пальцы, чтобы кол-

довать...

Действительная основа магии – концентрационно-волевое усилие. Все прочее – для конкретизации, дополнения, облегчения, добавления частностей и оттенков. Если реально прижмет, колдовать можно без ничего, не двигая и пальцем. Хотя, конечно, это высокий уровень профессионализма.

К тому же, магической энергии у меня все равно не осталось.

Ко мне подошли, я ощутила тяжелые шаги по земле. Ремм стояла в стороне, я слышала ее тяжелое нервное дыхание.

– Имя! – грубовато потребовал стражник.

– Дзета. Дзета Янше, – пробормотала я в землю.

– Что делала здесь, отвечай.

– Уже ответила, – буркнула я, – в архив книжный приехала. Мы обе подданные Лиории и едем из Центрального региона. Границу не пересекали... Мы не шпионы.

– А что же тогда сбегали?

– Напугались, запаниковали и сбежали! Что непонятного? – огрызнулась я. – А вы бы не напугались, если бы вас окружил военный отряд, почти в открытую бросающий вас обвинения в том, чего вы не совершали, не отводящий от вас оружия и грозящий стрелять по первому чиху?!

– Что ж вас понесло-то в Приграничье тогда?

– Были наняты в команду, для охоты на нежить в Коттских лесах.

– А бумага какая-то есть? Что наняли?

– Есть, – простонала я. – У меня в кармане рубашки, под мантией... Позвольте, сама вытащу, – недовольно фыркнула я, предвосхищая движение стражника ко мне.

Под арбалетными болтами мне было позволено приподняться и вытащить из-за пазухи мой "договор найма", после чего вернуть руки на прежнее место.

Мой "договор" передали командиру, тот долго хмыкал, разглядывая, после чего изрек:

– Выглядит, как филькина грамота. Маленький внутриккомандный договор, написанный кем-то из вас же, даже ничем официально не заверенный? – со снисходительной усмешкой проговорил он. – Ты думаешь, это может служить доказательством хоть чего-то?

Я угрюмо молчала.

– Она еще и на крови колдовала!.. – вставил маг. По форме ничем не выделялся из отряда.

– Ну и колдовала! В рамках дозволенного! Ваша-то какая печаль?

– Мы доложим твоей Гильдии.

– Да докладывайте, хоспаде, – фыркнула я. – Пускай мне начислят целый штрафной балл¹¹ за хулиганство! А то и все два, – пробурчала я себе под нос, – за то, что оно еще и провалила.

– Так, ладно, – бросил старший. – На, забери свою бумаж-

---

¹¹ По существующему регламенту, 100 штрафных баллов – отзыв лицензии.

ку. В камере пригодится, – добавил он с усмешкой, и патрульные быдловато загоготали. – Вяжите их, и идем на базу...

Нас повязали и повели.

За Ремм следили, держа на мушке, двое, за мной – маг и еще шестеро. Я была даже в некотором роде польщена. Хотя "лесть" была не обоснованной – без магической энергии я могу лишь помахать ногами, что не особо полезно даже с парой взведенных арбалетов.

***

По холодным камням, покрытым конденсатом, время от времени змеились капли воды. Порой они срывались вниз и гулко стучали по таким же камням пола.

В помещении было пусто, тоскливо и сумрачно.

Убранством "апартаменты" не баловали: имелись лишь пара аскетичного вида кроватей с, очевидно, вековыми соломенными матрасами, и грубо сбитый простой деревянный стол. Да ширма, любезно предоставленная дамам для отделения от общего пространства темничной уборной.

Единственное маленькое решетчатое окно под потолком выходило на северо-восток, и виднелся в него лишь темнеющий сумрачный лес. Заря отгорела.

– И че они все так на дыбы встают? – с легким бессильным недовольством проговорила Ремм, покачивая ногой, свешенной с кровати. – Ну, поменялась в Заагре власть и по-

менялась! Что с того?! Что же теперь, каждого встречного и поперечного за шпиона принимать?

– Неча было архиву пороги обивать, – мрачно бросила я, хмыкнув, – мельтешить лишний раз у границы.

– Но мы невиновны! – провыла Ремм. – Они все выяснят и поймут это!

– Ремм, ты бестолочь! – взорвалась я. – Они и так все поняли! Но им лично выгодно поймать шпионов! Им даже не надо ничего выяснять, они на нас навесят все, что только могут навесить погранцы, и сдадут как загорянских шпионов!

– ...Врешь! – проговорила она как-то совсем неуверенно, словно желая убедить даже не меня, а себя, а к концу слова голос ее дрогнул. – Не будет такого! – в голосе ее прорезались нотки отчаяния.

– Конешн, не будет, – я откинулась на стену и вальяжно закинула ногу на ногу. – Но только если мы с тобой сами об этом позаботимся... – я нахмурилась и сжала кулаки. – Ублюдки.

Все ценности у нас, разумеется, изъяли. И, разумеется, без описи. И – разумеется – без намерения впоследствии вернуть.

На мне осталась лишь серьга, простецкое золотое колечко. Его просто не нашли – видя непроколотое правое ухо, второе смотреть уже не стали.

Ремм взглянула на меня несколько вопросительно.

– Гаденьши уперли браслет, – досадливо бросила я.

– Понимаю, – вздохнула Ремм. – У меня отобрали все конспекты...

– Ремм, – процедила я раздраженно. – Я понимаю, что конспекты, информация, которую ты собирала долгое время – ценная вещь, но... – вот и как сказать о том, что мой браслет-то нам был куда полезнее сейчас, чем ее конспекты? – Это другое...

– Да, подарок отца, понимаю! – неглубокомысленно протянула Ремм.

– Да не подарок отца это! – вновь огрызнулась я. – Это настоящий драконий браслет.

– Стой! Настоящий? – Ремм едва не подскочила, повернувшись ко мне. – Настоящий?!

Я лишь злобно сверкнула глазами.

– Так ты мне врала?! Этот браслет настоящий? – воскликнула Ремм с нешуточной обидой в голосе. – Откуда он у тебя?

– Догадайся! Откуда у людей появляется драконье золото?

– Так ты все это время близко знала дракона и ничего мне не говорила?

– А как мне было тебе сказать, Ремм?! – возмутилась в свою очередь я. – Ты же вела себя как помешанная!

Ремм попыталась было что-то сказать, но замолкла. Потом вскинулась было еще раз, но вновь замолчала и сникла.

– Прости, – с досадой, за которой ощутилась явная внутренняя борьба, проговорила она. – Ты... наверное, права...

Я почувствовала себя даже несколько неловко. И за неправду, и за свою злобу, и за свое пренебрежительное отношение.

Чем ближе я узнавала Ремм, тем глубже она мне казалась. Сначала я думала о ней как об очень поверхностной девчужке-фанатичке. Но ведь она была человеком умным. Интересующимся. Целеустремленным. Готовым жертвовать комфортом и терпеть лишения ради достижения цели. И... готовым признавать свою неправоту, видеть свои ошибки и негативные стороны, принимать и не отмахиваться от критики.

...И ведь эта девушка пошла за мной в плен. Не сбежала, когда могла, пытаюсь помочь мне, или пусть даже просто от того, что не могла уйти и бросить.

– Ремм... – проговорила я. Она подняла на меня грустные уставшие глаза. – Извини за резкость.

– Да ничего, – она печально улыбнулась. – Я понимаю. В твоих словах есть правда. Мне, наверное, действительно не стоило вести себя так...

Мы помолчали.

– Ты веришь во всю эту ерунду с будущей войной? – тихо проговорила девушка.

– Думаю, все как всегда нагнетают. Посудачить ведь больше не о чем, кроме как о новой королеве... Вот и лепят слухов от скуки... А государство – у него работа такая. Вот, пограницам нашим дали приказ Приграничье блюсти. Они и ловят шпиёнов всяких...

– Думаешь, пустая болтовня все это?

– Конечно. Уверена, через несколько месяцев все уляжется, как обычно.

Я встрепенулась. Послышались шаги по коридору. Но, очевидно, шли не по нашу душу, и скоро все стихло.

Я мрачно вздохнула, украдкой поглядывая на Ремм. Скверно, что я здесь не одна. Одной выбраться легче...

– Ремм. Нам придется выбираться отсюда своими силами, – проговорила я. – Будь готова.

Она, чуть нахмурившись, кивнула.

Здесь – глушь и всего лишь небольшой отряд пограничной стражи, относящейся к двум девчонкам пренебрежительно и явно недооценивая. С учетом этого, есть шанс.

Ночь прошла тихо и спокойно. Наутро за нами пришли.

Мне туго связали руки за спиной – как я и предполагала, в приграничной глуши каких-то спецсредств против магов не оказалось. Ремм просто повели, не став даже вязать.

Поскольку перспективы наши касаются честного и законного разрешения конфликта были безрадостны, рассчитывать приходилось только на себя.

Я выискивала малейший шанс.

Дорогу по коридорам темницы достоверно я не знала, поэтому сейчас брыкаться было бесполезно.

Силы после неудачного обряда за ночь восстановились так себе. Но это не катастрофа. Хоть и использовать магию сей-

час на полную катушку я не смогу, никто не помешает мне при случае наkostenять ногами.

Наверх по лестницам пришлось идти долго. Я слышала, как сзади меня тяжело дышала Ремм. Да и сама успела устать.

По ощущениям, мы оказались ближе к верху башни.

Нас провели в какой-то кабинет, где нас ожидал старший. Видимо, для а-ля допроса. Подозреваю, что это было уже простой условностью: в чем нас обвиняют, решено было уже давно.

В качестве дополнительной меры безопасности командир держал меня на мушке взведенного арбалета.

– Ну, что, девочки, рассказываем, что вызнать успели?

Я демонстративно молчала.

– Зря, зря-а, – протянул он, небрежно покачивая арбалетом, словно это не боевое заряженное оружие, а перо или указка в руках учителя. – Ведь прекрасно знаете, что содействие страже облегчило бы ваше наказание.

– Знаете же, что мы невиновны, – с вызовом огрызнулась я.

– Ну-у, госпожа Янше, расследование покажет... – гаденько усмехнувшись, ответил он. И снова лицемерно затянул про содействие властям.

Я все следила за арбалетом в его руке.

– В районный центр о вас уже доложили, и старший по званию будет здесь очень скоро, поэтому лучше бы вам пой-

ти на контакт с нами.

Острое стрелы вновь отклонилось от опасной траектории его пренебрежительно-вальжным движением; я внутренне подобралась, готовясь; но стрела опустилась снова. Слишком быстро и опасно.

– Сами прекрасно понимаете, какая обстановка сейчас беспокойная. Все сейчас должны быть настороже. Любой, кто приближается к границе и ведет себя подозрительно, сейчас...

– Шпионы не ведут себя подозрительно, – огрызнулась я. – Они как раз-таки стараются привлечь к себе поменьше внимания.

Протокол допроса вел секретарь. И что-то мне подсказывало, что потом туда все равно впишут то, что надо. Ведь месячный план по поимке шпионов никто не отменял.

– К тому же, у вас в команде была загорянка...

– Серьезно? Здесь в Приграничье полно загорян!

– Вы, госпожа Янше, уж определитесь, чем вы аргументируете: тем что вы из Центрального региона, или тем, что в Приграничье полно загорян.

– Одно другому не мешает, – пробурчала я.

– Здешние-то все уже подконтрольные, – начал говорить командир, чуть покачивая оружием.

Вот сейчас, вот сейчас... Ну же, отведи руку... еще чуть-чуть...

Резкий взмах головой; удар в челюсть сзади стоящему.

Натяжение веревки заметно ослабло.

Арбалетный болт, пущенный командиром, прошел безнадежно выше моего правого плеча.

Разворот и удар ноги в лицо магу. Проворонил. Пока концентрировался для магического удара, пропустил физический. Приложить получилось хорошо, парень еще и затылком о косяк стукнулся.

По-вез-ло! Коллега, действительно серьезный соперник, был выведен из строя. А с шестью "смертными", пока коллега корчится на полу, мистик уже может разделаться.

Командир перезарядиться не успел.

Ногой подкинула выроненный кем-то из ударенных кинжал и, присев, поймала связанными за спиной руками. И ведь даже за рукоять!

Перерезать веревку самой не удалось. Поэтому я просто засветила тому, что держал Ремм, и крикнула ей бежать.

Стража у двери уже распахнула створки на шум. Как кстати. Еще и дверь мне подержат.

Никогда не нужно забывать, как опасен мистик. Даже без магии.

Мы с Ремм бросились прочь по коридору, и, едва представилась возможность, на секунду затормозили.

– На! Веревку порежь! – гаркнула я Ремм.

– С-сейчас... – торопливо пробормотала она, пытаясь перерезать путы и освободить мне руки. – Черт, Зет... Ты уверена, что мы **то** делаем?

– Можешь остаться в плену, если хочешь! – я выдернула руки из ослабших пут и бросилась вперед, потянув тем не менее ее за руку. – Мне одной сбежать легче!

Уже поднялась шумиха. Кто-то вылетел нам навстречу. Пришлось метнуться в сторону. Мы оказались на лестнице. Вниз путь был перекрыт, бежать оставалось только вверх.

Знать бы где мои вещи! Если только я найду браслет!..

Однако, наша жалкая, наивная попытка, видимо изначально была обречена на провал. Мы только оказались в еще большей западне, попав на верхний ярус башни. Больше бежать было некуда. И архив на верхнем ярусе не принес нам ничего. Видимо, вещи задержанных изначально разошлись по карманам.

Стража уже нас окружала. Я опрокинула шкаф у них на пути, но отступать нам было некуда. За спиной было лишь открытое окно и несколько десятков шен лету до земли.

– Ну а вот теперь вы в клетке, – злобно проговорил патрульный.

– Почему? Почему? Почему?! – сорвавшись, воскликнула Ремм. – Почему мы не можем просто разобраться и выяснить правду? Почему мы должны бегать и прятаться, если не сделали ничего плохого?!

– Да потому что мы не можем просто отпустить подозреваемых. Вы что, хотите, чтобы мы действовали вразрез с протоколами?

– Да кто в этой глуши за этим следит?! – огрызнулась я.

– Верно, детка, – ухмыльнулся командир. – На границе никто за этим не следит. И никто, ежели что, не будет искать ваши кости под сторожевой башней. Ежели шпионы – так поделом, а если нет – так никто и не хватится.

– Вот поэтому, Ремм, – прошептала я.

– Ну что, все, сдавайтесь, хватит рыпаться, – патрульный перешагнул одно из обрушенных на пол препятствий. – Отсюда вам только вниз.

Только вниз. Вниз, говоришь?

– На, ловите! – я отшвырнула приближающихся силовой волной и выставила контур примерно в паре шенах от нас. Только на это магии и хватило.

Стражники разозленно бросились к нам.

– Ша! Еще шаг, и я выпрыгну из окна! – я подлетела к подоконнику и распахнула окно. – И вы потеряете своих шпионок, о которых уже растриндели начальству.

Ремм взглянула на меня потрясенно. Она к таким отчаянным мерам явно не была готова.

Я вскочила на подоконник. Прости, прости меня, Конхстамари. Но, кажется, мне придется сделать это снова...

– На высокой скале берегов океана

Черно-красным цветком отцветает закат, – сбивчиво начала я.

– Омывает вода камня старые раны,

Словно горная твердь его память крепка, – я пела торопливо, пренебрегая паузами и тем, что надо было тянуть. Важ-

но только заклинание.

– Там живет царь ветров, зверь, что ужас внушает,
Охраняя границы своих берегов,
Красной бронзы броня его грудь украшает

И жемчужная нить из людских черепов, – пела я, ускоряясь с каждой строчкой.

– Что это?! Какое-то заклинание?.. – рявкнул командир. – Остановите ее! Заткните ее!!!

Бросились к нам, но выставленный мною контур не позволял так просто подойти, пробираться через него приходилось, как через чашу.

– Коль судьба моя – Землю покинуть до срока, – поморщившись ломаемому контуру, с вызовом продолжила петь я.

– Не склоню головы пред своею судьбой,
И, едва познав, с жизнью проститься земною,
Но взамен глотнуть жизни страны грозовой.

– Зараза, держит! – зло воскликнул маг, еще держащийся за затылок. – Отойдите!..

– И крылатому змею навеки стать данью,
Что бессмертному солнцу огонь подарил,
Землю – добрую мать целовать на прощанье,
Коль он огненный взор на меня обратил.

Что ж, приди же по душу мою молодую... – на все концентрации не хватало, еле удерживаемая мною стена не выдержала удара мага и прекратила свое существование. Старший патрульный, а за ним и остальные бросились к подокон-

нику.

– *Неприкаянной дочью меня не оставь...* – тянуть было больше некуда. Я раскинула руки и шагнула назад.

Я не боюсь.

Я столько раз шагала вниз, что страх потерял власть надо мной.

– *Забери меня в небо, страну грозовую,* – совсем быстрым речитативом прокричала я, опрокидываясь. Руки стражника сомкнулись на воздухе в том месте, где менее секунды назад была я.

– *...Из которой никак...* – ветер свистел в ушах и трепал волосы и одежду, – *...не вернуться...* – крутануло в воздухе, развернув головой вниз, – *...наза...а-а-а-а!* – на последнем слогe я сорвалась на откровенный крик. – Ко-о-ондор!..

Я видела землю. Настолько близко, что сердце словно сжало в тиски. В этот момент я пронзительно осознала, что жить мне осталось менее секунды.

Он не успеет...

Проклятье, он не успеет!

Я вскрикнула и зажмурилась...

А через мгновение ощутила, как стиснули корпус крепкие лапы дракона. И по лихой дуге выходя из вертикального полета в горизонтальный, пронесли вдоль земли.

Загорелось лицо, сдавило виски; голову крайне быстро заполнила тяжесть, кровавой пеленой с боков зашторивая глаза.

Я до скрипа стиснула зубы, всем существом чувствуя надсадный хруст где-то в глубине груди и отчаянно надеясь, что это ребра, а не хребет...

Обжигая ноздри, из носа брызнула кровь, горячими каплями окропив обветренное лицо.

Дракон, продолжая ту же дугу, вновь начал забирать выше. И, повернув, свечой пошел вверх.

Кровь моя, от несостоявшегося удара о землю, стекла вниз, в пятки, напрочь опорожнив голову. Сознание в голове держалось исключительно волевым усилием. Мне хотелось

закричать, но я не могла разжать челюсти.

Подъем прекратился, и я ощутила, словно все внутренности внезапно стали невесомы и находятся внутри меня в свободном полете. О-очень паршивое чувство, честно говоря...

– Хватайся! – сквозь шум в ушах услышала я голос Конхстамари, и через миг его сильная лапа отправила меня через плечо на драконью спину. Я прокатилась по гладкой чешуе, безуспешно скользнув по ней непослушной рукой, и слетела с другой стороны его туловища ниже крыла.

Тело вновь охватил воздух, но свое положение я категорически не осознавала. В совершенно неожиданной точке пространства материализовалась стена, и я со скоростью птичьего полета вписалась в нее правым боком. Это, примерно, как навернуться на каменную мостовую... только потом еще, отрикошетив, полететь куда-то вбок, в сторону ближайших домов.

– Дзета! – взволнованно вскрикнул Кондор и, сложив крылья, пронесся почти впритирку к башне, чтобы меня поймать.

Я почувствовала его лапы, держащие меня, но в глазах было слишком темно и расплывчато, чтобы я смогла осмысленно взглянуть на него. Видимо, посмотрев на меня, Кондор шумно выдохнул и, осторожно прижав к себе, полетел, по ощущениям, сворачивая налево.

Как оказалось, он спускался, и через несколько витков под нами оказалась земля. Кондор осторожно посадил меня на

землю и, отпустив, пролетел чуть дальше и приземлился.

Я, сидя на коленках, шатнувшись, уперлась руками в землю. Было совсем нехорошо, голова кружилась, и как-то невнятно мутило. И просто чудовищно болела спина, грудная клетка да и все тело. Не высидев и пары секунд, я опустилась (еще честней, контролируемо повалилась) на землю, ткнувшись горящим лицом в траву...

– Дзета! – взволнованно окликнул Кондор, бросившись ко мне. Окрик звоном отозвался в голове, и я болезненно поморщилась. – О-ох, Небо! Ты как?..

– Д-девочка... там, в башне... – как смогла прохрипела я. Он хотел было, видимо, попытаться выспросить у меня еще хоть что-то, но понял, что бесполезно.

– ...И бумаги забрали... и вещи... – вновь сделала над собой усилие я.

– Разберемся, – прорычал дракон, разворачиваясь. Взмах крыльев, судя по звуку; порыв ветра, взметнувший и откинувший влево мои волосы и приложивший траву вокруг.

– Мать вашу! Это чертов дракон! – довольно явственно, даже несмотря на мой звон в ушах, слышалось сверху. – ...Баллисты, сказал, готовьте, резче!

Что происходило, я не видела и с трудом понимала. Уткнувшись лицом в землю, я отвернула нос в сторону от башни. А теперь повернуться я попросту не могла, не причинив себе страданий.

Я лежала, боясь пошевелиться. От неподвижности сдела-

лось лучше, все словно постепенно приходило в порядок, становилось легче. Но "порядок" был таким хрупким, что даже неосторожный, чуть более быстрый или глубокий вдох напоминал, что лучше не дергаться. Кроме того, нормально вдохнуть было больно и тяжело, приходилось выверять каждый вдох и выдох, чтобы не дернуться чуть резче дозволенного...

Тяжелое колыхание в голове тоже, казалось бы, улеглось, но пробовать пошевелить ей, чтобы проверить, мне не хотелось.

Думать я могла лишь о том, как мне не помереть. Ох-х... Небо, надеюсь, они там разберутся...

С башни слышались крики, звуки какой-то суеты, хлопанье крыльев. Я не смогла ничего толком объяснить, да, в общем-то, было сильно не до того.

Надеюсь, Кондор сумеет допросить Ремм. Если у нее, конечно, не снесет башню только лишь от того, что она увидит дракона...

Продолжая неподвижно лежать, уткнувшись лицом в траву, я услышала приближающееся хлопанье крыльев.

– О, боги! Она разбилась? – вскрикнул знакомый девичий голос. Нотки страха и отчаяния сминали и портили привычный бархат ее голоса.

– ...ет, – отвечал Конхстамари. Звонкая истеричность голоса Ремм еще отдавалась в моей голове, перекрывая звуки. – ...на жива... ...росто ра...

– Не вопи... – простонала я, невидимо для собеседников морщась.

Ремм как будто ахнула; ее голос еще немного пожурчал, перемежаясь с резковато-рычащими (в драконьей форме сложно говорить иначе) ответами Конхстамари.

Потом – уже привычная едва дошедшая до меня волна жара – трансформация.

– Дзета! – голос уже почти "человеческий": ровный, размеренный, только немного нервный и взволнованный. – Небо, ты в порядке?

Подбежав, он, видимо, опустил на колени передо мной. Где-то неподалеку ржали лошади.

– Ч-черт!.. – прохрипела я, с трудом дыша. – Кондор, ты пытался меня убить? Ты хоть в курсе... что люди не рассчитаны... на такие перегрузки?

– Ты меня, конечно, извини, – проговорил он нервно, – но у меня было **слишком** мало времени чтобы тебя спасти! Сумасшедшая! О чем вообще ты думала, прыгая с башни?!

В голосе его прорезались нотки злости и раздражения. Но каким-то шестым чувством я все же понимала, что за этой злостью – скорее, волнение и страх за меня.

– О том, что если не прыгну – убьют стражники! – огрызнулась я.

– Я поймал тебя в пяти шенах от земли!

– Лучше б не ловил! – с чувством прохрипела я.

– ...Как ты? – проговорил он, сокрушенно выдохнув.

– Жить буду.

Обманувшись вроде бы устаканившимся самочувствием, я попыталась приподняться на локтях, но мне тотчас поплохело, спина и корпус отозвались резкой болью, тяжело и неприятно закружилась голова, а носом пошла кровь, и я, застонав, повалилась обратно, так же уткнув лицо в траву, разве что, теперь повернув нос чуть в другую сторону.

Теперь кровь из носа текла на траву по другой стороне лица, а один глаз я могла скосить на сидящего передо мной на коленях Кондора. Правда, глаз, да и вся окружающая голова начинали чудовищно болеть от напряжения при попытке удержать взгляд в столь "скошенном" положении, и пришлось, смирившись, опустить его в траву, глядя прямо, а поднимать лишь до колен Конхстамари.

– Кости целы?

– Не знаю, – пробубнила я в траву. – Че-то там хрустело. Надеюсь, что ребра...

– Ох, небо... – прикрыл глаза дракон.

Он придвинулся ближе и осторожно провел рукой вдоль позвоночника, видимо, проверяя.

– Кости, вроде целы...

Крики на башне усилились. "Опускай, опускай", – кричали там, отчаянно пытаясь навести баллисту на объект ниже ее горизонта...

Кондор вздохнул, оглянувшись. Ведь наведут же.

"Статис", – проговорил он, проведя почти раскрытой ла-

донью по моей спине вдоль хребта.

Позвоночник тотчас закололо ледяными иголочками, порой весьма немаленькими. Его словно охватило холодком. Ледяные иголочки начали прорастать в ребра, постепенно охватывая всю грудную клетку...

Кондор трансформировался и коротко скомандовал Ремм залезть к нему на спину.

Потом сделал шаг ко мне и осторожно подхватил меня на лапу. Я сжалась, в ожидании нового приступа боли, однако через миг осознала, что мой позвоночник и частично грудная клетка словно охвачены ледяным панцирем, не позволяющим им двигаться. И холодные иголочки, покалывающие все тело, практически не дают пошевелиться или сместиться (возможно, поврежденным) органам. Только дышать. Осторожно, с каждым движением грудной клетки ощущая холодное покалывание.

Кондор напряженно посмотрел на башню, а следом куда-то вдаль, а потом осторожно, стараясь не делать резких рывков, поднялся в воздух.

Мы полетели над злополучными Коттскими лесами.

– Где ты живешь? – дракон повернулся к Ремм.

– Я?.. – как-то растерянно проговорила она. – Я из Адше... Это неподалеку от Соулу.

Кондор шумно выдохнул, что в драконьей форме обозначало что-то аналогичное присвистыванию.

– И что в Приграничье забыли? – риторически спросил

он. – Хорошо, значит тебя домой...

– Господин, – проскулила вдруг Ремм. – *Оппа!* Простите мне интерес... – она замялась, никак, видимо, не решаясь спросить. – Вы... Вы бы наложницей меня не хотели видеть?

– Нет. – отрезал Кондор. – Я не возьму.

Ремм смущенно и растерянно умолкла.

– Но, *оппа*, – проговорила она робко. – Может, из тех драконов, кого вы знаете...

– Я не сводник, – оборвал ее Кондор, – другим наложниц подыскивать.

– Простите, – пролепетала Ремм. – Просто... просто я всегда мечтала стать наложницей дракону... Не подумайте! Не ради денег!..

– Ремм. Я обязался доставить тебя домой. А не организовать твою дальнейшую жизнь. Я доставлю тебя в Адше, и только.

Девушка вновь печально вздохнула, и голос ее умолк.

Дорога до Центрального региона не заняла много времени. По крайней мере, мне так показалось.

Кондор приземлился в довольно глухом местечке недалеко от Адше, ссадил Ремм, которая отдала ему мои вещи, и собрался лететь дальше.

– Пожалуйста! Господин! *Оппа!* – воскликнула девушка, предпринимая последнюю отчаянную попытку. – Возьмите меня с собой!

– Нет, милая, – вздохнул Кондор. – Не возьму я тебя на-

ложницей.

– Но, *орра!* – с зазвеневшими в голосе слезами, мокрящими и слепляющими ворс бархата, воскликнула Ремм. – Я всю жизнь мечтала!..

– Если так сильно хочешь стать наложницей, поезжай в Долмир, на Побережье. Но прежде хорошо подумай. Готова ли проститься с домом и свободой навсегда. Назад дороги, скорей всего, не будет.

Ремм замерла, повесив голову.

– Дол...мир, – проговорила она по слогам, словно пытаюсь распробовать слово на вкус. – Спасибо, – она немного помолчала. – Я... подумаю.

***

Я лежала на жесткой деревянной лавке, застеленной лишь тонкой подстилкой.

Дышать нормально я по-прежнему не могла. Особенно вдыхать. Чуть глубже – и дыхание перехватывало от острой боли. Очевидно, по паре-тройке ребер с обеих сторон все-таки было сломано, хорошо хоть без смещения.

Я прислушивалась к показаниям Теневой сущности касемо состояния тела. Благодаря ей очень часто можно действительно достоверно определить травмы, если иметь должный уровень чувствования.

– Четыре... или пять, – проговорила я. Но, взглянув на перекосившееся лицо Кондора, поспешила добавить. – Но

это ерунда... – воздух закончился, по привычке попыталась вдохнуть нормально, и организм быстро напомнил вполухом острой боли, что данная функция ныне недоступна. Удержаться от чуть слышного короткого сдавленного вскрика не смогла, что отняло у моих слов львиную долю убедительности, – ...без смещения же... – все же проговорила я, стараясь держаться бодрей.

Все тело болело. Спина, усилиями Теневой сущности, была словно деревянная.

– ...Небо. Прости меня.

– Ой, будет, – хотела было смешливо отбрыкнуться я. Но осеклась, наткнувшись на мрачный взгляд Конхстамари.

– Моя неосторожность стала причиной твоих травм, – сказал он сокрушенно и очень серьезно. – Я не могу себе этого просто так простить.

– О-ох, брось, – протянула я. – Можно подумать, моя неосторожность там в сторонке стояла... Не хватало еще, чтобы ты корил себя за мои глупости...

– Ты не понимаешь. Я был недостаточно осторожен с тобой. А если бы я... не рассчитал нагрузку сильнее, и нанес бы непоправимые травмы?

– Если бы я упала, было бы хуже, – веско проговорила я.

– Это мне не оправдание, – сказал он жестко. – Я должен помнить каждую секунду о том, что ты человек, и хрупка, как стеклянный светильник.

– Не драматизируй, – проговорила я. – Люди гораздо

крепче стеклянных светильников.

– Оно и видно, – с горечью усмехнулся он, потом повернулся к двери, собравшись, видимо, уйти. – А теперь лежи и не двигайся. Пока не восстановишься полностью, никуда отсюда не уедешь.

– Ах-ах, а так хотелось, – попыталась съехидничать я. – Ой, а как же моя лошадь? – резковато повернула голову, о чем тотчас пожалела, потому что в ней колыхнулась тяжесть, а в глазах вспыхнули круги.

Теневая сущность, что ты мне позволяешь? Не твоя ли забота убережет физическое тело от нежелательных движений? Или ты не считаешь опасным паскудное самочувствие моей головы?

– Дзета, ну кому говорю! – негодуяще-взволнованно воскликнул Кондор, очевидно, считав приступ дурноты по моему лицу. – Хорошо; если найду твою чокнутую лошадь в лесу, притащу в Долмир... – проговорил он. – Но не раньше, чем ты хоть мало-мальски оклемаешься. Сейчас я тебя одну здесь попросту не оставлю. М-да... Только представь, каково зрелище будет. Ваши темные люди уверятся в том, что драконы скот воруют.

– Ну, ничего. В том, что девиц воруете, уже вон уверились, – слабо усмехнулась я.

– Ну, знаешь ли. Девица – не скот... Одно дело украсть девицу, и совсем другое...

Пока я постигла неочевидное значения шутки, возму-

щаться стала поздно, ибо разговор ушел в другую сторону.

– Да, и не хотелось бы, конечно, лишний раз мелькать у границы...

– Почему?

– Есть причины, – туманно ответил Кондор, выходя. – Лежи. Я принесу воды.

***

Морской воздух был свеж и приятен.

Ступени лестницы уходили вниз, где за распахнутыми дверями уже виднелись камни, море и отражающееся в нем небо.

– Тебе помочь? – спустившись на пару ступеней, взглянул на меня Конхстамари, сделав пригласительный жест, означающий предложение взять меня на руки и снести вниз.

– Право, не хрустальная, – по-доброму усмехнувшись, отмахнулась я, осторожно шагая с первой ступеньки.

Конхстамари в ответ подал мне руку, отмахиваться уже не стала, помощь приняла. Он шел впереди, полубоком, с оглядкой на меня и не торопясь. С его поддержкой я спустилась по лестнице, и мы вышли на выступ скалы, на котором можно было посидеть и полюбоваться морем и закатом.

С моего падения прошло больше двух недель, и я уже относительно уверенно ходила по замку. Хотя все равно щадила позвоночник и грудную клетку в движениях.

Лучи утонувшего в море солнца догорали на небосводе,

последними темнеюще-красными углями сияя на облаках.

Дневной зной спал, и теперь осталось лишь приятное тепло. На Побережье очень тепло. Даже на Жемчужной скале, хотя она севернее Долмира.

Я была одета почти по летней южной моде. В легкие шаровары, почти прозрачные от колен до низа, которые достал для меня Кондор. Верх одежды мне заменял корсет. Да накинутая на плечи рубашка.

Край уступа был довольно безопасным: недалеко, в высоте одного прыжка под "обрывом" была еще площадка, и несколько уступов ниже. То есть, случайно свалиться со скалы было не просто.

Сидеть на нагретых за день камнях было приятно. И смотреть в густо-бордовое небо, дыша солоноватым морским воздухом.

Мы просто сидели и смотрели на горизонт, пылающие облака в небе.

– А раньше люди думали, что Солнце тонет в море... – проговорила я.

– Что только раньше не думали. И что его кто-то поедает, и что оно с кем-то сражается в загробном мире... Неизвестность порождает заблуждения. Все, что не мог объяснить существующий уровень знаний, считали "чудом" и пытались обосновать легендами.

– Забавно, – усмехнулась я. – А что вы думали о Солнце в те времена, когда люди верили, что его похищает дракон?

– Что это звезда, вокруг которой вращается наша планета, – ответил он спокойно, с легкой усмешкой взглянув на меня. – У нас иной уровень развития науки и технологий.

– Да?

– Наш народ куда древней вашего. Наши предки видели, как люди учились жить. Как постигали основы, изучали мир, набивали шишки и учились на своих ошибках.

– И что, вы просто смотрели? – поинтересовалась я. – Вам... точнее, вашим предкам не приходило в голову как-то подсказать, поделиться знаниями?

– У каждого народа свой путь, и есть вещи, до которых нужно доходить самостоятельно. Вам нужно было развиваться самим. Знания не имели бы столь высокую цену, если бы вам дал их кто-то... – ответил он. – К тому же, поделиться знаниями зачастую не так-то просто, как кажется. Иногда готовности поделиться недостаточно, нужна еще готовность знания принять. Подумай, легко что-то донести до народа, который в ответ на появление просветителя начинает метаться в панике, с криками: "Боже, это дракон! Уйди, сила нечистая!.. Владыки Андал, помогите нам!"?..

Я рассмеялась, представив. Хотела пошутить в ответ и попыталась, приподнявшись, развернуться к Кондору. Нога, которой уперлась в камень, чуть скользнула и мне приподняться не удалось. Несколько мелких камешков слетело на площадку снизу.

– Я сделаю здесь перила, – хмуро проговорил Кондор,

"поймавший" (хоть в том вовсе и не было необходимости) меня и жестко, но бережно, прижавший к себе.

– Ой, будет! – я рассмеялась, ненавязчиво освобождаясь. – Не перегибай палку.

– Вряд ли с тобой это возможно, – отметил он. – Ты умеешь создавать приключения буквально на ровном месте.

– Без приключений жизнь не та! – с вызовом смешливо ответила я.

– Ну, да... С этим сложно спорить, – фыркнул он, закатив глаза. А потом, немного помолчав, проговорил. – Скажи... А ты не подумываешь об обращении?

– Что? – легкомысленно весело переспросила я, не поняв.

– Об обращении в драконэлла? – Кондор взял мои руки в свои и посмотрел мне в глаза.

Я потеряла дар речи, осмысляя сказанное, ошалело глядя на него.

– Подумай, ведь это значительно повысило бы твою выносливость и хотя бы чуть-чуть обезопасило тебя в твоих авантюрах...

Я похолодела. По спине побежали мурашки. Его правая рука осторожно погладила мою руку от костяшек пальцев до запястья...

– ...Я бы обратил тебя...

– Нет! Ни за что! – испуганно вскрикнула я и вырвала свои руки. – Кондор... – я отстранилась, нервно опустив взгляд вниз. – Нет.

– Ничего страшного это с тобой не сделает!.. Ну, проживешь лет пятьсот вместо двухсот, болеть будешь реже, бегать быстрее...

– Нет, Конхстамари, – отрезала я, смущенно прикрыв глаза. – Я... рождена человеком. И хочу им остаться.

– Я, – проговорил он, склонив голову, – не смею настаивать.

– ...Спасибо, – помолчав, ответила я.

– Может быть тогда, – осторожно взглянул он на меня, – ты хотя бы позволишь попытаться обезопасить тебя, приняв от меня в подарок один артефакт?

– Артефакт? – я заинтересованно подняла взгляд.

– Угу, – Кондор чуть заметно улыбнулся. – Телепортационный.

– Ого, такие бывают? – не подумав, сморозила глупость я.

– Смотря у кого. У вас – нет, – Кондор усмехнулся. – Это уникальная технология драконьего народа.

Телепортация была, пожалуй, пиком магической технологии, и казалась даже больше сказкой, чем реальностью. Я лишь смутно знала о телепортационных коридорах, но ходили ими, казалось, лишь монархи и какие-нибудь небожители, потому они виделись еще более мифическими, едва ли не выдумкой красочных умов...

– Ух ты! А ты не боишься... Ну... что люди разгадают секрет и технология перестанет быть уникальной?

– Не боюсь. Во-первых, в его основе специфическая дра-

конья магия, недоступная другим народам. Во-вторых, у вас все равно нет того уровня развития магии и технологии, – он улыбнулся. – Для вас такое будет чудом.

– Драконья магия... – проговорила я задумчиво. Затем спросила, помолчав. – А коридоры? Тоже ваша?

– Наша, – улыбнулся Кондор.

Я тоже улыбнулась и поинтересовалась:

– А как работает твой артефакт?

– Имей в виду, он одноразовый, так что это **только** для исключительного случая. И для срабатывания требует некоторого количества магической энергии... Пойдем, – проговорил он. – Придется лезть в сокровищницу.

Он подал мне руку помочь подняться, и я, усмехнувшись, все же протянула ему свою. Но только потому, что была еще ранена и чувствовала некоторую слабость, позволяла о себе заботиться.

Я напоследок оглядела море и темнеющее небо, и мы пошли к замку.

Загорались первые, самые яркие звезды. Растущий месяц ярко сиял невысоко над догорающим горизонтом, играющей серебряной дорожкой отражаясь на дрожащей водной глади. С запада напознала ночь.

Райчи

– Ну, попробуй построить вот эту простую фразу... – Кондор протянул мне листок и перо. – Скажи: "меня это не касается".

Воспользовавшись своим столь долгим здесь пребыванием, я взялась учить драконий язык. Но пока что мои успехи были очень незначительны, ограничивались вежливым приветствием и некоторым набором простых фраз.

Определенные трудности у меня вызывало произношение некоторых звуков, не характерных для человеческой речи.

– Хм... – я задумчиво почирила пером по бумаге. – Ну...

"Я" будет "ак", "это" – "х'а", и "йшаррэс" – касаться. И отрицание: "нэрх", и его вариации.

– *Ак ха нэ'йшаррэ.*

– Ты это не трогаешь, – улыбнулся Конхстамари. – Ну, почти. *Х'а ак'т нэ'йшаррэ...* Можно еще воспользоваться синонимичной фразой: "не мне об этом судить". Будет звучать "*Нэр ак'т х'а майрнэс*".

В драконьем языке при приветствии желали ясного солнца – "Юхши мх'аррэ", и почти никогда не интересовались, как дела, если конкретно тебя это не касалось. Если на любой вопрос о себе не хотелось отвечать, ты мог спокойно констатировать, что собеседника не должно это интересовать.

У драконьего народа было не принято лезть в чью-то жизнь, и наше дежурное "как дела?" было не в ходу, порой расцениваясь, как откровенная грубость. Драконы вообще как-то равнодушно относились друг к другу.

– *Айрахизэ*, – проговорила я по-драконьи.

– Неплохо, – улыбнулся моему "благодарю" Конхстамари. – *Мъе'аххарэ*.

– *Мъеаххарэ?* – переспросила я, как смогла, скопировав произношение.

– "Маленькое хорошо", – усмехнувшись, пояснил дракон. – "*Мъесс*" – младший. Имеет родство с глаголом "*мэйшинэс*" – уменьшить, ослабить. А "*аххарэ*" – "хорошо".

Я повторила за ним слова, стараясь запомнить, потом попросила сказать еще раз, чтобы записать.

– Переведи, как будет звучать "твой дом".

– *Тшэй...* – я задумчиво опустила глаза, вспоминая, – *тшэй шрайх!*

– "Твоя боль?" – скептически приподнял бровь Конхстамари.

– Ой, не туда посмотрела! – забывшись, брякнула я, спешно бросив взгляд на памятки, что прятались на моих коленях.

– У тебя там шпаргалки, что ли? – смеясь, осведомился Кондор, попытавшись заглянуть за столешницу.

– А ну!.. – возмущенно воскликнула я, шуточно замахиываясь. – Куда даме под стол заглядываешь?! "*Тшэй дарр*", на-

шла! – торжествующе, со смехом заявила я.

Кондор рассмеялся и, махнув на нерадивую ученицу рукой, вернулся на свое место.

– Ну хорошо, *найди* теперь, как будет "чужой".

– "*Карэй*", – перелистнув лист, весело отозвалась я.

– *Кх'аррэй*, – добавив слову придыхания и рычания, поправил Конхстамари. – Хорошо. А попробуй-ка теперь угадать правильный перевод. Это будет загадка на сообразительность. Слово "*дх'арп*" что, по-твоему, значит?

– *Дх'арп*? – пытаюсь передать произношение, с улыбкой повторила я. – Это в честь чего наш Дарп поименован. "Граница"!

– Молодец, – улыбнулся Кондор, – сообразила.

– Я еще слышала вариант "*тх'арп*", – самодовольно ухмыльнувшись, блеснула эрудицией я.

– Это где ты слышала такой вариант? – мигом посерьезнев, строго осведомился Конхстамари.

– Ну... – похолодев и мысленно обругав себя за выпендреж, под его внимательным взглядом попыталась подобрать ответ я. – В Эрстхене, слышала, так народ говорил...

– Ну да, – хмыкнул дракон, перестав пытаться меня взглядом. – В Эрстхене есть кому обучить южанскому говорку... У южан говор мягче и где-то глуше.

Я прикусила язык, сделав себе пометку впредь блистать знаниями осмотрительнее. А, чтобы не дать разговору пойти не в то русло, да и ради интереса, спросила:

– Южане? Ты раньше не говорил о таком...

– Есть две очень условные диалектически-территориальные группы: северяне и южане, с условной границей по широте Долмира. У южан немного другой говор, более мягкий в плане произношения некоторых звуков. Более мягкие имена, чем у нас. Так же именно среди южан есть светловолосые ветви. Это крайне условное разделение, так как в брачных обрядах все равно все смешиваются, поэтому разительных различий не формируется. Просто отец волей-неволей будет обучать сына своему диалекту...

– Понятно, – протянула я.

Конхстамари кивнул и отхлебнул травяной чай из кружки.

– Давай дальше, пока есть время. Дзета, попробуй перевести фразу "*эйкхартнэс шрайх*". Слово "*эйкхартнэс*" ты еще не знаешь. Наверное, нужна подсказка...

– погоди! Дай, я угадаю! – проговорила я. Что-то знакомое, даже знакомое до боли звучало в этом слове. "*Эйкхартнэс*", это глагол... Отбросим окончание инфинитива -с, оставим глагольное -нэ. "*Эйкхартнэ*". Я что-то делаю. Эйкхарт. Эйкарт...

– "Чувствовать"?

– Верно, – улыбнулся Кондор. – Как угадала?

– "Эйкерэ" – "чувствующий" на эдхо. А "эйкер" – "чувствовать"...

В СоулМиШ мы немного учили древний язык эдхо. На нем иногда составляются заклинания, а также он использует-

ся в некоторой степени в терминологии. В том числе условно-неофициальной...

– Эдхо, – кивнул Кондор. – Да, правда, есть некоторое сходство.

– Ваш язык немного похож на эдхо!

– Нет, – с улыбкой покачал головой Конхстамари, глядя мне в глаза. – Не путай. Это ваш эдхо немного похож на драконий. Наш язык гора-аздо древней... Но это не единственное пересечение с эдхо. Он имеет немало перекликаний с нашим. Не все слова ты так хорошо опознавала...

– Просто это у меня на слуху, – усмехнулась я.

– Правда?

– *Нэйкерэ*, – проговорила я, чуть опустив взгляд. – "*Нечувствующий*". Так называют магов с пониженной чувствительностью к телу... Неувязков. Таких, как я.

– Официально?

– Полуофициально, – улыбнулась я, подняв голову. – Профессора могут знать, что ты нэйкерэ, но никто не напишет это в лицензии или дипломе, разве что, в каких-то их, гильдийских, частных документах... Еще "*виррэ*" есть, "видящий"... Но официально никто из живущих им не числится, как говорят профессора. Правда, один профессор, Исейнэр Магнус Тристер, так как-то называл моего товарища-сокурсника. Но это официально не подтвердили...

Конхстамари кивал моему рассказу.

– Понятно.

– Продолжим? – заискивающе проговорила я.

– Хорошо. Тогда переведи-ка мне это слово: *сой-сой-ра'нэс*.

– Сой-сойра... – задумчиво повторила я и принялась скрипеть мозгами и пером по бумаге – просто вырисовывая закорючки.

Вспомнила. "*Сой*" – вдох, а "*ра*" – обратное действие... "*-нэс*" – окончание глагола-инфинитива. "Вдыхать-выдыхать"? Так значит...

– Дышать! – торжественно воскликнула я.

– Попалась, – весело усмехнулся Кондор. – Мимо.

– Но как? – возмутилась я. – Если "*сой*" – это...

– Ты совершенно правильно построила цепочку. "Вдыхать-выдыхать", если совсем дословно... Но настоящее значение слова не настолько буквально. Словно дышать какой-то силой, энергией, впускать и выпускать ее из себя. Это значит "взаимодействовать" в широком смысле. Речь о любом взаимодействии – с кем-то, с энергией, с миром, с жизнью...

– О-о... А так можно сказать и о любом взаимодействии существ?

– Есть более конкретное слово, что обозначает взаимоотношения и также взаимодействие, но касается взаимоотношений существ, предметов. Звучит "*лайркх'эннэс*".

– А как будет конкретно взаимоотношение между кем-то, ну, типа... – я замялась, – хм... отношения?

– Так и будет.

– Как это, без разделения? Так же, как любое взаимодействие?

– Ну да... Сознание, обычаи неминуемо отражаются на языке. У нас существует два понятия взаимодействия – общее значение, имеющее совсем широкий смысл, и конкретное, обозначающее взаимоотношения с любыми, главным образом, живыми объектами, без разделения на просто нейтральное взаимодействие и какие-либо более близкие отношения. Так как в потенциале для драконьего народа любое взаимодействие с объектом может расцениваться возможным контактом.

– То есть, у вас в речи потенциально все, с чем можно взаимоотношиться, можно и объектом отношений считать? – возмущенно воскликнула я.

– Мы пансексуальны. Для нас практически любое половозрелое существо – возможный партнер. Чего ты хотела от языка?

– Извращенцы, – беззлобно фыркнула я.

– В вашем языке почти так же, – прищурился дракон. – То же "отношения" можно сказать о чем не попадя...

– Не-ет, не совсем! Это другое! – протянула я, но аргументированием утруждаться не стала.

– Мы могли бы еще подискутировать, – улыбнулся Конхстамари, поднимаясь. – Но нам уже пора. Полетели.

– Угу, – ехидно бросила я, отложив перо и поспешно до-

пивая свой чай. – Сейчас, крылья отращу, и полетим!

Конхстамари, усмехнувшись, покачал головой и принялся укладывать чуть подсушенные солнцем пучки горных трав в большую полотняную сумку.

Дорога до Долмира была живописной. Золотые пшеничные поля и плодовые сады радовали взгляд своими насыщенными цветами. Конец яльзайна¹² здесь был очень щедр на урожаи.

Солнце полыхало на западной стороне неба – день начал клониться к вечеру. Палило сильно, но я уже привыкла за время, что провела здесь. Чтобы не сгореть, я накидывала на плечи и шею какую-нибудь легкую накидку. При полете ветер играл волосами и полами одежды. Свежий и приятный на высоте, он снимал лишний жар.

Кондор приземлился под Долмиром, трансформировался, оделся. На земле было знойно и жарко. Конхстамари чуть расправил одно крыло, создавая для меня тень. Мы направились к той же аптекарской лавке, куда заходили когда-то.

Город продолжал радовать пестротой и многообразием. Пройдя по главной улице и миновав площадь, мы достигли лавочки и зашли. Внутри была приятная прохлада.

– Доброго дня, Доран, – вежливо поприветствовал Кондор, заходя.

---

¹² Яльзайн – третий летний месяц. По григорианскому календарю длится с 23 июля по 22 августа.

– Доброго дня, господин Дх'Орр! – поспешно отозвался аптекарь, почтительно кланяясь сначала ему, а затем и мне. – Госпожа...

Кондор снял с плеча объемную сумку.

– Полынь, зверобой, бессмертник. И морьяга, – дракон положил на стол перед аптекарем подсушенные пучки травы; последней выложил какую-то специфическую и доселе неведомую мне травку, что росла на юге и в центральном регионе была неизвестна.

– О-о, премного благодарен! – протянул аптекарь. – Спасибо, господин Дх'Орр!

Старик полез под стол, достал деньги и принялся считать.

– Кстати, появились новые отвары и мыло. А еще – ароматические свечи...

– М-м, – протянул Кондор. – Давай, что есть интересного, посмотрим.

Аптекарь протянул Конхстамари кошелек и принялся рассказывать, что из банных штук у него есть и что самое лучшее на его взгляд. Я послушала, но быстро запуталась в терминах на прибрежном говорке, не всем из которых нашла соответствие, и потеряла интерес.

Кондор выбрал несколько заинтересовавших его вариантов, рассчитался.

– Спасибо, Доран, – проговорил он, пока тот собирал покупку.

– Право, вам спасибо! – добродушно посмеялся аптекарь.

– А как Рейн и семья?

– О, все замечательно! – расплылся в улыбке старик. – Он сейчас редко работает, возится с Айлишкой...

– Понятно, – доброжелательно кивнул Кондор. – Ну, всех благ им.

– Спаси-ибо!

– До встречи!.. – Конхстамари махнул рукой и кивнул мне на выход.

Но аптекарь неожиданно нас окликнул:

– Г...господин Дх'Орр?.. Могу попросить вас об одном одолжении?

Конхстамари внимательно и доброжелательно взглянул на Дорана.

– Если будет по пути и не накладно... Кое-что занести моей коллеге в Эрстхен... – смущено и нерешительно попросил старик. – Обещался ее выручить...

– Конечно, без проблем, – улыбнулся Кондор. – Ларье?

– Да-да!.. Ей, родненькой. Просто... Курьером посылать не хочется, а самому выбираться – пока дел невпроворот, да и здоровье не то... – смущенно тараторил аптекарь. – Только если это не затруднит вас, господин...

– Ох, Доран, – доброжелательно проговорил Кондор, закатив глаза. – Да не вопрос. Мне до Эрстхена – два раза крыльями махнуть. Не бойся, ты меня этим не затруднишь.

– Ох, спасибо Вам, господин! – старик чуть поклонился, приложив руку к груди. – На Вас всегда можно положиться!

Конхстамари лишь по-доброму махнул рукой:

– Право слово, Доран, благодаришь за безделицу...

– Для вас, может, и безделица, – смеясь, ответил аптекарь, – а для меня, старика...

Доран принес мешочек, куда сложил три флакончика темного стекла и два маленьких пучка трав. Старательно завязал и, вновь поблагодарив, с поклоном передал Конхстамари.

– Да не за что, Доран, – улыбнулся тот. – До скорого...

Рейну и его семье ясного солнца.

– Спасибо, – кивнул аптекарь. – Передам.

– А кольцо... – Кондор усмехнулся, – как-нибудь позже посмотрю.

Мы вышли из прохладной лавки на солнцепек; Конхстамари приподнял крыло, прикрывая меня от солнца.

– То самое кольцо? Так и не выкупил? – с улыбкой спросила я.

Конхстамари качнул головой.

– У Рейна осенью родилась внучка. А его мастерская на первом этаже дома его семьи. К нему сейчас нагрянуть – завалиться в гости к новорожденному...

– Понятно, – протянула я. – Ну да, не очень удобно. Хотя... неужели сглаза боятся? – я с усмешкой взглянула на Кондора, однако он лишь приподнял брови и серьезно фыркнул, не оценив шулки:

– Пфф, что за глупости... При чем здесь это вообще?

– Кстати, – проговорила я. – А почему он называет тебя

"господин", а не "орра".

– Для драконов на смешанной территории действует как "орра", так и "господин". Есть, конечно, те, кто принимает только специфическое, но в целом, стандартное обращение "господин" приемлемо.

Мы долетели до Эрстхена. Лавка той женщины оказалась около площади, неподалеку от фонтана. Я нырнула в тень лавочки из тени крыла, однако внутри оказалось еще жарче, чем на улице. На небольшой горелке кипел котелок с каким-то отваром, пахнущим чем-то травянисто-горьковатым, что добавляло духоты.

– Заходите, не стесняйтесь, – радушно крикнула от стеллажей пожилая полноватая женщина, и только потом обернулась.

– День добрый, – отозвался Кондор. – Вам передача из Долмира, от Дорана Гралла.

– Ах, ох! – вскрикнула женщина, поспешно подскочив к прилавку и приветственно поклонившись. – Орра, премного благодарна!

Конхстамари кивнул, жестом показывая, что церемонии излишни, и поставил на прилавок перед ней пакет. Женщина с энтузиазмом залезла внутрь, что-то приговаривая.

– Ответ отправлять будете? – полу в шутку поинтересовался Кондор.

– Жарковато... – проговорила я, оттягивая воротник.

– Да вот, попросили отвар приготовить до вечера, – изви-

няющимся тоном сказала женщина.

– Я подожду на улице, у фонтана, – я сделала движение к двери. Конхстамари кивнул.

Хоть на улице и пекло, у воды оказалось хорошо. Всяко лучше, чем лавке с горелкой.

Ялльзайнская жара на побережье была действительно сильной, что, впрочем, ожидаемо. Драконы, очевидно, не испытывали от нее особого дискомфорта, даже когда людям было уже чересчур.

К слову, сейчас, как по мне, было вполне сносно, хотя кто-то, может, и сказал бы, что жара нестерпима. Все-таки, тепло я люблю побольше, чем холод...

Я сидела на бортике, сначала рассматривая воду, потом начала поглядывать на людей. И почти вскрикнула, вдруг увидав среди них одно очень знакомое девичье личико.

– Люсиль? – я, спешно вскочив, подбежала к ней. Второй раз после нашего знакомства жизнь случайно сталкивает нас при совершенно неожиданных обстоятельствах!

– Дзета? – радостно отозвалась она. – Вот это, конечно, совпадение! Встретиться тут...

– Да... Я тут... вот... – несколько растерянно пробормотала я, однако из-за неожиданности сюрприза ответа с меня вроде как и не требовали. А я же предпочла спросить. – А ты тут какими судьбами?

– Ну... я здесь ради одной встречи... – почти пропела она, и на щеках ее будто бы вспыхнул легкий румянец.

– Погоди, что? – слегка напрягшись, переспросила я. Возникло какое-то нехорошее предчувствие. – Погоди, Люсиль, только не говори мне, что...

Девушка, которая все это время кого-то искала глазами, просияла.

– О, небо, нет...

Да-а, в этом больше не было сомнений, я знала, на кого она запала... На чью смазливую рожу легче всего было засть в Эрстхене. Особенно случайной приезжей молодой девице.

– Извини, – не слыша меня, она метнулась прочь, к замеченной очевидной цели своего визита.

– Люсиль! Ты серьезно?

– Зет, прости, мне пора, – напряженно проговорила она, желая уйти. – Давай с тобой потом поболта...

– Нет, стой! – я не оставила ее и, уверенно настигнув, пошла вместе с ней.

Личи Люсиль тоже видел, но, заметив меня, попытался ненавязчиво исчезнуть, делая вид, что вообще не замечает нас.

– Стой, – гаркнула я, решительно следуя за метнувшийся к нему Люси. – Иди сюда, вместе поболтаем!

– Дзета! – напряженно зашипела на меня подруга.

Я большими шагами подошла к Личи, глядя решительно и недовольно. Взгляд же Люсиль был растерянным и неловким.

– Доброго дня, – сучающе, с нотками недовольства бросил он, глядя на нас и, очевидно, уже все понимая.

– Какого демона? – начала было я.

– Зет, послушай, – проговорила Люсиль. – Не хочу показаться грубой, но... не надо лезть в чужую жизнь!

Она нервничала, то и дело оглядываясь на лицо Личи. Она не хотела спорить со мной при нем, видно, боясь, что я что-то такое скажу...

– Да ты вообще знаешь, кто он?! Он же не человек!

– Знаю! – с вызовом воскликнула она. – Ну и что такого? Это смешанная территория! Тут много кто другого народа...

– В Эрстхене-то? – грубовато перебила я.

– ...У тебя что, какие-то проблемы с отношением к другим расам? – с вызовом бросила она.

– Люсиль! Не ты ли мне говорила когда-то, что драконы опасны!

– Я не... – она вспыхнула, сверкнув глазами, словно я обличила в чем-то ужасном или постыдном. – Разве... разве можно о чем-то говорить доподлинно, зная лишь в теории? – такое ощущение, что теперь она всеми силами старалась оправдаться. – Я ошибалась! Это нормально! Человеку свойственно получать новую информацию и пересматривать свои убеждения!..

Она взволновано бросала быстрые взгляды на Личи. Боясь, видно, что мои "обличающие" слова могут испортить что-то между ними. Но тот стоял с таким невинно-удивлен-

ным видом, словно был здесь не более чем случайным свидетелем внезапной рыночной ссоры двух девок. Актеришка чертов.

– Ты сейчас ошибаешься! – воскликнула я.

– Откуда тебе знать! – она подлетела и громко эмоционально зашептала мне в ухо. – Ты ничего не знаешь о чувствах! Он не сделает мне зла!

– О чем ты! – застонала я. – Ежу понятно, ты ему просто забавна! – я сверкнула глазами на Личи и обличающе проговорила. – Тебе же только поиграться с ней, верно?

Личи в ответ... я даже не поняла... ухмыльнулся что ли? Не уверена, что мне не показалось, я не успела толком разглядеть; мне сразу пришлось отвлечься, потому что рядом орала Люсиль, едва ли не готовая вцепиться в лицо.

– Что ты мелешь? – рявкнула она.

Я почти физически ощущала эмоциональную волну от нее, в которой переплетались влюбленность, негодование, и неловкость перед *ним*, что какая-то ее знакомая...

– Что же движет тобой? – негодуя воскликнула она, а потом, оскалившись и нахмутив брови, пророкотала тихо, но крайне отчетливо. – Ревность?!

– Чт... Нет! – искренне возмутилась я. – О чем ты?!

А тем временем, с едким уколом досады возникла мысль: ведь так действительно можно подумать...

– Ну, конечно! Как я могла не догадаться! Вот почему ты вечно ошиваешься на Побережье!..

"Люсиль, не сходи с ума! Я переживаю *за тебя!*" – успела бы я сказать, если бы...

– О, нет. Какая ревность? У госпожи есть свой дракон, – едко заметил Личи.

– Ч-что? – огорошенно взглянула на меня Люсиль.

– Нет! – вскрикнула я, чая объясниться, но не успела вдохнуть, чтобы продолжить, Личи вставил реплику.

– Ну да, ну да. И золотая цацка на твоей правой ручке вовсе не от него.

Глаза Люсиль сверкнули. Браслет она помнила. А теперь в голове ее сложился пазл. Правда не так, как оно было на самом деле, а так, как это надо было Личи.

– Все не так! Что ты передергиваешь, балабол?! – рявкнула я на него. Однако вера моим словам была уже подорвана, в особенности после моего оставленного без контекста "нет", что оказалось, по факту, "да". – Люсиль, пожалуйста, послушай меня!..

Та презрительно сощурилась, заранее выражая свое недоверие к каждому моему слову. Ох, как же здравомыслие людей калечат эти идиотские чувства! Сколько она знакома с ним, а сколько со мной? А верить готова каждому его слову!

– Он просто играет с тобой!

– С чего ты так думаешь?! – вскинулась она. – Ты совсем его не знаешь!

– Знаю, и получше тебя!

– Откуда?! Что, не сложилось?!

– И не пыталось! – рывкнула я. – Надежный друг предупредил.

"Сплетни собираешь?.." – завозмущалась Люси, а Личи лишь хмыкнул и чуть заметно ухмыльнулся на последнее заявление. Это стало последней каплей.

– Послушай, ты! Если ты ей что-то сделаешь, ты пожалеешь! – грозно проговорила я. – Имей в виду, это будет известно Конхстамари!

Взгляд Личи на секунду сделался ледяным.

– Ох, ну что ж. Да-а, ты права, девочка. Против такого аргумента у меня нет козырей, – он отступил назад и начал было поворачиваться, чтобы уйти, бросив быстрый взгляд на Люсиль. – Уж прости, детка.

– Подожди! Неужели ты... – та метнулась следом, вцепившись в его руку. Секунду назад ее взгляд был полон надежды, что он пошлет меня лесом с моим Конхстамари, но...

– Извиняй. Я не могу позволить себе ссориться с ее покровителем, – он равнодушно высвободил руку и пошел прочь.

– Не думала, что ты такая! – гневно бросила мне Люсиль. И, не дожидаясь ответа, развернулась и бросилась вслед за Личи, что-то крича. Я не успела ничего ей сказать.

Шагов через десять девушка его нагнала, и они остановились. Толпа их не скрыла. Они о чем-то разговаривали; я видела их, но услышать не могла.

Люсиль сначала держалась, лишь опускала голову, и плечи ее чуть вздрагивали временами, но потом закрыла лицо

руками и очевидно заплакала.

У Личи лицо оставалось непроницаемым. Разве что самую каплю участливым. И только. Он протянул ей платок, она принялась вытирать слезы. Они еще немного поговорили, точнее, говорил, видимо Личи, а Люсиль только плакала.

Я отвернулась и стала смотреть в другую сторону. Там какие-то бабы спорили не то о ценах, не то еще о чем...

Как вдруг в последний момент успела поймать чувство опасности и ощущение приближения и увернуться от руки подлетевшей Люсиль, желавшей схватить меня за плечо.

– Ты!.. – прорычала она злобно, с блестящими и красными от слез глазами. – Ты разрушила мое счастье!.. Я тебе этого не прощу!

Она резко развернулась и бросилась прочь.

– Да ты меня еще благодарить потом будешь! – воскликнула я ей вслед.

Она не слушала более, удаляясь быстрым бегом. Я вернулась к фонтану и села на борт.

Вскоре подошел Кондор. Я почувствовала его приближение и, коротко обернувшись, поднялась и двинулась.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нет, – ответила я, но получилось резковато. – Ничего.

Кондор словно хотел что-то сказать, но не мог подобрать слова.

– Просто пойдем! – проговорила я и зашагала прочь. Конхстамари растерянно двинулся следом, быстро нагоняя,

чтобы поравняться со мной. Попытался взять меня под руку, но я её высвободила.

– Не надо... Не подходи, – я ускорила шаг. – Иди сзади.

Конхстамари молча, не споря, пошел следом, отстав на пару-тройку шагов.

Не знаю почему, но мне сейчас очень не хотелось, чтобы нас видели вместе. Идущими рядом. Чтобы воспринимали как пару, коей мы не являемся. Было почему-то необъяснимо неприятно от этого.

Мы друзья. И только.

Быстрым шагом мы дошли до выхода из города, осталось пройти до небольшой ровной площадки, откуда можно было бы взлетать.

– Дзета... – нерешительно и несколько взволнованно окликнул меня Кондор.

Я обернулась. Он выглядел крайне растерянным.

– Просто скажи мне, чем я...

– Ух, прости меня... – сокрушенно простонала я. – Ты ни при чем! Извини, что заставила так думать... Мне жаль!

– Все в порядке, – поспешил успокоить меня Конхстамари. – Я переживал, что ты злишься на меня...

– Извини... На тебя мне не за что злиться.

– Что-то случилось? – он приблизился и ненавязчиво подал руку: могу принять, могу отказаться.

– Да так, – виновато проговорила я, ответно протянув руку, чтобы как-то сгладить свою недавнюю резкость. – Просто

одна неприятная ситуация произошла... Расскажу дорогой.

...— Так что теперь она, кажется, меня ненавидит, — подытожила я свой рассказ.

Кондор неопределенно хмыкнул.

— Ну, что скажешь?

— Скорее всего, ты была права. Отчасти.

— Но как мне заставить ее верить, что я просто не хочу ей зла? Не ревную?..

Конхстамари шумно вздохнул.

— Вряд ли это возможно. Ты не можешь никого заставить верить тебе. И так жестко, рубя с плеча, переубедить влюбленную девушку... Да и зачем тебе? Ведь это ее жизнь и ее выбор.

— Да, отчасти, в этом есть смысл... Но она ведь моя подруга! Была...

Конхстамари помолчал, потом проговорил.

— В любом случае, все уже сделано, и больше тебе на нее особо не повлиять. Сейчас ты не переубедишь ее.

Я вздохнула. Увы...

***

Спустя неделю мы с Кондором совершили полет за травами, куда-то на юг.

Ну, точнее, лететь собирался Кондор, но я уговорила его взять меня с собой. Мы отправились пораньше, чтобы к са-

тому пеклу уже вернуться. Дорога оказалась неблизкой, заняла около двух с половиной часов.

Летели на юг, над океаном. Оставляя где-то далеко-далеко слева западное побережье материка, которое потом и вовсе скрылось из виду. Пока не появилось новое. Гористое.

– Эта земля – остров Севани. Крупный, но все же еще остров. Если помнишь, я, кажется, упоминал его когда-то...

Я не то чтобы помнила, но, не став вдаваться в подробности, кивнула.

Горные луга пестрели разными видами трав. Желтые, лиловые, белые, синие и голубые цветы колыхались среди зеленого моря. Пахло грозой, медом, травяной горечью. И летом.

Воздух был свеж и подвижен, не то что на знойном побережье. Гулять здесь было восхитительно. Я наклонилась и окунула носом в море цветочных запахов.

– Что мы собираем? – поинтересовалась я. – Вереск? Пижму?

Конхстамари, взглядевшись в траву, прошел еще пару шагов и, присев, раздвинул растительность.

– Смотри, – он показал мне малозаметную невзрачную травку с опущенными, и потому кажущимися серыми узкими листьями и крохотными полупрозрачными цветками.

– Это джайла южная, редкая лекарственная трава, эндемик Севани. Обладает сильным ранозаживляющим и противовоспалительным действием. Из нее делают мази, настойки, отвары, да и еще много чего. Больше используют на-

ружно, но и внутрь можно применять с осторожностью, при некоторых воспалениях... В основном, используется в вашей медицине, но и на нас может действовать, хоть и слабее.

При ближайшем рассмотрении на солнечном свете невзрачная травка оказалась весьма симпатичной – серебристой, с прозрачным просвечивающим венчиком.

Пройдя почти весь луг, мы насобирали несколько толстых пучков этой травы. В одном месте много не брали, чтобы не подрывать силы места произрастания.

Насобирали также некоторые другие травы. Кондор сложил собранные растения в сумку, и мы отправились назад.

Солнце было уже достаточно высоко, а мы собирались еще заскочить в Эрстхен за краской – у Кондора закончилась какая-то нужная.

Я, улегшись на плече Кондора, рассматривала землю и море. И, когда уже значительно отделились от тех берегов, увидела острова, которые как-то не заметила раньше, по дороге туда.

Точнее, островки. Группу близко расположенных разного размера островков (от почти приличного небольшого острова до торчащего из воды скалистого камня). За исключением совсем маленьких неживых каменных глыб, острова были покрыты пышной растительностью. Было много деревьев, в особенности плодовых. Словно на островах росли настоящие сады, по крайней мере, когда-то.

– А это что за островки? – с интересом воскликнула я. –

Давай спустимся,купаемся! Я хочу погулять там! Сколько зелени, настоящий сад! Это ведь яблони?

– Нет, не будем, – покачал головой Конхстамари.

– Почему?.. – недовольно протянула я, приглядываясь к заросшим зеленью островкам. И вскрикнула. – Ого, там руины! Ну давай спустимся! По-моему, там классно!

– Это частная территория...

– Что, боишься разборок с хозяином? – ехидно и несерьезно уточнила я. Конечно, вряд ли бы Конхстамари боялся – он очень сильный. Но притом крайне миролюбивый.

– Это осколки острова Шесс, владения рода Чиэнстелли. Частная собственность. – проговорил Конхстамари, заложив небольшую петлю над островками. – Мы, конечно, могли бы туда спуститься, и кто нам что сделает, но это как-то низко...

Я охнула, чуть смутившись своего восторга, и утихла.

– Можем слетать к Черным Камням и искупаться там.

Правда, печь там будет в такую погоду нехило.

– Давай, по рукам! – охотно согласилась я.

Подумаешь, печь будет... Море нам на что?

– Но сначала – за красками.

В Эртсхене мы были уже далеко не ранним утром. В паре мест нужной краски не обнаружилось.

– Вот здесь посмотрим, – сказал Конхстамари.

Я увидела уже знакомую лавку Шенлеров. И даже чуть заволновалась, вдруг меня узнают и выдадут... Однако нам лишь приветственно кивнули.

Сначала увидела Еву, но та быстро кликнула отца, который, как хозяин дела, не часто стоял за прилавком сам. Борис тоже кивнул, коротко взглянув на нас, и спросил, чего угодно.

После некоторого времени поисков нужные краски – лазурь и малиновая – нашлись.

Я невольно высматривала в толпе Люсиль, одновременно и выискивая, и боясь найти. Но ее не было. Как ни странно, не попалась мне также и знакомая светловолосая голова.

Конхстамари расплатился и кивнул мне; я вновь окинула площадь взглядом.

Борис Шенлер, тоже, как показалось, ненавязчиво вгляделся в толпу, а после, метнув взгляд на башенные часы, едва заметно нахмурился.

Мы вышли из города и направились к "взлетному" пустырю. Уже подходя, заметили там еще одного дракона, с темно-бордовой чешуей, острыми, резко загнутыми к острию назад рогами.

Они с Кондором обменялись довольно прохладным (а может и просто безэмоциональным) приветствием и, после, несколькими фразами на драконьем. Потом, вроде, попрощались, второй собрался лететь и уже расправил крылья. Кондор начал расстегивать одеяние...

Но тут наше внимание привлек резкий окрик Личи.
– Конх... – начал было он, но тотчас, метнув взгляд на другого дракона, осекся и, сделав вид, что просто прочищал

горло, крикнул. – Орра Дх'Орр-кэр!

Кондор обернулся. Личи только выскочил из городских ворот и бросился к нам. Запыхавшийся от быстрого бега, явно спешил, чтобы застать.

Приблизившись, Личи перешел на быстрый шаг и через пару шагов практически упал в ноги Кондора, на ходу склонившись-присев, изобразив какой-то особенный, очевидно положенный по этикету поклон, и, тяжело дыша, еще раз проговорил, глядя исподлобья:

– Орра Дх'Орр-кэр'...

В его фразе словно прозвучало два совершенно разных звука "р": чистый, почти человеческий, разве что, несколько удлинённый "р" в "орра" и "Дх'Орр" и гортанный, словно очень сильно картавый в "-кэр".

Другой дракон равнодушно фыркнул и взлетел, видно сочтя, что раз звали не его, ему задерживаться нет необходимости. Но пару раз обернулся, продолжая поглядывать на них.

Конхстамари чуть заметно поморщился и сделал жест, чтобы поднимался.

– Говори.

Очевидно, формальности были соблюдены, и дальнейшую беседу можно было вести, как обычно.

Личи поднялся и, стараясь унять тяжелое дыхание, еще пару раз вздохнул и начал.

– Там на побережье... – он осекся, облизал губы, потом продолжил. – *Райчи*...

– О-о, – протянул Кондор, кивнув.

– ...Девочка. Маленькая.

– Хорошо, понял. Пропустили, значит... Ну да, – Кондор задумчиво поглядел вверх, – время сходится, коли дите Зей припозднилось...

– Послушайте, она... она какая-то странная. Она... **очень** маленькая...

– Ну да, дети маленькие, – снисходительно усмехнулся Конхстамари, закатив глаза. – Добро пожаловать во взрослую жизнь, Личи.

– Ты не понимаешь! – оставив формальности, уязвленно воскликнул тот. – **Совсем** маленькая!

– Раз она летает, значит, не совсем.

– Возможно, что она не летает. При мне не летала.

– Ну, она же как-то добралась сюда. Значит...

– Я увидел ее, когда она шла по песчаной косе.

– Ладно. И где она сейчас?

– На дальнем пляже, там, за холмом...

Кондор досадливо взглянул вслед уже значимо удалившемуся сородичу – не докричаться и быстро не догнать.

– Не мог сразу выдать?.. Ладно, пойдем, показывай, – бросил он уже несколько снисходительно-насмешливо, с уверенностью бывалого командира, которому юнец-рядовой с ужасом живописал обнаруженные разведкой силы противника.

Мы пошли в обход города. Сначала я подумала, чтобы не привлекать лишнего внимания, но потом поняла, что особо-

го резона заходить в него и не было, поскольку упомянутый Личи пляж находился в стороне от основного городского побережья, правее, через лес и холм, и пройдя через город, мы бы не выиграли во времени.

Ландшафт впереди мне был знаком. Я узнала тот самый "холмик" с обрывчиком и когтистым вгрызающимся в море подножьем, на котором однажды стояла и восхищалась. Да, оказалось, что нам на тот самый пляж, где я купалась на солнцестояние.

По дороге Личи рассказал, что дите обнаружено случайно, оно двигалось по песчаной косе, на окрик реагировало, но вразумительно (да и, впрочем, никак) отвечать хоть на что-либо не соизволило. Имени не назвало, и вообще молчит как партизан, ни слова не проронило за время их "общения". Стояло в воде и тупило. На берег удалось выманить только хитростью, а после он ее спрятал на пляже и отправился искать старших.

– И ты оставил ее без присмотра там же, где была? – скептически уточнил Кондор.

– Ну а что мне было делать?! – вскрикнул тот. – Я был один!.. – и немного погодя добавил, – Я спрятал ее, укрыл рыболовной сетью.

– И этого, по-твоему... – начал было Кондор, но потом сокрушенно махнул рукой. – Впрочем, возможно, трудно было придумать что-то получше...

Мы начали спускаться по довольно крутому, ступенчато-

му склону холмика-гряды на дикий безлюдный пляж.

– Все, почти пришли, – мрачно бросил Личи.

Мы спустились в "котловину" пляжа, окруженному с трех сторон возвышенностями: крутым, с постепенно уменьшающейся к дальнему краю крутизной и почти обрывистым к морю склоном холма слева, похожей возвышенностью вдалеке справа и песчано-каменистым, почти одинаковым на всем протяжении, постепенно сползающим к морю, с вросшими местами грядами камней.

Личи провел нас к одной из таких гряд, расположенной примерно посередине пляжа, но все же ближе к нашему краю. И, обогнув ее по большой дуге, театрально показал руками.

– Вот она!

Из-за гряды камней тотчас выросла маленькая драконья головка в шали из рыболовной сети и с интересом уставилась на прибывших огромными огненными глазами.

Мы поспешно обошли камни. Девочка лежала на песке, подобравшись подобно кошке, маленькие крылышки были собраны на спине. Она была частично закутана старой рыболовной сетью. На звуки голосов дракоша реагировала с интересом.

Махонький очаровательный дракончик. До чего же хорошенькая она была!..

Я обернулась на Конхстамари и обомлела. От его уверенной снисходительности не осталось и следа, лицо было на-

пращенным и даже слегка шокированным.

– Ладно. Ты оказался прав. Она действительно **слишком** маленькая.

– А я говорил! – нервно, но вместе с тем торжествующе воскликнул Личи. – Ей ведь нет полувека! – полувопросительно добавил он.

– Да ей, возможно, и трех десятков нет, – нервно проговорил Конхстамари. – Она совсем ребенок!

Девочка завозилась и, покрутив головой, сбросила часть сети. Один из краев тянулся у нее изо рта.

– Только не говори, что она сжевала пару шен рыболовной сети, – прошипел Конхстамари, поморщившись.

– Ну... не могу поручиться... – скривившись, ответил Личи, глядя на дитя.

– Ну, отлично! И что предлагаешь теперь с ней делать? – напряженно рыкнул Конхстамари, и начал выговаривать Личи за неосмотрительность.

Тот просто мрачно пялился в землю.

Тем временем я подошла к девочке. Она лежала на песке, как киска, вытянув вперед лапки, и с интересом пялилась на меня большими золотисто-рыжими глазами с вертикальными полосочками зрачков. Если бы встала на лапы – была бы одного со мной роста.

Я принялась осматривать сеть. Та была никакая, серая, разодранная и измочаленная, старее, наверное, самого старшего человеческого рыбака на Побережье. А маленькая ее

еще и пожевала. Один из измусоленных краев терялся у нее во рту.

Подобрав тот клочок, я осторожно за него потянула. Дракоша заурчала очень недовольно, но никаких иных действий не предприняла, и потому я продолжила тянуть.

– Небо, что ты творишь? – немного даже шокированно проговорил Конхстамари, обернувшись на дракошино рычание.

– Фу-у, гадость какая! – брезгливо вскрикнул Личи.

– А что по-твоему? – взглянула я на Кондора. – Невод вытягиваю! А то вы еще век бы спорили, что теперь делать, – я продолжила вытаскивать сеть из драконьего чрева.

Девочка уперлась лапками в песок и выгнула спину, хрипя и урча. Наконец, сеть была вытащена. Дракоша откашлялась и принялась облизываться.

Сжевала, как выяснилось, небольшой лоскуток, тонкую полосу длиной примерно в шену.

– Ну, вот и все дела, – проговорила я, отбрасывая рыболовную снасть. Дракоша проводила ее тоскливым взглядом.

– Ох, Небо, что ж ты на сетку-то смотришь? – риторически спросила я. – М-да, улов-то никакой... Она голодна, как черт, вот и тянет в рот все, что может.

Конхстамари взглянул на Личи, как мне показалось, просто вопросительно, мол, подтвердит ли он мое наблюдение, но тот словно попытался оправдаться:

– Она съела одну рыбу, которую я для нее поймал, чтобы

выманить из воды. Но это было около двух часов назад...

Как мне показалось, он готов был еще что-то сказать, но Конхстамари лишь мрачно кивнул, явно задумавшись, и подошел к девочке чуть ближе, рассматривая. Походил вокруг, поглядывая на Дракошу с боков, но выдерживая дистанцию не менее тройки шен. Временами напряженно оборачивался на нас, явно о чем-то думая.

– Жаль, что Дэррай'Мар так быстро улетел... – отойдя, проговорил он недовольно, себе почти под нос.

Потом мрачно качнул головой и изрек.

– Вы – остаетесь здесь. Я лечу в Долмир собирать остальных.

– Что? – возмущенно вскинулся Личи. – Еще оставаться? Я думал, что передам тебе ребенка и буду свободен!..

– Ну, извиняй.

– Но я...

– Я же не оставляю ее тут одну? – жестко проговорил Кондор, указав в сторону меня и малышки. Даже непонятно было, кто из нас двоих подразумевался под "ее".

Личи открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тотчас закрыл, нахмурившись...

– ...Я мог бы слетать до Долмира и позвать остальных... – немного помолчав, начал было он.

– Нет. Я летаю сам. Подождешь, ничего с тобой не случится.

– До Долмира долго!

– Конечно, если пешком, – едко ответил Кондор. – Без обид, мне туда быстрее. И меня послушают, мне не придется по четверти часа стоять перед каждым, преклонив колено, и объясняться, почему вдруг тебя должны послушать.

Личи недовольно фыркнул, но больше спорить не стал. Лишь досадливо опустил на плоский камень. И безнадежно, с нотками даже отчаяния, проговорил:

– Но на тебя, если ты останешься с *райчи*, по крайней мере, ничего не подумают!..

– Вот за этим она и здесь, – холодно ответил Конхстамари. – Отвечаешь, что это мое доверенное лицо.

К этому времени он снял и уложил в сумку верхнюю одежду. И, уже было опустившись на землю для трансформации, обернулся и добавил:

– И покормите ее, во имя Неба.

Личи спорить не стал, лишь нахмурился и мрачно цокнул языком. Кондор сменил форму и, расправив крылья, мягко и легко взлетел с места и направился в сторону Долмира.

Личи скинул обувь – легкие восточные туфли, похожие на те, что были у Конхстамари, только с небольшим каблуком – и принялся закатывать штанины легких шароваров.

– "Покормите ее", как же! – недовольно проворчал он. – Заняться мне больше нечем, ага...

– Не ворчи, – усмехнулась я. – Это тебя старит.

Личи одарил меня недовольным взглядом и пригрозил, что, если буду паясничать, пойду ловить рыбу сама. Немного

походил по колени в воде, высматривая добычу, намереваясь, очевидно, ловить руками, потом плюнул, разделся почти полностью и трансформировался в драконью форму, чтобы было удобней охотиться.

Через некоторое время он поймал пару рыб, которые мы решили пожарить на костре. Однако Дракоша, пока мы развели костер, заметила рыбу и, сразу сообразив, к чему это, поднялась на лапы и очень конкретно полезла к нам.

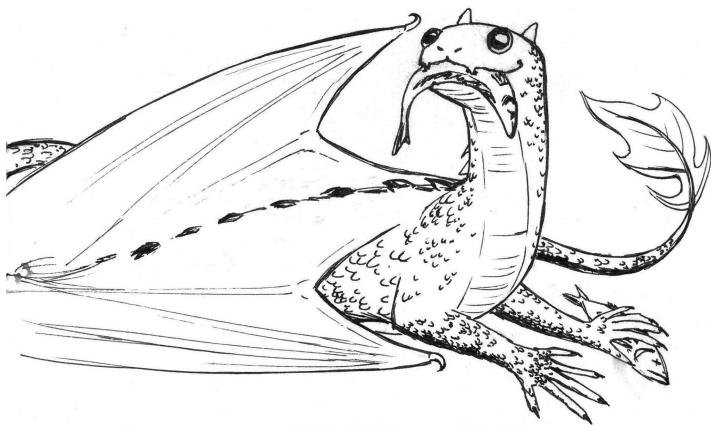
– А-а-а!!! Зараза! – Личи истерично заорал и метнулся в сторону.

– Стой! – крикнула я, отчаянно попытавшись не дать ей добраться до рыбы раньше положенного. – Помоги!

– К черту! К черту! К черту!!! – панически прокричал он, отступая еще дальше.

Снять рыб с огня я уже не смогла, жгло руки. А остаться один на один с голодным драконом, пусть и маленьким (с меня ростом!), было страшно. В придачу, еще и неизвестно было, насколько она далека от цивилизованного образа жизни, а пока складывалось впечатление, что весьма. Пришлось отступить, позорно сдав позиции захватчику.

Дракоша разворошила костер, откатила, вываляв в песке, рыб, и, довольная, принялась есть.

– Вот же... Сырыми стрескает!

– Да плевать, – мрачно и нервно отмахнулся Личи. – Она уже одну сырую сожрала... Терять нечего.

– Хм, – задумчиво усмехнулась я. – Это не об этом, случаем, ты не договорил Конхстамари? Мне показалось, что еще что-то хотел сказать.

– Угу... Я боялся... думал, что Конхстамари начнет спрашивать, и мне придется говорить, что она сожрала прямо так, и он спросит, почему я ей скормил сырую...

– А почему ты скормил ей сырую? – подняла глаза я, слушая, как аппетитно и смачно похрустывает рыбой малень-

кая.

– Я только выманить ее пытался... – растерянно и как-то даже немного жалостливо сказал Личи. – Она стояла, как истукан, в воде, и не двигалась... И еще она лизнула себе ноздрю, – внезапно добавил он, скривившись. – А потом она так резко набросилась на рыбу, что я ничего не успел сделать...

Я покивала головой.

– Она была **та-ак** близко ко мне!.. Что просто кошмар!

– Ну, приблизилась, и приблизилась, что такого? – пожав плечами, малость пренебрежительно проговорила я. – ...Ладно, не смотри на меня так! Я поняла. Ваши обычаи – это ваши обычаи.

Личи ничего больше говорить не стал, взял одежду и, поднявшись по сыпучему и крутому песчаному склону, расположился на камне и принялся одеваться.

– А ей ничего от этого не будет? – спросила я.

– От чего?

– Ну, оттого что сырую съест... Плохо не будет? Не подцепит там ничего?

– Да не, – махнул рукой Личи. – Это, как бы, почти нормально... Просто с термической обработкой получше... И вкус другой, да и принято так.

– А паразита какого-нибудь не сожрет?

Личи махнул рукой.

– Сожрет – не страшно. С нами особо никто не уживается. Неподходящая среда. Человеки вкуснее...

Я припомнила слова Кондора о том, что драконы не восприимчивы к человеческим болячкам и, хмыкнув, кивнула.

Пользуясь крайней увлеченностью Дракоши трапезой, я подошла ближе и стала ее рассматривать. Только сейчас поняла, что девочка смотрелась очень худощавой для ребенка, очевидно было – та голодала или недоедала. Кроме того, она, казалось, была немного слаба, складывалось впечатление, что поднималась на ноги она с некоторым трудом.

– Она выглядит худой и слабенькой, – проговорила я Личи.

Он лишь фыркнул и проворчал себе под нос что-то мрачно-недовольное.

Переспрашивать я не стала, понимая, что ничего сильно толкового он мне все равно не скажет, поскольку с этим ребенком много непонятного. Раз даже Конхстамари был растерян...

Личи свернул плащ и, подложив его под голову, прилег на камне спиной к нам, глядя вверх, аккуратно расправив и свесив длинные волосы с каменного уступа, чтобы, видимо, не путались.

Я присела рядом с дракончиком. Девочка уже почти доела. Было интересно рассматривать, как она отрывает хищными острыми зубками по кусочку, неловко по-кошачьи его "жует" и проглатывает.

Ее острые лопатки подрагивали, молодые яркие чешуйки на них слегка встопорчились. Лапки вновь были подобра-

ны, как у кошки, а длинный с "кисточкой" оперения хвост лежал позади продолжением позвоночника, подогнувшись и подрагивая самым кончиком.

Сходство ее с кошкой постепенно становилось все более явным. Впрочем, подумалось, что нечто кошачье, не слишком выраженное, было и в Конхстамари, отчасти в движениях, точных, размеренных. И в Личи, в той степени, в которой я его знала – в движениях, поведении и какой-то временами проявляющейся неторопливо-валяжной манере разговора...

Добавляло сходства и чуть рычащее драконье "р"...

Прямо рядом с девочкой, среди истоптанного, взрытого постоянным шевелением песка, затесался один особенно явственный и хороший след. Пока Дракоша копошилась рядом, я принялась его рассматривать.

След от юной драконьей лапки не был похож на какой-либо из звериных следов, напоминал сильно увеличенный отпечаток лапки ящерицы. Что, в принципе, было более чем логично...

В паре ладоней от него в песке обнаружили две чешуйки, я подобрала их и положила на ладонь. Формы, близкой к округлой, глянцевые и несколько даже просвечивающие на солнце, с чуть неоднородной окраской концентрических кругов. Разве что немного "потрепанные", не очень крепкие, одна из них с небольшим расслоением по краю.

Я вновь подумала о том, не пришлось ли маленькой ху-

денькой девочке недоедать, было ли, кому за ней ухаживать...

Из задумчивости меня вывел резкий вскрик Личи. Я тотчас обернулась и увидела, что Дракоша взобралась по песчаному склону и стояла прямо вплотную к камню, на котором он лежал, склонившись над его головой, заинтересовавшись, видимо, волосами.

Личи вскинулся, резко разворачиваясь, и отчаянно и бесцеремонно столкнул ее со склона, поддав ногами в грудь; она, упав, скатилась по песку до низа.

– Ты нормальный вообще?! – рывкнула я гневно, кинувшись к ребенку.

Девочка, словно смутившись падения, поспешно встала на лапки. Она морщилась, болезненно жмуря глаза, так, словно хочет разреветься. Но плакать, по всей видимости, не умела, и потому просто жмурилась и сопела.

– Что ты творишь, чокнутый?! Посмотри!.. Ей больно! – я принялась утешительно гладить девочку по голове, приобняв одной рукой.

– Нечего было ко мне подходить!!! – истерично крикнул Личи, нервно приглаживая волосы, спрятавшись за камнем.

– И что?! Сразу бить?! – я продолжала утешать девочку. Она все так же бесслезно жмурила глазки, не издавая ни единого звука.

– А где твои глаза были?! Ворон считала? Зачем ее ко мне пустила? – нервно и недовольно прорычал Личи, при-

жавшись к камню, показывая из-за него только глаза.

– Ну, подошла она, беды же не случилось... – огрызнулась я.

– Она слишком маленькая! – вскрикнул он отчаянно. – Она пугает!

– Она маленькая? А что вы делаете с младенцами?

– Никогда их не видим!!! – с истерическими нотками гаркнул Личи.

Я растерялась. Мне действительно не было доподлинно известно, насколько для их расы критично общение с детьми. Судя по их с Конхстамари реакции – очень. Вот прямо очень.

Ведь даже Конхстамари, опытный и рассудительный, был в растерянности.

– На смешанной территории? – все же сомнительно уточнила я.

– Вот именно, что на смешанной! Здесь обычаи народов влияют друг на друга!

– Ты... ты первый, кого она здесь увидела, – робко и примирительно продолжила я. – Она одинока, напугана, ничего не понимает... Вот и ластится.

– Вот этого мне тем более не надо! Чтобы ко мне ластилась!.. – нервно воскликнул Личи. – Скажут еще, что малолетних совращаю!.. И кто мне поверит?! – только прорезавшиеся на предыдущей фразе нотки брезгливости в его голосе сменились звенящим отчаянием.

И я запоздало осознала, его действительно не станут слушать, если что. Потому Кондор и оставил нас вдвоем – по-одиночке ни его, ни меня воспринимать не будут, а вот вместе – мы словно подтверждаем показания друг друга.

– Ладно, извини... – примиряюще проговорила я. – Я не упусти ее больше.

А девочку, продолжая гладить, попыталась тихо уверить, что он не со зла, чтобы не держала обиды. Не знаю, понимала ли она слова, но по интонации, наверное, должна хоть что-то уловить.

Судя по всему, она больше напугалась, чем обиделась, и смотреть в его сторону не перестала. Личи же сверлил нас взглядом из-за камня, теперь уж не расслабляясь.

Мне удалось увлечь Дракошу ковырянием в песке, и ей это дело даже нравилось. Мы принялись с ней копать большую яму и строить некое подобие замка. Как и любому ребенку, ей было интересно просто поиграть и повозиться в песке.

Пока сидели с ней рядом, задумалась о том, что при всех значимых различиях народов в чем-то человеческие дети и драконьи не так уж сильно отличны.

Дети есть дети...

Из раздумий меня вновь вывел резкий окрик Личи. Он раздался сбоку за моей спиной, стремительно приближаясь, очевидно, тот бежал по склону.

– Не смей ее трогать, Сэфхинри! Это доверенное лицо Конхстамари!.. – на последних словах он был уже прямо за моей спиной, тормозя, поднимая фонтаны песка.

К этому моменту я уже, вздрогнув, резко обернулась. И

только и успела заметить прямо перед предупредительно за-
слоняющим нас Лиэстером другого дракона.

Вместо ответа тот, не церемонясь, бросил Личи в сторо-
ну, а следом, резко подхватив меня под локоть, толкнул туда
же, отправив падать едва ли не тому на ноги. Но Личи успел
подобраться и сдвинуться в сторону.

Девочка попяtilась было, попытавшись залезть в нашу с
ней выкопанную ямку, но прибывший бесцеремонно схапал
ее за подбородок и придирчиво взгляделся.

Ростом и комплекцией он был под стать Конхстамари, ес-
ли только чуть-чуть моложе. Волосы черные, едва ли не в си-
неву, густые, вьющиеся, несколько короче, чем до плеч. Ост-
рые изогнутые и направленные острием вперед рога смотре-
лись внушительными и опасными. Выражение лица – жест-
кое и безжалостное.

– Мы всем расскажем, Сэфхинри! – зло проговорил Ли-
чи. – Всем расскажем, что ты ее трогал!

– Весу в твоих словах – как в лебяжьем пухе, – бросил тот
цинично, не удостоив его взгляда, бестактно рукой повернув
головку детеныша, чтобы удобнее было осматривать. Девоч-
ка недовольно заурчала, попытавшись освободить голову, но
безуспешно. После небольшой паузы Сэфхинри проговорил
и еще что-то, но на своем, лишь по интонации я понимала,
это было что-то презрительно-оскорбительное.

– Так и передам Конхстамари! – мстительно сообщил Ли-
чи, и, качнув головой в мою сторону, добавил. – Особенно

касается ее.

– Передавай, – бросил Сэфхинри отвяжно. – Интересно будет взглянуть, сколько зубов он тебе за такое выбьет.

К этому моменту дракон, очевидно, закончил с осмотром и, недовольно поморщившись, отпустил возмущенно рванувшуюся голову детеныша и поднялся.

– Особенно когда узнает о том, как ты к ней жмешься.

Личи чуть заметно побледнел. К этому моменту он уже отодвинулся достаточно далеко, однако сделал движение отодвинуться еще дальше.

– Он тебе не поверит, – бросил он с чуть заметной неуверенностью в голосе.

– Ровно как и тебе, – цинично ответил Сэфхинри, отходя.

Он перевел откровенно презрительный взгляд на меня и, хмыкнув, процедил сквозь зубы: "чайка Конхстамари, как же..." Затем еще раз брезгливо взглянул на девочку, покачал головой и, сплюнув, бросил:

– Выглядит как выродок... Такие недостойны жизни.

– Раз все еще жива – значит, Судьба считает, что достойна, – с вызовом ответил ему Личи.

– Судьба тоже, бывает, ошибается, сохраняя жизнь тем, кому должно умереть, – бросил черноволосый дракон. И, цинично взглянув на Личи, добавил. – Тебе ли не знать...

Тот промолчал.

Находиться с Сэфхинри в компании было крайне неудобно. Хотелось, чтобы появился еще кто-нибудь.

Я сидела на песке, недалеко от Дракоши, что недобро и подозрительно стреляла глазами в Сэфхинри, не желая вылезать из ямы. Личи сел на большой плоский камень, напоминающий нерукотворную лавку, что располагался ближе к склону.

Сэфринри, встав неподалеку, обернулся и бросил:

– Джархрайши, можешь располагаться. Ждать придется долго.

Тут только я заметила, стоящего в отдалении, выше по склону, юношу (если не мальчишку), похожего на Сэфхинри лицом, цветом волос и формой рогов, с той лишь разницей, что рожки у младшего были маленькие, а лицо – подростковое.

Он что-то ответил, кивнул и, как показалось, вздохнув, опустил на песок.

– Чайка? – повернулась я к Личи, требуя объяснения.

Личи подозрительно покосился на Сэфхинри, потом вполголоса ответил:

– Тщайг – доверенный. Вам в нем весьма объяснимо слышится "чайка", вот и у нас так иногда говорят...

Через некоторое время появились еще двое, а ровно за ними – еще один дракон.

Они обменялись с Сэфхинри кивками, а после взглянули на Личи. Тот демонстративно нехотя поднялся и изобразил все тот же церемониальный поклон, почти опустившись на одно колено, прижав к груди одну руку и отведя вторую, а

также чуть отведя назад крылья.

– Юхши мх'аррэ, орра'ах – сказал он как бы всем, но потом обратился к одному особенно. – Орра Кайхолиш-кэр...

Они также смерили взглядом меня. Я вновь почувствовала себя неудобно. Не знаю, как я должна вести себя, нужны ли от меня какие-то церемонии. Но, видимо, нет, раз ни Конхстамари, ни Личи мне ни о чем не говорили. Да и эти, лишь подозрительно на меня посмотрели.

Они обменялись с Сэфхинри несколькими скупыми фразами на драконьем, смысла которых я не уловила. После чего разбрелись и стали ждать остальных.

Мне не нравилось, когда они говорили на драконьем – я понимала его еще слишком плохо. Конхстамари со мной разговаривал обычно на общем, либо и вовсе на лиорианском. И тот, и другой были для меня привычны (общий глубоко изучался в школе, и все мистики им владели), так что я даже особо не придавала значения тому, на каком языке мы говорим.

На Побережье же говорили на местном диалекте лиорианского, который был вполне себе понятен центральнорегиональному лиорианцу, хотя попадались непонятные словечки, и быструю речь воспринимать было порой сложновато.

Появился еще дракон, он привлек внимание своей молодостью. С ним явились еще двое, тоже очень молодых. Наверное, все трое только достигли совершеннолетия.

Но первый, которого я заметила, даже в компании мо-

лодежи выделялся, будучи, как казалось, негласным (а может и "гласным") лидером среди этой троицы. Его вьющиеся каштановые волосы опускались до плеч, лицо было гладко выбрито. Он подошел, спустившись по склону, на ходу застегивая весьма богатое одеяние. На шее его висел какой-то не то медальон, не то еще что. Похожую штуку я замечала на Кондоре, надо будет спросить... Второй и третий были одеты чуть скромнее и без медальонов.

– О, орра Схайр'Шерр-сорх, – бросил Сэфхинри с легкой усмешкой, и как-то преувеличенно вежливо. – Рискнули взять с собой Печать?.. – это прозвучало несколько издевательски.

– Юхши мх'аррэ, орра Шейр, – сухо вато ответил юноша. – Я был в Долмире с официальным визитом, потому не мог обойтись без нее.

Он и его товарищи обменялись приветствиями с остальными; после юноша с печатью бросил взгляд на Личи. Тот ответил ему лишь нахальной улыбкой. Молодой на это только чуть нахмурился, поджал губы и отвернулся. Смотрящий на это Сэф язвительно и насмешливо проговорил:

– На месте главы рода Схайр'Шерр, я бы не простил этому выродку отступления от принятого обращения.

– Угу, заставь, – коротко и вызывающе бросил Личи, вальяжно закинув ногу на ногу и с улыбкой рассматривая когти на руке.

– Главу рода Шейр мои дела не должны касаться, – ледя-

ным тоном ответил новенький.

Сэфхинри усмехнулся, демонстративно кивнув.

Я задумалась о юном "главе рода", потом решила спросить Личи. Все равно просто сидеть было скучно и несколько неуютно.

– Глава рода, и так молод? Вы ведь живете по несколько тысячелетий... – тихо проговорила я, однако меня услышали.

– Я старший в своем роду, – я вздрогнула и обернулась на голос юноши. – Все мои старшие родичи мертвы. Отец убит при боевых действиях.

Я чуть слышно охнула. Заодно прикинув, что и названный также главой Шейр не так стар, чтобы, вроде как, не иметь старших родственников.

– Ныне в нашем народе много молодых или относительно молодых глав, – ответил, предвосхитив назревающий вопрос, Сэфхинри. – Много старших ушли.

– И ваш отец тоже?..

– О, нет, не думай, что мой отец мертв. Но он стар, и потому уступил мне старшинство.

– Угу, – хмыкнул Схайр'Шерр. – С боем.

Шейр лишь философски приподнял брови и как ни в чем не бывало продолжил:

– Многие старшие действительно ушли... А бедолага Ротхес, – он хмыкнул, – еще и без наследников... Так и прервался его род. Славный в прошлом род Чиэнстелли...

– Некорректно говорить так, при том факте, что его сын объективно жив! – нахально бросила я, обернувшись.

– Смотрите-ка! Теперь верю, что чайка Конхстамари, – зло оскалился Сэф. – Это он тебя, небось, науськал так отвечать?

– Еще чего! Сама додумалась! Это и дураку понятно! – проговорила я. После чего язвительно добавила. – А тот факт, что *вам* не понятно – не слишком хорошо вас характеризует.

– Говорливая, значит? – надменно и немного зло проговорил Сэфхинри. – А ты не забываешь, что Конхстамари здесь нет?

Я ощутила холодок по спине.

– И что? – нахально встрял Личи. – Пальцем ее тронешь, и Конхстамари свернет тебе шею.

– За чайку? – насмешливо осведомился Сэф.

– *Нэй ак'т майрнэс вх'ет сой-сойра'нг...*¹³ – нараспев проговорил Личи, демонстративно рассматривая когти.

Я мысленно принялась перебирать известные мне драконьи слова, чтобы составить перевод. Сэфхинри скептически хмыкнул. Но больше никакой реакции за этим не последовало.

Я, тем не менее, все же немного струхнула, но виду не подала. Без Конхстамари в этой компании я чувствовала себя очень незащитной. Многие из здесь присутствующих не вы-

---

¹³ Не мне судить об их взаимоотношениях (драк.яз).

глядели дружелюбными. И складывалось впечатление, что некоторые из них между собой не очень ладят.

Драконы постепенно прибывали и оставались ждать. В основном все по одному. Но еще один – как Сэф, с сыном. Компанией явилась пока только та троица. Взгляды многих были растеряны.

Личи попытался уйти. Однако его окликнули, и, после непродолжительной перепалки, он с недовольным лицом вернулся на прежнее место.

Появились еще двое, что условно держались вместе. Явно из молодых. Как казалось, примерные ровесники той троицы. Молодые были ниже ростом, чем взрослые, заметно. У одного из прибывших, как мне показалось при полете, был немного покоцан хвост.

Кажется, услышала, как кто-то назвал его Алэйнаарэ, а второго – Фарай'Лархэ. Они поприветствовали всех почтительно, с поклоном, чего не делали другие молодые. Потом первый обменялся несколькими фразами с мужчиной, с которым у него прослеживалось явное внешнее сходство. Волосы их были практически того же цвета, что и у меня, и это был едва ли не самый светлый оттенок, не считая светло-золотистых Личиных.

Новенький тоже внимательно и напряженно поглядел на девочку, стоя вдалеке. Мельком взглянул на меня. Бросил быстрый взгляд на Личи, и, как мне показалось, взгляд этот был ненавидящий. Личи же недобро ухмыльнулся, глядя на

него отчасти враждебно, отчасти насмешливо, вместо вежливого приветствия надменно проговорив:

– Алэйнаарэ Кайхолиш рьер-Сарэхрэйше. Всего пара десятков лет до совершеннолетия, а до сих пор не имеет собственной территории и замка...

– Заткнись. Уж кто бы говорил, – огрызнулся молодой. – Пройдет еще совсем немного лет, и я отобью то, что осталось от Шесс...

– Ага, как осенью, – прошипел со злой ухмылкой Личи. – Мой боевой трофей до сих пор красуется на осеннем плаще...

– Одна деталь, – чеканя слова, сквозь зубы произнес молодой. – У меня есть перспективы, а у тебя нет.

– Шесс получишь только через мой труп, – прошипел Личи.

– В дуэлях нельзя драться насмерть. Как и наносить серьезные увечья, – злобно проговорил Алэйнаарэ. – Так, напоминаю, коли забыл.

– Слал я лесом ваши негласные правила про "серьезные увечья", – нахально бросил Личи, копируя интонацию собеседника на последних словах. – А что до насмерть... тем хуже для тебя!

– Посмотрим. Спустя пару десятков лет ты уже не победишь меня в драке. В следующий раз...

– В следующий раз я тебе не хвост, а яйца откушу, – бросил Личи грубо и хлестко, как плетью наотмашь ударил.

– Да ты... – Алэйнаэрэ, ошарашенно сжал губы, пытаюсь найти слова. – Ты совсем больной!

Он хотел, видимо, еще что-то сказать, но только успел открыть рот, как его окликнул отец.

– Алэй!

Тот метнул на Личи злой взгляд и удалился. На всю их перепалку особо никто не обращал внимания, кроме отца Алэя, да и тот поглядывал довольно равнодушно. Когда Алэй подошел к нему, отвел его немного в сторону и принялся что-то тихо и ровно втолковывать.

Драконы, тем временем, постепенно прибывали. Все больше становилось новых и зачастую не слишком приветливых лиц. Появлялись и молодые.

Судя по всему, между собой все или почти все присутствующие были знакомы, общались просто, а церемонились больше для вида. Взрослые обращались друг к другу чаще по именам, либо иногда по фамилии через "орра". Но последнее, как мне казалось, среди взрослых было, скорее, не всерьёз. Вот младшие к старшим обычно обращались через "орра".

– Понять бы еще, кто есть кто, – проговорила я себе под нос.

Появился еще один дракон. Если остальные, в целом, чертами лица примерно походили на прибрежных лиорианцев, этот отличался более заметно. Черноволосый, лицом несколько смуглее остальных.

Как я поняла, говорил вновь прибывший только на общем и на драконьем, и многих присутствующих не знал. Очевидно, он случайно оказался рядом, но его привлекли к собранию.

Потому ему представили некоторых. Причем кое-какие имена среди мешанины непонятных слов я даже опознала.

– Орра Сефхинри Шейр-сорх рьер-иль-Маатши'Рай, глава рода Шейр, – ему указали на иссиня-черного, затем кивнули на подростка на склоне. – Джархрайши Шейр рьер-иль-Сэфхинри, его первенец... Орра Храйзэр'Ренг Схайр'Шерр-сорх рьер-иль-Кшейран, – указали на молодого с печатью. – Орра Сарэхрэйше Кайхолиш-сорх рьер-Бхай'Жар; Алэйнаарэ Кайхолиш рьер-Сарэхрэйше, автономный несовершеннолетний...

Назвал и нескольких других, но если имена тех, с кем мы как-то взаимодействовали, хотя бы на чуть-чуть задержались в моей голове, то с остальными все было совсем печально... Как я могла понять, столь официальное представление проводилось лишь ради того, кто не знал присутствующих.

Окончательно потеряв нить, я обернулась на Личи и тихонько поинтересовалась:

– А какое у тебя полное имя?

– Никакое, – огрызнулся, встряв, Сэф, заставив меня вздрогнуть. – У него нет имени.

– Лиэстер Чиэнстелли-сорх рьер-иль-Ротхес-хши, коли интересно, – тихо и равнодушно ответил Личи.

– Если б тебя еще хоть кто-то так звал... – проговорил Шейр презрительно.

– Имени никто не отменял. Что бы там ни произошло, моим отцом не перестал быть Ротхес Чиэнстелли, и у него не прибавилось детей, орра Шейр... – отрывисто и сухо проговорил он.

– Не глотай слова, – с нажимом проговорил Сэф. – А твои обращения можно неверно толковать.

Личи взглянул на него таким равнодушно-презрительным взглядом, что не хватало только выразительного жеста пальцами.

Тот, ответив взглядом не менее надменным, снова отошел, возвращаясь к своему разговору, и я решила продолжить. Говорить при нем было крайне неудобно.

– Так значит, тебя звать орра Чиэнст...

– Нет, – жестко и отрывисто проговорил Личи. Я удивленно на него взглянула. – Не называй меня орра.

– Но почему, ты ведь...

– Не называй! – еще жестче, сквозь зубы процедил он, недобро взглянув на меня.

– Ладно, – спорить я не решила.

– Вы бы, госпожа тщайг, отошли бы. А то, видно, вас кто не надо разговорами донимает... – цинично бросил Сэфхинри.

Я внутренне содрогнулась, и вместе с тем заметила, как похолодел взгляд Личи. Тут, на самом отшибе, около девоч-

ки, от которой все, в основном, старались держаться подальше, и недалеко от Личи, едва ли не единственного из присутствующих, кого я не боялась, я чувствовала себя наиболее комфортно. Потому, внутренне малость нервничая, но внешне совладав с собой, я нахально и холодно ответила:

– Я здесь слежу за ребенком. Чтоб никто из вас и подумать не смел...

Сэфхинри на мое заявление поднял брови и не нашелся, что сказать. Слышали это и те, кто стоял поблизости. Кто-то так же удивленно приподнял брови, кто-то невыразительно хмыкнул.

А Сарэхрэйше Кайхолиш усмехнулся и, качнув головой, проговорил чуть слышно, так что я разобрала только благодаря обостренному слуху мага:

– А хороша девка...

Я внутренне восторжествовала. Значит, я оказалась права. А кто-то меня даже поддержал. Сэф хмыкнул и отвернулся, одарив меня холодным взглядом и бросив "дело ваше". "Очко чайке", – едва слышно, пряча улыбку, в сторону проговорил Личи, так, чтобы услышала только я.

Возникло очередное новое и не слишком дружелюбное лицо – тот самый дракон, которого мы встретили сегодня, только теперь я видела его в человеческой форме. Темноволосый, как и подавляющее большинство присутствующих. Волосы немного отдавали в красноту. С рогами почти прямыми до самого верха, но резко загнутыми назад острым

кончиком. Черты лица были довольно тонкие, даже аристократичные. Только нос с горбинкой, пересеченный не слишком выделяющейся полосой шрама. Глаза огненные, почти красные, с бордовым окаймле...

Его резкий колючий взгляд заставил меня тотчас отвести глаза. Ох, не стоило так явно пялиться, рассматривая. Не дай небо, его это разозлит, кто за меня вступится?..

Я испуганно уставилась в землю, но его приближение я ощущала. По счастью, видимо, интересовала его не я, и подходил он к драконам, что были неподалеку.

– Орра Дэррай'Мар Варши'Рэ-сорх рьер-Захрай'Мар, – проговорил кто-то для незнакомца.

Старшие поприветствовали его кивком головы; несовершеннолетние: Алэй и товарищ – поклоном; Личи церемониально поклонился и проговорил установленное приветствие.

– Юхши мх'арре, орра Варши'Рэ-кэр.

Потом выпрямился было, однако тот срезал его, заметив:

– Я не приказывал вставать.

Он скользнул холодным и крайне презрительным взглядом по мне, почти проигнорировав и явно не считая достойной внимания.

Сэф бросил, кивнув на меня, что-то насмешливо-сомнительное, из чего я разобрала только "тщайг" и имя "Конхстамари", но этого было достаточно. Дэррай'Мар хмыкнул, очевидно, вспомнив меня во время нашей сегодняшней встречи. Они обменялись несколькими фразами с Сэфом и дру-

гимии.

– Орра, позвольте мне подняться, у меня ноги сводит от подобной позы... – проговорил Личи, все еще почти сидящий в установленном поклоне.

– Я дам знать, когда подниматься, – бросил тот зло-холодно и продолжил общаться с другими.

Личи с бесцветным выражением лица опустил на песок колено, упрощая стойку. Однако вскоре он все равно воспользовался тем, что Дэррай'Мар отвлекся, распрямился, потянулся и сел обратно на камень.

Я устроилась на песке недалеко от девочки, стараясь не привлекать лишнего внимания. Я все ждала, когда же...

– Все, орра Дх'Орр вернулся! – замечание Личи заставило меня вздрогнуть и, повертев головой, уставится в небо. – Могу я уйти? – с вызовом поинтересовался он, вскочив.

Но уже подлетевший Конхстамари что-то коротко рыкнул и качнул головой. Личи цокнул языком, пнул песок и с демонстративным недовольством сел обратно.

Я же встала и поспешила навстречу Конхстамари. Он трансформировался, наскоро оделся и спустился по склону.

– Что за девка? – требовательно и нахально осведомился Сэф, кивнув на меня. – Чайка?

Конхстамари кивнул.

– Так значит, придурочный не соврал, – бросил тот презрительно.

– Стал бы он врать, прикрываясь моим именем? – холодно

ответил Кондор.

– Он же дурной... Он бы и этим не удивил.

– Орра Конхстамари Дх'Орр-сорх рьер-Ах'Харасши вам, наверное, и так известен, – уловила я тем временем пояснения для того незнакомого товарища.

Я уже была около Конхстамари, но, подойдя, только лишь встала рядом. Он мягко положил руку на мое плечо и чуть склонился.

– Все было в порядке? – уточнил он.

– Наверное. Но страшно... Не оставляй меня одну с ними, – подняв голову, тихо прошептала я по-лиориански.

Он чуть заметно потрепал меня по плечу и одарил успокоительным взглядом. Потом кивнул в сторону Дракоши и ненавязчиво легонько подтолкнул. Я отошла к ней, и принялась высматривать, куда можно присесть. Огляделась и, найдя самым удобным камень-лавочку, где сидел Личи, опустилась рядом.

Личи не видел меня идущую, а едва я села, поспешно вскочил, с легким почтительным поклоном отступив, отошел шагов на десять и только тогда принялся высматривать другой камень.

Я сокрушенно отметила, как неловко получилось... Со всем забыла, что, видимо, сидеть рядом нам нельзя, и он вынужден мне уступить. На камне вполне хватило бы места двоим, а то и всем четверым...

Тем временем, появился еще один дракон, прической по-

хожий на Сэфа, только темно-бурый, с изогнутыми рогами с одним разветвлением.

С ним была девочка, что жалась к нему. Наложница. Негритяночка, тонкая и красивая, словно статуэтка, выточенная из черного дерева. В легкой одежде, вся в золоте и с золотыми нитями в волосах.

Лицо у дракона было спокойное, я бы даже сказала льстиво-дружелюбное. Это вызвало у меня неприятие. Он не нравился мне из-за девочки-наложницы-невольницы. Ходить с лицемерным спокойствием и дружелюбием на лице и таскать за собой человека, как декоративную собачонку... По крайней мере, впечатление создалось именно такое. Он вел себя очень вежливо, в том числе и с ней, но я была почти уверена, что это напоказ.

– Орра Раттен'Хару Бъярк-сорх рьер-Кортэннэрх...

Он обменялся с Конхстамари парой фраз, потом поприветствовал и остальных.

– Еще кого-то ждем? – несколько нетерпеливо осведомилась Сэфхинри.

Конхстамари посмотрел на солнце и проговорил:

– Подождем еще полчаса. Я отправил несколько молодых сообщить по возможности старшим, кто недалеко. Хотелось бы, чтобы при обсуждении нас присутствовало как можно больше.

Выразили согласие. Орра Сарэхрэйше обменялся парой фраз с сыном, и Алэйнаэрэ с товарищем церемонно попро-

щались и, трансформировавшись, удалились. Отец же приблизился к Конхстамари и о чем-то с ним заговорил.

– Почему они улетают? – спросила я, повернувшись к Ли-чи.

– Несовершеннолетние. Не имеют голосов в совете, – бросил он.

Названный Раттен'Хару обменялся с наложницей парой фраз на незнакомом языке, назвав ее, кажется, "Йоля", и присоединился к Кондору и собеседнику. Та же, бренча золотыми цацками, отошла, огляделась и направилась ко мне. Приблизившись, кивнула и присела рядом на камень.

– Йольнэн-Рай, Йоля, – приветливо проговорила она, указав на себя.

– Дзета, – ответно представилась я. И немного помолчав, подбирая слова, попыталась осторожно уточнить. – Ты... У тебя все хорошо? Тебя... не держат силой?

Она растерянно и вопросительно посмотрела на меня, намурилась, поглядела на господина. В моей голове, тем временем, мелькнуло, как это трактовать? Боится говорить? Не знает, как признаться?..

Девочка вновь растерянно взглянула на меня и, чуть покачав головой, на неуверенном драконьем проговорила.

– *Ак нэй'сайринэ...*

"Я не понимаю".

И он говорил с ней на каком-то непонятном... Значит, очевидно, она разговаривает только на своем родном.

Я мысленно попыталась подобрать слова на драконьем; для моих навыков сложновато, но авось что и получится. Может, она разговаривает на нем хотя бы, как я...

Увы, Йоля в драконьем оказалась еще хуже, и наши с ней недонавыки не смогли разрушить языковой барьер. Кто хорошо владел драконьим, меня, да и ее тоже, вероятно бы понял, уловил бы значение. А вот мы друг друга...

Я неловко спросила на драконьем, все ли у нее хорошо. Она, кажется, различив "хорошо", охотно закивала, не уловив более глубокого смысла моих слов. К сожалению, слов "проблема", "сложности" и всех прочих нужных я не знала.

– Хару... – нежно позвала, почти пропела она.

Он обернулся, но лишь, как показалось, пренебрежительно махнул рукой.

С одной стороны, хорошо: я уже собралась махать руками, что не надо его звать. С другой – его пренебрежительный жест, то, как он отмахнулся от нее, ощутимо добавили мне неприятия.

Тогда я попыталась говорить с ней все же на общем, но с использованием жестов. Надеюсь, что как-то интуитивно она все ж таки уловит смысл. Да и вдруг хоть что-то знает на общем. Я попыталась выпытать у нее, не страдает ли она в неволе, не мучают ли ее, не держат насильно... Не в рабстве ли ее держат на самом деле, несмотря на внешний блеск.

Йоля вновь меня не поняла, с неловкой улыбкой накручивая на палец густые кучерявые волосы, сверкающие на солн-

це впряженными местами золотыми нитями, и поглядела на покровителя. Я попыталась жестами показать, что его звать не надо, однако добилась ровно противоположного эффекта, и девочка, просияв, с белозубой улыбкой закивала и вновь певуче позвала:

– Хару! Хару!..

Я сдержанно замахала руками, пытаюсь показать, что того не надо спрашивать. Но дракон уже шел к нам. Ладно, не страшно. Когда она попросит меня повторить, я просто не повторю, или скажу что-нибудь другое...

Йоля не попросила меня повторять. Йоля один к одному, разве что с горсткой мелких неточностей скопировала мою фразу.

Я онемела и была готова провалиться сквозь землю. Дракон на секунду замер, осмысливая, ошарашенно глядя на меня, а потом... расхохотался. Весело и беззлобно.

– "Держат в рабстве", Небо, ну вы даете...

Йоля вопросительно смотрела на покровителя; он, усмехнувшись, очевидно, растолковал ей, что я у нее спрашивала. Она сначала удивленно поглядела на Хару, потом очень странно, с колоссальным непониманием в глазах, на меня. Судя по реакции, она явно не страдала и не считала себя пленницей.

– Что такое? – с легкой улыбкой спросил Конхстамари у Хару, подойдя.

Тот, не переставая улыбаться, открыто и по-доброму от-

ветил:

– Госпожа Тщайг интересуется, не плохо ли рэлле Бьярк в плену...

Конхстамари прыснул, потом взглянул на меня с улыбкой и, приблизившись, проговорил:

– Тщайг Янше, ради Небес, не позорьте меня...

Я смущенно опустила глаза.

– А почему мне знать... Вдруг бы...

Кондор чуть покачал головой, усмехнувшись, потом заговорил.

– Не помешало бы вас представить... Раттен'Хару, это моя поверенная, Дзета Янше, мистик; Дзета, это орра Бьярк, мой хороший товарищ.

– Можете звать по имени, – вежливо кивнув, добавил представленный.

– Очень приятно... – смущенно проговорила я.

Йоля задорно и с любовью поглядела на покровителя.

Значит, я неслабо так ошиблась с оценкой. Коли Конхстамари назвал его другом... Да и полный преданности и доверия Йолин взгляд говорил о многом. Она вовсе не выглядела запуганной или замученной... И теперь мне было неловко, что, обманувшись своим предвзятым взглядом, я поторопилась с выводами.

Конхстамари отошел, вернувшись к разговору с орра Кайхолишем. Йоля о чем-то заговорила с покровителем на своем. Я, подумав, поднялась и пошла к Конхстамари греть уши.

Ну, если нельзя, отправит назад...

– ... Что же в итоге по конфликту? – Конхстамари коротко взглянул на меня, но ничего не сказал, отнесся совершенно спокойно. Я села поодаль, рассматривая и собирая ракушки в песке и не проявляя интереса к разговору.

– Да все, оставили как есть. Советую ему бросить эту затею, только он уговориться никак не хочет.

Они говорили негромко, но и не скрываясь.

– А что за конфликт был осенью? – тактично поинтересовался Раттен'Хару, подойдя к Конхстамари и Сарэхрэйше. – Конечно, если сочтете, что меня касается...

– Обсуждаем с Конхстамари моего сына-придурка. Присоединяйся, – отвядно и иронично бросил Сарэхрэйше. – Алэйнаарэ подрался с Личи за непотонувшие осколки Шесс, а тот оттяпал ему часть хвоста...

Хару кивнул, демонстрируя понимание.

– И как?

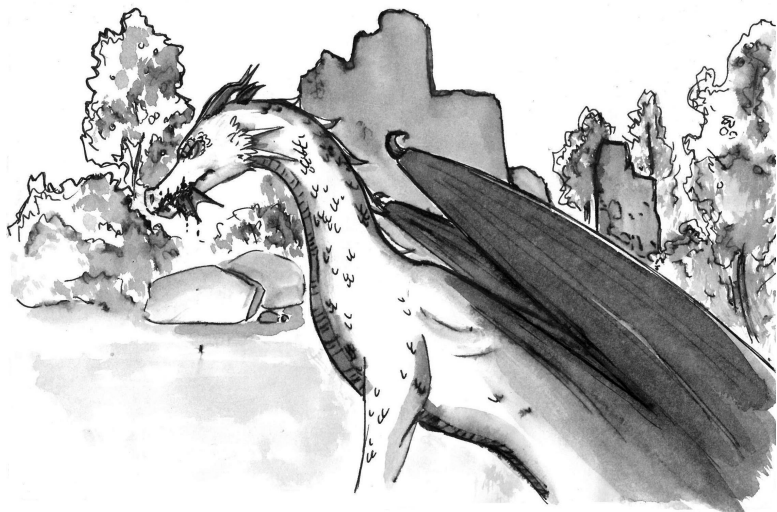
– Алэй сам виноват. Он напал на Личи, вынуждая драться, притом они даже оставили его без секунданта. С Личи была лишь девчонка-чайка из местных. Его приперли к стенке, вот он и оскалился... Алэй вообще планировал захватить остров без объявления, Личи случайно оказался там.

Темно-бурый хмыкнул и покачал головой, потом задумчиво проговорил:

– Не подумал бы, что он так вцепится в Шесс, видно, и Алэй тоже этого не ждал...

– Как раз, ожидаемо. Это его родовая земля, – нейтрально проговорил Конхстамари.

– Алэй поступил бесчестно, так как выбрал соперника, как он считал, заведомо слабее, которого точно победит, – холодно пояснил Сарэxrэйше. – Хотел спровоцировать бой в воздухе, но Личи вынудил спуститься и драться на земле. Как говорил Фарай'Лархэ, он бы и на земле проиграл, Алэй просто вымотал бы его... Но Личи, загнанный в угол, решил стоять насмерть и показал зубы, отхватив Алэйнаарэ часть хвостового закрылка.

– Хреново, – как-то совсем по-человечески сказал Хару. – Так вот почему шум он поднял, и так быстро затихло...

– Да. Сначала кричал о бесчестии соперника, что нарушил негласное правило не наносить в боях увечий. А потом ему сказали, что сам дурак, и он замолк. А можно было бы вообще замять.

– Хорошо хоть, Фарай не вступился. Это было бы фатальным нарушением, – заметил Кондор.

– А доказали бы, без секунданта? – взглянул на него темно-бурый.

– Чайка бы показала... А я узнал бы, что вырастил *я'ш-ри*... – недоброжелательно бросил Сарэхрэйше.

Хару усмехнулся последним словам Сарэхрэйше, потом проговорил:

– Кстати, зря Алэй считает Личи слабым соперником. У Ротхеса была очень мощная школа. Не понаслышке знаю.

Сарэхрэйше вопросительно взглянул на него.

– Когда Кортэннэрху надо было ставить меня на крыло, он получил травму, что почти на полтора года вывела его из строя, – пояснил Раттен'Хару. – Кое-как в воздухе отец держаться мог, но вот как следует выучить летать меня... Чтобы не терять времени, он просил Ротхеса меня вылетать. Так что, по сути, на крыло меня ставил тот. И, скажу вам, готовит он сильно.

– А условия? Как обычно? – тоном, словно уточнял очевидное, спросил Сарэхрэйше.

Хару кивнул:

– Услуга за услугу, разумеется.

– Слышал, бывало, его и просто так, без травм, просили отпрыска поучить...

– Неудивительно. У того действительно была очень мощная школа полета и боя, – проговорил Конхстамари.

– Что же в услугу требовал? – осведомился отец Алея.

– Понятно, что, – ответил Хару, чуть понизив голос. – Это было в те годы, когда силы уже начали постепенно покидать его. Уступку. Точнее... Чтобы чуть-чуть уступили в бою за женщину, не добивали до конца на максимум. Дали возможность быть выбранным ею.

Сарэхрэйше кивнул, вроде понимающе, но немного прохладно.

– Так что, – подытожил темно-бурый, – у Лиэстера должна быть очень серьезная подготовка. Надо полагать, при обучении единственного наследника, Ротхес выложил на полную. Возможно, если б не сложилось так, юноша бы уже сейчас или в ближайшем столетии нам сопоставимым соперником был... Пусть не по силе, но хоть по мастерству.

Сарэхрэйше пожал плечами. А Хару уточнил:

– У Алэйнаарэ совсем нет земли, где обосноваться?

– Есть на примете островок Фрай-Шиманн, но слишком, по его словам, далеко от континента, да и вообще от цивилизации. Потому и захотел осколки Шесс отбить.

Хару с пониманием кивнул.

– Почти так же далеко, как моя земля...

– Потому-то и все важные вести узнаешь в числе последних, – с беззлой иронией бросил отец Алэя.

Тот усмехнулся.

– И что теперь?

– Личи таскается с хвостом, как с трофеем. Алэй хотел выкупить, но тот заломил цену до неба, в пол моей сокровищницы. С Личи пытался говорить я, а после и Конхстамари по моей просьбе. Но все без толку. Да и пусть. Будет моему дураку урок... Его дело.

Конхстамари кивнул.

– Чженэ.

Сарэхрэйше, тем не менее, немного ворчливо проговорил:

– Я могу понять их, – он кивнул головой на остальных, – презрение к Личи... Это сложно оспорить. Но опасность в том, что щенки, видя такое отношение старших, думают, что им по умолчанию дозволено так же, и лезут к нему, забывая, что у того тоже есть клыки...

Конхстамари вздохнул.

– Золотые слова, Сарэх... Чую, скоро будем пожинать плоды огрехов в воспитании...

– *Скоро?* А не *уже?* – отец Алэя с прищуром и невеселой усмешкой посмотрел на молодого главу рода Схайр'Шерр.

– Эти не в счет, – отмахнулся Конхстамари. – Они ему почти ровесники.

– А что за история с Храйзэром? Это, очевидно, тоже прошло мимо меня, – проговорил орра Бьярк, качнув головой. – Краем уха что-то слышал, но очень смутно. Позволено ли знать? – взглянул он на Конхстамари.

Кондор кивнул. А Сарэxrэйше иронично посоветовал отселиться еще дальше от континента.

– Едва не упустил Личи свою Золотую печать, – сказал Конхстамари тихо.

Раттен'Хару, приподняв брови, покачал головой.

– Небо, это ж как вообще?..

– Вот примерно воссозданная вероятная цепочка событий. *Предположительно*, Храйзэр был на *Грязном Маскараде*, – проговорил Кондор, понизив голос, практически выплюнув последние два слова, – где, очевидно, *пересекался* с Личи. А после, видимо, обнаружил пропажу Печати...

– Это тогда же его не было на совете? – хмыкнул Сарэxrэйше.

Кондор кивнул.

– Храйзэр запаниковал и не придумал ничего лучше, чем позвать дружков, и силой с мордобоем в переулке отобрать Печать.

– Ему бы миром решить... – равнодушно проговорил Хару.

– Ему бы не соваться в эту грязь, – хмыкнул отец Алэйнаарэ. – Ну уж коли влез, тогда да, миром.

– Да. Буквально через пару дней на них напали и жестко

ограбили под Долмиром какие-то человеческие разбойники. Они взбеленились, пошли к старшим, чтобы требовать ответа от людей... Выплыл факт их терок с Личи, тотчас возник вопрос, а чего они поцапались, а там и вся цепочка потянулась... Увидев, что старшие зрят в корень, Храйзэр ужаснулся, спохватился, и попытался отозвать все претензии и одернуть лютующих товарищей. Но было уже поздно, внимание он привлек, и тень на его репутацию уже упала, притом задела и товарищей.

Хару внимательно и безмолвно слушал рассказ Кондора.

– Они чуть не рассорились тогда. Но нет. Хотя, видно, что им немного осталось. Странно, что они до сих пор поддерживают контакт...

– И кто в ответе за нападение? – со скептической усмешкой уточнил Сарэхрэйше.

– По официальной версии – никто, – развел руками Кондор. – Просто случайные и очень отчаянные разбойники напали на случайных драконов. По неофициальной – эрстхенский глава организованной преступности, этакий "теневой повелитель" Джарранд Бремм, что давно под кое-чьим каблучком. Но доказательств, кроме красиво распутавшегося "клубочка", этому нет. А руки Личи так и вовсе чисты, он лишь "несчастливая жертва"...

– "Несчастливая жертва", – скептически не то вопроситель-

но, не то с презрением бросил Сарэхрайше.

– Его торжествующий взгляд не записать в доказатель-ства. К тому же, по официальной версии, его торжество – быстрому обороту *Кабу Торхиш*... И, надеюсь, тщайг Янше понимает, что эта информация не для пересказывания ее где-то, да и, ввиду специфичности, мало кому будет инте-ресна?

Я аж рассыпала ракушки от неожиданности. И испуганно обернулась на драконов. Все трое смотрели на меня. Но лица их не были, вопреки ожиданиям, суровы. Спокойно-безэмо-циональное, но с чуть насмешливым взглядом лицо Конх-стамари, легкая беззлобная улыбка Раттен'Хару и почти без-различное и чуть снисходительное лицо Сарэхрайше.

– Не беспокойтесь, орра'ах. Я не слышала ни слова из ва-шего разговора... – нахально соврала я, собирая рассыпан-ные ракушки.

– Еще кого-то ждем? – нетерпеливо бросил Сэфхинри. – Может, начнем совет? Не дотемна же тут сидеть.

– Думаю, ждать больше некого, – кивнул Конхстамари.

К этому моменту прибыло еще несколько драконов, в том числе молодых, но все поодиночке. Компания выходила уже очень немаленькая, человек... то есть, драконов под полсот-ни. Конхстамари и Хару вновь отправили нас с Йолей в сто-роночку. Где-то поодаль поодиночке сидели мальчишки, чьи-то сыновья.

– Орра Дх'Орр-кэр, – максимально отчетливо, чтобы все

услышали, бросил Личи. – Орра Шейр трогал девчонку...

Конхстамари посмотрел на Сэфа, но взгляд его был просто вопросительным. Другие тоже заинтересовались.

– Да, я осмотрел ее, – спокойно и не скрываясь, ответил тот.

– И что скажешь? – спросил Кондор.

– Мелкая. Слаба, истощена. Не разговаривает. Вероятно, охотиться не умеет. Крылья слабые, нетренированные, плохо приспособлены к полету. Чешуя в плохом состоянии. Самостоятельно выжить, скорее всего, не способна... Мой вердикт – добить, чтобы не мучилась и не загрязняла кровь. Все одно помрет.

Я не поверила своим ушам. Не всерьез же он это? Ему за такую шутку не выговорят? Но, как ни странно для меня, резких возмущений не последовало. Я всмотрелась в лица остальных, но они оставались в основном спокойными, кто-то неодобрительно качал головой, кто-то смотрел абсолютно равнодушно... А некоторые, напротив, выражали одобрение. Да не может так быть!

Конхстамари покачал головой.

– Я против убийства. Девочке надо помочь, у нее есть шанс.

– Ну кто бы сомневался! – протянул Сэф, закатив глаза.

– Ты как всегда чересчур категоричен, – мрачно сказал Кондор. – Не спеши с такими решениями. Твои суждения могут быть ошибочными.

– Ошибочными в чем? – недовольно и с вызовом осведомился Сэф. – В том, что слабые должны умирать? Что ущербные и прочий мусор должен отсеиваться из популяции? Какой она станет матерью, *если* доживет до нужного возраста?

– Мы не знаем этого о ней доподлинно. Возможно все это – лишь результат неблагоприятных условий...

– Но мы видим, что она слаба, больна и сама не выживет. И, в принципе, этого уже достаточно, чтобы отказать в помощи!

– Но это девочка. И взгляни на возраст!.. Ее не должно быть здесь, явно что-то случилось!

– Ага, сбой в наследственности.

– Это неизвестно доподлинно!

– Хочется выяснить это опытным путем? Когда станет матерью и начнет плодить уродцев?! Мало нам одного выродка? – бросил Сэф, взглянув на Личи.

Конхстамари закатил глаза.

– Не бросайся словами понапрасну.

– А уверен, что понапрасну?

Конхстамари лишь вздохнул. И видно хотел что-то сказать, но не успел. Сэф заговорил вновь.

– Род Чиэнстелли стоит считать оборвавшимся на Ротхесе, ради его же доброго имени. По-хорошему, в том его возрасте уже не стоило пытаться зачать ребенка, уж если раньше не сложилось. Но он все же пытался. И таки сумел. Послед-

ним выстрелом. Только вот толку от этого, если выстрел в молоко?.. Ротхесу бы сразу просечь... Звоночки-то были... Да только он видеть и верить не хотел. Признать боялся и смириться не мог, что единственный "наследник"...

– Не говори чушь, – прохладно осадил его Кондор. – Не было там никаких "звончков". Ничего выходящего за границы нормы.

– Ну да, ну да. Зато теперь – пожалуйста!

– Сеф! Закончили, мы сейчас обсуждаем не его. Закрыли тему.

– Мм, ну а то, что он порочит честь всего народа, никого не тревожит? – возмущенно и злобно проговорил Сэф. – Хотя кто-то, как видно, находит это для себя *интересным*... – едко добавил он.

– Ой, не ревнуй! – встряв, вызывающе бросил Личи. – Мне и на тебя времени хватит!

– ЧТ.. – Сэфхинри сделал страшные глаза и лишь шаг в сторону нахала, как тот, всплыв песок, уже мчался прочь по берегу.

– Сэфхинри! – рыкнул Кондор. – Прекрати! У нас сейчас есть дела поважней.

В строю раздались смешки и какие-то скабрзные шуточки. Почти одновременно прозвучало:

– Смотрите-ка, как подорвался!

– Какой неудержимый порыв!..

– Решил не тянуть с таким предложением!..

Сэф обернулся на мигом притихших молодых, одаривая их пугающим взглядом. В строю повисла напряженная тишина. Больше хихикнуть никто не посмел.

– Кто-то что-то сказал? – грозно прорычал он.

– Я сказал! – громко и с нажимом проговорил Кондор. – И слово это было "Молчать!" – он строго глянул на притихшую молодежь. – Вернись к обсуждению, у нас есть более важные вопросы! – обратился он уже к Сэфхинри.

– Тут нечего обсуждать, – рыкнул тот в ответ. – Добить и забыть! Идеально!

В строю послышался легкий гомон. Потом один из незнакомых мне драконов проговорил:

– Сэф, это крайне радикальные меры. Все здесь понимают, что ситуация сложна и неоднозначна, и мы не знаем, какое решение лучше. Но так однозначно твое не может быть принято.

– Ну и какие тогда будут предложения? – грубовато спросил Сэф. – Кроме неконкретного "не убивать"?

– Временно взять ее на попечение в порядке, в котором берется под опеку молодая девушка. И связаться с женщинами. Выяснить, чей это ребенок и по какой причине здесь, – чеканя слова, проговорил Кондор.

– Надеюсь, переговоры ты возьмешь на себя, – едко бросил Сэф. – Если так хочется попробовать себя в роли смертника...

– Не добивать, – ледяным тоном проговорил Дэр-

рай'Мар. – Но и не помогать. Не вмешиваться.

– Это равносильно убийству, – заметил Хару.

– Значит, такова ее судьба, – все так же холодно бросил багряноволоксий.

– Это смешанная территория. Здесь живут люди, – веско заметил Кондор. – Мы в любом случае не можем просто оставить ее тут.

– Оставить ее в каком-то другом месте? – спросил еще кто-то.

– Заморочиться с тем, чтобы куда-то ее доставить, а после – бросить на произвол судьбы? – холодно уточнил Конхстамари.

– Я же говорю, добить проще...

Прозвучали еще несколько высказываний. К согласию пока не пришли. Я раздраженно фыркнула, по-лиориански бросив в сторону: "Идиотизм". Только что подошедший обратно Личи взглянул на меня.

– Серьёзно! Это какой-то бред! – прошептала я.

– Это точно... Ее не должно было быть здесь... – проговорил Личи, бросив косой взгляд на Дракошу.

– Я не о том! Просто, какого демона здесь происходит? Почему все создают такую проблему и дилемму из пустячной ситуации, так шарахаются от ребенка?..

– И... что именно тебя смущает? – непонимающе и недовольно уточнил Личи.

– Да я в толк не могу взять, что такого сложного решить?

Это всего лишь ребенок!

– Конечно! В том-то и проблема! Это маленький ребенок! – проговорил он мне таким тоном, словно объяснял очевидное.

Я уже поняла, какие у них заморочки насчет малышей. Но меня злило все это. Напряжение все нарастало, я переживала о решаемой судьбе девочки...

– В этом нет проблемы! – я развернулась и пошла к Конхстамари.

– В этом **есть** проблема! Это маленькое омерзительное недоразвитое существо!

– Да ты сам таким же был! – закатив глаза, отвязно бросила я. Пожалуй, вышло чересчур громко; отвернувшись, заметила, сколько взглядов в этот миг обратились на меня.

– Да как ты... – я даже не успела обернуться; Личи буквально сбил меня с ног и толкнул на землю, оперевшись в плечи. – ...Смеешь?! – крик его сорвался в такую громкость, что едва не оглушал.

Я, упав, тотчас приготовилась отбиваться, напрягла ноги для броска соперника через себя, однако ударить не успела – тяжесть его рук с моих плеч исчезла столь же неожиданно, как и навалилась.

Конхстамари буквально тотчас же обернулся на крики, и, жестко подхватив Личи под локоть, поставил на ноги и удержал на расстоянии от меня. Тем же временем, другой рукой он подхватил и поставил на ноги меня, и чуть отвел себе за

спину.

Личи сделал было рывок, но Кондор, железной хваткой сжимая его плечо, тряхнул и жестким голосом осадил:

– *Рамайи!*

– Да вы слышали?! – истерически воскликнул он. – Что она себе позволяет?!

– Не смей!

– Я ей сейчас!..

– Не трожь ее! Девочка брякнула, не думая... Конфликта не будет, – Кондор отпустил его руку, при том слегка оттолкнув назад, и тот, шатнувшись, отступил. – Дай мне сказать...

– Ты пользуешься тем, что я не вызову тебя на дуэль!.. – закричал Личи совсем отчаянно.

– Я приношу извинения, – жестко, подняв голос, чеканя слова, проговорил Конхстамари, приложив к груди руку и чуть склонившись, – за неосторожные слова моей поверенной.

Личи притих, хмурясь, тяжело дыша, явно с трудом умеряя гнев.

– Хорошо, – наконец, проговорил он, сокрушенно опустив взгляд, – извинения приняты... – и совсем-совсем тихо, едва ли не одними губами, прошептал. – Спасибо...

– Как великодушно! – чуть иронично бросил Сэф. – А можно было и не извиняться, перед этим-то недомерком... Я б еще и поддал за нарушение субординации. Ты слишком великодушен, Конхстамари.

Кондор распрямился и вновь повернулся к обсуждающим, не удостоив его ответом.

– А чайка сильна. И где только нашел такую несведущую?..

– Тебя не касается, – бросил Кондор холодно и равнодушно. А мне же, наклонившись, строго прошептал. – Тщайг Янше, если вы не знаете, что говорить можно, а что нельзя, извольте держать рот на замке...

Я смущенно притихла, стоя рядом и ковыряя ногой песок.

– Я... право... мне жаль, – неловко промямлила я. Однако Кондор не удостоил меня сейчас вниманием.

Я сокрушенно взглянула на Личи. Правда не думала, что говорю что-то оскорбительное...

Собрание продолжилось. Обсуждение никак не могло привести драконов к какому-то единому решению, мнения слишком различались. Не понятно было не только что конкретно делать, но и фундаментально – помогать ли ей в принципе, или нет. Многие высказывались за, но немало было голосов и против. Но голосов "за" было больше. Больше ведь?..

Впрочем, не по всем было понятно. Кто-то высказывал сомнения и в том, и в другом... Много говорили на драконьем, и я попросту не понимала. А интонация была плохим подсказчиком – об убиении и о помощи говорили едва ли не одним тоном...

– Давайте в первую очередь решим, помогаем ли мы ей, либо нет, так или иначе. А потом уже разберемся с частно-

стями... – предложил кто-то.

Пришли к голосованию за пару вариантов: девочке либо помогают, либо нет. Голосование было тайным. У каждого с собой оказалась пара небольших каменных жетонов, черного и белого цвета. Драконы тайно опустили свой камень в небольшую сумку, предварительно проверенную на пустоту. Никаких промежуточных вариантов не было. Либо черный, либо белый. И мнение соплеменников уже не могло повлиять на твое.

Потом был подсчет голосов, и... Черных камней оказалось на три больше.

Но я даже толком не успела ужаснуться, объявили, что результат спорный – для принятия таких решений необходим перевес, и сейчас он недостаточен.

Тогда был выдвинут еще вариант, в чем суть, я не разобрала. И Сэфхинри, да и многим еще, он по вкусу не пришелся. Однако после не сильно бурных споров был, очевидно, утвержден. Раттен'Хару взял пару камней в разные руки и окликнул Личи, дав тому знак подойти.

– Дожили, – недоброжелательно бросил Сэфхинри. – Поглядите, в чьих руках у нас судьбоносное решение. Уж лучше бы детей в голосование включили...

Хару что-то проговорил подошедшему Личи, тот кивнул и, не долго раздумывая, указал на один из камней в руках Бьярка.

Проклятье! Я не видела, в какой руке у него какой!..

Хару бесстрастно кивнул и, обернувшись к своим (как назло, спиной ко мне!), продемонстрировал им выбранный камень. Я опять не смогла разглядеть, какого тот цвета.

Понадеялась, что сейчас пойму по реакции драконов. Но своего отношения к итоговому решению никто уже не выдал, приняв как данность. Все, ВСЕ были одинаково смиренны, и те, кто выступал за убийство, и те, кто против.

Дальнейшие обсуждения были непродолжительны, безэмоциональны, сухи и чисто на драконьем. Личи был слишком далеко, а подходить, чтобы спросить – выглядело бы вызывающе... А потом мы так быстро и оперативно собрались, что я ничего не успела ни сказать, ни узнать, ни надумать. Мы пошли с побережья к склону, по всей видимости, чтобы уже улетать. Кто-то еще оставался, и было неясно, с какой целью.

– Кондор!.. – потянула я его за рукав, когда мы пошли. – Что будет? – мой голос предательски задрожал. – Что будет с девочкой? Что с ней сделают?

Кондор обернулся, и его лицо из спокойно-непроницаемого стало взволнованным и удивленным.

– Неужели ее правда... – голос сел; я чувствовала, что, если продолжу, следующим звуком будет уже откровенный плач.

– Нет, Зет, нет, что ты! – опомнившись, поспешил уверить меня он, взяв за плечи. – Ей будут помогать, не оставят.

– Правда?..

– Стану я тебе врать, Зет? – с укором взглянул на меня Кондор.

Я успокоилась и выровняла дыхание.

– Тогда почему мы уходим? Разве ты не будешь помогать? Я думала, ты займешься ее опекой...

– Ну, не все же, право слово, должно возлагаться на меня, – усмехнулся он, закатив глаза. – Опеку взяли на себя другие. А на нас с Хару – переговоры с женщинами.

– Аж целые переговоры... – усмехнулась я, театрально кивнув. – И все же, – посерьезнев, продолжила, – это очень странно. Что столько было тех, кто считал, что ребенка нужно попросту убить... Вы... и правда настолько жестоки?

– Дело не совсем в жестокости, – задумчиво проговорил Конхстамари. – Скорей... в некотором обоснованном цинизме. Я ведь рассказывал тебе о том, что у нас преимущественно каждый сам за себя? И помогать слабым не принято. Если не может выжить самостоятельно – значит, не судьба.

– Припоминаю что-то такое, – я, вздохнув, кивнула. – А как вообще происходит воспитание детей у вашего народа? Вы с малышами вообще не контактите?

– Ну-у, – протянул Кондор, – коли интересно, давай расскажу... Мы действительно почти не взаимодействуем с маленькими. До пятидесяти лет детей воспитывает мать, не подпуская к ним никого. Маленькие дети ей милы. Но постепенно они вырастают, крепнут и взрослеют. Какое-то время подросших детей мать еще терпит. А потом, примерно к

полусотне лет, она взрывается и изгоняет их. Детям ничего не остается, кроме как покинуть разбушевавшуюся мамашу. Тогда и случается их первый серьезный и, пожалуй, самый важный в жизни полет. Когда они покидают остров и летят искать другую сушу. Долетают не все.

– Их не находят?

– И не ищут, – чуть прикрыл глаза Кондор. Потом, на мой вопросительный взгляд пояснил. – Видишь ли, так исторически и эволюционно сложилось, что в нашем народе выживает сильнейший. Помощь "ближнему" не то что не предписана, даже несколько нежелательна. Но это обеспечивает нашему народу стабильность, благополучие и хорошие наследственные признаки.

Он говорил ровно и спокойно.

– Видишь ли, при нашем устройстве общества и брачных обычаях, у нас очень высок риск близкородственных связей. И может статься, что твоя "невеста" окажется притом твоей сестрой...

– Оу, – протянула я. – И это не запрещается?

– Это не всегда даже возможно узнать. Есть ограничения только на совсем близкое родство: нельзя участвовать в свадьбе, если "невеста" тебе – родная мать, дочь или сестра из одной кладки... А вот другие степени родства с женщиной уже установить сложно. К тому же, даже если у вас одна мать, у вас, скорее всего, разные отцы. В принципе, даже если вы из одной кладки, у вас могут быть – и даже обычно так и бы-

вает – разные отцы, так как женщина крайне редко ограничивается одним мужчиной. Выбранных ею за один раз может быть от двух-трех до пяти, а в редких случаях даже до десяти...

– Не слишком много? – недоверчиво уточнила я, чуть поморщившись.

– Хм, – усмехнулся Кондор. – Это веселая лотерея. Чье семя прорастет... Так вот, смысл в том, что, если вдруг из-за близкого родства, вылезет какая-то паршивая мутация, ребенок либо умрет сразу, либо будет убит матерью же, увидевшей уродство, либо погибнет при тяжелом перелете. Таким образом все нехорошие признаки выбраковываются, и раса самоочищается.

Я задумчиво кивнула, а Конхстамари подытожил:

– Поэтому в нашем народе совершенно не принято помогать слабым и убогим. Считается, что тем, кто не выжил, кто не справился – туда и дорога. Естественный отбор обеспечивает выбраковку дефектных особей.

– Но ведь так... могут погибнуть и не только уродцы... И нормальные дети тоже.

– Да, – прохладно ответил Кондор, прикрыв глаза.

– Жестоко, – откровенно осуждающе протянула я.

– Жестоко, – холодно согласился Конхстамари и продолжил. – И тем не менее, в этом есть резон. Дракониий народ – без преувеличения самый чистый и сильный народ среди разумных рас. Хоть и крайне малочислен. А вот народ лю-

дей, при своем числе и идейной взаимовыручке – переполнен выродками, убогими, инвалидами и врожденными калекками... Не будем спорить, у наших народов разные взгляды на этот вопрос, – примирительно закончил он свою прохладную речь.

Я согласно кивнула. Взгляды действительно разные, и в тех, и других есть свой смысл...

– Конхстамари, – я хитро прищурилась. – А почему ты тогда помогаешь мне?

Он тоже улыбнулся.

– Потому что ты – иное. Ты – девочка из человеческого народа, маленькая, легкомысленная и слабая, – мягко проговорил он. – Ты представитель другой расы. Не конкурент, с которым придется сражаться за территорию и женщину, не сын, которого нужно воспитать. Заботиться о ком-то слабым, хрупком это нормально. Это в каком-то роде естественная потребность...

– Ну да, – с беззлобным ехидством добавила я. – Приятно чувствовать себя большим папочкой, богатым и сильным покровителем. Заботиться о ком-то маленьком и слабым... И чтобы этот, при том, был любовницей.

Конхстамари лишь чуть улыбнулся моему ехидству.

– Лишь бы была или был хорошей любовницей или любовником, – с издевкой подтвердил он, все-таки дополнив тем, о чем я умышленно умолчала.

– А Личи тебе не по нраву, – в отместку добавила я, дохо-

дя до собственной грани дозволенного в своей шутке. – Чем же он тебе не угодил?

Конхстамари, вопреки ожиданию, не возмутился. А, помолчав, продолжил холодно и безэмоционально:

– Ухаживать, заботиться о равном себе, потенциальном конкуренте, видеть в нем объект интереса... как-то ненормально. В этом есть что-то болезненное, аморальное, даже убогое. Впрочем, это *их* дело, и меня это совершенно не касается, – закончил он равнодушно.

Я приподняла брови, вопросительно взглянув на Конхстамари.

– Личи, по существу, равный нам. Взрослый, совершеннолетний дракон. А вот его поведение и подача... – Конхстамари покачал головой. – Это, без преувеличения, беспрецедентный случай. Наша история не знала ничего подобного. Нет, конечно, за всю историю, надо полагать, были чудачки с подвывихнутым желанием попробовать и другое качество, и кому-то это даже могло понравиться... Но чтобы так откровенно торговать собой, причем без разделения, в каком качестве... Такое в нашем народе впервые. И потому мы, отчасти, даже не знаем, как с ним быть – нет ни одного примера, от чего можно было бы оттолкнуться. Но благо, честь народа он порочит только здесь, на небольшом кусочке мира. А повсюду наша "дурная слава" сводится к байкам о воровстве девок да сожжении деревень. А если и услышат где-то вдалеке о том, что драконы еще и собою торгуют, сочтут

бреднями, может еще и побьют того, кто глупость брякнул.

– Ну, да, – хмыкнула я. – Вам больше "покупать" по душе... Наложниц и наложников себе заводите.

– Ты же уже знаешь. Наше общество устроено так, что мы одиноки. У нас нет возможности быть со своими женщинами и удовлетворить свою потребность в близости с ними... Потому мы и берем себе наложниц и наложников из других рас. И, надо сказать, это обычно взаимовыгодный союз: для одних это жизненная необходимость, а для других – очень удачный вариант устроиться в жизни.

– А у тебя есть... – я замялась, не зная, как сформулировать, – ну... кто-то?

Кондор, все это время внимательно глядящий на меня, и ожидавший, очевидно, что я все-таки скажу, что собираюсь, хмыкнул и поглядел вдаль.

– Дзета, задав такой вопрос, что ты хочешь услышать в ответ?

Я молчала.

– Ты ревнуешь?

– Нет, – я покачала головой.

– Мы с тобой не в отношениях, своенравная моя девочка. А нашу специфику ты знаешь. Как-то удовлетворять свои потребности надо. В придачу, тебе известно, какое действие ты на меня оказываешь... У меня нет сейчас постоянных отношений. Наложниц или наложников, чтобы взял официально на содержание. Любовницы. Подруги на ночь. Или долъ-

ше. Но не насовсем... Пока ты в моем доме, я их к себе не привожу... – он повернулся и взглянул на меня. – Устраивает тебя мой ответ?

Я кивнула, смущенно опустив взгляд. Мне было неловко, что заставила отвечать на неудобный вопрос.

– Да. Извини за вопрос... Мне было интересно, и только... – я малость виновато взглянула на Кондора. – Прости за бестактность.

Конхстамари и сам чуть смутился от моих слов.

– Твои извинения ставят меня в тупик... Даже не знаю, что сказать... Оставим этот разговор, самое важное мы выяснили, остальное не нужно ни тебе, ни мне.

Я согласно кивнула.

– Кстати... Ты ни за что еще не хочешь извиниться? – Кондор строго взглянул на меня.

– Ох... Ты имеешь в виду, что я сказала Личи?.. – я досадливо поморщилась.

Кондор кивнул, воззрившись на меня сурово и требовательно.

– Мне жаль, что я брякнула что-то не то... – смущенно проговорила я. – Право, я не знала. Я ж даже ничего такого, вроде, не сказала. Просто констатировала очевидное...

– Ох, Небо, – вздохнул Конхстамари. – Здесь это настолько на слуху, на поверхности, что я даже не думал, что ты не знаешь...

– Но я правда не понимаю, что тут такого, – попыталась

немного возмутиться я.

– По нашим меркам, это очень сильное оскорбление.

– Но ведь это абсурд! Все когда-то были маленькими.

– Да! – жестко и холодно сказал Кондор. – Но нечего упоминать постыдные факты из чужой биографии! Да еще и при всех!

– Пфф, – фыркнула я, закатив глаза. – Вы чудные.

– При нашем сроке жизни мы привыкаем быть сильными.

Нам постыдна детская слабость, беспомощность. И напоминание об этом – унижение.

– Это всё так очевидно мне, легкомысленной маленькой и слабой человечке, – почти съязвила я.

– Просто прими это.

– Ну хорошо, я приняла, – отвязно проговорила я.

Конхстамари же нравоучительно продолжил:

– Ты понимаешь, в какое положение ты меня поставила?

А в какое поставила его?

Я опустила взгляд.

– Вынудила срочно разрешать созданный тобой конфликт.

– Ох... Да, некрасивая получилась ситуация...

– Это не просто ситуация, это прецедент. Для многих это впоследствии будет примером, моделью поведения. Молодые смотрят на старших, на их стратегии, оценивают, как кто поступает в какой ситуации... Впоследствии они будут использовать этот опыт в решении своих конфликтов.

Я задумалась. Кондор продолжал:

– Ты создала ситуацию, в которой мои действия определяли не только решение конкретно этого конфликта. Но и дальнейшее отношение к Личи. Подумай, если я позволю своей чайке, простому человеку, в открытую и при всех едва ли не плевать ему в лицо, каково будет отношение других? И что он может противопоставить? За подобное равный вызвал бы меня на дуэль, чтобы восстановить свою честь, а меня поставить на место. Ну а Личи?..

Кондор взглянул на меня.

– Да, я недолюбливаю его, но конкретно зла на него не имею, и не хочу усугублять его положения, ему и так непросто... И вот ты ставишь перед выбором, как разрешить ситуацию максимально корректно. Хотя, выбор в общем-то очевиден. Мой статус не предписывает мне склонять голову перед ним. Но мои публичные извинения – единственное, что могло исправить ситуацию и вывести ее в мирное русло. Для меня это не сильный "ущерб" репутации, а для него – сильная помощь.

Вздыхнув, я виновато поглядела на Кондора.

– Я поняла. Прости, я правда не знала. Мне стоило извиниться перед ним...

– Не обязательно. Я сделал это, взяв на себя ответственность за твои слова. Ведь ты была моей поверенной.

Я кивнула. Но мысленную пометку извиниться перед Личи при случае все же себе сделала.

– А что происходит с детьми дальше? – немного погодя спросила я. – После того как они улетают от матери?

– Они добираются до какой-нибудь суши, и мы их обнаруживаем. Иногда еще в небе. Мы отслеживаем их на своей территории и маршрутах. Не специально, с конкретной целью, а больше походя. Просто поглядываем и, если кто-то появляется, сообщаем остальным. Например, я отслеживаю территорию Жемчужной скалы, свой путь до Долмира и других мест, где бываю, и собственно эти самые места.

Я кивнула; он продолжал:

– В возрасте изгнания дети уже не совсем маленькие, но это все равно большая ответственность и некоторая игра на нервах. Им по полвека отроду, на ваши деньги это примерно десять-одиннадцать лет – в младшем возрасте драконы развиваются сравнительно быстро. Старшие, в силу опыта, воспринимают детей более спокойно, а вот молодым бывает тяжело. Однако молодые редко сразу становятся отцами.

– Почему?

– А кому легче победить в битве и завоевать расположение женщины? Неопытному юнцу или бывалому сильному мужчине постарше?

– Понятно, – усмехнулась я. – А как вы узнаете, чей это ребенок?

– О-о, как раз собирался сказать. Поскольку идет большое смешение, не всегда легко установить, кто отец ребенка. Да, мы узнаем, кто мать, по срокам прикидываем, какого года

ребенок, и устанавливаем, кто тогда участвовал и потенциально мог достичь успеха. Официальный отец признается по достоверному внешнему сходству.

– Хм, а что если ребенок выйдет похожим на мать? – хихикнула я.

В голове почему-то последнее вызывало диссонанс: такие серьезные и педантичные парни драконы, все решающие очень ответственно – и вдруг, "на глазок" выясняют, чье дитя... Такое банальное и даже сомнительное решение...

– Разумеется, так бывает повсеместно. Он может быть не похож ни на кого, или похож на двоих сразу... Может выйти так, что ребенок унаследует признаки двоих и более отцов. Тогда отцом признается тот, на кого похож больше, а если одинаково – решается переговорами.

– Почему не на камень-ножницы-бумага? – вновь хихикнула я.

– Ты смеешься, – улыбнувшись, сказал Кондор, – а иногда и правда бросают жребий, предлагая разрешить на усмотрение судьбы. Хотя чаще все же переговорами, причем иногда равнозначными, если обоим в равной степени важно, а иногда – тот, у кого уже есть несколько отпрысков, может уступить спорного ребенка бездетному. Но только причастному. И если ребенок на тебя достоверно похож, ты не имеешь права откреститься или милостиво "уступить" отцовство кому-то.

Я кивнула, не став смеяться, глядя на Кондора в ожидании

продолжения.

– До ста пятидесяти лет ребенок находится на попечении. Отец обучает его, кроме того, иногда, ближе к возрасту автономии, отправляет учиться чему-нибудь в человеческих академиях. В этот период довольно просто изображать человека – рост еще не выдает, маленькие рога прячутся под шапкой, крылья под плащом. Правду знает, но не разглашает, только руководство. Это довольно обычная практика.

Я вновь кивнула, осмысливая и запоминая, Кондор же продолжил.

– Примерно в полтора года лет отец признает ребенка взрослым, дает ему право на автономию, и тот обособляется. Он может еще проживать с ним под одной крышей, пока не выберет и не отстроит себе жилье, тоже может учиться или доучиваться в человеческих и иных учебных заведениях. Многие обучаются у людей архитектуре, чтобы потом построить собственный дом... Наверное, это аналогично вашим шестнадцати годам, когда ребенок признается частично самостоятельным, но все же еще не взрослым. Хотя у нас это поменьше, скорее, около пятнадцати лет.

Я кивнула, внимательно слушая.

– Часто мальчики, получившие автономию, держатся небольшими компаниями по двое-четверо с друзьями-ровесниками. Но постепенно, по мере взросления, они разделяются, все более и более видя друг в друге конкурентов. Не ссорятся, просто расходятся. И дальше живут уже само-

стоятельно, строятся, зарабатывают, учатся, участвуют в каких-либо кампаниях и золотодобыче... К совершеннолетию, что наступает к четыремстам годам, молодой дракон должен иметь собственную территорию, замок, золото. Период от автономии до совершеннолетия один из наиболее замедленных относительно человеческих возрастов этап взросления. Хотя и возраст совершеннолетия у нас несколько завышен – на ваши года это будет примерно двадцать. Просто к этому сроку юноша уже должен состояться в жизни, и тогда он будет допущен до участия в свадьбе. С женщинами других народов не запрещается общаться, как только почувствуешь себя готовым, и к автономии это уже, как правило бывает. Но вот быть допущенным к женщине собственного народа можно только по достижению совершеннолетия... Да, мы сейчас говорим о мальчиках.

Он сделал паузу, потом продолжил.

– Девочки воспитываются отдельно, обычно они не сильно удаляются от женской территории, а если случайно попадают к нам – возвращаются матерям. И у них все немного иначе. Даже возрастные рамки. Девочке могут позволить созвать свадьбу и в три сотни, если сочтут, что она готова. Это решается женщинами, нам об этом известно мало. Девочки до периода полового созревания тоже иногда специально присылаются к нам для обучения тому, чему вряд ли обучит мать: наукам, искусству... Тут немного иначе, чем с мальчишками.

Кондор на секунду задумался.

– И опека над юной леди в период обучения, на всякий случай, во избежание... всякого, никогда не доверяется одному. Только нескольким мужчинам сразу, что с подозрением относятся и следят друг за другом. За девочкой следят очень тщательно, не допуская никаких посягательств на нее как со стороны случайного окружения, так и со стороны опекунов. Это больше мнительность, так как к ребенку как к объекту интереса не относятся, только опекают и защищают... Но, как у вас сказали бы, чем Сцерра не шутят, – он, усмехнувшись, подмигнул мне. – Пусть уж лучше и соблазна не будет...

– Сцерра не шутят... Не смей меня! – решила я пристать к фразочке. – Ты ведь не веришь в эти храмовнические байки.

– В байки не верю, разумеется, – улыбнулся дракон. – Помянул в шутку. Но вообще... силы стоит учитывать.

– Они же выдуманные! – весело бросила я.

– Выдуманные... – проговорил Кондор задумчиво.

– Но-о?.. – проницательно уточнила я, чувствуя какую-то незавершенность.

– Но иногда ведут себя как настоящие, – он улыбнулся.

Я недоверчиво приподняла брови.

– Правда?

– Многим народам старше вашего удивительно, насколько убедительно порой проявляют себя ваши “выдуманные” по-

кровители... Кто из народов может похвастаться религией, столь метко вписавшейся в канву мироустройства? – он вопросительно взглянул на меня. – Я не поклоняюсь вашим богам, но я не возьмусь утверждать, что сил, которые вы именуете Андал...ом и Сцеррой, не существует. Мироустройство вещь тонкая. Никто из живых не может знать доподлинно. Даже достигшие наивысших успехов в познании мира могут почувствовать лишь малую часть.

Я задумчиво умолкла. Это ведь верно, очень верно... Мы, маги, что по чувствительности на ступеньку выше остальных, ощущаем лишь то, что некие силы есть. Что их можно попросить о покровительстве и добродушном отношении, и почувствовать, как это отношение проявляется. Но кто из живых может знать доподлинно?

– Понятно... Извини, я тебя перебила. Так значит, девочку опекают несколько взрослых, защищают ее ото всех...

– Да. Так сказать, "никого к ней не подпускай, и сам смотреть не смей". Но к периоду полового созревания девочка должна вернуться на территорию женщин. У нее резко изменяется характер, она становится агрессивной, вспыльчивой и нелогичной... Вот, в общем-то и все, – Конхстамари закончил рассказ и взглянул на меня.

Я кивнула, переваривая информацию. Какое-то время мы молчали, потом я, подумав, решила спросить:

– Кондор, а у тебя есть дети?

– Да, трое. Старший совершеннолетний, среднему три

сотни, младший получил автономию пару десятков лет назад...

– И ты молчал? – воскликнула я изумленно.

– А должен был говорить? – искренне удивился он.

– Почему нет?

– Ну, они взрослые самостоятельные драконы, что мне их обсуждать? – ответил он.

– Но... разве вы не общаетесь? Не поддерживаете контакт?

– Мы общаемся, но... Да, знаю, у вас в обществе все по-другому. Мы поддерживаем контакт с нашими взрослыми детьми немногим более, чем с остальными сородичами. Мои сыновья могут прийти ко мне за советом. Чуть больше я общаюсь с младшим, потому как с автономными, но несовершеннолетними, связь в некоторой степени поддерживается. Наблюдаю за ним.

Мы дошли до холма. Отсюда было удобно взлетать.

– Кондор, а... Тот парень, с раненым хвостом... У него теперь будут проблемы?

– Ну, – Конхстамари пожал плечами. – Да так. Если дурить не будет – не особо.

– Он хорошо летает...

– Да, аэродинамика там почти не пострадала. Хотя все равно, сама травма... Не есть хорошо.

– Почему?

– Это не фатально, но может стать фактором, из-за кото-

рого женщина впоследствии, например, выберет другого... Они очень не любят увечных. На свадьбе у каждой – выбор из десятков самых лучших. Зачем выбирать раненого, когда ему в качестве альтернативы есть десятки таких же, только полностью здоровых? Впрочем, их желания и выбор неисповедим... Кого захотела, того и выбрала, и ее слово закон.

– Понятно, – кивнула я.

Кондор начал раздеваться, а я по обыкновению тактично отвернулась. Дракон зашуршал сумкой, убирая вещи, и уже, наверное, опустился на землю, чтобы трансформироваться, но я отвлекла его еще одним вопросом.

– Кондор... Что такое *Кабу... Торши?*

– *ТорХии*, – поправил Кондор. – "Бумеранг воздаяния". Можно сказать, по нашим убеждениям, одна из сил судьбы. Что за сила, думаю, и так понятно.

Он сменил форму. Посмотрел на склоняющееся к закату солнце и вздохнул.

– Ну что, ты все еще хочешь сегодня купаться у Черных Камней?

Я с готовностью закивала.

Визит

Переговорам было назначено состояться спустя пять дней после принятия решения по поводу девочки.

Кондор планировал вылет примерно за день, то есть сегодня ближе к вечеру. Как я поняла, они должны где-то встретиться с Раттен'Хару и прибыть вместе в какое-то окутанное тайной "туда" – на территорию женщин драконьего народа. Братъ меня он отказался наотрез, пообещав взамен путешествие в какую-нибудь иную точку мира, посему мне пришлось умерить свой интерес и согласиться остаться в замке "за главную" на пару дней.

Кондор заканчивал последние сборы перед вылетом, я сидела рядом за столом, прихлебывая чай. Мы вели почти что светскую беседу, то есть говорили, в общем-то, ни о чем.

– Что ж, пора, – он собрал волосы в хвост и, повернувшись ко мне, немного неожиданно заключил. – Все будет хорошо.

– Да я и не сомневаюсь, – беззаботно отозвалась я.

– Послушай, если все же... что-то пойдет не так...

– Что еще пойдет не так? – я не сразу переключилась.

– Мало ли. Переговоры с ними... не совсем безопасное занятие, – как-то неконкретно ответил Кондор. – На случай, если я не вернусь...

– Что? – с меня разом сбило все веселье.

– ...у Хару будут инструкции касаяемо тебя. Он вернет те-

бя в Лиорию, кроме того, выдаст в компенсацию некоторое количество моего золота. Тебе не о чем беспокоиться, ты не будешь оставлена здесь одна без помощи.

– Золото плохая компенсация за смерть друга, – помолчав, отозвалась я.

– Предпочтешь брать камнями? – усмехнулся Кондор.

– Так ты все-таки шутишь? – нервно улыбнулась я.

– Надеюсь, – проговорил он, шагнув к выходу из залы, – что эти меры излишни, и предпринимать их не придется. Но было бы некрасиво умышленно умолчать тебе о рисках.

Я кивнула, отставила кружку и поспешила следом. Кондор вышел на свою взлетную площадку, трансформировался. Я в шутку пожелала ему ни пуха, ни пера, он в ответ фыркнул, оставив меня гадать, усмехнулся ли он человеческой шутке или просто не понял, к чему это. Я проводила его, немного постояла на уступе, щурясь от солнца, проследила, как его силуэт тает в солнечном небе, и ушла в дом.

Находиться в замке одной, без хозяина, было немного странно. Вспомнился почему-то мой первый визит сюда, как я, кутаясь в драную простынь, пряталась от Кондора по замку... Я вновь смутилась своего глупого вида тогда, да и вообще, идиотизма ситуации. Сама же над собой посмеялась. Да уж, эта нелепица некогда столкнула наши судьбы...

А ведь я без сомнения могу сказать, что лучше и ближе Кондора друзей не знаю.

"Если я не вернусь..." неприятно укололо сознание. "Ну,

вздор!" – отогнала я тревожную мысль. Он сказал, что это всего лишь подстраховка.

За все те разы, что бывала здесь, я действительно хорошо освоилась в замке, чтобы знать, где что взять и как с чем обращаться. Замок прекрасно укреплен и недоступен просто в силу своего расположения. Море и отвесные скалы. Ниоткуда не подобраться.

Остаток дня прошел спокойно. А вот к вечеру я вдруг заметила подозрительную активность у подножья скал со стороны континента. Там копошились какие-то люди, с огнем и, вроде как, даже вооруженные. Впоследствии они преодолели несколько небольших гряд и подобрались вплотную к самим скалам, как раз туда, где Кондор перегородил подходы к скале ввиду их опасности. Там люди застряли, так как, видимо, безопасная дорога заканчивалась и надо было лезть.

Честно сказать, внезапная активность меня несколько напрягала. Нет, сюда им не добраться, конечно. Но все равно их присутствие как-то раздражало...

С наступлением темноты их огни стали видны отчетливее. Очевидно, люди обосновались на стоянку.

Вечером я читала небольшую книгу сказок на общем, что нашла в библиотеке у Кондора, несколько раз выходила смотреть "осаждающих". Перед сном проверила еще раз. Стоят.

Следующим утром, гуляя по замку, я случайно обнаружила галерею. Точнее, я даже не сразу поняла, что это галерея,

показалось, что просто интересно декорированный коридор, потому что картины были завешаны материей. Мне стало интересно, что за такие картины спрятаны под тканью. Заглянула за одно из "покрывал". Смутилась, закрыла обратно и поспешила уйти, не изучая остальную экспозицию. Кондора о найденном, разумеется, решила не спрашивать.

С обедом я сильно мудрствовать не стала. Братъ (и, следовательно, потом мыть) лишнюю посуду не хотелось, поэтому я приготовила овощи на огне с обжаренным хлебом. Вышло не так здорово, как у Кондора, но вполне съедобно.

"Штурмующие" все так же копошились у подножья. Сегодня посветлу обнаружила: притараненные ими громадные "тюки" оказались не разобранными палатками-юртами, как подумала сначала, а баллистами. Причем, если не ввали мне глаза, еще и зенитными. Хоть и, кажется, плохонькими. Присутствие завоевателей напрягало все сильнее.

Вечером я разожгла огонь и продолжила читать. Подрывалась на каждый шорох со стороны моря. Кондор все не возвращался. Было немного волнительно. Насколько он шутил об опасности этого предприятия?

Верно говорят, нет хуже, чем ждать и догонять. Я считала время, прикидывала, не пора ли ему уже вернуться. И хоть понимала, что назначенному им времени в запасе еще целый день, все же наостряла уши, ожидая услышать хлопанье крыльев.

Хотя все-таки волнение было слабым. И больше походи-

ло на мнительность, нежели на интуитивное предчувствие опасности, что успокаивало.

Перед тем, как лечь, я вновь вышла на площадку поглядеть на звезды и подышать морем, выглядывала, не появится ли на горизонте долгожданный драконий силуэт; после, пройдя замок насквозь, вышла на восточный балкон, провела "осаждавших".

Ночь была тиха, хотя спала я немного беспокойно. С утра я уже традиционно проверила "оккупантов". Те строили какие-то деревянные лестницы для штурма скалы, видно, что шумели. Но потуги их были жалкими.

Я прикидывала, когда следует начинать волноваться и проглядывать все глаза в горизонт. Запланировала, что приступлю к этому во второй половине дня, как солнце вполночь снизится и больше откатится к западу, чтоб смотреть было побольше и послезливее.

Кондор мои планы обломал, вернувшись чуть за полдень. Подлет его я проглядела, заметила только приземлившимся на взлетную площадку. Побежала встречать.

– Что, не ждала? – шутливо проговорил он, встретив на пути в свою комнату, и начавшиеся было расспросы оборвал. – Иди в залу, сейчас переоденусь и приду, расскажу...

Я кивнула и отправилась туда.

– Приняли нас на удивление хорошо, – рассказывал Кондор, пока готовил обед. – И решилось все довольно быстро. С нами вела переговоры Шайнар, она быстро припомнила, что

у Лэйхэ'Рай некоторое время назад штормом унесло малышку, что не вовремя решила поучиться летать. Оррайнэ'ах искали своими силами, не найдя, признали погибшей... А та около четырех месяцев выживала, как могла, пока не добра-лась до континента.

Может быть, мне показалось, но о первой названной Кондор отозвался с каким-то теплом.

– А как ее зовут? – поинтересовалась я и на слегка вопро-сительный взгляд собеседника пояснила. – Малышку.

Кондор на несколько мгновений задумался, вспоминая, потом ответил:

– Зирфи'Хрэй.

Я кивнула.

– Вам имена дает мать?

– Девочкам – да. А юношу нарекает отец.

Я на секунду задумалась.

– А мама тогда как мальчишек зовет?

– О, матери с именами сыновей обычно не заморачивают-ся: кличут простым прозвищем, обычно по какому-нибудь яркому внешнему признаку...

Я хихикнула.

– А тебя мама как звала?

Кондор одарил меня выразительным взглядом, после чего не слишком охотно ответил:

– Ядархэ. "Бронза". Не вздумай этот вопрос еще кому-ни-будь задать.

Я поспешила отшутиться, мол, с кем я еще болтать-то буду? Но пометку себе сделала. Кондор же продолжил:

– Договорились о переправе райчжи к ним завтра же.

– Здорово! – улыбнулась я. А после, фыркнув, неодобрительно протянула. – А некоторые негодяи говорили убить...

Кондор вздохнул, выражая прохладное отношение к решениям других, после чего продолжил:

– Так что завтра мне вновь придется тебя бросить и улететь.

– А кто говорил, что не все же должно возлагаться на него? – шутливо возмутилась я.

– Орраайнэ Шайнар настояла, чтобы я был в составе группы, – улыбнулся он.

– Она тебе?... – вопросительно начала я.

– Мать моего среднего.

– О-о, – улыбнулась я. После чего, опустив взгляд в тарелку, полушутливо уточнила. – Обещала интересный вечер?

– Не-ет, что ты! – усмехнулся Конхстамари и пояснил как само собой разумеющееся. – У нее сейчас не сезон...

– Почему же вы так волновались за реакцию женщин? Ведь все прошло очень гладко.

– К счастью, да. Нам повезло. Но они действительно бывают весьма вздорны и агрессивны... А мы, в придачу, должны были сунуться без приглашения. Теперь спокойнее – наш визит согласован, нас ждут.

Я, усмехнувшись, кивнула. Видно жестокость женщин он

все-таки преувеличивал... Перестраховывался.

– Тогда почему же ты задержался? Ты вроде сказал, все получилось быстро...

– Надо было сразу заскочить в Долмир и передать вести. Это заняло время.

– А мне – волноваться лишние часы, ночей не спать, – с театральным осуждением протянула я. – Отправил бы хоть Раттен'Хару, чтоб успокоил...

– А ты не испугалась бы, – внимательно взглянул на меня Кондор, – если бы вместо меня вернулся тот, кому велено донести мою волю в случае моей смерти?

Я запоздало сообразила, что это действительно было плохой мыслью. Увидав Хару, я, как минимум, заволновалась бы. Кондор чертовски прав. Как всегда.

– А то выйдет как в легендах про порванные штормом белые паруса, которые пришлось заменить черными...

– Ты прав, ты прав...

Кондор усмехнулся:

– Знаю.

– Ах, кстати! – опомнившись, заговорила я. – Слушай, там какие-то люди... У подножья скал черепашки попирают. Странные, ведут себя недружелюбно...

Я заметила, как у Кондора от моих слов меняется лицо, принимая не то страдальческое, не то презрительное выражение.

– Великие Небеса... – вздохнул-простонал он. – Светли-

щенцы...

***

Мы с Кондором стояли на балконе со стороны континента и наблюдали деятельность копошащихся у подножия людей.

– Эти идиоты, – устало и равнодушно сказал он, – меня уже доконали...

Из рассказа Кондора я узнала, что это люди из Светлицево – небольшого села в глуши неподалеку от скалы, в честь которого условно именуется и весь тот район. Цивилизация и дипломатический прогресс обходит светлиценцев стороной уже многие годы. Некогда они приперлись откуда-то из центральной Лиорской глуши и принесли с собой типичный менталитет людей, живущих в глубине и изоляции своей чистой территории и о других народах не слыхавшие, а если и слыхавшие, то свято верящие, что сие сказки.

То есть: "гля, смотри, какие уроды! Ушастые, а мордой – чисто звери! А на это погляди – бледнокожий карлик!" А отношение их к драконам и вовсе было "у-у-у, поганый ящер!" И этот уклад "старообрядцы"-светлиценцы упорно несли сквозь года и поколения...

Живя условно на смешанной территории, на ее границе, дружбы народов они не признавали, чтя обычаи предков. Люди смешанных территорий многократно пытались "насадить им свой грязный уклад", пытаясь убедить сородичей из глуши в возможности мирного сосуществования двух и бо-

лее видов разумных существ.

Светлищенцы тем упорно не верили, а за нездоровую симпатию (то бишь, отсутствие нетерпимости) к другому народу звали "змеелюбцами", а то и вовсе "змееложцами". Последнее, между прочим, было более оскорбительно драконам, нежели людям. А местные, в свою очередь, начали ругать "светлищенцами" тех, кто упорно отказывался принимать прогресс и держался за старые, потерявшие актуальность или изначально ошибочные устои. Редко, но можно услышать это от тех, кто живет к ним достаточно близко, чтобы быть в курсе.

Однако постепенно светлищенцы открыли для себя некоторые плюшки смешанной территории, а именно возможность ябедничать человеческим градоправителям Долмира – наиболее крупного смешанного города – на "поганого ящера-душегуба, повинного в очередной смерти одного-другого селянина". Долмирские коменданты поначалу недоумевали и выясняли, потом, достаточно раз ознакомившись с показаниями иной стороны, смущались, извинялись за беспокойство и пытались принять просветительские меры к светлищенцам.

А "поганый ящер-душегуб" городил заслоны, заборы и предупреждения, как письменные, так и символические, чтобы максимально затруднить дурням пролезание на опасные участки скалы...

– Это ж сколько их тут уже умерло, – потрясенно прошеп-

тала я, окидывая взглядом белые россыпи.

– Ну, не все же те дурни, что пали жертвами коварства скалы, светлиценцы, далеко-о не все.

– Правда? – с интересом спросила я.

– Дзета, вспомни свою шайку, что обеспечила нам встречу. И себя, – хмуро сказал Кондор, взглянув на меня. Я потупилась. – Дурья кругом хватает... Этим просто долезть ближе.

Понаблюдав еще немного за деятельностью "штурмующих" Конхстамари покачал головой.

– Не угомонятся... Придется все же попытаться предпринять дружеский визит...

– Ты полетишь к ним? – испуганно уточнила я.

– Да. Попытаюсь с ними поговорить и убедить в своей незлонамеренности, – ответил дракон, отойдя от окна и начав расстегивать одеяние.

– Но... Ты не боишься? – все еще взволнованно уточнила я. – У них баллисты...

Кондор молчаливо, одной мимикой, выразил свое отношение к светлиценской стрелковой технике.

– Зенитницы... – протянула я.

– Если это чудо техники сделает хотя бы один достойный выстрел – спущусь и лично пожму руку их строителям, – самоуверенно усмехнувшись, ответил дракон.

Я осталась ждать на балконе, Кондор же поднялся на этаж выше, откуда через некоторое время вылетел навстречу "за-

хватчиком".

В их рядах при виде дракона произошло смятение, какое-то копошение и мобилизация. На мирную беседу светлиценцы явно были не настроены. Люди засуетились вокруг взведенных баллист. И почти вертикально вверх взмыло копьё с подожженным наконечником.

Но оно, очевидно все-таки не имея должного импульса, не долетев трети пути до начавшего было маневрировать дракона, замедлилось, повисло в воздухе, разворачиваясь, и устремилось вниз, набирая разгон...

Горящее копьё обрушилось аккурат на вторую, не успевшую выстрелить баллисту. Обломки и огонь брызнули во все стороны, прочь с криками бросились люди, возможно, кого-то даже задело. Послышались далекие звуки паники. Но я уже не очень их слышала, потому что сползла вниз по колоннам балконных перил и сдавленно фыркала, пытаясь сдержать смех. Ибо грешно...

Кондор, описав над светлиценцами круг, опустился на скалу неподалеку. От этого движения часть народу даже попыталась бежать, кто-то, напротив, кричал что-то напоминающее "в атаку!". Слышались их далекие возмущенные вопли, шум. Часть людей кинулась к уцелевшей баллисте, и я было заволновалась о смелом маневре Кондора... Однако чудо светлиценской техники оказалось рассчитано на один несостоятельный "залп", и после него непоправимо вышло из строя.

На этом обезоруженные и посрамленные светлиценцы были вынуждены перейти к переговорам. Но конструктивного диалога почему-то не выходило. Возможно, оттого, что на все увещевания Кондора оставить его в покое и не лазить на скалу ввиду ее опасности в ответ слышались крики вроде "поганый ящер" и "убирайся, змей".

В конце концов Кондор, устав доказывать, что это опасно, махнул рукой, а точнее крылом, резко взлетел, создав панику в рядах противника, и, заложив крутую петлю, бреющим полетом пронесся над лагерем, круша деревянные сооружения для штурма скал, тем самым лишая бестолковых селян лишней возможности травмироваться. И вернулся в замок.

А я, разобрав один из наиболее явственных окриков "окупантов", невольно закатила глаза и прониклась неприязнью к упертости и толстолобости светлиценцев – кто-то кричал, разъясняя соплеменникам: "Видали? Он отступил! Хоть и недалеко, но мы не проиграли!". А кто-то в тон верещал, что старания светлиценцев загнали тварь обратно в гнездо.

Кондор же к подобному отнесся философски-равнодушно, лишь бросив флегматичное "идиоты". А потом, спустившись ко мне, как ни в чем не бывало, предложил:

– Как насчет слетать сегодня до Долмира? Прогуляемся, закупимся, а я заодно сразу коменданта уведомялю...

– О чем? – живо поинтересовалась я.

– О том, что, если от дурней вскоре придет очередная жалоба, пусть сразу считают ложным заявлением.

Я кивнула.

***

Были времена, когда я только начинала гулять с Кондором по смешанной территории...

Сначала я как-то смущалась, как будут на меня смотреть, когда мы идем рядом, под руку, а то и едва не в обнимку. Что будут думать... Но очень скоро я убедилась, что особо никому нет дела до очередного дракона с его девочкой. А идти со своим человеком за руку или приобняв за плечо – простая мера безопасности, особенно, если человек нов и не подкован.

Кондору попасть к Долмирскому коменданту оказалось намного проще, чем некогда мне к Эрстхенскому. Подойдя к нужному зданию, мы сразу были пущены внутрь, там к Конхстамари с поклоном подошел какой-то служащий и спустя буквально пару слов кивнул идти за ним. Он провел нас в рабочий кабинет градоправителя, постучался, на миг скрылся в кабинете, а после вышел и с легким поклоном попросил заходить.

Комендант, крепкий невысокий мужчина с седыми бакенбардами, поспешно встал из-за стола и, обойдя его, вышел навстречу.

– Ясного солнца, орра Дх'Орр, – вежливо кивнув, поприветствовал он.

Кондор так же кивнул. Я немного удивилась, что они при-

ветствуют друг друга, как равные.

– Что привело вас ко мне?

– Ясного солнца, господин комендант. Пришел предупредить, что, вероятно, вскоре придет очередная жалобная грамота от людей из Светлицево...

При последнем слове лицо коменданта приняло слегка страдальческое выражение.

– Предпринимали попытку штурма. Рекомендую их жалобу считать недействительной. Что бы они не стали наговаривать, при мне обошлось без жертв и без тяжелых раненых. Обвинить меня могут лишь в уничтожении штурмовых "башен", что пытались выстроить у скалы. Были снесены из соображений безопасности людей. "Баллисты" же, – Кондор презрительно хмыкнул при этом слове, – были уничтожены без моего участия, силами самих светлиценцев. Моя поверенная тому свидетель.

– Боже мой... – простонал комендант явно смущенно. – Орра Дх'Орр, мне жаль, что... наши люди вновь доставили вам беспокойство. Прошу простить. Мы... постараемся принять меры. Они сильно много доставили вам хлопот?

Кондор малость поморщился.

– Нет. Беспокойство небольшое. Вы понимаете, мне они не опасны, более – сами себе.

– Они стреляли? Из баллист? – все еще смущенно проговорил комендант. – Если так, это уже серьезно.

– Поскромничаю называть это самопальное однозарядное

чудо стрелковой техники столь гордым названием.

Я, вспомнив, как залпом одной своей "баллисты" нападавшие уничтожили другую, сдавленно зафыркала. Мой смех привлек внимание коменданта, и я смутилась было, но, по всей видимости, я лишь подтвердила слова Кондора.

– Ладно, – проговорил комендант, на лице его чуть заметно отразилось сокрушенное выражение. – Еще раз извините за беспокойство.

Кондор кивнул, жестом показав, что ситуация исчерпана. Мы вежливо попрощались и ушли. Оказавшись на улице, я поспешила спросить о том, что меня удивило.

– Странно... Мне показалось, или вы говорили с ним на равных?

Кондор в ответ кивнул.

– Он ведь градоправитель, – полувопросительно добавила я.

– Ему подчинены люди. А над драконами он не начальник... Потому мы просто относимся друг к другу равно-уважительно.

– Мне показалось, что он даже чуть более... – я задумалась, подбирая слова, – уважительно говорил с тобой... Как со старшим.

– Извинялся. Светлиценцы – упрямые олухи, все коменданты за них стыдятся. С соседствующим народом конфликтуют, свой порочат... Примечательно, что относительно недалеко от них по нашим меркам еще и смешанная тер-

ритория с одной из общин шей'хар. Там ведь как раз Северный горный массив. Но о ней они не прознали, а то их тоже доконали бы. Там ведь... еще и метисов разной степени немало. Полукровок светлиценцы, наверное, вообще грязью бы поливали. Это там, с севера, – Кондор указал крылом. – А еще далее, в лесах – соседство с тэйрами. Но с ними люди не смешиваются.

Я покивала, пытаюсь воссоздать в голове карту. Дракон же продолжил:

– И вот посреди этого видового многообразия – островок человеческой дикости. О самих светлиценцах жители смешанных знают, случайные столкновения были, на каких-нибудь торговых путях. Обходят их стороной, не желая выяснять отношения с "дикарями".

– Понятно, – кивнула я.

Припомнила из школы, что еще больше народа шей'хар обитает во взгорьях, что пролегают между Лиорией и Заагре, а также в пещерах в горах, окружающих соседей... И тем же временем, уловила некоторые несоответствия.

– Хм... странно, но сколько я ни была здесь, я почти не видела шей'хар, тогда как эльфов – весьма немало.

– Яллай, – с нажимом поправил Кондор и продолжил, – от здешней смешанной обитают довольно далеко, однако они в силу некоторой свободы нравов и, отчасти, развитости цивилизации, с нами взаимодействуют нередко и отнюдь не прочь составить компанию дракону... Шей'хар же иные. Более об-

щинные, держатся за родню. Довольно редко уходят из своего народа, в особенности – так далеко. Да и к тому же, рост и своеобразная внешность тоже играют роль.

– Понятно, коротышки в пещерах прячутся, – отшутилась было я, но была тотчас строго одернута Кондором.

– Что за пренебрежение к другому народу? То, что они иные, не повод насмехаться!

Я устыдилась и хотела было отшутиться, но Конхстамари продолжал.

– Людей иные могли бы звать лысыми обезьянами. Особенно учитывая ваш далеко не самый высокий по сравнению с другими уровень развития общества, редкие искры магии в массе не-магов... А мы – и вовсе насмехаться над бескрылостью. Но разве же это умно, недолюбливать и издеваться над кем-то из-за того, что он просто отличается?

– Прости, я ж беззлобно, – смущенно проговорила я, уже согласная, впрочем, что даже в шутку не очень вежливо звучит.

– Наверное, бессмысленно винить тебя, – вздохнул Кондор. – Вы, люди из глубин чистых территорий, весьма склонны к такому... Хотя вас, магов, даже обучают общему языку на уровне полноценного разговора.

Мы продолжили путь.

– А эль... – начала было я просторечно, но поспешила исправиться. – Яллай где обитают?

Кондор посмотрел на меня взглядом "могла бы и знать",

но все же ответил:

– К югу от Лиории, почти до морских берегов, не доходя немного.

– Могли бы владеть морями... – протянула я.

– Они уступили моря амфибиям.

– Зачем? – я почти равнодушно пожала плечами. – Неужели не хватило бы могущества удержать?

– Зачем им моря? – проговорил Кондор. – Полноценный флот им не создать: они все почти поголовно морской качки не выносят... Захватить, выстроиться, удержать смогут, и сил, и технического развития хватит. А вот здоровья в моря ходить – увы и ах... Им искать одного на сотни – во флоте служить. Вода – это ниша амфибий. Зато яллай хороши в своем – управлении флорой. Нет садоводов лучше них. А сухопутного равновесия и ловкости им хватает даже, скажем, чтобы шустро бегать по веткам деревьев.

– А об яллайской меткости – и вовсе слагают легенды, – хохотнула я.

Даже Кондор сдержанно усмехнулся.

Что и говорить, про "яллайских", а в просторечии "эльфийских" лучников или стрелков не шутил только ленивый. Если вас обозвали "яллайским стрелком", вы, вероятно, не очень хорошо стреляете...

– А амфибии держат берега и имеют мощный флот... Хм, – усмехнулась я. – Почему же они тогда не покорили и не заселили весь океан?

Взгляд Кондора вновь заставил меня понять, что зря спросила.

– Они пресноводные, – проговорил он так снисходительно, словно объяснялся с малым неразумным дитем. – Нет, они, конечно, могут адаптироваться к соленой воде и находиться в ней некоторое, даже порой довольно длительное время... Но все равно тяготеют к пресным источникам воды.

К этому времени мы дошли до рынка. Там было более шумно, многолюдно и тесно. Кондор приобнял меня за плечо, еще и крылом прикрыл от греха. Но вскоре, когда миновали основную толчею, отпустил, и я просто пошла рядом, в тени, тем не менее, его крыла. Прошли мимо какого-то шустрого деда, что хохмил со смеющейся палаточницей, потом остановились у одной из лавок с пряностями, камнями и еще какими-то штуками.

А пока Кондор делал покупки, я отошла к соседней лавке и принялась разглядывать цацки. Цацки были не простые, как могло показаться сначала. А магические. Причем не дешевые талисманчики с жалкими крупичами магии, а вполне сносные. Вот этот амулет, например, имел весьма неплохую защитную функцию. Конечно, свои бы я им не заменила, но все же...

И тут я ощутила взгляд в спину. Он щекотал между лопаток и буравил позвоночник. Я отчетливо чувствовала стоящего сзади человека. Отложив рассматриваемое, я с вызовом обернулась, готовая уже по-долмирски резко посылать.

За спиной стоял дед, тот самый, и с ухмылкой смотрел на меня. Когда я в упор воззрилась на него и наши глаза встретились, он не отвел взгляда. Это был сухонький невысокий шустрый дедок, с аккуратно постриженными седыми волосами и пронзительным взглядом. Я почувствовала, что, несмотря на безобидный внешний вид, это довольно сильный характером человек.

– Госпожа, а вы, часом, не мистик? – осведомился он.

– А с чего вы взяли? – иронично поинтересовалась я.

Дед улыбнулся.

– Осанка и предмет интереса выдают. С такой прямой спиной обычно только маги да аристократы ходят. Но последние интересуются более броскими, но менее дельными "украшениями" ...

Я хмыкнула.

– А вы, как погляжу, неплохо разбираетесь в людях.

Мужчина самодовольно усмехнулся, кивая. Потом проговорил:

– Госпожа мистик, а вы случайно не хотите поработать с сельскохозяйственным уклоном?

Я рассмеялась.

– Если честно, не то чтобы. Но вы меня заинтриговали.

– У меня виноградник страдать начал. Местами растения на плантации сохнут и погибают. Подумали было, пить хотят, сушь стояла... Полив усилили – нет, не помогло. Землю местами смотрим – какая-то серая, неприятная. Как нежи-

вая, что ли... Вот и подумал я, кабы не дрянь какая демони-
ческая.

Я покивала. Небезосновательные опасения.

– Может, госпожа мистик, съездите, поглядите... На худой конец, пошлете меня лесом, скажете "кроты корни съели"... Оплачу вам беспокойство, да разойдемся.

– Съезжу, отчего бы нет, – улыбнулась я. – Когда?

– Да в любой день, хоть сегодня! – охотно отозвался дедок. – Как выедете из города, как к Эрстхену ехать – во-он та усадьба, что на холме. Меня Марком звать. Как приедете, спрашивайте хозяина.

– Дзета Янше, – ответно представилась я, кивнув.

– Лиорианка? – улыбнулся дед. – Из самого Соруса, небось?

– Ну, училась там, – проговорила я, потом поинтересовалась. – А почему вы меня наняли, а не местных?

– А какая разница? – просто ответил тот. – Кого нашел первой, тот и нанят. Сказала бы, не мистик, пошел бы искать дальше. К тому же, наши местные все равно в основном лиорианской подготовки. По крайней мере те, что профессиональные, а не мамкины самоучки...

Я, усмехнувшись, кивнула. Мы распрощались, дед-винодел обещал ждать.

– Я отвернуться не успел, а ты уже работу нашла? – с усмешкой осведомился Кондор, когда тот удалился.

– А что? Специалисты на вес золота! – с театрально са-

модовольной улыбкой ответила я. – Ты же все равно куда-то собираешься завтра, мне хоть скучать не придется...

Кондор хмыкнул, задумавшись.

– Может быть, мне даже лучше остаться на смешанной, дожидаться тут твоего возвращения.

– Это зачем?

– Не хочу сидеть одна в осаждаемой башне, – нахально ответила я.

– И кто тебя в городе сторожить будет?

– А я по Долмиру не собираюсь ходить. Ты меня доставь завтра к выезду, я поеду в усадьбу. А после сразу в Эрстхен.

– Да, лучше туда. Только, пожалуйста, без глупостей.

Я кивнула.

– Там заночую и буду гулять, пока ты не вернешься. Надолго вы?

– Вылетаем завтра до рассвета. По сути, нам туда и обратно. К вечеру-ночи можем уже возвратиться... Либо, если что-то вдруг затянется, к утру.

– Хм, быстрее, чем я думала... Тогда давай ты забросишь меня сюда по пути, а потом... – я пожала плечами. – Если задержитесь, я могу и тут заночевать, я так и планировала...

– Может быть, так даже и лучше, – подумав, сказал Кондор. – У меня... возможно, тоже будут некоторые планы.

Я кивнула, не став уточнять.

– Надо лечь сегодня пораньше. А то очень рано вставать. И если у меня еще будет шанс отоспаться днем на солнечной

лесной полянке, то у тебя – вряд ли, – усмехнулась я.
– Резонно, – улыбнулся Конхстамари.

***

Море разморенным теплом зверем лежало на побережье, обнимая скалы, лениво привалившись боком к разместившемуся меж ними городу, которым я любовалась с дороги на склоне холма.

Теплый знойный воздух обволакивал и окутывал все: дома, деревья, людей... Яльзайн¹⁴ шел к завершению. Природа плодоносила и дразнила яркими цветами и сладкими ароматами поспевающих фруктов. Воздух был густ, прян, пропитан запахами плодов и летних цветов.

Я ехала по проселочной дороге от Долмира к небольшой усадьбе с виноградниками, расположенной на склоне холма. С раннего утра до обеда я просто гуляла по лесу и купалась на диком лесистом побережье. Потом, найдя тенистую полянку в лесу, легла поспать на пару часов, чтобы к позднему вечеру чувствовать себя бодрой. И, пользуясь случаем, еще раз окунувшись, по окраинам миновав город, направилась на предполагаемую охоту.

Виноградник аккуратным лоскутком лежал на склоне чуть ниже дома. Словно кто-то бросил на холм платок и прижал с верхнего края домиком, чтобы ветром не унесло.

Подъезжая, я запоздало задумалась, как мне звать хозяи-

---

¹⁴ Последний летний месяц.

на. Представился он Марком, но панибратски звать по имени пожилого мужчину, тем более хозяина усадьбы, было как-то неловко. Придется узнавать фамилию.

Пока я думала, как же мне по приезду корректно спросить хозяина, Трусливая Шельда дотопала до усадьбы. К моему везению, наниматель встретил меня сам, тотчас приказал меня пустить и принять, как дорогого гостя.

– Доброго дня, госпожа мистик! – весело и не без иронии поприветствовал меня он, после распорядился по поводу лошади, узнал, нужно ли мне отдохнуть с дороги и, получив отрицательный ответ, повел показывать виноградник.

– Во-он в том краю у нас загибается... Зато посмотри, какие тут хорошие растут! Вах, красавцы!

Я посмеялась и, вопросительно взглянув на хозяина, сорвала несколько ягод и попробовала. Вкусно. Чуть кисловато, что отнесла бы, скорее, к плюсам – приторной сладости по жаре не хотелось.

– Это не десертный сорт, – сказал хозяин, – он кисловат.

– Да нет, напротив очень приятный вкус, – ответила я, срывая еще. – Кстати, извините, как-то не догадалась узнать фамилию.

– Можешь звать Марк, мне так удобнее. Молодиться легче! – шутливо ответил он.

– Ладно, – посмеялась я. – И, тем не менее, просто для справки, могу я узнать? А то как мне хвастаться потом, на какого крупного винодела я работала?

Дед расхохотался:

– О-о-о да! Есть чем хвастать! Самый знаменитый в узких кругах производитель самопальной кислой дряни, что самоуверенно смеет называть вином!

Я тоже не удержалась и хихикнула. А дед, отсмеявшись, просто ответил:

– Шенлер.

– Шенлер?! – чуть ли не вскрикнула я, осознав.

Коварный дед, ехидно улыбаясь, очевидно, наслаждался реакцией.

– Что, на слуху фамилия?

– А Борис Шенлер вам, случаем, не родственник? – прищурилась я.

– Родственник! – бодро с усмешкой отозвался тот. – Сын!

– Сын? – удивленно переспросила я.

– Ну да, а что такого? – иронично прищурившись, ответил Марк. – Никогда не видела, чтобы у умудренного опытом мужчины был сын?

– Почему тогда дело возглавляет он, а не вы? – проигнорировав хохму, с усмешкой спросила я. – Ведь вы бы тогда могли быть главой одного из самых сильных торговых домов на Побережье.

– Потому что Борис толковый мальчик. Пушай руководит. А я буду припеваючи жить в своей усадьбе, для себя выращивать виноград и делать домашнее вино, не заботясь о прибыли... Хочешь, кстати, попробовать? Я улучшил техноло-

гию, теперь почти хорошо получаться стало, прям аж в рот взять можно.

Я посмеялась, кивнув. Можно и попробовать. После.

– А вы и Личи знаете?

– Тю, кто ж его не знает, – посмеялся Шенлер-старший. – Конечно, он с нами с самого начала... Еще с моим отцом дела вел.

– Так он в вашем торговом доме?

Господин Шенлер-старший неопределенно кивнул.

– Он делает вид, что работает под кры... под эгидой, то есть, нашего торгового дома.

Я невольно хихикнула оговорочке нанимателя; готова поспорить, он сделал это не случайно.

– Ну как... Официально. Хотя тут еще вопрос, конечно, кто кого крышует... Но, по существу, он вро-оде как деловой партнер Бориса. Напарник, но без прав руководства.

– Ну и как? Каково с ним вести дела?

– А как, по-твоему, вести дела с кем-то, для кого "у меня не было настроения, поэтому я не вышел на работу" – абсолютно нормальный довод? Крайне интересно! И папке с ним интересно было, и мне... Теперь вот сына с ним муча... работает.

– То есть, это у вас семейное? С ним дела вести?

– А то! – рассмеялся Марк. – Мы, Шенлеры, не ищем легких путей.

Тем временем, мы дошли до сохнувшего края виноградни-

ка. Я бегло осмотрела растения, проходя вглубь страдающей зоны, и, закрыв глаза, принялась "прощупывать" энергетически. Просадка энергетики почувствовалась сразу, причем сильнее всего у земли. Явственных "дорожек" при этом не ощущалось вовсе. Значит...

Я открыла глаза. Присела, собралась было поковырять землю рукой, но, подумав, обернулась и попросила:

– Господин Шенлер, у вас не будет лопаты?

– Всего-то вскопать надо? Вот мы, дураки не додумались, – отозвался дед. – Эй, Берта! Принеси-ка госпоже магу лопату!

Вскоре подбежала работница и подала хозяину инструмент, который тот тотчас передал мне, кивнув девушке.

– И... Марк. Давайте просто Марк. Не люблю чувствовать себя стариком, – с улыбкой проговорил он.

Я кивнула и, поудобнее перехватив лопату, разок копнула.

– Госпожа мистик! – с осторожной хохмой воскликнул Марк. – Вы уж сами-то не вскапывайте, нам скажите, ребята перекопают...

Я усмехнулась, но шибко шутивного нанимателя все-таки срезала, чтоб под руку не болтал. Земля действительно оказалась сероватой и безжизненной. Не в плане сухой, вовсе нет. А именно какой-то неживой. Я копнула еще, поглубже. И вот тут-то обнаружила ход. Не слишком большой, по ширине сопоставимый с кротовиной. Предположения, кто это может быть, начали оформляться.

– У-у, дрянь, – фыркнула я, задумавшись.

– Молчу-молчу, – ойкнул за спиной хозяин, что, очевидно, что-то опять тихонько пошутил. Но, надеюсь, мое растерянное "а?" прояснило, что ругалась я все же не на него.

Я копнула глубже по ходу и рядом и разворошила лопатой землю, выглядывая малейшее шевеление. Однако та была неподвижна.

Осмелев, я опустила на корточки и принялась ковыряться в земле руками. Шевеления по-прежнему не наблюдалось. Однако вскоре палец наткнулся на что-то твердо-колкое; на краткий миг внутренне содрогнувшись, я вытащила из земли полукруглую изогнутую чешуйку, что, оказавшись на свету, тотчас начала тлеть.

Да. Это они. Батры.

Батры – это было собирательное название для целого рода мелких членистых колониальных демонов, гнездящихся в земле.

Делятся на две условные группы: с неуязвимым к магическому свету панцирем, и с уязвимым. Первые по большей части невосприимчивы к искусственному свету, созданному при помощи магии и чего-либо еще, вторые – его боятся, так как их панцирь от одного разрушается, и свет повреждает тело наравне с солнечным. Настоящего же солнечного света боятся любые.

У нас, предположительно, вторые, так как они попадаются значительно чаще.

Точного названия разновидности я бы, конечно, не назвала, хотя в школе нас заставляли учить виды и отличительные особенности, да оно в полевой работе было и не нужно ни для чего, кроме как блеснуть эрудицией перед нанимателями. Методы борьбы были общие.

Батры охотятся, в основном, на мелких грызунов, причем группой. Однако "умышленно" общественными их назвать не повернется язык, ведь "коллективность" обеспечивается лишь тем, что твари равно хотят полакомиться добычей, вот и бегут на нее толпой со всех сторон. По сути, каждая особь заботится о своем благополучии и стремится урвать кусок себе. Неудивительно, что здесь совершенно нет ни мышей, ни кротов. Вероятно, всех уже съели.

Когда мелкие теплокровные зверьки заканчиваются, откормившиеся твари могут перейти и на кого покрупнее, скажем, гонять кроликов или кошек. Детенышей, при обнаружении, и вовсе берут без боя...

Я поднялась и подхватила лопату. Сейчас тут делать нечего – ушли на глубину, не выкопаем. Даже если они не очень глубоко, учуют вибрацию и уйдут дальше.

– Боюсь, это батры, – доложила я.

– "Копатели"?

– Они самые. Пойдемте, до ночи сюда соваться без толку. Скажите, чтобы без меня сюда никто не ходил. Повезло, что никто из людей еще на них не нарвался.

– Они опасны? – напрягся Марк.

– Условно нет. Не съедят, но могут покусать. А укусы вымазанными всякой дрянью жвалами еще никому особой радости не доставили.

Марк серьезно кивнул. Мы, пройдя виноградником, направились к дому. Хозяин передал мои указания держаться подальше от дальнего края и без госпожи мага туда не соваться. Наметили план выйти с сумерками. Я велела подготовить факелы, хотя бы несколько штук.

У ворот усадьбы обнаружилось какое-то шевеление, а кто-то уже спешил к Марку докладываться. Впрочем, тот уже и сам увидел прибывшую и, просияв, ускорил шаг навстречу.

– Какие люди, и без охраны! – весело и радушно проговорил он. – Еванделина, хозяйюшка!.. Не ждали...

Девушка, одетая в простую дорожную одежду, легко соскочила с седла и по-хозяйски передала поводья слуге. И обняла уже подбежавшего к ней деда.

– Ну, здравствуй, внученька! – театрально проговорил тот. – Неужто маменька пирожки передала?

– Канешн, держи! – в тон деду ответила Ева и с хлопком вручила ему выгащенное из-за пазухи письмо. – И с малиной, и с капустой – все вместе.

Дед, посмеявшись, принял и оглядел письмо, но вскрывать не торопился. Ева же, не дожидаясь указаний, направилась к дому.

– А конвоир где?

– Конвоир сегодня... кхм, выходной, – ответила девушка.

– И одну пустили... – иронично покачал головой Марк.

– А чего бы меня одну не пустить? – в тон деду отозвалась внучка. – Не на бал, чай!

Тот посмеялся, я же подумала, что, видно, это какая-то семейная шуточка, непонятная посторонним.

– Отец привет передавал, спрашивал, когда в гости явишься?

– А что? – хитро переспросил Марк. – Он куда отбыть собрался? И ему хозяин в дом на замену требуется...

– Не-е, – посмеялась девушка. – Просто! Хотим заранее знать, когда ты свалишься нам на голову!

Дед шутку оценил и тоже усмехнулся. Ева тем временем поравнялась со мной и с интересом на меня взглянула. Марк, догнав ее, оказался почти между нами и, воспользовавшись случаем, галантно подал руки обеим, предлагая двигаться в сторону дома.

– А ты удачно попала! У нас сегодня охота наметилась. Госпожа мистик какую-то дрянь нашла.

– Вино твое, что ли? – беззлобно съязвила девушка.

– Эй! У Личи шутки тыришь? – шутливо возмутился дед.

– А то! Должен же кто-то за него шутить, раз его нынче нет!

Марк рассмеялся, явно одобряя хохму. А потом, спохватившись, продолжил:

– Ах, кстати! Это Дзета Янше, наш охотник...

– Да мы уж, вроде как, почти знакомы, – с усмешкой оста-

новила его девушка, глядя на меня. – У нас, как погляжу, на весь Эрстхен с Домиром один мистик.

Я шутливо развела руками.

– Других не видела.

– Твоя "коллега", кстати, – с улыбкой бросила Еванделина уже Марку. – Ходит Личи поддевает...

– Вот оно как! – воскликнул дед, бросившись пожимать мне руку. – Коллега, шо ж вы молчали?!

Я расхохоталась.

– Отлипни от нее, сердцеед старый! – возмутилась Ева со смехом. – Ух, как кликну сейчас бабушку! Ба, неси скалку! Твой дед опять к девкам молодым пристаёт! – крикнула она в сторону крыльца. – И пойдем уже в дом!

Из дома послышалось какое-то бормотание, а вскоре на крыльце показалась пожилая женщина-хозяйка, очень красивая, с тонким, аристократически изящным лицом и длинной темной с проседью косой. Она радушно поприветствовала гостей. Скалки, вопреки внучкиному совету, не взяла.

Ева обняла бабушку, после чего мы все зашли в дом. Еванделина сняла и водрузила на вешалку черную шляпу, в которой ехала, очень красивую и, судя по фасону, мужскую. Темные, почти черные, как у подавляющего большинства побережцев, волосы были распущены и опускались до плеч. Я невольно заметила, как они отросли у нее с весны. Быстрее моих.

Хотя и мои сейчас были весьма длинны. Ну, по крайней

мере, для меня. Собирались уже даже в не совсем смешной хвост...

Хозяйка засуеутилась с накрыванием стола, работая и сама, и поторапливая помощниц-служанок. После позвала нас ужинать и отпустила слуг.

– Как дома, как родители? – начала расспрашивать она.

– Дом стоит, дело движется, все путем, – лаконично отозвалась Ева.

– Ты нынче к нам надолго?

– На ночь. Завтра утром уеду.

– Славненько... А что же с нашим виноградником? – повернувшись ко мне, с интересом продолжила хозяйка. Она явно разрывалась, не зная, кого броситься расспрашивать в первую очередь – любимую внучку или охотника.

Я нейтрально в общих чертах рассказала. Потом подал голос Марк.

– Ну что, госпожа желает попробовать чудесное домашнее вино из восхитительного винограда, выросшего под щедрым южным солнцем?

Я посмеялась.

– Лучше после охоты – будет, что праздновать.

– Да уж, лучше после, – ехидно отозвалась Ева. – Не дай бог нам до охоты мага траванешь...

– Да хорош наговаривать! – "обиделся" дед. – Наша продукция прошла все проверки и полностью безопасна! И вообще, хватит у Личи реплики красть!

Мы посмеялись.

С заходом солнца я принялась собираться.

– Марк, а выделите мне пару работников? Или даже одного хватит.

– А что сделать нужно? – проговорил он.

– Да ничего сложного. Просто не помешал бы человек, что держал бы факелы и в нужный момент мне подал...

Марк чуть задумался.

– Эх, говорили же мы про факелы, что-то не додумался я, что под них человек может пригодиться... Оставил бы кого из парней.

Я запоздало поняла, что наемные работники, количество которых успокоило и обмануло меня днем, на ночь уходили, и теперь в усадьбе только слуги, что работали в хозяйском доме и ночевали в пристройке, да охрана.

– Да это, вообще, не важно, – поспешила отмахнуться я. – Просто помогла бы лишняя пара рук. А так и сама справлюсь.

– А давай я пойду помогать! – вдруг с энтузиазмом предложила Ева.

– Хм-м, ну-у... – протянула я. – Да, в принципе, можно.

– А девчонке не опасно? – по-отечески заволновался Марк.

– Да не, – подумав, проговорила я. – Может быть страшновато только... Оденься, главное, как следует, – обратилась я уже к Еве. – Сапоги повыше да подубовее найдутся?

Марк кивнул, сказав, что отдаст внучке свои старые ботфорты, и обещав, что та в них утонет. Я, взглянув на от природы не слишком высокого мужчину, скептически хмыкнула. От Евы это не укрылось, и она тоже тихонечко усмехнулась. Сама она была пониже меня примерно на полголовы. Телосложения обычного, но благодаря росту выглядела весьма миниатюрной.

Ева облачилась в плотные широкие рабочие штаны, заправив их в дедовы сапоги, что были ей немного выше колена. Поверх заправленной в штаны простой рубашки надела куртку, волосы собрала в хвост и спрятала под шляпу. Мешковатая рабочая одежда слегка скрадывала ее миниатюрную фигурку, но при этом, как ни странно, все равно очень шла.

Я собралась как обычно. Штаны и кофта, мантия, талисман и защитные кольца. Волосы, что подотросли за лето, уже можно было собрать в почти пристойный хвостик. Браслет прятался под рукавом кофты – чтобы не болтался туда-сюда и не мешался. Да недавний подарок Кондора, артефакт, что я носила на цепочке – под мантией.

К сгущающейся темноте мы вышли из дома; я первой двинулась в направлении насаждений. Ева озорно сбежала с крыльца и, бухая по земле тяжелыми сапогами, пробежала пару шагов за мной следом. Я стремительно обернулась и схватила девушку за плечи, останавливая.

– Тише! – зашипела я. – Ты ж сейчас такими шагами на соту в округе всю жить и нежить распугаешь!..

Ева тотчас присмирела и стала ступать осторожно и тихо. Я взяла лопату и закинула себе на плечо. Намеревалась копать сама. Но подсуетившийся Марк уломал взять какого-то молодого парнишку, "а то негоже магу грядки копать". Сильно спорить я не стала, с дополнительным человеком было сподручнее. Приказала ему притащить туда пару ведер воды на всякий случай. Дорогой проинструктировала парня очень внимательно слушать приказы и, лишь только я скажу, бросать лопату и отходить подальше, мне за спину. И, в принципе, может быть свободен. Еве полагалось стоять позади, не слишком близко, и держать факелы. А когда потребуется – подать мне.

Что ж. Можно начинать.

– Копай, Сав, – коротко скомандовала я, показывая где. Под землей чувствовалась легкая возня, однако даже я, с обостренными чувствами мага, ощущала это буквально на границе восприятия.

Юноша кивнул и начал осторожно снимать слой земли и откидывать в сторону. Выкопав небольшую площадочку, пошел глубже. И тут при очередном шаге лопаты земля под ней обвалилась, обрушилась, зашевелилась, осыпаясь в нижележащие полости.

– Отлично! Втыкай лопату и назад! – бросила я.

Чувство, что песчинки и комочки осыпающейся земли должны вот-вот успокоиться, было столь же убедительно, сколь и обманчиво. Они не успокаивались.

Нарастал гул, стрекотание, сухой металлический шорох чешуй. Из разоренного гнезда, как из муравейника, полезли небольшие – чуть короче ладони с пальцами – овальные членистые твари с массивными коленчатыми передними лапками. Точнее, целый бурлящий поток, сливающийся в единую массу, сверкающую чешуйчатými спинами и острыми сложными жвалами, все разрастающуюся, словно от бьющего изпод земли ключа. Всем скопом твари ринулись на поверхность. Как и надо.

Юноша испуганно вскрикнул, отпрянул, панически стряхнув с ноги батру. Твари беспорядочно бегали вокруг разоренного дома; всюду пытались атаковать мои ноги, однако пробить плотные ботинки не могли, лезли выше, но скользили по подолу.

Раздался истошный вскрик Евы. Обеспокоенно обернувшись, увидела, как девочка остервенело сбивает тварей со своих ног незажженным факелом. Сав с паническим криком скинул с сапог еще несколько демонов.

Круша и раскидывая на пути батр, я принялась топтать, чтобы все, кто еще этого не сделал, покинули свои норы и вылезли на поверхность. Они нужны мне тут.

Схватив лопату, я совместила полезное с полезным, то есть, не только выгоняла батр из нор, но и параллельно регулировала их численность на поверхности. Однако их неминуемо прибывало.

Парень снова вскрикнул, слышались звуки ударов и пищание батр. Ева выругалась совсем не по-девичьи. Вскрик, какое-то копошение, шевеление, вроде как отдаляющиеся шаги...

Я не смогла понять, потому что в этот самый момент я таки удачно и неудачно одновременно пробила ногой очередную полость. Удачно, потому что была уничтожена очередная ниша, в которой батрам можно было прятаться. А неудачно – потому что, ухнув одной ногой под землю, я почти нырнула в самую гущу демонов. Окружающие звуки потонули в гомоне, пiske и стрекоте.

Твари тотчас принялись атаковать, "попрыгали" мне на плечи, видно надеялись затоптать. Я выдернула голые ладони из толпы батр. Повезло, что, падая, нигде не напоролась на жвалы, а сами они меня найти не успели. Если б не надо было колдовать, надела б перчатки...

Немедленно поднявшись, я принялась отбиваться, сбрасывая напавших и колотя особо упорных. Многие сами слетели с мантии, не сумев ни зацепиться, ни прокусить очень плотную ткань. Пока смахивала демонов с правого плеча, что-то впилося в левое ухо, рядом с серьгой. Я вскрикнула и поспешила поймать и прикончить нападавшего. Он смачно хрустнул под моими руками, щедро окропив их своим богатым внутренним миром; жвалы разжалась.

"Фу!", – я отшвырнула трупик и брезгливо вытерла руки о полы мантии.

Первый укус. Что ж, ладно.

Поигрались и будет. Пора приступать к следующей части нашей программы. Я выдохнула, сложила перед собой руки и сконцентрировалась. Не считая звуков суесящихся у разоренного "муравейника" батр, вокруг было тихо.

– Готовьтесь, твари! – прорычала я, концентрируюсь на атаке. Разжигая сердце, наполняя руки, ладони, пальцы тем, чего больше всего боятся твари тьмы...

Светом!

Светящийся шар получился мощным, ярким. Твари запищали, заскрежетали, корчась. Я зажмурилась, направляя луч

магического света в самую гущу батр.

Твари боятся солнечного света. Поэтому днем на солнце и не суются, прячутся под землей, в пещерах, и так далее. Потому иногда охотники и хитрят, устраивая им "день" ночью. Магический свет получается направленный и довольно мощный, да и немало расходует сил. Потому используется редко и почти всегда для боя. По крайней мере, для освещения такой концентрированный и энергозатратный луч годится крайне плохо. Батры должны его бояться.

Я открыла глаза и обомлела. Только часть оказалась чувствительной. Только часть погибла от магической имитации солнечного света, остальных лишь ослепило. Нечасто, но, бывает, так "везет" ...

Ну... Тогда настало время для более грубых методов.

– Факел! – я требовательно протянула руку назад. И только после этого запоздало подумала: девочки наверняка нет рядом. И придется брать и разжигать самой, теряя драгоценное время...

Однако в руку тотчас ткнулось дерево рукояти зажженного факела.

– Молоток! – крикнула я, не оборачиваясь, крутанув факел в руке.

Ну, гады, огненное шоу! И ткнула факелом в гущу мечущихся ослепленных вспышкой тварей. Они тотчас с пищанием и паникой брызнули в стороны, натываясь на "товарищей", растаскивая огонь. Некоторые пытались броситься в

норы, но ходы были разрушены, а расчистить их или прокопать новые они не успевали.

Влажная, щедро политая земля горела плохо; батры – хорошо.

Спустя пару минут живых тварей на поверхности почти не осталось. А тех, кто случайно остался, я принялась добивать лопатой. Судя по звуку сзади, Ева поддержала меня и начала бить чересчур живых факелом.

Вроде все? Все.

Полянка была усеяна покореженными трупиками вредителей, дымящимися, догорающими. Я взяла ведро и дотушила, чтобы не оставлять огня. Один солнечный день – и от них не останется и следа.

Я обернулась. Девушка стояла чуть поодаль, бледная, явно напуганная. Но с решительностью во взгляде, крепко сжимая факел.

– Спасибо за помощь, – улыбнулась я, подойдя. – Ты была хороша.

Девчонка напряженно улыбнулась.

– Н...не... Не за что... – голос ее отчетливо дрожал, однако она тотчас попыталась взять себя руки.

– Я думала, ты испугалась и убежала. Впрочем, в этом бы не было ничего страшного. Разве что, самой пришлось бы факел зажигать.

– Ну как же, – голос ее стал тверже, взгляд решительней. – Я же обязалась помогать охотнику и держать факел. Как я

могла уйти?

Я улыбнулась. Смелая и обязательная девочка. Даже несмотря на страх, омерзение, не ушла, выполнила, что обещала.

– Завтра оставьте эту гадость на солнце, они истлеют. Перепахните потом этот участок посветлу, если кто остался, погибнет, либо уйдет.

Ева деловито покивала. Я качнула головой в сторону дома, и мы двинулись. Девушка, идущая слева от меня, вдруг тихонько ахнула.

– У тебя кровь...

– А-ай, – небрежно отмахнулась я. – Ерунда, царапина. Промыть хорошо и все дела.

На крыльце нас ждал встревоженный Марк с факелом, а рядом с ним Сав. Видимо, уже собирались идти за нами.

Я доложила Марку об исполнении и похвалила помощников, особенно Еву. Потом попросила чистой воды вымыть руки и лицо и промыть рану. Пока Ева пошла в дом переодеваться, Марк повел меня умываться. После позвал в дом за чистой кипяченой водой для промывания раны.

Ранка была и правда пустячная. Правда, слегка зацепляла прокол, потому серьгу я сняла, чтобы лучше подсыхало и заживало, да и просто, чтобы ухо отдохнуло. Хотя, в принципе, можно было и оставить. Потом я обработала царапину противовоспалительной мазью и тоже переоделась. Марк рассчитал меня, и мы пошли к столу.

– ...даже не то чтобы страшно, скорее отвратительно. Они мерзкие, как огромные тараканы, и их полчища! Они как ползут мне на ноги! Я давай их факелом шибать...

Обернувшись, Ева увидела меня и чуть смутилась. Однако я, садясь, сделала ей подбадривающий жест.

– Ну, в общем, госпожа мистик их пожгла. Конец! – лаконично завершила она, шаловливо разводя руками.

Бабушка восхищенно-взволнованно вздохнула и качала головой рассказу. Как я узнала, госпожу Шенлер звали Дора.

Я повторила Марку те напутствия, что уже дала Еве. Он с серьезным видом кивнул. А потом, с карикатурной гордостью, принес бутылочку домашнего вина, густо-красного и очень вкусного на вид. На вкус же оно оказалось чуть кисловатым. И, кажется, было слабовато по крепости, как перебродивший компот. Хотя в целом вполне даже пристойно, хоть и невысокого качества.

– Ну что ж... В бутылке оно смотрелось вкуснее, – с усмешкой проговорил дед.

– Ну в трактирах иной раз хуже наливают, – подбадривающе брякнула я и, только проговорив, осознала, что прозвучало гораздо хуже задуманного...

Но Марк, расхохотавшись, ответил:

– Спасибо за оценку, госпожа мистик! Весьма неплохо. А не могли бы вы записать мне это в мою книгу отзывов и предложений?

– Извините, я не так хотела выразиться... – смутившись,

начала оправдываться я.

Но дед остановил меня, смеясь:

– Право, Дзета, это действительно неплохая оценка. И я этим отзывом вполне удовлетворен. У нас самопальное домашнее вино, мы только работаем над технологией... Мы начинали с гораздо худшего... Вот, между прочим, – Марк открыл первые страницы потертой, выдавшей вида тетрадки. – Сейчас с самого начала почитаем, сравним. Из отзывов Личи, я записывал. – хозяин сделал паузу, а после начал зачитывать в лицах. – "Фу, что за запах? У вас что, что-то пропало?.. А, это вы вино открыли? – Попробуешь? – Нет, спасибо, мне достаточно аромата."

Ева с Дорой рассмеялись, я тоже смущенно улыбнулась. Хозяин же пролистал еще несколько страниц.

– "Дрянь. (Сказал так, но делает еще глоток)", – снова перелистнул страницы. – "Где твои сладкие сухарики с орехами? Эту дрянь спасают только они. Единственное, ради чего и можно это пить". Дальше... "Понюхал и выплеснул мне в ли..." Так, нет, это упустим... – пробормотал дед и, перелистал ближе к концу. – А, вот! Недавно он вообще сказал: "Кислая гадость, но пить можно". А из его уст это, считай, похвала! Господин Чиэнстелли знаешь какая фифа избалованная?

Я, посмеиваясь, приняла протянутую тетрадь и перо и написала свою "оценку".

– Есть, чем гордиться, – довольно проговорил хозяин. До-

ра и Ева рассмеялись. Марк предложил налить еще, но я отказалась, сославшись на то, что мне в дорогу, и попросила чай.

– Да куда в такую темень ехать-то? – захохла Дора, занявшись чаем. – Остались бы.

– В леса, ворье пугать! – отвязно отшутилась я. – Спасибо вам за гостеприимство, но мне в Эрстхене нынче удобнее – меня там ждать будут.

Марк кивнул, полушутя бросив, мол, в другой раз с ночевкой доеду. Я так же, смеясь, бросила, мол, зовите, приеду и с ночевкой.

– А не замерзнете? Ночи-то нынче прохладные, – проговорил хозяин.

– Да переживу, – отмахнулась я, тем не менее, припомнив, что ялльзайнская дневная духота нередко бывает обманчива.

– А то хотите кофту Вам дам? Шикарную! Пройдете в ней по Эрстхену – девки все поумирают от зависти... А кому передать, найдете.

Я рассмеялась, на краткий миг подумав, что шутка была бы неплоха.

– Ты чего, деда! – смеясь, проговорила Ева. – У нее же есть свой дракон.

– А-а... – умерив задор, протянул Марк.

– Нет! – смутившись, воскликнула я. – Я не наложница! Мы просто... просто друзья.

Не знаю, насколько убедительно прозвучали мои слова, но

в ответ мне лишь безразлично пожали плечами, не став ничего уточнять или ставить под сомнение.

– Эх, могла бы с тобой в город вернуться, знала бы... – проговорила Ева, словно вообще не придавая значения прошлым словам.

– Да куда ж ты-то, вертихвостка?! – картинно всплеснул руками Марк. – Уж и стариков не порадуешь? И так раз в год по обещанию навещаешь...

– Ну не наговаривай, не надо! – шутливо возмутилась та. – И я у вас не так редко бываю, и вы тут не скучаете... Да останусь, конечно, – отмахнулась девушка. – Я всерьез и не собиралась...

– Да здесь наверняка тише и спокойнее... – проговорила я.

– Мм? – непонимающе взглянула на меня Ева. А вот Марк, кажись, догадывался, к чему это.

– Мне кажется, с вашим арендатором, у вас, наверное, не дом, а проходной двор... – фыркнула я. Мне подумалось, что вот потому Шенлеры и не сдают больше никому, хотя дом позволяет.

– Не-е, что ты. Господин Чиэнстелли работу на дом не берет никогда! – ответил Марк. – Наоборот, на любого чужака в доме в стойку встает.

– Правда? Почему?

– Драконьи заскоки. Своя территория, все такое, – проговорила с усмешкой уже Ева.

– Но дом же ваш, – скептически хмыкнула я.

– А этаж, за который он платит, его. Условно еще и чердак, но чердак как бы общий, и он за него не платит... Не суть. Личи в целом категорически против гостей. Папе вечно сделки и подписания договоров за пределы дома приходится выносить, лишь изредка Личи позволяет в гостиной посидеть.

– Нормально, – фыркнула я. – Сколько наглости, свои порядки в чужом доме диктовать...

– Это не совсем "свои порядки", это, скорее, компромиссы, – флегматично ответила Ева. – Для него это важно, а мы переживем.

– Ну да, – бросила я с усмешкой. – За столько, сколько он, вероятно, отсыпает золотом за свой этаж, можно и потерпеть...

– Не... только в этом дело, – туманно и прохладно ответила девушка.

– Мы друзья, считай, – конкретизировал Марк.

Я запоздало одернула себя не лезть в чужие дела и нейтрально кивнула. Да и настроение было не для спора.

– Угу, только Личи это, конечно, будет отрицать до упора... – усмехнулась Ева.

– Очередная из драконьих заморочек? – поинтересовалась я. Девушка кивнула с улыбкой.

– Видимо. Они же сильные и независимые, им никто не нужен...

Я усмехнулась.

– И много у них странностей?

– Госпожа лучше меня должна знать! – с хохмой ответила Ева, чем вновь вогнала меня в краску, и я уже было начала отнекиваться, однако это осталось незамеченным, так как девушка тотчас продолжила. – А, впрочем, верно, у меня-то опыта житья с драконом поболее!..

Я чувствовала себя все еще неловко. Однако странно, уверена, меня всю считали любовницей дракона, но на их отношение это как будто никак не влияло... Не знаю, мне кажется, у нас в центре, если б узнали, что кто-то кому-то... мигом бы косо смотреть начали. Может, это местная особенность?..

Задуматься толком я не успела, Ева бодренько продолжила:

– У нас есть целая книга наблюдений за драконьими повадками, мы сами ведем записи! Ну, там конечно... Накладывается частность. Бывает не всегда понятно, что из заморочек драконье, а что – конкретно Личино. Там сравнивать с остальными надо, – лицо девочки приобрело умильное выражение. – Драконы такие душки, когда спят!..

– ...Зубами к стенке! – охотно подтвердил Марк. Ева хихикнула и одобрительно ткнула деда в бок локтем.

Я посмеялась, а после задумалась о том, что за все время нашего знакомства никогда не видела Конхстамари спящим.

– А еще они умеют мурчать, – смешливо проговорила де-

вушка. – Ну точнее, урчать... Неужели ты не замечала?

Я как-то растерянно пожала плечами. Если честно, сейчас было даже не вполне понятно, шутит она или говорит серьезно. Признаться, даже интересно стало.

– Еще рычать могут, если их хорошенько взбесить! – со смешком добавил Марк.

– Угу... Вот уж тебе-то бы, дед, с этим поаккуратнее... – иронично, но с некоторой строгостью проговорила девушка.

– Не выдумывай, у деда все под контролем! – гордо вскинул голову тот.

– Твой шрам на брови так не считает! – ответила Ева.

– Это случайность! И... Уж кто бы про шрамы-то говорил! Я же молчу про твой шрам на...

Ева, возмущенно завопив что-то специфическое и непонятное мне на прибрежном говорке, вскочила и принялась лупить деда ладонью. Тот откровенно хохотал, шутливо укрывшись руками.

По Еве, впрочем, тоже было видно, что шутит.

– ...И вообще тогда была случайность! Несчастный случай! – все-таки разобрала я конец фразы. – А я маленькая совсем была! Хватит припоминать!

Дора, застонав, покачала головой.

– Да прекратите. Что стар, что млад, ведете себя так, что за вас стыдно! – она повернулась ко мне. – Простите, Дзета, не обращайтесь на них внимания. Им просто повыведываться перед незнакомкой приспичило... – в голосе хозяйки к кон-

цу фразы тоже прорезались ироничные нотки. Я улыбкунула.

– ...и вино от тебя уберу! – Марк, привстав, за плечи усадил Еву обратно на ее стул. – А то ишь ты, полбокала выпила, и уже буянить!

Ева что-то еще возмущенно воскликнула и отвернулась, "обиженно" сложив ручки на груди. Я, умиляясь этой семейной сцене, допила чай и взглянула в окно; темень была совершенно непроглядная. То, что надо.

– Пора мне собираться, – проговорила я и поднялась.

Госпожа Дора предприняла последнюю попытку меня остановить, однако я была неподкупна. Марк вышел проводить.

– Ну, легкой и чистой вам дороги, – со смехом пожелал он. – Пусть все лихие люди и нелюди к своему же благу уберутся с вашего пути.

Я посмеялась пожеланию и ответила в тон:

– А вам – успехов в вашем деле. Обскакать всех конкурентов и стать лучшим виноделом в округе!

Марк на мое заявление посмеялся, ответив что-то в духе "зачем желать такое зло людям". Я тоже улыбкунула, потом, засмотревшись на факел в его руках, вспомнила Еванделину на сегодняшней охоте.

– А Ева правда молодец. Толковая девчонка, обязательная. Признаться, поначалу мне она казалась несерьезной...

– Еще бы, – гордо ответил Марк. И на мой слегка вопросительный взгляд пояснил. – Ее учат как наследницу дела

отца. Она станет хозяйкой торгового дома. Главой. И отец хорошо ее гоняет, приучает ко всем работам, и по дому, и в лавке. А то как же, хозяйка, а сама что-то вдруг не умеет! В придачу, она у Личи пока посыльной бегаёт. Бориска был против сначала, а потом разрешил, тоже работа. Малая себе так карманные зарабатывает, – Марк усмехнулся.

– Эж у вас все продумано, – качнула головой я.

– Все Шенлеры славятся расчетливостью и стратегическим мышлением! – весело ответил хозяин. А потом, с какой-то даже легкой грустью вздохнул. – Одно плохо... Еванделина у нас единственная наследница. Да и та девица. Сама понимаешь, с этим свои сложности...

– А почему так? – легкомысленно спросила я.

– Да вот... – Марк чуть заметно нахмурился, прикусил губу, – не сложилось...

Я смутилась, почувствовав, что за этими пустоватыми словами таится большая боль этой семьи. И, неловко помолчав, открыла уже было рот, чтобы извиниться, но меня опередил Марк.

– Ну... Ладно, – тон его стал бодрее. – Не буду вас задерживать, госпожа мистик! – сказал он уже весело. – Доброй дороги.

– И вам... – улыбнувшись, бросила я, но, опомнившись, добавила, – доброй ночи!

Марк, уже открывший было рот пошутить над моей оговоркой, с легкой досадой несостоявшейся издевки кивнул и

махнул на прощание рукой. Ворота за мной закрылись. Я вдохнула свежий ночной воздух, подняла глаза на звезды. И, сжав бока недовольно сопящей Шельде, поехала.

Я давно хотела прогуляться по ночному лесу в одиночестве. И заночевать на побережье.

Дорожка сначала змеилась неширокой лентой вниз, потом слилась с широким повозочным путем, что шел мимо Долмира до Эрстхена, а от него – до Дарпа, где переходил в Лорианский центральный тракт. С ним я доехала до Эрстхена, но в город въезжать не стала, свернула на окружную. И вдоль древесного массива, по городской кайме доехала до холмика, того самого, где лес, полянка и обрыв.

Эх, как хочется увидеть, как оттуда смотрятся звезды...

Я спешила и привязала Шельду у подножия холмика. И пошла, прогуливаясь, к обрыву. Звезды озорно выглядывали меж ветвей, настроение было воодушевленное и веселое. Игривая свежесть моря уже чувствовалась. Я угадала с трудом опознаваемую нехоженую тропку и дошла с ней почти до места, но ближе к обрыву, больше положившись на чутье направления, упустила ее изгиб и пошла напрямки. Так было даже интереснее, единственное, пришлось продираться с сумкой сквозь кусты.

Впрочем, даже это моего настроения не испортило, и я, воодушевленно глядя на долгожданные звезды, веселясь, выскочила на полянку. А спустя миг опустила взгляд на об-

рыв...

Из темноты на меня глядели два янтарных глаза.

Я была крайне удивлена увидеть хоть кого-либо в довольно глухом месте. И, судя по выражению лица встреченного, он тоже.

– Вы смотрите, какие люди, – с хохмой проговорила я, подходя по полянке к обрывчику. – Где бы встретиться?

Удивление в глазах Личи быстро затухало, сменяясь злобой. Он смотрел на меня волком. Не шибко ловким движением правого крыла он накинул-накрутил на него плащ. Как-то плохо накинул: левое все равно осталось открытым...

– Ты что здесь забыла? – грубо проговорил он, теребя лямку лежащей рядом сумки.

– Погулять пришла! – с вызовом бросила я, подойдя к краю полянки и опустившись на землю, свесив ногу с обрыва. Невысоко над горизонтом висела почти полная, лишь чуть уменьшившаяся с одного бока луна, серебря чуть дрожащую поверхность воды.

Личи, не разжимая губ, буравил меня взглядом.

– Кстати, ты не поверишь, кого я сегодня видела...

– Ты не поверишь, насколько мне плевать, – процедил он сквозь зубы.

Я хмыкнула, картинно закатив глаза. Потом скользнула взглядом по его блестящим в свете восходящей луны сапогам.

– А "шпильки"-то какие... Глаза что ли кому выколоть

собрался?

– Да! Тебе!

Я лишь усмехнулась в ответ на такую топорную грубость. Личи вновь сжал губы, сверля меня взглядом. Я же подняла голову, любуясь высоченным пространством над головой, усеянным звездами.

– Что-то случилось? – повернула к нему голову я.

– Да! Ты пришла.

– Я могу чем-то помочь?

– Уйти.

– И оставить тебя страдать тут в одиночестве, – насмешливо осведомилась я, качая ногой над обрывом.

– Поверь, страдать в твоей компании гораздо хуже!

– Какой ты дерганый, ох, Небо. Тебе бы с кем-нибудь поболтать, выговориться, говорят, помогает... – насмешливо-колко бросила я.

– Щас! Я специально ушел ночью в лес, чтобы ни с кем не разговаривать! Мне нужна только тишина и одиночество!

Я лишь скептически хмыкнула.

– Уходи! Лес большой! – сказал он почти со стоном.

– Хрен тебе, обрыв общий! – с вызовом бросила я.

– Ну и подавись, – зло и как-то даже затравленно огрызнулся он, поднявшись. Закинул сумку на плечо и пошел прочь, неловко увязая каблуками в рыхловатой лесной почве.

– Стой, – опомнившись, крикнула я вслед. – Ну ты чего?

Тут же нам обоим места хватит!..

Он, не говоря более ни слова, миновал поляну и скрылся за поворотом тропы. Лесная почва заглушала его шаги, вскоре не осталось ни звука, кроме ночного шелеста листвы.

А ведь на обрывчике было вполне достаточно места для обоих...

***

Утро было спокойным и тихим. Я не замерзла, ночь оказалась теплой и очень приятной. Давешняя ранка подсохла и покрылась хорошей корочкой.

Искупавшись, я просушила волосы, еще раз мазнула царапину лечебной настойкой и поехала в город. В Эрстхене было обычное городское утро. Кто-то куда-то спешил, кто-то гулял. На рыночной площади открывались лавочки, потихоньку начиналась торговля.

Я хотела миновать площадь и заскочить куда-нибудь перекусить и уже думала, куда бы сворачивать. Но тут услышала оклик и, обернувшись, увидела комиссара Ройхейм. Она, видимо, куда-то направлялась через площадь, но заметила меня и поспешила тормознуть.

Интересно, зачем я ей, вроде же все документы у меня в порядке, недавно предъявляла... Но, предвосхищая возможные проверки, я вытащила бумаги и протянула уже приближавшемуся комиссару.

– Ясного солнца, – с легкой улыбкой по-прибрежному по-

приветствовала ее я; женщина ответила кивком. – Вот, лицензия, разрешение, все в порядке!

– Да я знаю, я же ваши сведения заверяла и отсылала... – госпожа Ройхейм качнула головой, знаком отказавшись от бумаг. – Я, собственно, не по этому поводу. Удачно вы мне встретились... – я вопросительно на нее взглянула. – Ищут вас.

– Кто? – тотчас стерла улыбку и посуровела я. Мелькнувшая было мысль, что меня таким странным способом разыскивает Кондор, зачем-то через органы магконтроля, зачала, едва родившись.

– Гильдия, кто ж еще, – хмыкнула Гонза. – Ругаются, что нет прикрепления, и работаете не в Лиории...

– Да елки! Опять?! – недовольно буркнула я. Не на госпожу комиссара, разумеется, а на своих.

– Возьмите, пожалуйста, – комиссар протянула мне конверт, на котором значилось: "Передать: мистику Дзете Янше".

Я, поморщившись, вскрыла его. Внутри меня ожидал сухой безличный текст о том, что просят явиться в Лиорию и решить вопрос с прикреплением. Прочитав, я вздохнула и убрала конверт за пазуху. Поблагодарив, попрощалась с комиссаром и поехала дальше.

Кондор явился за мной ближе к вечеру, неизменно опрятный, с аккуратно собранными в хвост волосами. Обменялись

приветствиями.

– Ну как, хорошо погуляла? – поинтересовался он.

– Отлично! – с улыбкой ответила я, ненавязчиво, под видом поправления прядки, прикрывая ухо – незачем ему видеть царапину – и с легким подколом спросила. – А ты?

Кондор усмехнулся.

– Замечательно, – ответил он в тон мне, при том довольно выразительно, отчего я вспомнила про его какие-то планы и слегка смутилась.

– Ты здесь все? – поинтересовался Кондор.

– Угу, – кивнула я, вспомнив-задумавшись о кое-чем не столь приятном. Кондор, видимо, что-то считал по моему лицу и взглянул внимательнее. – И здесь, – обвела взглядом город, – и на Побережье.

Кондор вздохнул, кивнув, как предначертанному:

– Рано или поздно этот момент бы настал, – он вновь взглянул на меня с ожиданием.

– Гильдийцы повестку прислали, не уймутся никак...

Слушай, сможешь меня закинуть в Тилану?

Дракон кивнул.

– Отлично! – улыбнулась я. – Ну, тогда у меня есть еще пара недель здесь.

Кондор улыбнулся в ответ.

– Кстати, я кое-что подыскал для тебя. Помнится, ты упоминала, что тебе нравятся серьги разной формы... – он довольно взглянул на меня, протянув красивый расшитый ме-

шочек. – Хотел бы посмотреть, как они на тебе смотрятся...

– Спасибо, – я с благодарной улыбкой кивнула и приняла подарок.

Улыбалась я и своим мыслям. Точнее, иронично усмехалась. От зараза. Таки придется явить царापину...

***

Вечер прошел спокойно и уютно. Кондор поцокал языком на царापину, высказался о моей аккуратности. А еще о том, почему сразу не покаялась – заскочили бы в аптеку за хорошим ранозаживляющим. Я ответила, что а) мое сносное, б) я мистик, и на мне заживает, как на собаке.

Да он и сам видел, что рана левая и уже затянулась корочкой.

На завтра наметили слетать к Черным Камням купаться. А свое обещанное путешествие "куда душе угодно", я решила пока приберечь, размышляя, собственно, о том, куда именно угодно моей...

После мы разошлись спать. Но посреди ночи я неожиданно проснулась. Ночь была свежа, тиха и безмятежна. За окном горели высокие яркие звезды. Море безмолвно, почти неподвижно лежало у подножий скал.

В замке было темно и тихо. Я полежала еще немного и неожиданно вспомнила свою недавнюю идею. Точнее то, что ни разу не видела Кондора спящим...

Задумалась. Конхстамари сейчас, наверное, крепко спит.

Может быть...

Поднявшись с кровати, я прошла по комнате. Вышла и направилась к спальне Кондора. На самом деле, он ночевал довольно далеко от меня, в другом крыле и целым этажом выше. Хоть мистики и могут видеть в темноте, ночью все выглядело немного иначе, чем днем. Я даже попыталась не опознать нужный поворот и почти проскочила мимо. Но все-таки нашла виденную мною пару раз резную деревянную дверь.

Перед входом в комнату я остановилась и еще раз задумалась. Не делаю ли я чего-то не того? Но я ведь всего лишь хочу посмотреть, ничего более... Легкое волнение заставляло сердце биться сильнее. И, пожалуй, это только раздражало.

Я аккуратно потянула за ручку; было не заперто. Придерживая, чтобы не скрипнуть и не щелкнуть замком, я начала открывать и, едва образовалась пригодная для меня щель, шмыгнула внутрь. Дверь мягко закрылась.

В комнате было тихо, слышалось только спокойное дыхание Конхстамари. Легкий ночной ветерок колыхал невесомую полупрозрачную шторочку. Вся комната была обставлена очень аккуратно и со вкусом. Было прибрано.

Осторожно ступая, я начала приближаться к большой широкой кровати, угадывая на ней силуэт друга. Просто подойду, посмотрю, умилюсь и...

В темноте мелькнул выскер огненных драконьих глаз, его

силуэт вдруг закрыл от меня слабо светящееся окно. Не отдавая себе отчета, чисто подсознательно, я резко метнулась назад, пытаюсь увернуться, однако дракон оказался не менее резв, и его рука стальной хваткой сжала мое запястье, рванув на себя, не давая уйти. Я испуганно вскрикнула, забившись в захвате.

– Дзета! Какого черта ты делаешь?

Голос его прозвучал возмущенно, но при этом как будто слегка растерянно.

– Кондор, прости!.. – испуганно проямлила я, остановив

очередной импульсивный и бессмысленный рывок. – Я... я просто... – от неожиданности я никак не могла найти слов.

Кондор, словно опомнившись, разжал руку.

– ...просто хотела поглядеть, как ты спишь...

Конхстамари коротко испытующе на меня посмотрел, а может, просто осмысливал сказанное, потом резко выдохнул и сжал переносицу.

– Ох, Небеса, Дзета... – покачал головой он, поудобнее усаживаясь на кровати и укрывая ноги покрывалом. – Делать тебе нечего.

– Прости... Что пришла без спроса. И что разбудила, – смущенно прошептала я. – Ты меня услышал?

– Почувствовал, – ответил он прохладно-задумчиво, все еще потирая переносицу.

Я вопросительно поглядела на него. Запоздало поняла, что моих взглядов в темноте, наверное, не разобрать, и переспросила вслух.

– Почувствовал?

– Угу, – Кондор опустил руку и поднял глаза на меня. – Мы ощущаем присутствие, так сказать, посторонних на своей территории. Например, я так почувствую чужаков в своем замке, даже ночью это разбудит... Ты же здесь почти своя, но поскольку сейчас ты изволила зайти в спальню – я тебя почувствовал.

Я опустила глаза.

– Извини... Я правда не хотела ничего плохого...

– Дзета, иди уже спать, – устало проговорил Конхстамари.

***

Две недели пролетели почти незаметно. Я подумывала, что можно было бы задержаться еще, ведь я и так являлась раньше, чем если бы ехала сама, но хотелось решить эти вопросы побыстрее.

По истечении последнего дня я с Шельдой была доставлена в Лиорию и в ночи "десантирована" где-то в окрестностях Тиланы. Едва начавшаяся осень здесь чувствовалась явственней, чем на Побережье, хотя погода все же радовала ясностью и сухостью.

В город я проникла утром, подлю пользуясь служебным положением, обойдя очередь на воротах. Хорошо быть мистиком. Магу, вообще-то, дозволяется и по городу верхом разъезжать, но я предпочла все же оставить лошадь, не доезжая до площади, и прогуляться пешком. Заодно глаза на рынке попродавать.

Было очень шумно и многолюдно. Я, пройдя почти по центру площади, прибилась к какой-то лавочке сбоку от довольно большой толпы. И сквозь рыночную толчею вдруг услышала:

– ...Панорамы хранят для нас подлинную историю многовековой давности...

Я замерла. Панорамы? Настоящие?

Голос исходил как раз из примерного центра скопления

народу. Вот у чего, они оказывается, толпятся.

Вновь коварно воспользовавшись тем, что я маг, я просочилась-протолкалась ближе к говорящему. Оказалось, там была небольшая экспозиция, посвященная панорамам.

По бокам от выставки стояла охрана, зорко следящая за ценными экспонатами. На стендах висело множество срисовок, а на столах стояли целых три хрустальных конуса, мягко светящихся изнутри, каждый с усеченной и вогнутой вершинкой. На нее, как на трон, водружался прозрачный шарик похожий на каплю воды с перевернутым изображением пейзажа, а вокруг...

Вокруг раскрывался этот самый пейзаж. Необычный, тропический, с диковинными растениями. Ты словно видел живое окно в иной мир. А если погрузиться в зону панорамы, можно было рассмотреть все вокруг себя...

Я выдохнула, восхищенно разглядывая листики диковинных деревьев, цветы причудливой формы...

– Вы никогда раньше панорам не видели?

Я очнулась, уставившись на высокого мужчину с бакенбардами, что, видимо, и рассказывал прежде об этом чуде. Он с легкой улыбкой смотрел на меня.

– Слыхала, но не видала, – созналась я. Только сейчас я осознала, что пялюсь на картинку с раскрытым ртом, спасибо, слюни не пускаю. Но это... Это так завораживало!

– А знаете ли что-нибудь об их устройстве?

– Нет, – я покачала головой, с жадным интересом взглянув

на мужчину. Черт возьми, интересно было бы узнать, как они работают!

– Позвольте, я вам расскажу! – знаток, обретя наконец благодарного слушателя, бросил распинаться перед шумящей толпой и переключился на меня. – Вот, взгляните!

Я проследила за его рукой и ахнула. Увлечшись живыми картинками, я даже не заметила, что в самом центре на тумбу был помещен сей чудный аппарат – ловец панорам. Он представлял из себя довольно небольшую, в ладонь с пальцами длиной и шириной, хитроумно выглядящую коробочку.

– Внутри вставляется патрон, – мужчина показал небольшой хрустальный шарик, в точности как те, что стояли в экспозиции, только кристально пустой. – В народе патроны часто так и называют – "шариками", – патрон он отложил и поднял аппарат над головой, показывая мне рычажки снизу. – В нужный момент затворы раскрываются, запертая магия высвобождается и запечатывает картину в патрон.

Я с интересом уставилась на устройство, но ничего не произошло.

– Конечно, сейчас я ничего не ловил, – снисходительно пояснил мужчина в ответ на мой вопросительный взгляд. – В ловце даже нет патрона.

– А почему все управление снизу? Это же неудобно.

Рассказчик вновь посмеялся.

– Все дело в том, что панорамщик – тот, кто и ловит это чудо, иногда еще его самого называют ловцом, так же, как

и устройство... Так вот, панорамщик уходит из вида, держа устройство слегка над собой, чтобы не попасть на панораму и не закрывать собой окружающее.

Мужчина с бакенбардами пристегнул к коробочке довольно широкий кожаный ремень и, пробормотав "ну-ка, держите-ка", повесил его мне на шею.

– Ого, довольно увесистый, – проговорила я. Мужчина же вытащил из-за тумбы штатив и, раздвинув его телескопические ножки, поставил.

– В идеале, прибор устанавливают на штатив. Хотя, конечно, иногда ловят и с рук, например, если спешат и на установку нет времени.

Он собрал штатив и протянул мне. Я, взвесив на руках, кивнула.

– Еще в оборудование панорамщика входит "патронник" – коробочка для патронов. А чаще даже два – для чистых и уже с пойманным видом. Патроны обычно продаются такими комплектами по шесть-восемь штук, – он явил сундучок-патронник с отдельным мягким гнездышком для каждого хрустального шарика и, закрыв на застежку, протянул мне. Я отложила штатив и, приняв патронник, вновь кивнула, оценив вес. Мужчина же, собрав особыми креплениями вместе две коробочки, пристегнул к ремню и повесил для демонстрации мне на пояс. – Носить патроны без патронника крайне не рекомендуется – высока вероятность их повредить... Вот, таково "обмундирование" обычного пано-

рамщика. Транслятор, – он указал на светящийся конус, – в него, конечно, не входит. Но все равно, немалый вес, правда?

Я кивнула. Разумеется, короткое время подержать все это было не так уж тяжело, но я прикинула, что таскать такое на себе целый день – уже весьма ощутимо. Мужчина, довольный, что я впечатлилась, забрал у меня ловец и патронники и вернул их на положенные экспозицией места.

– Пойманные панорамы смотрят при помощи транслятора, – он указал на хрустальные конусы с уверенной жилкой мягкого света в середине. – Увы, без транслятора люди могут рассматривать только картинку в хрустальном шарике...

Он снял с транслятора патрон с милым городским пейзажем и аккуратно показал мне на просвет. После убрал его в патронник и достал другой. Положил на верхушку транслятора. И перед нами раскинулся глубокий голубой небесный пейзаж с белыми, чуть подсвеченными перьями облаков.

И это было контрольное попадание.

Если прежние панорамы меня восхищали, то эта без боя покорила мое сердце. Если чем и можно было сразить меня наповал, так это видом неба.

Белые, легкие, словно живые облака так и хотелось потрогать рукой. Я будто бы стояла посреди небесного простора, окруженная бесконечной воздушной пустотой, даже дышалось, казалось, легче. А этот пронизывающий воздушное море солнечный свет!..

– Как видите, что только не ловят в панорамы... Сейчас

это – во многом художественное искусство, а не только документалистика.

Я, любуясь, слушала его вполуха, растерянно кивая. Какая красота, ох, Высшие! Мне так не хотелось отрываться, так жаль было, что эту красоту нельзя забрать с собой...

Интересно, а...

– Скажите, а сколько может стоять одна такая панорама? Может быть, ее можно купить?

– Хмм, – серьезно протянул мужчина, задумавшись. – Я боюсь, моя оценка будет грубовата... Наиболее дороги панорамы, имеющие историческую ценность. Ну а такая может стоять порядка сорока золотых, хотя, возможно цена будет варьировать, плюс-минус...

– Ы-ых, – охнула я, нервно хихикнув. – Спасибо, понятно, порядок цен я уже оценила, вопрос закрыт.

Мужчина же как ни в чем не бывало, продолжил рассказ:

– С панорам часто делают срисовки, что впоследствии помещают в книги, учебники. Вот, пойдёмте посмотрим стенды.

Мне, конечно, было гораздо интереснее любоваться "живыми" панорамами, чем срисовками, ведь они были, по сути, просто рисунками. Но я пошла за ним, чтобы уважить знатока, что так любезно передо мною распинался. Да и просто посмотреть на исторические картины, я решила, будет полезным.

– Вот, взгляните, здесь у нас картины жизни и быта людей

трехсотлетней давности, – я кивнула, рассматривая. – Наша столица летом 4722 года. Вот, как выглядела центральная площадь... Вот знаменитая Соулская Магическая школа.. впрочем, о ней не мне вам рассказывать.

Я окинула взглядом рисунки, разглядывая некоторые. Тогдашняя столица выглядела интересно, непривычно. А вот СоулМиШ, хоть и отличалась от своего современного вида, была узнаваема.

– Ну а вот тут, – проговорил мужчина с куда большим энтузиазмом, указывая на второй стенд, – картины времен революции и Лиорианско-Загорянской войны! 4723 год.

Я кивнула и с интересом оглядела картины. Прямо по центру располагалась крупная срисовка, что показалась смутно знакомой, сложноватой по композиции, и как-то не привлекла моего внимания. Потому я с большим интересом принялась разглядывать окружающие...

– А вот это – венец нашей коллекции! – мужчина с баками со значительным видом показал мне на ту самую центральную. – Знаменитая панорама "С летящей стрелой"!

Вспомнила, где я ее видела. "Лиорианская история. IV курс".

Теперь я взглянула на срисовку с большим интересом. На картинке было много маленьких фигур людей, в основном в обычной одежде тех времен, но были и в военной форме. Происходило довольно бурное сражение, прямо рядом справа кто-то раскручивал пращу, слева вдалеке была яростная

схватка революционера с потрепанной шашкой и солдата с блестящим на солнце мечом; несколько камней, в том числе горящих, были пойманы летящими в сторону армии, летали и стрелы. А одна стрела, самая заметная, была изображена летящей будто бы прямо на наблюдателя, лишь немногим выше его головы...

– Она поймана в год революции, прямо во время боевых действий.

– Стрелу наверняка пририсовали, – уверенно бросила я.

– Многие так говорят, – улыбнулся мужчина. – Но это не так. Исходник хранится в королевском запаснике, он входит в фонд культурного наследия. Увы, к нему вас вряд ли пустят... Но несколько исходников этого смелого панорамщика вы можете найти в Центральном историческом музее.

Я, хмыкнув, кивнула, принимая к сведению. Не уверена, что собралась бы наведаться в музей, не таким уж ярим фанатом истории я была. Но и сразу отказываться не хотелось.

– И кто же этот смельчак или безумец, что ловил панорамы под дождем стрел?

Видимо, с вопросом я угадала, потому что мужчина расплылся в улыбке.

– О-о, это знаменитый Лесси, что удостоился "титула" Сорвиголова. Вдумайтесь, насколько он был рисков, что от ребят народного партизанского отряда удостоился такого прозвища! А ведь сам был из знати! Смелчак или безумец, решать каждому, но его вклад в нашу историю, те сведения, до-

шедшие благодаря нему до потомков, поистине неоценимы! За все время своей деятельности, Лесси-Сорвиголова написал более пяти десятков статей и немало коротких заметок! – мужчина с баками навис надо мной, всем своим видом демонстрируя, насколько сия цифра велика. Я поспешила сделаться впечатленной. – И поймал порядка полусотни панорам! Может, даже больше, часть исходников, увы, могла затеряться при различных событиях...

Я присвистнула, подумав, что это и вправду немало. А то и невероятно много...

– И это он – тот, кто поймал в панораму самого Дейра Лирана, что тогда еще не был королем, а лишь главой одной из политических групп... Копию с этой панорамы вы, вероятно, тоже видели в учебнике.

Я призадумалась, вспоминая. Да, видела, конечно. Но не придавала особого значения прежде...

– Увы, Лесси слишком мало действовал, – лицо мужчины сделалось прискорбным. – В какой-то момент он просто исчез. Явился почти из ниоткуда, неприметный студент Академии высоких искусств, а исчез так и вовсе в никуда... Кто знает, каков был бы его вклад в историю, будь у него побольше времени... По слухам...

– Вздор! "Лесси" никогда не существовало! – резкий окрик сзади заставил меня вздрогнуть и отшатнуться.

Лицо моего собеседника побагровело.

– Ах это ты, еретик!

Позади стоял мрачный седой мужчина в очках, с клочковатыми волосами.

– Один человек не написал бы столько статей! Это был специальный корреспондент Дейра Лирана, что описывал якобы достоверные события по его заказу! А то и не один! Целое подразделение этих "Лессей"!

– Вздор! Они сверяли почерки! Все статьи написаны одним!

– Неужто сложно найти отряд примерно похожих мальчишек и обучить их нужному почерку!

– А стиль написания?!

– Пффф! Подделать легче легкого! Дейру просто нужен был орган, что верно бы трактовал события и выгодно ему записывал!

– Но Лесси писал правдиво и честно! В том числе и про жесткую руку Лирана!

– Еще бы! Ведь тому нужно было, чтобы выглядело правдоподобно!

– Он не стеснялся писать правду, какой бы она не была! Не потому ли многие его статьи были исправлены, урезаны, а то и вовсе преданы забвению?

– ...А заодно, – проигнорировав довод, выдал подошедший, – нужен был некий "талисман" для народа. Такой идеальный образ. Прогрессивный юноша-"аристократ", рубаха-парень, свой среди простолюдинов, что не поддерживает тотальное превосходство знати прошлого короля и несет

идею равенства людей, что ночует с партизанами на голой земле во имя революции и ни словечка жалоб ни проронит! Какое клише! Но как любимо всеми...

– Жаловался! Даже в заметках писал! И про жесткие условия, и про нехватку припасов, и про беды со снабжением. Дейр же потом часть и запретил, негоже такие вещи афишировать!

– Про вашего "Лесси" статью нужно писать в ключе "Загадка истории или лучшая сказка революции?"!

– Лесси – реальная историческая личность!

– То-то "его" нет ни на одной из панорам!

– Еще бы! Он их ловил!..

Я поспешила смыться от разгорающегося спора двух историков, не желая досмотреться до того, как почтенные мужи по-мужицки вцепятся друг другу в глотки, и не дай небо не влезть в конфликт. Да и, в конце концов, мне надо было поторапливаться в Гильдию, нечего глаза продавать.

– Извините, не обращайтесь на них внимания, – слегка неловко улыбнулась мне девушка с косо́й-колоском вокруг головы, что стояла рядом и, очевидно, тоже имела отношение к экспозиции. – Они всегда ссорятся. Мужчины, им бы только поспорить, даром, что историки...

Я чуть усмехнулась.

– Вы тут тоже работаете?

– Так, помогаю. Знакомим народ с высокими технологиями. Просвещаем исторически по случаю юбилейного года с

подачи и при поддержке королевского двора...

– А что вы об этом думаете? – я кивнула на спорящих мужчин. – Этот легендарный – правда или выдумка?

– Ну, – девушка философски пожала плечами, – вроде был такой, панорамы ловил, статьи строчил, как машина... Ну а может и не было. Сколько с тех пор времени минуло, воды утекло, поколений сменилось. Теперь уж точно и не узнать... Сами упоминания Лесси друг другу противоречат: он упоминается юношей 15-16 лет, но при этом – студент академии искусств, да причем одного из последних курсов... Плохо легенды бьются. А документы проверять бесполезно. Если и жил такой, Лесси – всего лишь прозвище, настоящее имя тот даже по легенде скрывал. Но факт остается фактом: много статей и панорам дошло до нас, много информации они нам дали.

Я усмехнулась. Что ж, вот и нейтральная сторона.

– И пойманные им панорамы имеют огромную историческую ценность. Так же до нас дошли такие реликвии, как его ловец панорам и сумка-патронник...

– А куда он потом делся? Этот Лесси.

Девушка с косой задумалась, качая головой.

– Ну-у, если отместить совсем бредовые версии... Его могли найти родители, от которых он скрывался – он ведь во все это ввязался против их воли: все дворяне своих детей из академий домой отзывали – страшно же, бунт назревает... Дали сыночке-революционеру целительных люлей. А боль-

ше он как Лесси уже нигде не светился. Есть и другая версия. Корреспондента могли и убить. Но поскольку это было бы грустно, выдумали легенду про пропажу. В общем, – протянула девушка философски, – уже доподлинно не узнать.

Я кивнула, а после небольшой паузы проговорила:

– А панорамы – классное изобретение.

– А то! Достоверные картины прошлого! Даже жаль, что не мы, люди, до такого чуда додумались... Да нам бы ни технологий, ни магии не хватило.

– А кто? Драконы? – спросила я, а потом смутилась, подумав, вдруг девица, чем Сцерра не шутят, не знает. Однако та, видно, была подкована.

– Ну, не все же открытия и изобретения принадлежат драконам! Это остроухие придумали заключать картинку в стекло.

Я с интересом взглянула на девушку, и она продолжила.

– Сначала, разумеется, это было изобретено для военных целей: четкая детальная картинка, где можно разглядеть дальние детали вблизи – яллай близоруки из-за своего строения глаз, да еще и картинка у них к краям искажается. Они потому и стрелки аховые. В общем, поймать панораму местности, а потом спокойно и детально ее разглядывать вместо того, чтобы долго озираться с биноклем, было для них очень полезным. Но яллай были бы не яллай, если бы не умыкнули это в мирное русло эстетики и искусства... Ловец панорам стал гражданским предметом, в шарики-патроны начали ло-

вить красивые пейзажи, виды... А возможность поразглядывать это в деталях, четко, яллай высоко оценили. Вскоре слава о волшебном ловце видов расползлась по миру, панорамами заинтересовались другие. И яллай, сделав так, чтобы вся магия у артефакта была внутри и другие могли применять его, начали продавать. Но скопировать технологию никому не удалось – у людей и остальных попросту нет такой магии. Мы можем научиться собирать прибор, но без магии острых все бесполезно. К слову, яллай даже проявлять панорамы могут без транслятора, голыми руками... Через пару столетий, правда, шей'хар научились особым образом обрабатывать песок и выпускать более дешевые аналоги патронов. Но и качество там соответствующее, поэтому производство почти зачехло. За все эти три с половиной столетия, что нам известны ловцы панорам, их принцип работы почти не изменился, но они по-прежнему невероятно дороги и потому редки – мало кому потянуть прибор, патроны-шарики к нему и, в идеале, транслятор... И достать не так-то просто, на первом базаре не купишь. Вот кстати, еще один повод для сомнений в легенде: у Лесси должна была быть просто прорва денег...

– Я говорил, что "его" или их спонсировало правительство! – грянуло сзади.

Мы с девицей вздрогнули; она жестами попыталась отмахнуться, и мы поспешили отойти подальше на несколько шагов.

– А что, если Лесси был яллай? – полушутя спросила я, озвучивая внезапную мысль. Оттуда и ловец панорам с патронами у него...

– Хм, а это может что-то объяснить, – усмехнулась девушка. – И наличие у него ловца, и возможность достать патроны, и ловкость в обращении с прибором... По каким-то упоминаниям, он не снимал шапки. Я думаю, это миф, но кто знает, может, и уши прятал.

– Этим можно объяснить еще и его смелость, – ехидно добавила я. – Он попросту в упор не видел... точнее, только в упор и видел опасность!

Собеседница, закрыв рот руками, зафыркала.

– При них так не пошутите!

– Ладно! – улыбнувшись, ответила я. – Что ж, спасибо вам! Я немного исторически и технически просветилась.

Девушка, усмехнувшись, с напускной важностью ответила:

– Это и есть наша цель!

Мы попрощались; она поспешила к мужчинам, чтобы унять их спор.

– Ну тихо вы! Весь народ отпугнете сейчас!..

Ну а я направилась в сторону отделения Гильдии. Отойдя от экспозиции, я пересекла площадь, и уже почти на выходе ко мне пристал белобрысый зазывала в ярко-салатовой рубашке с обещаниями профессионального предсказания от прорицателя. “Позолоти ручку”, в общем.

Я хмыкнула. Нашли, к кому, я же только что отошла от столпа достоверной науки... А впрочем, ожидаемо, у меня ведь лицо простушки... Не ты первый, белобрысый.

На мордашку зазывала был совершенно обычный – если б не чудная прическа с длинными прядями, обрамляющими лицо, да яркая одежда – затерялся бы в толпе. Цеплял взгляд разве что необычный медальон на шее, что-то вроде компаса на цепочке.

Я хотела было сразу отмахнуться, но заметила небольшую лавчонку с молодым парнишкой-прорицателем. И решила все же пойти и потрепаться. Провидцем оказался довольно молодой парень с густыми, черными, довольно коротко стриженными волосами. Казалось, из-за округлой формы лица и довольно мягких черт, он выглядел моложе своих лет.

– Вы тут, значит, предсказания делаете? – осведомилась я, нахально присаживаясь на стульчик перед столом и с хлопком водружая перед предсказателем несколько положенных медяшек. – А где же ваш магический хрустальный шар? И, – я развела руками под отсутствующим шатром, – разве духам не нужна темнота?

Парень, судя по лицу, подавился заготовленной фразой и потерялся. Но, взяв себя в руки, пробурчал:

– Настоящему прорицателю шар не нужен...

Я усмехнулась.

– Так, – он постарался вновь сделаться важным для своей роли и спросил. – Каков ваш знак по системе небесных тел?

– Настоящему прорицателю этот вопрос не нужен, – в тон его предыдущей фразе ехидно ответила я. – Про эти суеверия я могу прочесть и без вас, от прорицателя, думала, чего толкового услышу!

Парень вновь осекся, растерялся, поменялся в лице. И метнул короткий недобрый взгляд куда-то за меня. “Промахнулся, белобрысый”, – ехидно констатировала я мысленно.

– Ну, в таком случае... – с трудом подбирая слова, вновь начал недопрорицатель, – Без знака давайте...

– Давайте! – едко ввернула я, вновь сбив мальчика с мысли.

Он метнул очередной злой взгляд вдаль за мою спину. Ничего, пусть еще раз осознает ошибку.

– Дайте вашу руку, – серьезно проговорил он, собравшись с мыслями.

– Каков нахал! Сначала с девушкой хотя бы знакомятся, а потом уж руку просят! – не унималась я.

– Если не желаете предсказание – просто уходите! – терпение у черненького, видно, кончилось.

– Нетушки! Хочу предсказание! Я вам уже денег заплатила! – я требовательно протянула руку.

Парень, судя по взгляду, желал мне подавиться моими медяками. Казалось, он не только готов был их вернуть, но еще б и сверху накинул, лишь бы я ушла.

Тем не менее, протянутую руку взял, неуверенно и напряженно. Ладонь мою он держал, словно воздушный кусо-

чек хлопка, боясь сжать. Ястравчанка¹⁵-кочевница, что в мои семь лет на каком-то городском празднике нагадала мне к двум десяткам счастливое замужество и ораву здоровых деток, была гораздо увереннее в движениях...

Ладно, что это я. Быть может, это первая женская ручка, которую ему довелось держать.

Вопреки ожиданиям, линии жизни рассматривать “про-рицатель” не стал. Вместо этого накрыл мою руку второй ладонью и закрыл глаза. Тут я мешать не стала, присмирела. Интересно, есть в пареньке искра дара? А вдруг есть?

Его руки неожиданно дернулись, сжав мою ладонь чуть уверенней; ресницы дрогнули, глаза зажмурились чуть сильнее, а лицо выразил налет легкой дурноты.

Притворяется? Али вправду видение? Ладно, поглядим. Будем считать, убедительно.

Лицо его переменялось. Дежурно-напряженная мина сменялась выражением не то шока, не то ужаса.

Увидел нечто страшное? Или... или хорошо притворяется?

Парниша хватанул воздух, раскрыл глаза и выпустил мою руку. Его движения и мимика отдавали малость неестественным напряжением.

“Переигрываешь,” – должна была сказать моя молчаливая

---

¹⁵ Ястравчай-Анга – “цветущий край” (ястр.). Небольшое “государство” кочевых народов с юго-востока от Лиории. Несмотря на тотальную и неистребимую любовь к родной стороне, любить ее почему-то предпочитают на расстоянии, ко-чюя по Лиории. Не иначе как считают, что в разлуке чувства крепнут.

усмешка.

Удивление на лице сменилось нейтральной беспристрастностью, словно парень то ли не вполне оперативно взял себя в руки, то ли счел отыгрыш достаточным и решил, что дальше стараться не обязательно, хватит и такой мины.

– Госпожа... – голос его был ровным и безэмоциональным, хотя паузу после этого слова провидец чуть затянул. – Скажите. Вы...

Я воззрилась на него с прохладным скепсисом. Парень, наконец, завершив очередную паузу, продолжил:

– Я увидел некоторые риски для вас.

Интересно. Неужели и правда?

– Что же вы увидели? – живо уточнила я.

Он замялся. Из желания видеть в людях в первую очередь хорошее, я подумала, что формулируя мысль. Но вообще – слабовато. Моя та ястравчанка была куда убедительней.

– Я думаю, что всем нам лучше не рисковать лишний раз... Иногда наша инициатива, бывает, заводит нас далеко и приводит к нежелательному исходу. Вам... – он на секунду опустил глаза, потом продолжил решительно. – Вам стоит избегать дальних необычных поездок, куда не зовет вас долг.

Я звонко хлопнула ладонью о ладонь.

– Чудесно! Совет просто отличный!

Парень воззрился на меня с вопросом. Хорош уже, актриска!

– Знаете ли, господин. Это не предсказание, а универсаль-

ный совет! Как все “пророчества” по небесным телам! Кому угодно дай – ситуацию любую можно за уши притянуть, – я поднялась и ехидно продолжила. – Я, как вы, видимо, *не* заметили, мистик-вольнонаемник. Я всю жизнь езжу по рисковым поездкам.

– Стоит избегать необычных! Связанных с вашей инициативой! Куда не долг мага...

– Для меня нет необычных экспедиций! – я хмыкнула. – Для меня авантюры – рутина! А вы, батенька, шарлатан! – насмешливо подытожила я, разворачиваясь.

Прорицатель не в шутку смутился, но тут на выручку ему прискакал зазывала-блондинчик с “компасом” на шее.

– Умная такая? Вот и чеши, а нам не мешай! Молодым прорицателям тоже надо с чего-то начинать, на чем-то руку набивать! – тихо и серьезно, без тени зазывательской отвязности, затароторил он. – Ты, мистичка, тоже не магистр магии, небось, наемницей катаешься со своими мелкими заказиками... Молодым себе дорогу пробивать непросто, не хуже нашего знаешь!

– Вот увидите! – вскинулся сзади прорицатель. – Вы еще вспомните, что я вам сказал!

И блондин тотчас кинулся назад, умерять пыл своего менее опытного товарища.

– Да не нервничайте! Сцerra с вами, – ехидно бросила я, обернувшись, – не буду ваш бизнес рушить.

И, в шутку козырнув, пошла прочь, в сторону отделе-

ния Гильдии. Шагать, собственно, пришлось недалеко: отделение располагалось близко к центру. Правда, немало пришлось подождать, пока освободится нужная мне женщина.

Наконец, меня вызвали в ее кабинет. Тот выглядел, как стандартный гильдийский, только с поправкой "столичный" – убранство было богаче. Зайдя, я почтительно поклонилась и, сразу приготовив и показав лицензию и диплом, проговорила:

– Доброго дня, госпожа! Дзета Янше, мистик-вольнонаемник, к вашим услугам.

Та кивнула, отложив свои бумаги, и дала мне знак продолжать.

– До меня дошли вести, что Гильдии что-то нужно от меня, и вот я здесь.

– А-а, Янше, – протянула женщина, как показалось, со слегка менторскими нотками. – Наша "потеряшка"... – я хмыкнула. – Ну, и где же вы были, госпожа Янше?

– Я... Я работала в стороне Побережья... – неуверенно проговорила я.

Дама кивнула.

– Госпожа Янше, сейчас Гильдия старается учесть местоположение своих специалистов, чтобы иметь четкое представление об их количестве по регионам и раскладе сил.

Я нахмурилась. Что-то мне это не очень нравится...

– А вы у нас, госпожа Янше, пропадаете незнамо где...

– Почему ж незнамо? Знамо! – вставила я, заставив даму

метнуть в меня недовольный взгляд.

– В общем, сейчас в Гильдии решается вопрос о прикреплении специалистов к определенным регионам...

– Что? Опять?! Да что ж вам нейдет? – вырвалось у меня. Женщина осадила меня холодным взглядом. – А можно меня прикрепить к Побережью?

– Ну, милочка! Все хотят на Побережье, в Тилану, да в Сорус! – проговорила дама. – Но что столица, что Побережье не резиновые...

– На Побережье, между прочим, не особо много специалистов! – уверенно вставила я. Хотя на самом деле точно не знала.

– Мы ориентированы на накопление специалистов в Центральном либо Восточном регионе, – холодно продолжила женщина. – Есть местечко в Красной Дамбе... Или... Вот, в городке Придонье, у них там как раз недавно мистик уехал...

Я мысленно хмыкнула. Могу тебя понять, мистик, что свалил из Придонья. Я б тоже попыталась...

– Почему уехал, ежели не секрет? – едко поинтересовалась я. – Выслужился?

– Гос.инспекция в пользование взяла, – поджав губы, ответила дама с довольно ощутимым неприятием. – Им ведь все можно...

Я пожала плечами. Государственная инспекция для меня была чем-то далеким, ее дела меня вообще не волновали.

– Нет, ну а почему меня нельзя вольнонаемницей оста-

вить? Это всегда честь была, куда-то сразу по распределению попасть! Для особенно отличившихся! – проговорила я.

– Гильдии удобнее координировать работу прикрепленных специалистов, – я закатила глаза. Гильдии-то удобнее, конечно... – И вообще, негоже молодым симпатичным девицам...

– Так то "симпатичным"! Ко мне-то какие претензии? – саркастично ввернула я.

– ...негоже молодой девице, – с нажимом продолжила дама, – по стране мотаться, как скиталице...

– Да вам что, просто глаза мозолит, что я пересекаю по стране, свободная как птица? – в сердцах воскликнула я.

– А если вдруг понадобится – днем с огнем вас не сыскать! И два месяца ждать, пока доедете...

– С чего я вдруг вам понадоблюсь! Всегда мистики-вольнораемники путешествовали, и никаких проблем не было!

– Да, потому что времена нынче меняются, – строго проговорила женщина. – Вы на подведомственной территории нужны, а то, случись что, не найти!

– Да прям уж, не найти меня! Нашли же! Гильдийская сеть по всей стране раскинута!.. – пробурчала я под нос. Перспектива прикрепления в какую-нибудь глухомань меня совершенно не радовала... – Ну, давайте я по стране буду вольнораемницей кататься, – пошла я на попятную, – за границей пропадать не буду.

– По стране ныне абы кто не катается, как вашей душень-

ке угодно – тоже заслуги нужны. В разъездах военные, либо научники...

Я опустила глаза, кусая губы. Что ж делать-то, что делать? Прикуют куда-нибудь в свою глухомань. Не видать мне больше ни Побережья... Ни неба.

– ...А вы – специалист весьма заурядный. Без всяких выдающихся данных.

– А если я себе до завтра экспедицию найду! – резко вскинула голову я. Это же столица! В ней по-любому найдется какой-нибудь отряд экспедиторов, коим нужен маг в сопровождение.

Женщина слегка опешила от моего внезапного порыва, но потом, осмыслив сказанное, скептически скривила губы.

– За вечер?

– За вечер! – нахально ответила я.

Дама прохладно вздохнула.

– Ладно, госпожа Янше. Есть кое-что на примете... – она опустила взгляд в бумаги, что-то изучая. – Уж коли так хотите покататься... Недавно была обнаружена подозрительная активность в Датарском регионе, есть подозрения о *разломе*. В ближайшее время туда снаряжается экспедиция для проверки... – женщина протянула мне кое-какие бумаги, и я поспешила их принять. – Идите, нанимайтесь. Ежели вас, конечно, возьмут... Они могли уже кого-то себе найти.

– Спасибо! – почти крикнула я, сложив бумаги в одну кучу, и, не теряя времени, бросилась на улицу. Надо спешить.

– Даю вам срок два дня. Потом будет решаться вопрос о прикреплении... – не слишком стараясь, проговорила женщина мне вслед.

"Мне хватит и вечера!" – решительно подумала я. Вслух, конечно же, говорить не стала – ну, мало ли, не хватит...

Не убирая бумаг, я выскочила на улицу и поспешила по указанному адресу – где искать командира. Путь, по счастью, был не далекий и довольно простой.

Подбегая, я заметила на улице небольшой отрядик, командира и человек пять солдат. Мне почему-то сразу показалось, что это именно мои солдаты. Маленький задрипанный отрядик для небольшой экспедиции. Малобюджетный, так сказать.

Уже на походе я заметила направляющегося к ним конопатого парня, по решительности и выправке видно – коллеги.

Ну уж нет! Надо его опередить!

– Это экспедиция в Датар? – закричала я на подлете, почти бегом догоняя парня в нескольких шагах от отряда. Тот удивленно обернулся, а я, не рассчитывая на подобный маневр, чуть его не сбила. И так кстати споткнувшись о его ногу, едва не влетела головой в живот десятнику.

– Д-да... – слегка растерянно ответил он.

– Дзета Янше, дипломированный мистик-вольнонаемник! Практикующий специалист, – не растерялась я, изобразив, что мое несостоявшееся почти падение – поклон, и, едва разогнувшись, предъявляя свои так кстати не убранные бу-

маги. – Направлена вам магом в сопровождение, коли возьмете, – последние два слова я проговорила значительно тише.

– Практикующий маг... – задумчиво проговорил десятник, взглянув в предъявленные бумаги. Сверху оказались гильдийские, и я поспешила переложить их, открывая диплом, словно так и было задумано. – И сколько у вас лет практики?

– Три полных года, господин! – бодро отрапортовала я.

– Хм... Вы нам подойдете, – удовлетворенно проговорил десятник. – Что ж, коли мага нашли, выезжаем завтра.

Парень с ненавистью буравил меня взглядом. Я козырнула ему от непокрытой головы и бодро зашагала за командиром, что, кивнув своим, начал движение.

Без обид, конопатый, но мне горит. И вообще, дамам надо уступать!

Командир, коренастый мужчина среднего роста с бородой и темно-русыми коротко стриженными волосами, указал мне головой в сторону какого-то постоянного двора, куда уже направились его ребята.

– Я Алар Катран, десятник, – представился он. – Ну, ребята мои, там познакомитесь.

– А где остальная половина отряда? – осторожно пошутила я.

– Чего? – переспросил мужчина.

– Ну вы ж десятник? А солдат я вижу только пятерых...

– посмеялась я.

Десятник усмехнулся в усы.

– Ишь, хохмачка... Не дают, вишь, больше людей. Говорят, задание плевое, куда целый отряд гонять...

Дойдя, он отправил своих паковать для завтрашнего выезда, а сам занялся моими бумагами, что я должна была подать в Гильдию для подтверждения. Когда с организационными вопросами было покончено, мы заказали ужин.

Народу на первом этаже, что был занят едальным заведением, было уже много. Подсев к нашим ребятам, мы стали ждать, под гомон не сильно старательно пытаюсь временами обсудить что-то о поездке. Вскоре солдаты подключились к разговору с мужиками за соседним столом. Мы же с десятником беседовали сами, о каких-то мелочах.

– ...Говорю вам, будет война! – отвлеклась я на особо резкий возглас одного из соседей, мрачноватого мужичка с окладистой бородой.

– Ой, замолкни, кликуша, – осадил его товарищи, смеясь. Тот что-то проворчал в ответ, но слова его потонули в веселом гвалте.

– Эй, народ! А я вам сейчас такое расскажу! Вы такого еще точно не слышали!.. – проговорил тем временем другой мужичок, тощий со смешной бороденкой, и, довольный, что привлек внимание собеседников, значительно изрек. – Вот, как в Загорянии королева-ведьма на трон села, начал, значит, и наш король границы укреплять...

– Тьфу, эка новость! – сплюнул один из его знакомцев. –

Бородатая, как старый нищий!

– Как кликуша наш! – со смехом ввернул еще кто-то.

– Это уж пара месяцев как все знают! – со смехом осадили мужика.

– Да погодь ты! Вы ж не дослушали! Моей новости вы еще не слышали!

Народ зашумел: кто-то скептически хмыкал, кто-то смеялся, а кто-то говорившего поддерживал.

– Прямо на границе, на одной из застав, погранцы за пьянки знатных люлей отхватили!

Почему-то весть о том, что кто-то отхватил люлей, народ всегда воспринимал положительно.

– У них тама такой бардак был! Что они шлюх к себе водили! Прямо в бастионы! И пили напропалую!

Я рассмеялась. Десятник усмехнулся в усы, покачав головой. Он, как человек военный, такого не уважал, и потому, видно, что радовался, что за такую халатность "коллеги" получили.

– Ну, в общем, куролесили, вместо того, чтобы службу нести. Так вот однажды эти раззявы... – мужичок зажал рот, уже давясь смехом над будущим повествованием, и народ тоже начал злорадно похохатывать, – привели девиц!.. А потом по пьяни перессорились с девками. Да и решили сдать за вражеских лазутчиков! И полетела вышестоящим в штаб депеша!

Я посмеялась, отхлебывая чай из кружки. Вот олухи!

– А когда за шпиёнами прибыли сурьёзные люди, обнаружилось: девки ушли, похмелье наступило... Те видят, плохи их дела, и давай выгораживаться, прикрываться...

Народ покатывался со смеху.

– ...И чтобы не отхватить, стали врать – вы представьте! – говоривший сам с трудом сдерживал смех, – что шпиёнок унес дракон...

А вот на этом моменте я поперхнулась и надсадно закашлялась. Но учитывая то, как все хохотали, никто не счел это странным; десятник, смеясь, по-отечески похлопал меня по спине, приговаривая "тише, тише..." Я старательно сделала вид, что поперхнулась именно от смеха. А вовсе не отчего-то другого.

Рассказчик еще чего-то добавил, отчего народ вновь разразился хохотом.

– Нет, ну вы представьте, дракон у них прилетел!.. Ха-ха-ха-ха-ха! – десятник, смеясь, взглянул на меня.

– Ха-ха-ха-ха-ха! – поспешила подтвердить я, чтобы, не дай небо, ничего не заподозрили. Впрочем, позже я успокоилась: кому здесь подозревать...

Искаженные сплетни все равно уже толком ничего не рассказывают о ситуации.

– А я еще слышал, – перехватил инициативу кто-то, – что куда-то туда же, к границе, аж государственного инспектора послали...

Народу к позднему вечеру набралось прилично. Спать люди не спешили. Мы же, собираясь в дорогу завтра, предпочли лечь пораньше. Утром я отвезла бумаги в Гильдию, и мы отправились.

Перед нами лежал путь. Небо было чистым и высоким, а чувство дороги давало воодушевление и свободу. На душе было спокойно и легко.

И все-таки, одна мрачно-тревожная мыслишка не давала покоя. Долго ли я смогу бегать от Гильдии с их прикреплением?..

***

– Черт побери, мы точно туда едем?

Ран, самый старший и спесивый из солдат, еще раз огляделся, недовольно морщась. Отчасти, я разделяла его недовольство и недоверие.

– Нет, серьезно! Ни намека ведь?

Путь от столицы был не сильно дальний. Наш конный отряд за неделю преодолел расстояние от Тиланы до Датарской области, где мы съехали с хорошей дороги и углубились в провинциальное плоходорожье.

Дальше было сложнее: наши наводки "где-то в районе..." не имели точных координат и направлений, и потому мы были вынуждены искать, где это самое "где-то".

"Где-то" пока находиться не спешило...

По идее, точность наводок составляла плюс-минус соту.

Что в теории было, вообще-то неплохо. А на практике...

– Странно. Я была уверена, что мы на правильном пути...
– я еще раз сверилась с картой и прислушалась к ощущениям. Вообще-то, по нашим расчетам, если мы правильно определили курс, мы были должны уже встретить хотя бы намеки на разлом. Все-таки ошиблись квадратом?

– Неделю уже по глухости лазаем. Надо было от столба в другую сторону сворачивать... – вновь бросил Ран.

– Ну и сворачивай! – пробасил его товарищ Барл, крепкий детина. – Вернись к столбу и едь, куда хошь! Хоть домой!

– Да тихо все! – резко оборвала их я. – Я слышу шаги!

Звук доносился с тропки, что пересекала более широкую дорожку, по которой ехали мы. Шаги были обыкновенные, человечьи, слегка шаркающие, шуршащие по жухлой листве. Вскоре появился и их производитель – по-деревенски одетый дедок с палочкой и старенькой, но крепкой корзинкой.

– Доброго дня, уважаемый! – крикнула ему я. Дед, увидав нас, слегка струхнул, потому я поспешила продолжить. – Мы тут немного заплутали... Мы посланы исследовать район. Есть предположения, что там разлом, но у нас нет точных координат... – я задумалась, что еще сказать. – Нет ли тут поблизости... ну, чего-то такого?

Дед, медленно подходя, крякнул, задумался, почесал макушку. Интересно, грибник али ягодник? В любом случае, местный, это главное. Значит, если есть что поблизости, должен знать...

– Не-е... Не знаю такого, – выдал старичок наконец.

Позади сдержанно чертыхнулся Ран: "Говорил же, в другую сторону надо было переть..." Я поморщилась. А дедок тем временем доковылял почти до нас; я невольно оценила содержимое его корзины. Очень небогатое: пара подберезовиков, горсть сыроежек и примерно столько же ягод.

– А урожай-то невелик, – протянула я.

– Не родит земля в этом году, – ответил грибник-ягодник, вздохнув.

Я напряглась. Так-так.

– Не родит, говорите? – задумчиво проговорила я.

Дед с досадой слабенько тряхнул корзинкой и сплюнул.

– Это еще что... Там вон дальше, к холму – вообще пустошь! Я уж дотуда не хожу, ноги не те, а помоложе кто, доходили.

Конечно! Эх, дуреха, и как сразу не сообразила? Ну разве поймет дед из глубинки, что есть этот разлом?

– Это в какую сторону?

– Да вот, – дедуля махнул рукой назад, по тропе. – Туда вот подальше...

– А иначе как можно проехать? Чтобы с лошадьми.

– Не знаю, доча, – покачал головой грибоягодник. – Эту тропу знаю, да другую такую же. А чтоб дорога хорошая, не добредал...

– Ладно, спасибо, дед, мы поняли! – улыбнулась я. И одарила Рану превосходственным взглядом.

Правда, теперь перед нами встал вопрос, как проехать на лошадях по узкой тропе. Увы, ответом было "никак". Оставалось спешиться и пойти на своих двоих.

По петляющей тропе пришлось двигаться довольно долго. Более того, чем дальше, тем тоньше она делалась. А с определенного момента ее еще и начали перегораживать нависшие ветки кустарника. Наконец, она превратилась в совершенный кошмар, через который приходилось буквально продирается. И мы начали переживать за лошадей и очень сомневаться, что не сбились где-то на петляющей тропе, упустив какое-нибудь незаметное ответвление.

– Сцерра, ну и дорога! – сплюнул пятерник. Ну, в смысле, десятник.

Я, двигаясь первой, перескакивала через кустарник. Судя по свету и поредевшим деревьям, лес дальше кончался, значит, путь должен быть легче... Да и кустарник был уже не так густ, какой-то чахленький. Я перешагнула через прилегшие на дорогу побеги. Конец тропы уже виднелся впереди.

– Не похоже, чтобы тут часто ходили...

– Не похоже, что тут вообще ходили! – фыркнул Ран, но был осажен командиром.

– Дед сказал, нам нужен... – я наконец миновала приставучую полосу препятствий, подныривая под сникшие ветви кустарника, и, осторожно перешагивая рельефные корни, выбралась на гораздо более свободное место, что, вопреки этому, не принесло облегчения, а вызвало едва осязаемый

всполох смутной тревоги. Подняв глаза, я увидела запустелую чахлую долинку, над которой слегка возвышался...

– ...Холм, – закончила я недоговоренное.

Меня уже догнали. Сзади слышались невнятные тревожные перешептывания. Вот он, омертвевший холм.

– Видимо, нам сюда.

Разломы редко бывают полезны для природы, даже только назревающие. Физика следует вслед за энергией. И если проседает последняя, первой тоже приходится несладко. Часто на месте разломов энергетических, формируются и разломы, трещины, провалы физические... Интересно, имеется ли таковой тут?..

Мы продолжили путь. Долинка, недолго пытаясь сохранить ровность, плавно переходила в длинный пологий склон.

Слегка отъехав от глухой тропы, я обернулась и застонала со смесью досады и смеха. Вот же она, хорошая дорога! Прямо рядом выходит! Правда, направление чуть другое – чем дальше, тем сильнее уходит от тропы. Видимо выезд на нее был дальше на дороге, и мы просто не доехали.

Что ж, ладно. Зато легче будет возвращаться!

Чем глубже мы продвигались, тем хуже и чахлее становилось все вокруг. К склону мы съехали с дающей петлю дороги и пошли на подъем мимо кустарников и редких деревьев с подсохшими чахлыми вершинами, временами встречая груды серых камней, словно вырастающих из-под земли. Почти ничего из этого не стояло у нас на пути и не создавало пре-

пятствий.

– Въедем на холм, там посмотрим и вертаем назад, – по-лууказал, полууточнил пятерник Алар. Я на всякий случай кивнула. То ли соглашаясь, то ли подтверждая.

Если честно, я довольно смутно представляла, что полагается делать конкретно мне. Поэтому планировала действовать по обстоятельствам.

Входит ли в мои задачи убить вылезших чудовищ? Наверное, да, по возможности. Я припомнила, что на "зачистки" магов собирают больше, чем один. В любом случае, бить тех демонов, что будут пытаться атаковать группу – это как пить дать.

Из разлома что-то уже повылазило – талисман Сцерры на моей шее начал мерцать едва ли не от начала склона... Правда, горел пока слабо – тварей немного. Или далеко.

До круглой слабовыраженной вершины по пологому склону ехать было около пары сот. Мы почти достигли высохшего редкого леска, лысеющей шевелюрой торчащего из широкой макушки холмика, как с одного из деревьев сорвалась гарпи – не слишком крупный летающий демон с опасными когтями и зубами. И премерзким скрежещущим голосом.

Как порядочный маг, я осторожненько пальнула в нее маленькой шаровой молнией на подлете к нам и, подъехав, для верности рубанула упавшую мечом. Я опасалась, что сейчас на шум налетят ее подружки, но пока нас не трогали.

Мы оставили взволнованно стригущих ушами лошадей,

привязав их к деревьям покрепче и двинулись дальше, углубляясь в лесок. Кругом, даже в воздухе, чувствовалось напряжение, что-то нехорошее. Талисман горел ярко.

Я пошла вперед, слегка оторвавшись от команды.

Примерно шен через двадцать твари обнаружили себя. Появилось еще три гарпи, за которыми потянулась и пара каких-то демонических пичуг – что-то мелкое и непонятное. Шумели они, к сожалению, сильно, и лес начал потихоньку шевелиться. Когда мы управились с подлетающей пятеркой, я напористой пошла вперед, обменявшись кивками с десятником. Частично ребятам придется отмахиваться без меня.

Нашествие гарпи и разношерстной мелочи продолжилось. Войдя в транс и начав охоту, я параллельно отметила – иных тварей, крупнее и опаснее, я пока не наблюдала. Значит, разлом свежий. Летающая шушара обычно лезет в первую очередь. Убивать ее – работа муторная и грязная. Одну гарпи пришибить легко. Но поодиночке в таких местах они редко встречаются...

Спустя несколько атак, я поняла, что, несмотря на их успешность, тварей не шибко убавилось. Хотя не могло их в этой лысой пародии на лес спрятаться столько.

Значит... Значит, они откуда-то лезут. Осталось только найти, откуда. Впереди... Странно, ничего не видеть.

Новая атака с раздирающим уши скрежетом заставила прервать раздумья. На меня ринулись стаей. И тогда я, раскидав их силовой волной, воспользовалась моментом и бро-

силась вперед. Хорошо, что на мне талисман – за таким ярким раздражителем они едва ли замечают людей. Потому я могу позволить себе, почти не заботясь, рваться вперед.

Пробежав пару десятков шен, отбиваясь от вопящих дурными голосами гарпи, я оказалась на небольшом ребре. Собиралась уже пуститься дальше, но замерла – в отдалении впереди зиял черный провал трещины. Разлом.

Вот почему мы не могли его увидеть. Его банально скрывал рельеф... Трещина все еще находилась выше нас, но склон к ней был положе, едва не горизонтальный.

Меня, как главного нарушителя всеобщего тварьского спокойствия, не оставляли. Разом атаковали две гарпи. И если одну я пришибла на подлете, вторая таки попробовала на вкус мою куртку. Только куртку.

Я начала продираться вперед, хоть примерно определить расположение и очертания дыры. Но не прошла я и пары шагов, натиск тварей на меня вдруг будто бы ослаб, и, не успев порадоваться, я заволновалась – переключились на людей? Твари действительно метнулись назад, но получив пару метких ударов солдатскими мечами и потеряв в числе, решили отступить, точнее, продолжить движение прочь.

Что за маневр? Не хотят же они сказать, что гарпи научились думать?..

Из разлома вдруг брызнул целый сноп летающих тварей, и не успела я напряженно и недобро подумать, сколько ж придется всю эту дрянь забивать, земля гулко ухнула, ощутимо

качнулась, и следом за тварищами из провала в небо взлетели несколько языков лавы.

Меня ударило густой и осязаемо плотной волной жара и едким запахом дыма, гари, серы и еще не пойми какой дичи. И тогда я приняла единственно верное в данной ситуации решение – стратегическое отступление.

С максимальной прытью, на которую только способна в трансе, я бросилась бежать.

При таком раскладе наш план минимум с "обнаружить и осмотреть разлом" понижал свои притязания до банального "уйти живыми и невредимыми".

Стоящие поодаль солдаты удивленно провожали взглядом ретирующихся тварей... Не поняли, пока еще не поняли!..

Нельзя медлить! Нужно срочно дать им понять, насколько все серьезно!

К сожалению, Теневая сущность зачастую вытесняет способность конструктивно выражать свои мысли. Да и ситуация к размышлениям не располагала. И потому, чтобы не затрудняться связными аргументами и доводами, на подлете к ним я выдала щедрую порцию оглушительного визга, от которого зазвенело в ушах даже у меня.

Впрочем, вышло вполне убедительно. Наверное, даже убедительней, чем было бы аргументами.

– Отступаем, быстро!!! – неистово заорал десятник, когда я даже еще не успела до них добежать.

Дважды повторять солдатам не пришлось, команда была принята к исполнению моментально, причем еще до того, как из губ десятника вылетело слово "быстро" – среагировали на бегущего в панике мистика.

На звериной скорости нагнала я их довольно скоро, аккуратно у лошадей. А за спиной уже творилось нечто неслучайное. Ухала тяжелыми вскрывающимися пузырями лава в разломе, грохотали камни и орали на все лады мечущиеся твари. Мы для них теперь тоже стали не главным приоритетом...

Шельда плясала и билась в панике. Едва я оборвала повод и запрыгнула на нее, она, не дожидаясь толчка, пустилась в галоп.

– Итак, тут взаправду разлом! Возвращаемся и докладываем! – уже на ходу "отчиталась" я об очевидном начальнику экспедиции. "Характеристик установить не удалось", – мысленно добавила к своему будущему отчету я.

Едко пахло жаром и серой. "Земля разверзлась!" "Темное Немирье!" "Сцерра пришли за нами! Они заберут наши души!" – слышались панические крики.

– Да не заберут! – рявкнула я. – Сцерры не существует!

Однако действительность продолжала расцветать почти как в религиозных кошмарах, и вряд ли кто сейчас мог мне поверить.

Нас со скрежетом обогнала гарпи. Я, не отдавая себе отчета, бросила быстрый взгляд назад и тотчас случайно натя-

нула поводья, завернув голову бедняжке Шельде, заставив ее затормозить. А через миг перед нами, почти на то место, где бы мы были, не затормозив, приземлилась дымящаяся каменная глыба, осыпав нас искрами.

Я с дрогнувшим сердцем выдохнула, бросив быструю благодарность той силе, что дернула меня обернуться. Шельда перемахнула глыбу, но не успокоилась, а, совсем уж обезумев от ужаса, забрыкалась на месте, то вставая на дыбы, то подбрасывая зад.

– Шельда! – натянутая узда с ней не совладала; на очередном рывке меня выбросило из седла, а подпаленная уздечка, не выдержав такой нагрузки, с треском лопнула с одной из сторон. Я слетела вперед-вправо, но узды не выпустила, хоть и со второй стороны она предательски затрещала. Но, перехватившись, я не выпустила лошадь, одернув, едва она поравнялась со мной своим боком, вскочила в седло и, обеими руками вцепившись в стригущие уши, дернула, надеясь хоть так привести ее в чувства.

Лошадь понесла вперед; я вцепилась в густую гриву. Даже почти не отстала от команды.

Все новые и новые летучие твари обгоняли нас, в панике покидая разлом. В одну я метнула молнию, потом плюнула, решив поберечь силы.

Я вновь обернулась. Разлом изрыгал из себя все больше и больше лавы, пепла и огня. Магмы набралось уже на приличную волну, которая выходила из "берегов" и очень уве-

ренно собиралась начать преследование нас вниз по склону.

Я судорожно попыталась вспомнить, как соотносится скорость течения лавы с крутизной склона, но в голове была полнейшая каша, и я решительно не могла разделить, при небольшом уклоне ли течет она быстро, а при большом медленно, или наоборот. Вроде, до этого можно было дойти логически, но сейчас у меня упорно не получалось.

Поддавая в бока и так несущейся во весь опор Шельде, я обернулась. Эмпирически лава двигалась быстро. Черт.

Небо, что же делать?! Быстрее! Быстрее...

Мы гнали во весь опор. Я обернулась. Поддала Шельде. Обернулась снова. Очень едко укололо осознание, что поток расплавленной магмы движется быстрее нас.

"Шустрее! Шустрее!" – орал десятник.

...Нам по склону пилить едва ли не с соту.

Что же делать? Что же делать?..

Хвала небу, хоть жилых поселений близ нет... Им бы точно пришел конец.

Оглядка. Снова вперед...

Сколько нам еще? Да столько же! Соты и есть!..

Камни, искры, брызги огня.

Воздух постепенно накалялся. В потоке периодически трескались какие-то камни, взрываясь осколками, искрами, крошками, выстреливаемыми далеко вперед. Подпаливались угодившие в огненную реку деревца; иногда они загорались, даже не дожидаясь потока, незадолго до него. А

порой сухое дерево схватывалось от брошенных искр совсем близко к нам. Омертвевший сухостой воспламенялся легко.

Дальнобойным крошечком достало до спины куртки. Я закусил губу. Даже наш план минимум обстоятельства ставили под вопрос...

Нет, ну ведь не может быть, чтобы мы не успели!..

Поток приближался. От волнения, жара и спешки дышать становилось тяжелее. Я поймала лицом и опрометчиво вдохнула клочок дыма от тлеющего дерева, против такого Теневая Сущность тотчас взбунтовалась, спеша выгнать порченный воздух из легких; горло запершило.

Я начала перебирать бредовые варианты от песни до браслета. Ни то, ни другое нам не поможет. Предположим, он даже успеет. Он не сможет спасти всех...

Спину и голую шею расстреляло мелкой раскаленной каменной крошкой. Падлы, волосы не подпалите, только отросли!.. Шельда взметнулась, ржанув – ее круп обожгло тлеющими искрами.

Что-то крутилось в сознании, на самой поверхности. Какая-то идея, которую я никак не могла поймать...

Земля вновь дрогнула и в воздухе с удвоенной силой зашвистели камни. Благо, никого не убило. Пока.

Тварей становилось больше с каждой секундой. Но в таких условиях они уже не наша забота. При таком перевесе мы против них – аки взвод разведчиков против полка: лучшее, что мы можем, это убежать и доложить... Я была только

тех, кто пытался атаковать людей.

Я в очередной раз соизмерила расстояние от нас до подножья, а от потока до нас. Сравнила с уже пройденным лавой путем... И с ледяным уколом неотвратимого осознала.

Мы. Не. Успеем.

Сознание боролось с принятием этого факта несколько секунд. Прикидывало и соизмеряло скорость лавы и нашу, пройденный путь и оставшийся. Сознание отчаянно хотело подтвердить, что у нас есть шансы, подсчитать, может, спустив несколько с натяжечкой... Но натяжечки не хватало. Чтобы насчитать хотя бы на маленький шанс, "перетягивать" приходилось слишком неправдоподобно...

Наш план минимум был невыполним. Даже по части первого пункта – выжить.

На автомате дала шпор Шельде, хотя в этом не было никакого смысла. От нашей скорости зависело только лишь то, на каком моменте склона нас накроет. Где мы будем похоронены.

– Нам конец... – прошептала я.

Слова мои на удивление расслышал в краткий миг затишья несущийся рядом десятник.

– Да не бойсь! Прорвемся! – попытался было подбодрить меня он.

Я посмотрела на него. И от моего холодного безнадёжного взгляда лицо его переменялось и посерьезнело.

Он понял, что я не паникую. Я знаю.

Кто бы мог подумать, что почти пустячная рядовая экспедиция закончится этим?..

Что-то вновь конвульсивно скользнуло по краешку сознания. Очередная глупая отчаянная мыслишка, что окажется пустой на поверку? Исступленное отрицание сознанием близости собственной смерти?

Мелкая каменная крошка клюнула меня в затылок; этот подлый неожиданный выпад вынудил меня пригнуться к лошади.

Все бы ничего, но в грудь что-то неприятно ткнулось ребром – болтающаяся на шнурке под курткой штука встала в распорку. Я мысленно обругала ее за причиненную боль, а потом... А потом наконец осознала.

Вот она! Вот, что крутилось у меня в голове!

– Я тупая как пробка! – закричала я в голос, принявшись нервными руками рвать застежку куртки. Десятник поглядел на меня взглядом сочувствия к потерявшему на нервной почве рассудок.

– Все ко мне, быстро! – на лицах их отразилось смятение. – Быстро!!! – рявкнула я.

Я поспешно соскочила с лошади; ребята, переглянувшись, последовали моему примеру и, кое-как совладав с перепуганными конями, столпились вокруг.

Небо, как глупо! Я же могла сгубить команду, так и не вспомнив, что все это время у меня был ключ к спасению!

Я выхватила Штуку. Она, несомненно, имела какое-то на-

звание, но мой ошалевший разум просто не мог его вспомнить. Да это было и не важно.

Главное, это была Штука Для Телепортации.

Так-с, небо, вспомнить бы, как ты работаешь?.. Так, это отомкнуть, повернуть кольцо относительно другого, разорвать... Затратит энергию... Можно захватить пару "пассажиров"... Значит, и шестерых смогу. Главное, быть в связке...

– Возьмитесь за руки! И не приведи бог кто-нибудь из вас отпустит!.. – прорычала я. Пыталась сказать убедительно. Получилось, скорей, грубо. И, наверное, немного страшно. – И лошадей держите!

Негоже скотину бросать...

Мужчины обступили меня кольцом, похватав друг друга за руки, за плечи и за что пришлось. Мои плечи тоже больно стиснули.

Руками же я орудовала с артефактом на колене неловко поднятой ноги.

Свернутая кольцом трубочка, состоящая из двух частей, зафиксированных надежным стопором-предохранителем. Неловкими руками оттянув его, я поспешно провернула кольца: одно, с наглухо закрытым металлическим кругом проемом, и второе, с хрусталем. Конструкция неловко развалилась в руках, отчего по ним рассыпались ледяные иглы; немеющими руками я рванула составные части в разные стороны. Связывающая их цепочка разорвалась, окропив меня

новой порцией ледяных заноз. Она как-то странно распалась золотыми крошками звеньев, медленно поплывших в воздухе, как хлебная взвесь в воде... Или это мое восприятие времени так замедлилось?..

Разведя немеющие все сильнее руки, я вцепилась в тех, кто подвернулся. Хотелось скрестить пальцы на удачу, но уже не хватало...

Голова гудела, словно мозг онемел так же, как и руки. Внимание плыло, как воздух вокруг – уже от жара, или у меня плывет перед глазами?..

Я сумела поймать, оформить и удержать в сознании лишь одну единственную судорожную мысль.

"К Конхстамари".

***

Жар, удушающий все пространство вокруг, никуда не делся, даже, показалось, сдавил сильнее. С окружающей какофонией резких звуков слился клекот гарпи. На миг, показавшийся вечностью, ушла из-под ног земля. Не просто ушла, а словно растворилась, исчезла... А потом – с силой ударила по безрассудно выставленным ногам, заставив подкоситься колени.

Марево душного воздуха тотчас расступилось, вместе с воздухом, казалось, вытянув из меня силы и дух. Зато физически со всех сторон сейчас же сдавило... В глазах потемнело и часть действительности померкла, но главное я все же

смогла поймать.

Сработало.

Штука, которой я не помнила имени, спасла наши жизни. Перенесла нас из огненной западни. К Конхстамари.

Прямо туда, где он в этот момент был.

Прямо в ванную комнату.

Все произошло разом: резкая смена света, грохот камней, сдавившая теснота, отток душного прокопченного воздуха вместе с силами, брызнувшая носом кровь... Это все окончательно выбило из меня дух.

В помещении стало невообразимо тесно. На семерых человек и семь лошадей комната была категорически не рассчитана. Нас спрессовало друг к другу, словно селедок в бочке. Случайно зацепленные с собой камни расшвыряло по всем свободным углам; с шипением один нырнул в зеленую воду ванны.

Лицо заливало горячей кровью, глаза зашторило мраком, и я бы даже рухнула на пол, но было настолько тесно, что яблоку было негде упасть, куда уж там целому мистику.

Я стояла... нет, даже не стояла – повисла, безнадежно зажатая между двух солдат, фиксируя происходящее самым краешком почти ушедшего в отключку сознания.

Меня и ребят почти вдавило в борт ванной. Одной лошадью распахнуло не запертую дверь, и ее выперло наружу, чем она и воспользовалась. Судя по звукам лошадиного инфаркта из коридора, это была Шельда. Остальные оказались втис-

нуты не так удачно, и выпереться из комнаты так легко не смогли.

Визг мечущейся над башкой гарпи довершал картину.

– ...! – тихо, но прочувствованно выругался Кондор.

После этого воцарилось о-о-очень неловкое молчание. Не будь я в полубессознательном состоянии, умерла бы от стыда на месте.

Немую сцену нарушала лишь мечущаяся по комнате тварь, изводя визжащим клекотом. Рядом свистнул меч – только у стоящего справа от меня Рана оказалась свободная рука. Удар вышел удачным, мертвая тварь шлепнулась о высокий борт ванной, оставив на ней смачное кровавое пятно, и булькнула в зеленоватую мыльную воду. Она, конечно, пыталась упасть снаружи, но места там уже не было.

Лицо дракона, напряженно сидящего в ванне, выражало нечто между крайним удивлением и возмущением.

– Какого... – Кондор сжал зубы, остановив себя. – Черта? – он все-таки нашел пригодное слово, хотя видно, пришлось другое.

Солдаты были в шоке и растерянности. Я была единственным человеком, кто мог что-нибудь объяснить.

– Конд... – прохрипела я с трудом, – ...орр...

На этом моя речь и закончилась, больше сил говорить не было. Я, наконец, поняла, что со мной. Магической энергии не хватило, и черпанулось из жизненной...

– Не могли бы вы выйти, чтобы я мог хотя бы одеться? –

прозвучал голос Кондора.

– Д-да, конечно... – смущенно пробормотал выведенный из оцепенения десятник, после чего неловко дернулся, попытавшись повернуться к двери. Но не все было так просто, не все.

– Госпожа мистик, – вдруг очень робко проговорил один из солдат, кто именно, разобрать я была не в состоянии. – А теперь можно отпускать руки?

Я сначала не поняла, а потом засмеялась-закашлялась. Перепуганные злой мистичкой в боевой форме шестеро мужчин даже теперь стояли, крепко похватав друг друга за руки. Кажется, солдаты больше боялись моего гнева, чем каких-то реальных последствий. Впрочем, главное, технику соблюли, и все живые.

Я почувствовала невероятное облегчение. Оно наконец-то дошло до отчаянно тормозящего сознания. Не будь я такой убитой, то, наверное, даже словила бы катарсис и разрыдалась, но... Но сейчас меняхватило лишь на нервный смех "умирающей".

От сердца отлегло, на душе стало спокойно... Несмотря на объективную реальность произошедшего, оно уже подернулось прозрачным и едва уловимым маревом ощущения, что это сон. Или что-то нереальное.

Я не верила в нашу смерть. Так и не смогла до конца поверить... Умом – осознавала, а сердцем...

Набившиеся в ванную предприняли какие-то шевеления

и вскорости не без труда все-таки смогли кое-как начать выбираться. Об пол грохнул камушек. Оказалось, что ему не нашлось места куда свалиться, и он попросту улегся на крупе одной из лошадей...

– Налево по коридору, до конца, там будет лестница, ведущая в залу, – услужливо подсказал Кондор, хотя голос его отдавал холодом и напряжением.

Кто-то из солдат, кажется, Барл, видя, что на ногах магичка все еще не держится и, видимо, в ближайшее время не планирует, взял меня на руки. Все были в смятении и растерянности. Но, казалось, парни тоже не верили, не осознали в полной мере, насколько реальной была перспектива не вернуться из этого похода...

Не прошли мы и десятка шагов, как на ближайшей лесенке, ведущей, кажется, в одну из башенок, послышалось близкое цоканье туфельек по камню, а через секунду раздался голос:

– Конхстамари! Я слышала шум! Все в порядке?..

Я не разглядела, не успев повернуть голову, но, кажется, девушка успела выскочить нам навстречу, однако тотчас испуганно вскрикнула, и, нырнув обратно в проход, так наивно по-детски спряталась за штору.

Я лишь теперь смогла к ней приглядеться. Ее тонкое лицо, выглядывающее из-за материи, было испуганным, лишь на щеках горел легкий румянец. С ее тонкой шеи опускалась цепочка какого-то хитрого украшения, бросавшего золотые

отблески на ее обнаженное, выбившееся из-за шторы плечо. Больше ничего из одежды из-за старательно придерживаемой ткани видно не было. Только замысловатые, едва ли не золотые туфли.

У меня мелькнула смутная догадка, что видимо, кроме туфель и золота на девице ничего нет, и шторой та закрылась не от страха.

– Кира, оденься! У нас... кхм... гости, – поспешил окликнуть ее Конхстамари.

Солдаты смущенно опустили глаза и постарались поскорее миновать проход. Едва мы чуть отделились, по ступенькам вновь зацокали каблучки, и звук этот слегка дополнял нежный золотой перезвон цацек.

На очередном этапе солдаты слегка засомневались. Но тут уже я сориентировалась и вяло указала. Уж что-что, а замок Кондора я знала неплохо. Особенно ту самую залу.

Мы достигли залы, и ребята остановились в нерешительности. Барл, выдохнув, поставил меня на пол, закинув мою руку себе на плечо. В глазах потемнело еще сильнее, и я на нем повисла недобитым умертвием.

Ребята терялись, куда направиться от входа, а я не могла им подсказать. И, черт побери, мы не знали, куда деть лошадей.

Спустя несколько долгих минут в залу зашел Конхстамари, требовательно забрал меня у Барла, легко, как пушинку, подхватил на руки и направился к небольшому по драконьим

меркам диванчику. А солдатам язвительно бросил:

– Ну что ж вы стоите, как неродные? Проходите, садитесь.

Кондор был опрятно одет, даже мокрые волосы аккуратно лежали на плечах. С них душистая травяная вода капала мне на лицо.

– Да коней-то оставьте! – он, поморщившись, обернулся на мнующихся с лошадьми ребят. Лошади в парадной замковой зале смотрелись настолько неуместно, что ужас. Не лучше коровы во дворце или козы в храме. – Сейчас с ними разберусь.

Дракон попытался положить меня на диван головой на подлокотник, но я невразумительно несогласно замычала и изобразила неуверенный жест рукой: перевернуть. Как ни странно, Кондор меня понял и положил, как следует в таких случаях – чтобы ноги были выше, головой на диван, а ногами на подлокотник.

Дракон пододвинул к диванчику стол, добавил несколько стульев, сделал короткий приглашающий жест ребятам, а сам вышел, забрав лошадей. Солдаты неуверенно помялись у стола, но кое-как разместились.

Мы остались в одиночестве и неловком молчании. Спустя некоторое время послышалось хлопанье драконьих крыльев. Я походя подумала, что, вероятно, Кондору понадобится несколько ходок, чтобы спустить лошадей со скалы...

Мне неловко было лежать на таком чистом и опрятном диванчике. Носом все еще сочилась кровь, и я старательно

держалась лицом вверх, втягивая ее, пытаюсь не дать капать на красивое покрывало. Однако вскоре осознала, что, один черт, я вся в грязи и копоту, и все равно уже перепачкала собой все, что можно и нельзя.

Перед глазами все еще было темно с краев. Лучше, чем сначала, но я не обманывалась – попытайся я подняться – кровь от башки опять отольет. Потолок качался, голова кружилась.

Да уж, не думала, что с меня так сильно снимет энергии...

Магическая и жизненная энергии соотносятся довольно интересным образом. В основе лежит жизненная – ЖЭн. Она генерируется постоянно и расходуется на жизненные процессы тела. Ее количество может периодически изменяться: что-то со здоровьем – она снижается, если все идеально – она на максимуме. А у магов дополнительно к жизненной, есть еще магическая энергия. Это, с одной стороны, разные энергетические резервуары, но с другой – ЖЭн лежит в основе и питает магическую энергию. Можно сказать, это как сосуд, наполненный снизу, в большем объеме, жизненной, а поверх – магической энергией, которые не смешиваются.

На жизненные процессы расходуется ЖЭн, а на магические действия – магическая энергия. Независимо друг от друга.

Но чем ближе к максимуму ЖЭн, тем ближе к нему и магическая. Если жизненная энергия человека по какой-то

причине снижена, то и другая будет снижена пропорционально. Так и восстанавливаться магическая будет тем лучше, чем выше ЖЭн.

Магическая энергия может быть истрачена до дна без вреда для ЖЭн и, следовательно, здоровью. Однако, если и этого будет мало, если на что-то требуется больше энергии, чем есть магической в распоряжении мага, то пойдет сниматься жизненная. А там насколько хватит...

ЖЭн можно и специально переводить в магическую особыми манипуляциями. Магическую же перевести в счет жизненной не получится.

В общем, теперь я валялась полуживая: перенос требовал больше магической энергии, чем у меня было, и потому то, чего не хватило, было снято из ЖЭн. Ну, ничего. Оклемаюсь.

Времени прошло, наверное, порядочно, я его сейчас воспринимала плохо. Вернулся Кондор, хозяйским шагом пересек залу и, пододвинув стул, сел за стол, требовательно взирая на сидящих.

– Итак, господа, – спокойно, но прохладно проговорил он, – а теперь извольте объясниться.

Десятник Алар смущенно кашлянул. Но не успел он открыть рта, от входа раздался голос девушки.

– Господин Дх'Орр?

– Заходи, Кирочка, – вздохнув, спокойно проговорил Кондор и окинул взглядом залу, нет ли еще одного стула.

Его, увы, не было, но парни услужливо вскочили с дивана, уступая место и пропуская. Вошедшая, немного поколебавшись, после кивка Конхстамари, прошла и осторожно присела недалеко от моей головы. Лицо ее несло выражение флегматичного офигевания.

Девушка была одета в красивое длинное бордовое платье с драпировкой. Длинные темные волосы аккуратно убраны за уши и прихвачены необычной формы заколкой. На ушах качаются золотые серьги. Она взглянула на меня со смесью легкого недоумения и сочувствия. Лицо ее было аристократично тонким и очень красивым.

Кондор, вздохнув, посмотрел на меня и, видимо, мне же проговорил:

– Кира, моя любовница, – затем, кивнув на меня, сказал той. – Дзета, моя... подруга – лишь на миг замаявшись перед последним словом. – И... – дракон, подняв брови, обвел рукой шестерых сидящих парней, – понятия не имею, кто...

Солдаты потупились.

– Итак, господа, – повторил дракон, – Я все-таки жду объяснений.

Алар смущенно начал.

– Ну, мы были направлены в экспедицию в Датар...

Кондор внимательно выслушал рассказ десятника и вздохнул, покачав головой.

– Извините, – проговорил тот, опустив взгляд, – что поставили вас в неловкое положение.

– Что вы, – прохладно бросил Кондор. – Я вовсе не чувствую себя неловко. Я за собой неловкости не вижу. В конце концов, ведь это вы ворвались ко мне в ванную, а не я к вам вышел... кхм... без одежды.

Я вздохнула. Недовольство в его голосе все-таки чувствуется.

– Госпожа мистик, – со вздохом и подчеркнуто вежливо проговорил дракон, – как вы формулировали пункт назначения? Каков был мысленный послыл?

Я слабо нервно посмеялась.

– Я... я загадывала "к Конхстамари", – честно призналась я.

Кондор закрыл глаза и выдохнул.

– Дзета, ты же маг! – с чувством проговорил он. – Ты должна знать Силу мысли и ее смертельную опасность! Ты должна четко контролировать послыл, когда колдуешь. В магии ведь одна неосторожная мысль, и ты тыква! "К Конхстамари", небо... Можно ли было выдать координаты более неточные? Разве что "куда-нибудь"...

Я молчала, нервно усмехнувшись. Знаю, Кондор, знаю...

– А если бы я оказался в этот момент в небе? – он посмотрел на меня не то осуждающе, не то снисходительно. – Мне вас ловить, кого успею? Или, еще хуже, в кладовке на пять квадратных шен... Хвала небу, что никого на стену не намазало.

Я нервно посмеялась. В гудящей голове это действие ото-

звалось не очень хорошо.

– И как ты додумалась использовать артефакт, чтобы перенести целый отряд?

– Отчаянные времена требуют отчаянных мер! – нервно отшутилась я.

– Это рассчитано на безболезненный перенос одного, – проговорил Кондор, сжав переносицу. – Ну допустим, всадника с лошастью. Или человека и двух пассажиров. Край – пару всадников. Чем больше переносимых – тем большие энергозатраты! Что, если бы тебе энергии не хватило?!

– А мне и не хватило, – слабо улыбнувшись, отозвалась я.

– **Совсем** не хватило! – поправился Кондор. Голос его был встревоженным. – Дзета, о чем ты думала?

– Но ведь хватило. Это главное... – я вздохнула. – Думаешь, у меня был выбор?

Ну, точнее, он был. Между попыткой и смертью. Я выбрала первое.

Кондор тоже вздохнул. Видимо, он и сам это понимал.

– Ну и что с вами делать? – спросил он риторически, окинув взглядом солдат.

– А ты прям не знаешь, как гостей принимают! – не удержалась я. – Накормить, напоить, спать уложить... Все-то тебе объяснять надо!

Девушка рядом зафыркала, Кондор смерил меня холодным взглядом.

– Достаточно оправилась, чтобы хохмить, это радует, –

фыркнул он в ответ. – Ты-то понятно, ты тут останешься... А вот вы, господа... – Кондор покачал головой, – увольте.

– Да мы ничего! – поспешил бодро отозваться Ран. – Мы пойдем, и так засиделись, – голос его прозвучал неловко.

– Спасибо за гостеприимство и терпение, извините за беспокойство! – добавил Алар. – Мы пойдем.

– Куда?

Ребята от такого вопроса немного растерялись.

– Ладно. Я спущу вас вниз и доставлю к дороге, что идет мимо Долмира до вашего Дарпа, а дальше уж, извиняйте, сами, как хотите.

– Да не стоит, – вежливо поклонился десятник. – Мы и так доставили беспокойства, мы сами уж спустимся...

Кондор, прикрыв лицо, сдержанно посмеялся. Потом встал, подошел к широкому окну и, демонстративно оглядев скалу, уточнил:

– Вы уверены? У замка нет обустроенных человеческих спусков. Если вы не собираетесь умереть, то я бы не советовал пытаться.

Ребята неуверенно переглянулись и спорить не стали.

– Госпожа Янше, а как поступим с отчетом?

– Ах-х, отчет, мать его... – простонала я. – Давайте, я вам нацарапаю что-нибудь...

Пока мы с Аларом решали вопрос, Кондор у входа в залу о чем-то переговорил с Кирой. Та покивала и куда-то ушла.

Я собралась с силами и надиктовала Алару текст отче-

та, добавив приписку "написано под диктовку", по диагонали прочла болящими глазами и черкнула свое фирменное "Я.Д." в месте подписи мага-исследователя. А в качестве "схемы очертаний" нарисовала дугу холма, две ломаные линии, соединенные концами, символизирующие трещину, а между ними подписала "дыра".

Ну, увольте, господа гильдийцы, как смогли осмотреть, так и зарисовали. Скажите спасибо и на этом. Вы вообще были в шаге от того, чтобы остаться без сведений и посылать иную экспедицию взамен погибшей...

Я отдала товарищу десятнику бумаги. Пусть передадут и доложат, а госпожа мистик позже явится. Мы кой-как попрощались с солдатами, и Кондор увел их прочь. Я осталась в зале одна. Какое-то время я лежала в тишине, прикрыв глаза. Но потом услышала легкие, несмелые шаги. Они были совсем близко, но вдруг затихли, будто бы в нерешительности. Я открыла глаза. У стола стояла Кира в простой одежде горожанки, но с украшениями.

– Извини, не хотела побеспокоить, – негромко проговорила она. – Не будешь против, я присяду рядом?

– Конечно, – ответила я, усмехнувшись.

Любовница Кира улыбнулась и присела на диван. На миг девушка даже показалась мне смутно знакомой. Но я, подумав логически, отмела наваждение. Максимум, я видела ее когда-нибудь в городе...

Странно, но я не испытывала к ней и тени неприятия, зная

кто она. Она была какой-то... иной. Не "любовницей". По крайней мере, такой, какими я их себе представляла...

Я вновь подумала, как она красива. Высокая, изящная, с тонкими аристократичными чертами лица. Почему-то обычно мне такое не нравилось, это словно отдавало высокомерием и холодностью, на драной козе к такой не подъедешь... Но ее красота не была такой... колко холодной, напротив, взгляд девушки казался теплым, а лицо приветливым.

Я, наконец, поняла, почему Кира сразу показалась мне столь симпатичной – как раз из-за этого. Выражение ее лица было очень спокойным, открытым и дружелюбным, без тени спеси, либо подхалимства, что, почему-то мне казалось, должно было быть свойственно картонной чьей-либо "любовнице" из моей головы. Ее глаза были ясными и чистыми, взгляд и улыбка искренними и открытыми.

– Так, значит, это ты, Дзета-хозяйка-замка, – взглянула на меня девушка, выводя из размышлений.

– Что? – я опомнилась и взглянула на нее. Несмотря на спокойное выражение лица, глаза ее казались веселыми. – Ха-ха, нет, – посмеялась я, – какая ж я хозяйка?

Девушка с усмешкой пожала плечами.

– Я шучу, конечно... Отчасти, – она вновь взглянула на меня: как-то по-доброму с хитринкой. – Но видно, что ты значишь здесь гораздо больше. Орра Дх'Орр не позволяет себе пригласить меня, стоит появиться поблизости некой особе, все его планы подстраиваются под нее... Конечно, я

прежде не знала, кто это.

– Вздор, – смутившись, неосмысленно бросила я.

– Но вот появилась ты, и Конхстамари тактично просит меня не держать обиды, что наша встреча закончится доверменно, и сегодня он вернет меня в Долмир, ведь теперь здесь останешься ты... И... ты носишь драконий браслет.

– Я... послушай, я... – смущаясь, я терялась, пытаюсь подобрать слова. – Это... не совсем так. И... извини, что так неловко...

– Что ты, все в порядке, – поспешила отозваться девушка. В голосе ее не слышалось претензий, а говорила Кира с той же спокойной улыбкой. Она просто констатировала факты. – Не переживай, я и не думала претендовать на главную роль. Я не против быть второй.

Я вновь смутилась. Лихорадочно пыталась обдумать, как сказать, что я не наложница, чтобы это прозвучало правдиво, а не жалким оправданием... Но пока я колебалась, вместо этого с языка необдуманно сорвалось:

– А разве не обидно быть не первой?

Я успела уже испугаться, однако Кира, философски пожав плечами, с улыбкой проговорила, глядя вдаль:

– У кого-то лучше быть десятой, чем у иных первой...

Я все еще продолжала смущаться, подбирая слова.

– Мы... Мы не любовники, мы просто друзья...

– Не переживай, я вовсе не собираюсь лезть в ваши отношения, – с улыбкой отозвалась Кира.

Я мысленно застонала, но что еще сказать, я не знала. Все звучало жалко.

И я решительно не знала, как относиться к тому, что Кира говорит о таких вещах, как нечего делать... Да и Кондор, так просто сказал о том, что она любовница... Нет, мы все тут люди взрослые, и все и так было понятно... Но мне все равно это было дико.

Кондор все не возвращался, а я не знала, на что бы переключить разговор. Кира считает меня первой женой, и это ужасно...

А впрочем... – я прикрыла глаза и вздохнула – какая уж разница?..

Я вновь поглядела на сидящую рядом. Она же в десять раз красивее меня... Мелькнула шальная мысль: она могла бы быть "первой женой" если б я не спутала карты...

Она сидела в свете закатного солнца напротив высокого стола.

И тут меня осенило. Картина! Это она! Ее лицо я видела на картине.

Пораженная узнаванием, я уже открыла рот, чтобы озвучить свое открытие, но вовремя прикусила язык. Признаться, что лазала, куда не велено и смотрела картины, которые не следует, было тотально глупо... И вряд ли бы ей это понравилось, а портить с ней отношения не хотелось, она милая... Хотя, кто знает, может, ее и не смутило бы это.

Я прикусила язык и отвернулась.

– У тебя не проколоты уши? – вдруг спросила Кира, слегка скучающе.

– У меня одно.

– Ухо?

– Проколото.

Я не выдержала и рассмеялась в голос.

Кира еще и хохмачка! Прелесть!

Наконец с улицы едва уловимо послышалось хлопанье крыльев. Вернулся Конхстамари. Вскоре он появился в зале и позвал Киру. Та поднялась, улыбнулась мне и вышла. Я осталась одна.

Когда Конхстамари вернулся, я уже перелегла головой на подлокотник и почти дремала. Он вошел, одетый в красивый халат (или как должно называться такое одеяние?), поцокал языком, глядя на меня, потом поинтересовался:

– Отнести тебя в твою комнату?

– А там?.. – неловко начала я.

– Никто не жил, кроме тебя, – я кивнула. – Так что?

– Да я сама дойду... – с напускной уверенностью отмахнулась я и попыталась подняться; в глазах ненавязчиво начало темнеть.

– Сама она, как же, – фыркнул Кондор, легко и безапелляционно подхватывая меня на руки. – Не хватало еще, чтобы в обморок дорогой хлопнулась...

Я неловко посмеялась.

Его руки держали меня очень осторожно и бережно. Но я все равно чувствовала себя слегка неудобно. Если идти по Долмиру с его рукой на плече мне уже стало привычно, кататься на руках у мужчины, даже раненой, все равно казалось несколько неприличным. . .

Хотя, что скрывать, в мое прошлое ранение ему тоже довелось потаскать меня на руках.

Кондор отнес меня в комнату, аккуратно уложил на кровать и, уточнив, не надо ли мне еще чего, ушел. А я провалилась в сон.

***

Мне потребовалось всего несколько дней, чтобы отойти. Мистики восстанавливаются быстрее обычных людей.

Пару дней я почти целиком проспала, но зато за это время жизненная энергия восстановилась до приемлемого уровня. Не до максимума, конечно, но это дело наживное. На четвертый день, не считая вечера моего эпического прибытия, Конхстамари собрался в Долмир. Опять с какими-то травами.

– Кондор, а возьми меня с собой! – начала я уговаривать, пока он собирался.

– А ты пять дней назад не на скакалась, да? – скептически уточнил он.

– Ну-у это другое! – протянула я. – А я по Побережью соскучилась, и, между прочим, я еще никогда не была там золотой осенью! Мне хочется посмотреть! Как тут у вас на

югах в начале даррсильфа¹⁶!..

Кондор закатил глаза.

– Сама еще по стеночке ходит, а туда же – "в Долмир гулять хочу"...

– Где я по стеночке хожу?! – праведно возмутилась я. – Навет и клевета! Уже два дня как не по стеночке!

Дракон рассмеялся.

– Ну возьмите меня с собой, орра Дх'Орр-кэр! – кривляясь, шутливо бросила я, ожидая, что это его развеселит. Но Конхстамари посмотрел на меня очень серьезно, без тени улыбки, и проговорил:

– Пожалуйста, не обращай так ко мне. "Кэр" – слишком уничижительное обращение для говорящего. И уж точно не вздумай брякнуть так при ком-то. Будет неловко. Подобное может, конечно, встречаться в речи наложниц, которые хотят подчеркнуть свою полную зависимость от господина. А при условии твоего почти постоянного свободного пребывания одной, это будет вызывать слишком много вопросов. – он замолчал на несколько секунд, потом добавил. – И... я просто не хотел бы слышать из твоих уст обращение через "кэр". Ты для меня равная.

Я, смутившись, кивнула.

– Если уж сильно хочешь побаловаться, обращай просто через орра, – проговорил Кондор. – Ладно уж, если так

---

¹⁶ Даррсильф – второй месяц осени. По григорианскому календарю длится с 23 сентября по 22 октября.

сильно хочешь, пойдём.

Золотая осень на западном Побережье не обманула моих ожиданий. Но и не сказать, чтобы совпала. Она выглядела, скорей, как наш конец лета: плодоносящие сады, яркие краски цветов, зелень и лишь легкий налет осенней позолоты.

Воздух был теплый, но не душный, а вода вряд ли успела остыть... Эту догадку подтвердили пляжи, на которых еще было немало народу. Их было видно, когда летели...

Разумеется, я принялась уговаривать Кондора слетать куда-нибудь покупаться. Он закатывал глаза, но не отказывал, отчего я торжествовала.

Я любила лето. Любила море. Ну как можно не воспользоваться возможностью?

Аптекарь встретил как всегда радушно, поговорил с Конхстамари, полюбезничал со мной. Мы уже почти выходили, когда он вдруг, спохватившись, окликнул:

– Господин Дх'Орр! Совсем забыл! Сегодня Рейн в мастерской! И к нему можно зайти...

Кондор заинтересованно обернулся.

– Правда, не долго, – продолжил Доран. – Еще где-то около часа, я думаю...

Конхстамари кивнул.

– Хорошо, благодарю, Доран.

Дракон кивнул мне и сделал шаг к выходу. Но я углядела что-то интересное в шкафу и на миг остановилась. Чем-то

интересным оказалось мыло, только вопреки обыкновению, было оно прозрачным с живым розовым цветком внутри. Я поцокала языком, до чего нынче дошли технологии, попрощалась с аптекарем и вышла.

Кондор стоял прямо рядом с крыльцом, а перед ним был стражник, что-то торопливо говорящий. Почти в тот же момент, как я шагнула через порог, Кондор вздохнул и бросил:

– Мда... Не судьба... – он обернулся, шагнул к двери и устало сказал. – Доран, передай Рейну привет.

Тот на миг удивился, потом понял, кивнул и тактично не стал расспрашивать. Я же была не такая, поэтому тотчас заинтересовалась:

– Что случилось?

Кондор снова вздохнул и ответил:

– Драка. Летим в Эрстхен.

– Что за драка? – спросила я уже в полете. – И почему ты имеешь к этому отношение?

– Драка между драконами. На человеческой территории. Меня, как представителя народа, просят помочь с разрешением конфликта. Могли найти и кого-нибудь другого, но я оказался ближе. Отказывать без уважительной причины некрасиво.

– А зачем им помощь? Почему сами не могут разобраться?

– Так конфликт смешанный. Конфликты, в которых за-

мешаны два народа, не может решать одна сторона. В драке участвовал...ли драконы. Но поскольку сделать они это решили посреди города, они частично и в человеческом ведении... Так что теперь они под стражей, ждут, когда вторая сторона примет и порекомендует решение по поводу них.

– А что, лучше место для драки не нашли? – с легкой иронией осведомилась я.

Кондор фыркнул, и я сделала предположение, что, видимо, не все так просто.

Дорога до города привычно не заняла много времени. Наверное, дольше шагали до отделения стражи. Увидев Кондора, стражники тотчас почтительно поклонились и без единого вопроса провели в кабинет.

Там нас встретил капитан стражи, достаточно молодой мужчина обычного телосложения с русыми волосами до плеч. Что было несколько необычно для Побережья – обычно волосы были темные. Наверное, присланный лиорианец. Он тотчас вытянулся и отдал честь, его примеру последовали четверо стражников по периметру комнаты.

– Капитан городской стражи Майрэ Рэг, – с почтением спокойно представился он. Кондор кивнул. – Сегодня в полдень были задержаны за драку посреди города, – начал он докладывать, – господин Лиэстер Чиэнстелли и Фэйдхарши Варши'Ре.

Его лицо при этом сохраняло флегматичное выражение, взгляд был слегка усталым.

– Драка была остановлена. Нарушители спокойствия сопротивления страже не оказывали. Нападавшим признан господин Чиэнстелли, вины не отрицает.

Кондор кивнул, мимо юноши прошел к большому рабочему столу и сел, взглянув на положенные бумаги. Я тоже прошла и встала по правую руку от Кондора, подперев стену.

Двое задержанных находились перед столом.

Личи сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и с таким невинно-спокойным выражением лица разглядывал когти, словно его руки не были скованы наручниками. Собственно, когти, хоть и аккуратно подточенные, были окровавлены, как и пальцы. Однако ни это, ни слегка ссаженные костяшки не убавляли изящества, что читалось в жестах.

Узнать в нем участника драки, не зная, казалось не так просто. Одежда была практически приведена в порядок, если не приглядываться, даже не заметить пыли. Разве что разводы крови. Предположительно – не своей. На лице – единственная легкая ссадина на скуле. Да, если приглядеться, почти стертые следы крови на губах. Волосы выглядели просто слегка неаккуратно уложенными, разметанными ветром. И почему-то мокрыми. И рубашка, казалось, тоже, только почти высохшей.

Он сидел, как-то странно сложив, точнее даже, положив крылья на стул, поперек, длинными маховыми частями навстречу друг другу, растопырив в стороны. Я впервые видела, чтобы кто-то из драконов держал крылья так...

Взгляд его был спокойным, невинным, но при том выглядел он здесь как-то по-хозяйски. Уверена, если б потребовал чай, побегали бы и с поклоном ему подали.

А вот в сидящем слева от него юноше, с темными волосами, отдающими в бордовый, участник драки виделся отчетливо.

Все его лицо было помято-исцарапано и окровавлено, левую щеку пересекала глубокая царапина; одежда потрепана; прямо у основания шеи – на скорую руку сделанная повязка, через которую проступила кровь. Крылья напряженно, скованно сложены за спиной, руки нервно теребят то рукав, то ворот.

Выражение лица юноши было возмущенно-злое и затравленное. Даже, скорей, просто затравленное, с загнанной в глубину обидой и отчаянием. Казалось, он даже был не так далек от того, чтобы разрыдаться, но упорно держался и прятался за злостью и возмущением.

Лишь периодически шмыгал разбитым носом, зло стреляя глазами. И тоже с мокрыми-подсохшими растрепанными волосами и одеждой. Правда, гораздо менее эстетично растрепанными...

Руки его оставались свободны; наручники были только на Личи. Как я поняла, потому что это он был нападавшим. И то, судя по спокойно-хозяйскому выражению лица того, лишь для проформы.

Кто в драке победитель, было очевидно.

– Что произошло? – холодно поинтересовался Кондор у мальчишки.

– Он просто напал на меня!.. – возмущенно начал тот.

Кондор жестом остановил его и одним лишь словом и поднятой бровью сбил с мальчишки уверенность.

– Просто?

Юноша сразу сник и замялся. Кондор, не говоря ни слова, коротко взглянул на Личи.

– Фэй решил, что ему можно вытирать об меня ноги, – отвязно и словно скучающе бросил тот. – Я показал, что не можно.

– Да я даже сказать ничего не успел! – вскинулся мальчишка.

– Можно подумать, я услышал бы что-то новое? – в противовес его возмущению, спокойно протянул Личи, как ни в чем не бывало взглянув на коготки и проведя по ним большим пальцем. – Не ты первый, не ты последний...

Кондор лишь вздохнул. Спор затих сам собою; мальчишка не решился вновь кричать.

– Майрэ, сделай, пожалуйста, чаю, – вальяжно бросил Личи, не поворачивая головы, тоном, словно так и надо.

Капитан посмотрел на него без тени удивления, пару мгновений помолчав, потом флегматично уточнил:

– Вам какой?

– Мелисса или смородина есть?

– Нету, – тем же голосом отозвался капитан.

– А что есть?

– Ромашка, липа, мята.

– Давай ромашку, – согласился Личи.

Капитан Рэг кивнул и сделал шаг к боковой двери, потом, взглянув на Кондора, спросил:

– Орра Дх'Орр, не желаете чаю?

Конхстамари покачал головой. Капитан вышел за дверь и что-то коротко приказал, после вернулся.

– Вас что, водой, как кошек, разливали? – уточнил Кондор, прохладно оглядывая задержанных.

Юноша от этого явно смутился, вспыхнул и сокрушенно морщась, опустил взгляд. Личи же самодовольно и вызывающе усмехнулся, не скрывая удовольствия. Конхстамари вновь прохладно вздохнул, буквально мельком взглянув в бумаги.

– Дольше ждали меня, чем мне разбираться... – проговорил он. – Выпишите обоим положенный штраф за нарушение общественного порядка. Со своим мы сами разберемся.

Капитан кивнул, отправил одного из стражников, видимо, готовить штрафы и подошел к столу. Точнее, попытался подойти и на миг замер перед закрывающим путь Личиным крылом.

– Не могли бы вы сдвинуться? – устало проговорил Майрэ.

– Мне сесть на стену? – с недовольством уточнил тот. И даже не шелохнулся. Хотя от кончика второго крыла до сте-

ны была пятая часть шены.

Капитан философски поднял брови и, осторожно обойдя, прошел между крылом и мальчишкой, почти впритирку к последнему. Они обменялись с Кондором несколькими фразами, после чего Майрэ указал что-то в бумагах, что, видно, полагалось, подписать представителю драконьего народа.

Кажется, Кондор и так это знал, лишь кивнул, как само собой разумеющемуся. А после спросил о еще каком-то документе, которого на столе не оказалось. И капитану, охнув, пришлось протискиваться назад, стараясь не задеть так мешающее крыло. На некоторое время он выглянул за боковую дверь и вернулся с листом. И вздохнул.

Вновь обойдя крыло, Майрэ передал бумагу Кондору и вышел.

Тем временем из-за двери окликнули и подали белую чайную чашку на блюдце. Капитан вновь вздохнул и, осторожно маневрируя мимо крыла, подошел и поставил ее перед Личи. Тот с невинной улыбкой поблагодарил и, изящно взяв одной рукой чашку, другой блюдце, поднес к лицу и сделал глоток. Элегантно, словно это не наручники вынуждали держать руки рядом.

Кондор отложил бумаги и, сделав жест молоденькому дракончику с бордовыми волосами, поднялся.

Юноша, повинувшись команде, встал, взявшись за стул, чтобы отодвинуть. И в его глазах вдруг зажглись злые искры, а пальцы, сжимающие спинку, напряглись: Личино крыло бы-

ло соблазнительно близко...

И он резко отставил стул, "задев" тому крыло.

Личи едва слышно почти без голоса хватанул воздух и содрогнулся; руки дрогнули, хоть и сдержанно, но заметно, лицо на миг чуть исказилось.

Однако он тотчас совладал с собой, убрав тень гримасы и вернув лицу спокойное выражение, тихо выдохнул, опуская напряженные плечи.

И весьма убедительно сделал вид, что почти не заметил "задевания".

Тем же временем Кондор со спокойно-каменным лицом настиг мальчишку и завернул ему ухо, заставив того, резко и коротко вскрикнув, присогнуться, потом рукой же за ухо отправил к двери.

И, не меняя выражения лица, сделал шаг дальше, словно ничего не было.

– Какой неуклюжий, – с легкой снисходительной улыбкой бросил Личи вслед мальчишке, качнув головой и отхлебывая чай. Но крылья сдвинул чуть дальше в другую сторону.

Кондор с тем же нейтральным лицом спокойно попрощался с остальными и направился к двери. Но на пару секунд задержавшись у входа, вздохнул и тихо сказал:

– *Kx'arrэй шрайх нэй'мэйшинэ тишей х'а.*¹⁷

И вышел, не ожидая ответа. Не знаю, это мне показалось, или Личи от этих слов замер, едва заметно изменив позу.

---

¹⁷ Чужая боль не уменьшит твоей (драк.яз.).

Мы же вышли на улицу, где нас уже ждал юноша. Кондор, одарив того мрачным взглядом, кивком приказал идти рядом. Ростом мальчишка был лишь немного, по драконьим меркам, выше меня, но плечи уже начинали раздаваться вширь.

– Сразу о последнем. Какая низость!

Юноша опустил голову, кусая подбитую губу.

– Он... – голос его был обиженным, но чувствовалось, что за этим скрывалось смущение. – Он сам нарвался!

– А ты? Не сам нарвался? – холодно бросил Конхстамари. Юноша еще сильнее опустил голову. – Что, посмотрелся на старших? Сэфхинри, отца, или еще кого... Решил, что в свои два с половиной века взрослый, и можно так же? Ну-ну. Вот тебе и результат.

– Но Личи!..

– К Личи претензий нет – разве он не имел право подраться с приставалой или агрессором? А то, что ты младше и слабее – твои проблемы. Не можешь быть достойным соперником в драке – не провоцируй. Или ты думал, что он плюшевый и зубов не покажет?

Фэй молчал, сокрушенно опустив голову. Кондор бросил прохладный взгляд на его лицо и цокнул, покачав головой:

– Да уж, будет, что сыновьям рассказать, когда спросят, откуда у отца шрамы...

Юноша сник еще сильнее и совсем безжалостно закусил губу. Судя по всему, рыдать очень хотелось, но он муже-

ственно держался.

– Орра Дх'Орр-кэр, – вдруг умоляюще проговорил он. – Пожалуйста... – он растерялся. – Вы расскажете моему отцу? Прошу, не...

– Что? Еще чего, – прохладно хмыкнул Конхстамари. – Я вам не докладчик, и ваши семейные дела меня мало касаются, – но прежде чем мальчишка успел отреагировать, безжалостно добавил. – Ты сам ему все расскажешь. Так ведь?

Юноша сжал губы и сокрушенно сник.

– Или ты ему говорить собирался, что с бритвой поигрался малость неудачно?

Мальчик, на лице которого едва угадывалась начавшая пробиваться неуверенная растительность, чуть заметно вспыхнул. Помедлив, под нос проговорил:

– Отец будет зол...

Кондор равнодушно пожал плечами. Потом прохладно добавил:

– Про стул ему тоже расскажешь?

Фэй содрогнулся и закусил губы еще сильнее, совсем опустив голову.

– Стыдно? А вот нечего делать то, о чем потом будет стыдно рассказать.

– А Личи, можно подумать, не делает?.. – вскинулся юноша, оскалившись.

– А ты на него равнение взял? – холодно осведомился Кондор, отчего мальчишка сразу смутился и сник, оставив

едва начатую атаку. – Ну, ты зря тогда с ним дерешься. Ты к нему мирно подойди и попроси совета. Что, не знаешь, как это делается?

Фэй сокрушенно вздохнул и грустно-безысходно посмотрел вдаль. Кондор, взглянув на него, тоже вздохнул и, чуть смилостивившись, спокойно проговорил:

– Отправляйся к отцу. И пусть это будет тебе уроком и уберезет от дальнейших ошибок.

Юноша кивнул, печально, но искренне поблагодарил за помощь в решении конфликта и, церемонно поклонившись, удалился. Конхстамари проводил его взглядом, потом мрачно покачал головой и под нос проговорил:

– Ну, первый пошел. Как я и предсказывал...

Я тихонько шагала рядом, в тени его крыла.

– Я думала, будет серьезно... Как легко все разрешилось.

– А с чего бы не разрешиться? – ответил Конхстамари. –

По нашей части все в порядке. Можно сказать, рядовое выяснение отношений. По их – лишь нарушение общественного спокойствия, ведь драка была в их городе... Личи вообще ничего не будет, кто с ним спорить отважится?

– Ну, наручники же на него нацепили...

– Пфф, – мрачно усмехнулся Кондор. – Раз нацепили, значит, сам позволил.

– Неужели? – чуть недоверчиво уточнила я.

– А ты поди попробуй нацепи на дракона наручники против его воли... Чисто физически, не учитывая даже всего

прочего... Я предполагаю, его даже не могут задержать без его согласия.

– Немыслимо, – фыркнула я.

– Для обладающего такой властью, он ведет себя скромно, как агнец... – проговорил Кондор. – Он либо не осознает в полной мере своей силы, либо старается не злоупотреблять властью и не испытывать благодущие судьбы. Склонен думать на второе, либо на оба разом.

Я задумчиво хмыкнула, пожав плечами.

– А Фэй... – полное имя воспроизвести я не смогла, пришлось остановиться, – обратился к тебе через "-кэр"...

– Ну, он мальчишка. И очень просил.

– Понятно, – я кивнула и посмотрела на небо.

– Мы покупаться успеем?

– Да успеем, – улыбнулся Кондор. – Идем.

Мы направились в сторону пляжа – так было быстрее всего покинуть город, чтобы там трансформироваться и полететь к Черным Камням.

Пока мы шли, я вдруг вспомнила об еще одном вопросе, что уже давно крутился рядом, но все как-то не было случая...

– Знаешь, я все хотела спросить. Здесь люди... так просто относятся к тому, что кто-то чья-то любовница или наложница?..

– Ну, а что в этом такого? – усмехнувшись, издевательски уточнил Кондор. – Нет ничего плохого или зазорного в том,

чтобы быть наложницей или любовницей.

– На смешанной территории?

– Как по мне – в принципе, – философски проговорил Кондор. – Но для тебя – пусть будет на смешанной. Я понимаю, что у вас в центре отношение немного иное... Но здесь и правда в этом нет ничего предвзятого. Можно быть любовницей дракона, а в остальное время жить обычной жизнью. Можно даже потом выйти замуж за обычного человека – любовница не наложница.

– А возьмут? – с сомнением уточнила я. – Ведь будут знать, что она... ну, – я замялась, – не невинна.

– Зато с опытом, – усмехнулся Кондор. – И богатым приданным.

Я помолчала.

– Тем более, насколько мне известно, среди магов к подобному относятся спокойно...

Я пожала плечами. Пожалуй, это действительно было так. Маги всегда были... хм, более прогрессивны. Да и кто в здравом уме возьмется мистика осуждать?

– Кондор, слушай... – проговорила я после недолгого молчания. – А я совсем забыла, как называется... называлась та штука от порталов.

Он посмотрел на меня внимательно, с некоторым недоумением, словно спрашивала глупость.

– *Шарн эйжар*. Ключ портала.

Я с досадным взгласом хлопнула себя по лбу. Ключ пор-

тала! Небо, как просто...

Чужая свадьба

ЧУЖАЯ

СВАДЬБА

Благодатное прибрежное лето готовилось превратиться в теплую щедрую осень. Не календарно – тот уже больше месяца как ознаменовал ее приход. Но приморская природа, казалось, только об этом прознала и, потянувшись, словно нехотя, перекрашивалась в более теплые тона. Еще должны поспеть сладкие южные фрукты, что пока прячут зеленые бока в листве.

Говорят, здесь природа плодоносит до самого бридмоста¹⁸...

После первого вылета с момента моего неловкого визита, я, убедившись, что вода пригодна для купания, отказалась спокойно сидеть в замке у Кондора. Жаль, нельзя закупаться впрок... Как ни хотелось мне остаться на Побережье подольше, надо было ехать.

Неделя пролетела совершенно незаметно. В предпоследний, точнее, пожалуй, даже последний день, поскольку завтрашний планировался днем отъезда, я намеревалась заскочить отметить к госпоже Ройхэйм, что все же была здесь опять. Долетев до Эрстхена, мы с Кондором дошли до площади, где он остался ждать у фонтана. Я же побежала в отделение.

Комиссара я застала говорящей в коридоре с какой-то

---

¹⁸ Бридмаст – первый зимний месяц. По григорианскому календарю длится с 22 ноября по 21 декабря, до самого астрономического нового года.

женщиной. Стоило мне зайти, их разговор прервался, они обе взглянули на меня. Я чуть смутилась, что, забывшись, заскочила в отделение как к себе домой, не спрашивая позволения. Привыкла находить Гонзу в кабинете, и потому не стучаться, заходя в коридор...

После непродолжительного молчания, госпожа Ройхэйм произнесла:

– ...А вот, кстати, и она.

"Заходит без стука и не здоровается", – мысленно добавила я. Стучаться было уже поздно, а вот второй пункт еще можно было исправить, и потому я поспешила произнести немного неловкое "Драсть".

Под взглядом двух старших женщин я почувствовала себя школьницей и поежилась. Когда взрослые говорят подобные слова, это редко предвещает что-то хорошее. По крайней мере, для школьника. Обычно подобное значило, что обнаружилась какая-то ошибка, или провалена проверочная, или таки раскрылся тщательно, казалось бы, засекреченный проступок...

Я поежилась, но отогнала наваждение. В конце концов, я не школьница, на больших девочек ругаются реже...

– Госпожа Янше, – заговорила Гонза, видя мое смятение. – Вы... Вы еще на Побережье? Я думала, вы уехали...

– Вернулась, – усмехнулась я. – Но, собственно, уезжаю. Завтра. Отметиться заглянула.

Я вопросительно взглянула на госпожу Ройхэйм. Та же пе-

ревела взгляд на незнакомку. Я повернулась к внимательно смотрящей на меня женщине.

– Илаис Корада, мозгоправ-гипнолог, – вежливо проговорила та.

Удивленная мысль, зачем я ей, не успела толком оформиться, как я с перепугу выдала:

– Мне не надо, спасибо...

Женщина, на секунду замерев, вдруг сдержанно посмеялась, прикрыв рукой рот. Она была среднего роста и довольно тонкой, слегка даже худощавой. В темно-лиловой шляпе с декоративными цветами и таком же легком шарфе. Темные слегка вьющиеся волосы не доходили до плеч. И, несмотря на довольно изящный и яркий стиль одежды, на ней были простые серьги-гвоздики с бусинкой натурального камня, темно-фиолетового, с разводами и прожилками. Почему-то казалось, что я знаю, где она такие могла достать...

– Нет-нет, я не по вашу душу, – проговорила она. – По крайней мере, не в том плане. Я хотела бы получить вашу консультацию, как специалиста.

Я пару секунд осмысливала услышанное, и, наверное, удивление читалось по моему лицу.

– Если, конечно, это вас не сильно обременит... – на всякий случай добавила женщина в ответ на мое молчание.

– Н...нет, что вы, – поспешно отозвалась я. – Я готова помочь, чем смогу. Вам повезло. Меня уже давно не должно быть тут.

Мысль, что какой-то явно более опытный и, видно, уважаемый специалист попросит моей консультации, с трудом приживалась в голове. "Пугать" своей значимостью простой люд, солдат – это, конечно, было. Но это одно, а тут – по мою душу специалист. И не наставлять, а просить совета.

Но... пожалуй, когда-то это должно было случиться. Или, по крайней мере, могло.

– Тогда пойдемте, я на улице посвящу вас в подробности.

Я кивнула. Госпожа гипнолог вышла. Я, уладив дела с комиссаром, поспешила следом.

– Недавно мне вверили девушку с истерией и подозрением на сумасшествие, – без лишних предисловий начала женщина, двинувшись вместе со мной по мощеной дорожке прочь. – Но, когда я начала с ней работать, у меня возникли опасения, что... – она на миг замолчала, видно, подбирая слова, – ее недуг не душевной природы...

Я внимательно взглянула на женщину.

– Полагаете, одержимость?

Та чуть заметно кивнула. Мы дошли до перекрестка, женщина остановилась.

– Возможно. Я не уверена точно. Но... она странно себя ведет и странно реагирует. И я пока оказалась бессильна помочь ей. Потому я и хочу, чтобы специалист нужной области посмотрел. И либо подтвердил, либо исключил опасения.

Я кивнула. Камушки в серьгах гипнолога красиво переливались в непрямых солнечных лучах.

– Вы говорили, что уезжаете завтра. Во сколько?

– Ну... не слишком рано, – пожала плечами я. Точное время было мною не выбрано, оставлено на волю великого "как пойдет".

– Хорошо, – Илаис кивнула. – Удобно ли вам будет завтра встретиться в восемь утра у восточных ворот Долмира? Ее семья живет в пригороде, не слишком далеко.

Я, прикинув, кивнула. Вполне. Госпожа гипнолог, удовлетворенная ответом, так же кивнула и, попрощавшись, зашагала прочь, в противоположном от площади направлении. Я же поспешила к месту встречи. Кондор сидел у фонтана, ожидая меня.

– Ну что, отметилась? – уточнил он, стоило мне приблизиться.

– Угу, – кивнула я. – Скажу больше, мне дали поручение.

Кондор, усмехнувшись, взглянул на меня. Я продолжила:

– Так что завтра утром я отправляюсь консультировать специалиста. Да-да! – значительно добавила я на красноречиво ироничный взгляд Кондора. – И, возможно, еще охотиться.

Хм, кто знает... Может быть, мой завтрашний успех станет мне хорошим плюсом для гильдийской характеристики... Хотя нельзя забывать о рисках.

Экзорцизм, в узком смысле – это почти отдельный вид искусства для мистика и очень особая тема. Энергетические сущности, что в состоянии захватить человеческое сознание,

это вам не безмозглая гарпи. Одержимость – это состояние захвата человеческого (и не только) сознания иной энергетической сущностью.

С приобретением контроля, демон-оккупант начинает влиять на поведение и/или управлять телом жертвы. Контроль бывает частичным и полным. При частичном контроле жертва осознает себя, руководит своими действиями или их большинством и часто понимает, что с ней что-то не так, вплоть до осознания стороннего контроля. При полном – сознание человека оказывается полностью отключенным или заблокированным, и всеми действиями тела руководит демон-захватчик.

Существует версия, что одержимость – пример еще одного, наивысшего класса энергетического вампиризма. Но большинство специалистов все же относят это к разным категориям, слишком уж значимые различия между сущностями захватчика и энерговампира, а также между целями, механизмами и уязвимыми местами явлений.

Тем более, вопросы энерговампиризма даже вынесены в ведение другого подразделения... Вампира, так-то, сходу даже от человека не отличишь. Уверена, столкнись я лицом к лицу с энерго, я бы даже не заметила.

А экзорцизм является одной из прямых специализаций мага. По умолчанию, при благополучном выпуске из Соул-МиШ, все мистики имеют допуск до этой работы и базовые навыки. Несложные случаи вполне реально разрешить.

Действовать нужно очень тонко, ведь главное – не навредить человеку-жертве. По понятным причинам демона-окупанта не получится уничтожить физически... Против захватчика проводится особая энергетическая работа, направленная на нейтрализацию демонической сущности и лишению ее контроля. Обычно после этого самосознание человека восстанавливается само.

Экзорцизм – это очень тонкая работа, требующая высокого профессионализма и тщательного соблюдения мер безопасности. Ведь есть риск не только не справиться, но и самому стать жертвой... Маг должен быть очень осторожен. Нас не раз “пугали” историями, как экзорцисты, проявив излишнюю самоуверенность, попадали под влияние демона. Причем, случалось такое как с новичками, так и с опытными экзорцистами, умудренными многолетним стажем...

Эти демонические сущности хитры и лживы.

***

Утром к назначенному времени я со своей Шельдой явилась к воротам. Госпожа Корада уже ожидала меня на месте, верхом.

– Доброго утра, госпожа мозгоправ-гипнолог, – с легкой иронией бросила я.

– Доброго утра, – чуть усмехнувшись, отозвалась та. – Из двух званий предпочла бы второе.

– Да? Почему? – заинтересованно спросила я. Женщина

чуть поморщилась.

– Не очень люблю это выражение. Оно звучит как-то грубо, топорно... Как "костоправ". Словно берешь и силой вправляешь. Без уважения и чуткости к человеческой душе. Я предпочитаю работать тонко.

Я чуть смущенно кивнула.

– Хотя, да, в досье моем значится "мозгоправ-гипнолог", – пожалав плечами, добавила женщина. – Поедем, госпожа мистик?

Покинув город, мы направились по окаймляющей дороге, и вскорости свернули к одному из пригородных поселений. Там остановились у неприметного на вид дома.

Нас встретили молчаливо-мрачный мужчина и тихая грустная женщина. Как я узнала, родители страдалицы. Дом был довольно большой, явно больше, чем для троих. Кроме девушки и ее родителей в нем обитали другие родственники. Несколько детских лиц с интересом пялились на нас, прилипнув к окнам второго этажа.

Мы зашли в дом и явно приковали к себе внимание домочадцев, хотя те не решались в открытую подходить. Лишь из толпы разновозрастных детей, скромно пялящихся из-за поворота лестницы, выскочила маленькая девочка и, подбежав, схватила меня за подол.

– Вы вылечите Маритку? – спросила она с надеждой. Но тотчас со строгим окриком была приimana к рукам родителями.

Вера и ожидание в ее глазах, тем не менее, не погасли. Я улыбнулась.

– Мы постараемся.

Корада обменялась парой слов с отцом, и он, передав удерживаемую девочку жене, повел нас по коридору. Женщина, в свою очередь вверив ребенка какой-то подоспевшей родственнице, поспешила следом.

Коридор был темен и оканчивался дверью с засовом. Снаружи. Мужчина подошел, отодвинул маленькую досочку, закрывавшую окошечко и аккуратно взгляделся. После кивнул Илаис и взялся за засов. Открылся неожиданно темный для солнечного дня провал дверного проема: как оказалось, окна в комнате были заколочены.

Глаза тотчас приспособились, и все стало отчетливо видно. Полупустая комната, расправленная постель, прикроватный столик. И силуэт девушки в белой, чуть сбившейся ночной рубашке. Замершей, уткнувшись лицом в стену.

Лишь только я ступила в комнату, ее бледное лицо с пустым взглядом медленно и ужасающе повернулось на меня.

Это выглядело очень пугающе. Но страшил отнюдь не пустой взгляд. Я смотрела сквозь. И за этим взглядом скрывалось нечто большее. Гораздо большее...

Оно тоже смотрело насквозь. Пронизывая человеческие оболочки. Вычленяя и оценивая. Видя себе соперника.

Оно смотрело именно на меня. Оно меня видело. Это чувствовалось.

Остальные, видимо, его не интересовали. Лишь женщина сзади, словно от холода, повела плечами, и только.

Сегодня оно впервые увидало среди пришедших настоящего соперника.

Или...

Может, даже, не соперника.

...Я ни разу не сталкивалась... с таким. Я знала, что и как в теории, представляла себе, что могу встретить, но... На практике было страшней.

Оно, хотя, скорее, он, был силен. Я чувствовала. Я все чувствовала. Только сделать ничего не могла.

Я стояла и боялась поднять руку. Он смотрел на меня. Внимательно. Пронизывающе. Анализировал как соперника. И ждал, осторожно, как зверь.

И я боялась к нему прикоснуться. Ведь все, к чему ты прикасаешься, одновременно прикасается к тебе... А я не знала, смогу ли я выстоять, если он прикоснется...

Он не пытался вступать в битву. Потому что я не пыталась атаковать. Но я знала, что стоит мне... нет, даже не начать. Помыслить, принять решение, *прикоснуться* – и он не заставит ждать.

Я стояла, иступленно глядя на застывшую девушку с отсутствующим взглядом.

Глядя сквозь нее на сильного и уверенного захватчика. Который, в лучшем случае, не слабей. С которым мне не совладать.

Наш контакт слишком опасен. Не говоря даже о безопасности девушки. Я чувствовала, что это тот случай, когда под угрозой и сам маг.

Мне было страшно. Я не знала, как поступать. Как правильное действовать.

Вступить ли в битву, попытаться ли, а там... как получится?..

Жалко, и стыдно, и непривычно было отступить перед лицом угрожающей человеку сущности, сдавать ему жертву, оставлять, без попыток помочь. Но разум вторил – слишком опасно. Слишком рискованно. Тебе может не хватить ни опыта, ни сил. Разум помнил первое правило экзорцизма – не уверен, не берись. Точь-в-точь как у грибника.

Перебирая и изучая все, что у меня есть – жалкие крохи не скрепленного практикой теоретического знания, заурядные силы, отнюдь не самый блистательный ум – я понимала, что не могу быть уверенной.

И сделала шаг назад.

– Я... я боюсь, что... – я терялась, не могла подобрать слов, собраться с духом и сказать... Честно признаться.

Колкий, цепляющий взгляд, упирающийся мне в душу, ослаб, перестал давить. Он уже знал, что я отступила. Окружающие – пока нет. И между этими двумя шагами лежала пропасть человеческого ожидания. Надежд. Доверия.

Хорошее испытание на честолюбие...

Шаг. Назад.

Через пропасть. А может – в...

Стиснув зубы, я тихо, сокрушенно выдала:

– Госпожа Корада, я не возьму на себя ответственность работать с сущностью такого класса... Вам нужен специалист более высокого уровня.

Выдох.

И ничего не случилось. Никто не швырнул камень, не плюнул в спину. Я обернулась. Илаис спокойно, без тени разочарования или осуждения кивнула.

– Простите. Я... Я слабый специалист... – я повернулась и поспешно прошагала к выходу.

Но госпожа Корада, когда я поравнялась с ней, взглянула мне в глаза по-доброму, слегка сочувственно, с тенью даже чего-то вроде... уважения? Не может быть. С чего?!

– Все в порядке, госпожа Янше, – проговорила она. А после, когда я, растерянно взялась за ручку двери, добавила. – Признание собственной некомпетентности по некоторым вопросам – тоже признак профессионализма.

Мы вышли из комнаты. Родители, я, а следом она. Я сразу пошла на крыльцо, мрачно вперившись в пол, боясь встретиться с кем-то взглядом. Илаис же о чем-то тихо переговаривалась с родителями.

Наконец-то, свежий воздух. И свет. Почему-то именно это сейчас казалось таким важным и нужным.

Холодный липкий пот струился по спине. Руки мелко дрожали. Было чувство, что я, не потревожив, лишь только на-

ткнувшись, убежала в лесу от медведя. Вроде и страшновато, а ничего страшного не произошло. Не по-геройски как-то...

Пытаясь отдышаться, жадно глотая воздух и свет, я не заметила, как на крыльцо вышла госпожа гипнолог.

– Дзета, – я чуть заметно вздрогнула от ее тихого оклика. – Вы правильно поступили, что отказались.

Я отвела взгляд, вздохнув.

– Бывает, даже опытные специалисты не справляются, неправильно оценив захватчика, слишком хорошо о себе думая... А мы потом их спасаем от последствий.

Это так. Все так. Я вновь вздохнула и взглянула на женщину. Она ободряюще улыбнулась.

– По крайней мере, теперь я получила точную оценку специалиста и знаю, что моя пациентка действительно одержима, и мне нужно делать запрос на профессионала высокого класса.

Я кивнула.

– А что подумали родители?

Илаис усмехнулась:

– Что все серьезно.

***

К въезду в Долмир я вернулась к разошедшемуся утру. Конхстамари уже ждал меня там. Вчера я выразила желание еще раз прогуляться по городу перед отъездом.

– Ну как все прошло? – с улыбкой спросил дракон.

– Прикрой меня, я переоденусь из рабочего, – проговорила я. – Дорогой и расскажу...

Кондор внимательно взглянул на меня и, не став спорить, отвернулся, расправляя крылья.

"Переодеться" было сильно сказано, я просто сняла мантию и сменила рубашку на простую прогулочную, штаны на мне и так были походные. Поэтому за переодевание я успела только начать, остальное прозвучало уже дорогой по городу. Пока ехала, я немного развеялась, но все же была еще в некотором смятении от произошедшего. Рассказ вышел нервным и скомканным. Кондор выслушал, кивая, и, подумав, проговорил:

– Это действительно правильно. Братся за то, что не по зубам – только дорожке выйдет.

– Да, я знаю, – пожав плечами, бросила я. – Понимаю все. Просто впечатления остались не очень... Первый раз с таким столкнулась.

Кондор понимающе кивнул, прикрыв глаза.

– Все когда-то бывает впервые, – философски заключил он.

– Не без этого, – усмехнулась я, поправляя волосы. – Ну а впечатления можно и поправить. Мы ведь стоняем покупаться?

– Мы ведь и так собирались? На пляж и идем...

– Нет, не здесь! Хочу на Камни! – рисуясь, требовательно заявила я.

– Ты же хотела в Долмире, – сощурился Кондор.

– Передумала! Смотри, как я рано освободилась! Грех не воспользоваться!

– Ну ладно, – фыркнул дракон. – Только вот зачем мы тогда, спрашивается, пошли в город...

– Ну так погулять! – заявила я. – К тому же, путь сократим! Пройдем город насквозь, от того края до Камней ближе на целый город. Экономия! – я рассмеялась.

– Давай промолчим об экономии времени, которая была бы, если б мы вылетели сразу, а не топали час пешком... – фыркнул дракон, закатив глаза, видно, что тоже рисуясь.

– А я никуда не тороплюсь!

– Уже не торопишься? Передумала в родную сторону заявляться?

– О-ой, пара часов ничего не решит, – веселясь, отозвалась я.

– Может тогда еще на пару недель останешься?

– Не, я хочу и пешком походить, по земле! А то забуду еще, как от Дарпа до Тиланы ехать...

– Прямо, – бросил Кондор выразительно. Я рассмеялась. Нет, что верно, то верно...

– Ну, тогда пошли обходным, раз нам не надо на городской пляж, так короче.

– Нет, пошли через главный пляж! Там продают вкусняшки. А на Камнях – нет. А я хочу на Камни, но с вкусняшками.

– Вот ты хитрая! – театрально возмутился дракон. – И то

тебе, и это!..

– Отчего нет! У тебя достаточно средств, чтобы купить своей скромной гостье из далекого центрального региона кулек ягод! – с хохмой воскликнула я.

Кондор рассмеялся.

– Скажу тебе больше, – насмешливо прищурившись, сказал он. – У меня более чем достаточно средств, чтобы содержать тебя всю жизнь!

– Ну-у нет! – рассмеялась я. – Свобода не продается!

Кондор, улыбаясь, цокнув языком, покачал головой.

– Не прокатило, ага, – весело воскликнула я и, качнув головой в сторону дороги к пляжу, проговорила. – Так идем!

– Идем, идем, госпожа нахалка! – улыбнулся дракон. – Впере...

Он не договорил, резко замолкнув и замерев, повернув голову в сторону моря.

Я непонимающе потрепала его за рукав, не получив ответа, растерянно огляделась. И с удивлением заметила, что несколько попавших в поле зрения драконов точно так же замерли, глядя куда-то вдаль.

Словно слышали что-то, что не дано услышать человеку.

Застывшее лицо Кондора ожило, как будто потеплело, приняв какое-то мечтательно-самодовольное выражение. Взгляд сделался решительным, губы тронула легкая загадочная улыбка. И едва слышно он проговорил лишь:

– Зей-Цвенг...

– Эй, что происходит? Я требую объяснений! – трепля его рукав, нетерпеливо кричала я.

Кондор словно очнулся, опустил взгляд и посмотрел на меня слегка устало и будто бы с какой-то досадой.

– Зет, – сказал он серьезно, чем смутил мое напускное веселое возмущение. – Извини, не сегодня. Сейчас я закину тебя в Дарп. Идем, постараемся обернуться побыстрее...

Подхватив меня под локоть, он решительно направился по обходной дороге к пляжу – кратчайшему выходу из города.

– Почему? Что случилось? – растерянно спросила я, с трудом поспевая за его широким шагом. Шельда с завязанными глазами, которую я тащила на поводу, тоже была недовольна резкому ускорению.

– Зей-Цвенг бросила клич. Начинается свадьба.

– Драконья свадьба?! – неожиданно припомнила я. – Ого!

– Угу, – не сбавляя темпа, проговорил Кондор. – Поэтому сейчас мы стрелой забрасываем тебя в Дарп, и я улетаю.

– А покупаться? А ты обещал!

– Поправка, это не я обещал, это ты просила... В другой раз, извиняй. У меня, – он усмехнулся, – непредвиденные обстоятельства.

– Круто, наверное...

– Ну да, битвы за внимание женщины действительно зрелищны.

– А что потом?

– Потом она выбирает глянувшегося или глянувшихя,

чаще всего победителей, и зазывает их с собой. Дальше продолжать?

– Значит, вы не... ну... не при всех?..

– Нет, конечно! – фыркнул Кондор. – Ты нас совсем бесстыдными считаешь?

Хм, значит, ничего такого...

– Так, до Дарпа нам не очень далеко, – проговорил он задумчиво. – Надеюсь, не сильно задержусь...

– Погодь! А можно с тобой?

Кондор резко остановился, повернувшись, а я от неожиданности влетела ему в бок.

– Что? – расширив глаза, переспросил он.

– Возьми меня с собой! Я хочу посмотреть...

– Исключено, – отрезал Кондор, решительно продолжая движение. Я, удерживаемая за локоть, едва не упала, споткнувшись, и, обиженно зарывчав, легонько стукнула его по руке. Кондор, взглянув на меня, вздохнул, сбавил шаг и ослабил хватку.

– Почему? Мне интересно!

В голове скопом роились мысли, внезапные, неожиданные. Интересно, хоть кто-нибудь из людей описывал подробно драконьи свадьбы? Не думаю, что много... А что, если мне удастся узнать такое, чего не знали люди до меня? Что если я добуду бесценные научные данные? Может, тогда Гильдия сочтет меня за ученого, достойного вольной дороги?..

– Это опасно, – проговорил Кондор.

– Совсем-совсем? – проскулила я.

– Дзета! – он внимательно взглянул на меня. – Я не понимаю, откуда такой внезапный интерес?

Я осеклась. Потом поспешила уверить:

– Просто хочу знать! Интересно!

– Что знать?

– Ваши обычаи!

– Прочих тебе недостаточно?

– Хочу все!

– А ты точно моя Дзета? – выразительно на меня посмотрев, сощурился Кондор. – Дзета, которая не может слово "любовница" произнести, не покраснев?

Я смутилась.

– Я просто... Просто хочу изучить культуру и обычаи вашего народа. В том числе – брачные.

– Брачные обычаи своего народа изучай, – усмехнулся он. – Больше толку.

– Успеется! В теории я и так себе представляю... А вот обряд вашего народа – хочу посмотреть! На битву! Это наверняка стоящее зрелище.

– Нет. Дзета, тебе там делать нечего...

– А помнишь, ты мне обещал полет в какое-нибудь удивительное место? Давай это будет сегодня на битву!

– Нет. Любое, кроме этого. Хоть другой материк. Обещаю тебе полет в какое-нибудь особенное место, как вернусь.

– За тобой уже и так один! – с театральным недовольством, обличительно воскликнула я.

– Но ведь ты сама еще не придумала, куда!

– Я придумала – туда!

– Исключено.

Город, наконец, закончился, и Кондор, остановившись, принялся торопливо раздеваться.

– Будет два полета. Хочешь, потом с тобой слетаем на Гаррану? – проговорил он, расстегивая одеяние. – Другой континент, юг, жара, море, особая местная культура – разве не лучшая альтернатива?

– Слетаем, обязательно! – поспешила уверить я, коварно ухмыльнувшись. – Куда-нибудь! Я еще придумаю! Полет за мной. Но ныне с тебя – настоящая панорама с видом неба и транслятор к ней!

Лицо Кондора сделалось удивленным, а после впечатленно-насмешливым.

– Ну ничего себе, у вас запросы! – рисуясь, проговорил он. – Ну что ж. По рукам, будет тебе панорама с видом неба!

Собрав вещи в сумку, дракон трансформировался и кивнул. Я забралась ему на спину и покрепче прижала вещи. Он взлетел и направился в сторону Дарпа.

Дракон летает очень быстро. И как меня еще ветром не сдуло? Наверное, это какое-то особое колдунство... А учитывая то, что мы при этом еще и могли вести беседу – точно

оно.

– Кондор. Расскажи мне хотя бы о свадьбах. Это такое каждый год?

– Ну, как сказать... Это как попадет. Обычно каждая бросает клич, в среднем, раз в полсотни лет, плюс некоторая погрешность. У большинства период ровно пятьдесят лет, хотя есть некоторые индивидуальные отличия – для кого-то нормальный срок сорок девять, для кого-то – пятьдесят два года. У Зей обычно ровно пятьдесят. В этот раз она немного припозднилась, обычно мы ждем ее призыва в ялльзайне. А впрочем... Как раз. Ее прошлая свадьба была сорвана, и она бросала клич повторно...

– Призыв? – переспросила я. – Это ведь как-то магически работает, да?

Кондор фыркнул, потом ответил:

– Да. Она своей естественной магией дает знак, что готова, и все мужчины ее народа, кто может стать ей "мужем", на определенном расстоянии это чувствуют.

– Хм... – задумчиво изрекла я.

– Собственно, той же природы и ваше, – Кондор сделал многозначительную паузу, в которую так и напрашивалось "мать его", – заклинание. Именно с призыва наших женщин пытались скопировать механизм. Только, как это часто бывает, люди сделали все наперекосья... Воспроизвести изящество естественного не получилось, механизм магического действия извратился, и заклинание срабатывает лишь на од-

ного, но зато – бескомпромиссно, не оставляя выбора, ломая волю и грубо включая физиологию.

Я сокрушенно вздохнула.

– Да уж, зная все это – действительно некрасиво люди сделали с этим заклинанием... Кондор, а как вы определяете, что... ну... можно...

Он вопросительно хмыкнул.

– Помнишь, ты говорил, что есть ограничения. С кем нельзя. Когда ближайшее родство... Как вы узнаете, что, например, призывающая – ваша дочь? Ведь это, если я понимаю правильно, очень сложно подсчитать...

– Сложно. И не то чтобы сильно нужно. Призыв попросту не срабатывает при ближайшем кровном родстве. Я не почувствую призыва своих дочерей, сестер ближайшего родства, ну и матери, разумеется...

– Сестер ближайшего родства? Это каких?

– То есть, из одной кладки, либо полностью совпавших и по матери, и по отцу.

– А-а, понятно... – протянула я. – А почему нужно спешить?

– Чем раньше придешь, тем больше преимуществ. Есть возможность чуть-чуть передохнуть после дороги перед битвой, а это много значит. В придачу, показавшись женщине на глаза раньше других, можно заработать пару дополнительных очков симпатии... Но это уже как повезет. А вот передохнуть – всегда важно.

– Понимаю. Вас, получается, наверное, очень много сражается.

– Угу. Может и сотня набраться...

Я присвистнула.

– И все-все-все дерутся? – я уж было осеклась, сочтя вопрос глупым. А зачем еще там собираются? Но Кондор неожиданно спокойно ответил.

– Ну, не совсем. Присутствуют и несовершеннолетние юноши... Они не допущены до битвы, но им позволено смотреть, как сражаются старшие.

– А как вы определяете очередность битв? Не бросаетесь же вы всем скопом?

– Ну, можно сказать, условно, сначала дерутся младшие, менее опытные, а чем дальше – тем сильнее бойцы. Младшие быстро выбывают, поэтому к концу остаются обычно сильнейшие и опытнейшие. Оррайнэ может дожидаться чьей-либо победы, а может в любой момент прервать бой и озвучить свой выбор. Все зависит от нее.

Я кивнула.

– Кондор, скажи, а... Получается, несовершеннолетние тоже чувствуют призыв? Во сколько лет вы начинаете это чувствовать?

– Обычно – незадолго до совершеннолетия. За пару десятков лет. Кто чувствует – может лететь.

– А тем, кто не чувствует, запрещено?

– Ты полагаешь, – Конхстамари усмехнулся, – это можно

как-то проверить? Если он поглядел на ровесников-товарищей и все понял, и полетел за ними, делая вид, что тоже чувствует, куда – пожалуйста. Таких единицы. А совсем мелкие сунуться к старшим не осмелятся.

Я, задумавшись, помолчала.

– Скажи, а почему именно четыреста? Ведь это и правда очень много. Ты говорил, что ваши сто пятьдесят – как наши пятнадцать... А совершеннолетие – только в четыреста. А ведь и призыв юноши начинают чувствовать раньше, значит, можно считать почти взрослыми... Просто цифра нравится?

– Не совсем. Да, ты права, наш возраст совершеннолетия несколько завышен, но не на ровном месте.

– Ты упоминал, мальчик должен состояться в жизни...

– А к тремстам пятидесяти он замок отстроить не успеет? – иронично бросил Кондор. – Не только это. Есть еще некоторые способности, что открываются только по совершеннолетию. Только в четыреста или за десяток-полтора до. Но к четыремстам, обычно, у всех, вот цифра и отмечена. Так сказать, полный арсенал способностей взрослого дракона.

– Это какие? – с интересом спросила я.

– Ну-у, много какие, – слегка уклончиво ответил он. – Связанные со взаимодействием с пространством, например, и другое. Та же телепортация.

– Телепортация?! – изумленно воскликнула я.

– Скажем так, некоторое искажение пространства, как бы

"прошивание" его. Уменьшение дальности пути. Зет, не делай такое лицо. Я не раз долетал к тебе за считанные минуты, если ты вдруг не замечала...

– Да откуда ты знаешь, какое у меня лицо! – возмутилась я на дракона. – Ты вперед смотришь!

Кондор усмехнулся.

– Не обязательно видеть, чтобы знать.

Я недовольно фыркнула, изображая напускную обиду, и легла на спину. Жалко, что он меня не хочет брать...

– Кондор. А что, людей с собой никогда не берут? Это запрещено?

Он выдохнул, потом прохладно ответил:

– Можно, на свой страх и риск. Если, пока ты дерешься, кто-то из обиженных проигравших заведет твоего человека за камень и там... начнет с ним делать то, что не состоялось с женщиной своего народа... То вряд ли ты его остановишь.

– И что, неужели никто не вступится?..

– А кому какое дело, кто, с кем и чего? "Не моя наложница – не мои проблемы". Сам дурак, кто притащил... Брат, не будучи готовым в каждую минуту защитить – это крайне безответственно.

– А разве ты не уверен, что сможешь меня защитить?

– Я туда не для того лечу, чтобы тебя пасти, – холодно и недоброжелательно ответил он. – Ну, вот и подлетаем.

Я поднялась и развернулась. Мы приближались к острым очертаниям приграничного города. В пригороде приземли-

лись. Кондор трансформировался, оделся, направился про-
вожать меня.

– И зачем тебе терять время? Ты же, вроде, спешил...

– Хочу убедиться, что ты благополучно пересекла грани-
цу. На душе спокойнее будет. А четверть часа погоды не сде-
лает.

Я хмыкнула. Мы вошли в город.

– Ты прям так хочешь меня спровадить? – насмешливо
уточнила я. – А ведь так и не купались... Ах!.. – я сделала
драматичное лицо. – Лишил меня последнего купания в этом
году...

– Ох, Небо, – закатил глаза Кондор.

– Нет бы хоть предложил дожждаться, искупаться после...

– Ты же спешила!

– Пара дней погоды не сделают! – копируя его интонацию,
протянула я.

Кондор усмехнулся, качая головой.

– Значит, намереваешься ждать меня?

Я, ехидно прищурившись, покивала.

– Ну хорошо, – усмехнулся он, свернув к ближайшему
постоялому двору. – Тогда ступай, снимай комнату на пару
дней... – он подтолкнул меня к двери, а сам передал повод-
ья напуганной Шельды подбежавшему юноше. – Лошадку
накормите, напоите, дайте отдохнуть. Госпожа маг к вам с
ночевкой.

Юноша ловко поймал брошенную монетку и услужливо

кивнул.

– А что, госпожа маг, по-вашему, гулять верхом не может собраться? – прищурившись, насмешливо-язвительно поинтересовалась я.

Впрочем, ладно, пускай отдыхает сегодня. Мне не придется ее гонять. Доставив меня, Кондор коротко попрощался и собрался к выходу из города, но я выскочила его проводить, оставив вещи. Быстрым шагом мы достигли края города, и Конхстамари, трансформировавшись и спешно попрощавшись, отправился.

– *Ак иржнэ кх'оранэс тшэ ол Дх'арн!*¹⁹ – весело прокричала я вслед дракону.

Пусть знает, что буду ждать.

– "*Ол Дх'арн*" эх "*ол дх'арн*"? – шутливо уточнил он, обернувшись.

– *Ол Дх'арн!* – смеясь, подтвердила я.

И пусть гадает, где конкретно. Маленькая игра слов: "в Дарпе" и "на границе" по-драконьи звучит одинаково...

Проводив дракона, едва дождавшись, пока он отлетит достаточно далеко, я поспешила назад. Бегом домчавшись до постоянного двора, я взлетела по лестнице до своей комнаты. Поспешно сняла браслет, серьгу и брошку, завернула в шмотки и уложила глубоко в сумку, а ту, на всякий случай, получше припрятала на кровати.

Пусть *считает*, что я жду в Дарпе.

---

¹⁹ Я буду ждать тебя в Дарпе (на границе).

Закрепила ножны за спиной, проверила, удобно ли выхватить меч. Практичнее, конечно, полагаться на скрытность и прятаться, но быть при оружии не лишнее. Накинув хозяину денег еще на пару ночей, я поспешила к примеченной мною конюшне.

– Сколько будет стоить взять почтовую лошадь до Эрстхена?

***

Подгоняемая ударами пяток, сменная лошадь донесла меня до города менее чем за полтора часа. Устала, но ничего, у нее будет время отстояться.

Шугая прохожих, я проскакала по городу, куда было возможно (прелесть приморского неровного городка) и, бросив лошадь на попечение в первой подходящей конюшне, бегом долетела до площади. Не увидев знакомой светловолосой макушки, я даже испугалась, что его сегодня здесь не найду, и мой план пойдет прахом... Но потом решила пробежаться по краям площади.

Личи сидел полубоком на скамейке, положив рядом лоток с цацками, и снимал кольца с пальцев. Надо как-то произвести на него впечатление, чтобы сходу заинтересовать своей идеей...

– Хе-ей, – подойдя, я вальяжно по-хозяйски сложила руки на груди. – Слышала, сегодня у всех драконов какое-то важное событие... А ты что же не улетел?..

Личи поднял на меня глаза и смерил о-очень холодным взглядом.

– Если ты пришла поиздеваться, то проваливай, – отчеканил он ледяным тоном, после чего вновь отвернулся.

– Угх... – я мысленно застонала. – Я... Я не хотела, чтобы это так выглядело... Правда. – сокрушенно проговорила я. Начала разговор, называется. – Извини... Понимаешь, какое дело. Конхстамари не согласился взять меня с собой...

– И правильно сделал, – бросил Личи.

– Слу-ушай! – проигнорировав издевку, продолжила я. – Ты, случаем, не хотел бы туда слетать, а заодно закинуть туда меня?

– Ты что, умалишенная? – он поднял глаза на меня, подкрепляя сказанное презрительным взглядом. – Чтобы мне Конхстамари башку оторвал? Нет, увольте. Мне там нечего делать, тем более с тобой.

– Конхстамари ничего не узнает, – умоляюще протянула я.

– Не узнает? Ты шутишь? Он уже сейчас знает, что ты в Эрстх...

– По-твоему, я совсем идиотка? – с вызовом перебила его я, продемонстрировав обе руки.

Личи оценивающе взглянул на мои свободные запястья.

– Серьги, кольца, броши, любое драконье золото? – скептически уточнил он.

– При мне ничего. Для Конхстамари я в Дарпе.

Дракончик хмыкнул и пожал плечами.

– Ты хоть в курсе, что это опасно?

– В курсе!.. – начала было я, но Личи, не дав договорить, добавил.

– ...И что я не смогу тебя защитить от других?

– Спрячься сама. Там ведь скалы, верно? Значит, есть где прятаться.

Личи кивнул, но лицо его осталось скептически-напряженным.

– Все равно нет. Отвратная идея, – он поднялся, накинул на плечо лямку лотка и сделал шаг прочь.

– Ну пожалуйста! Я очень хочу посмотреть...

Даже ухом не повел.

– Не за так, разумеется! – отчаянно воскликнула я. – Я знаю правила! Услуга за услугу!..

Личи обернулся и взглянул на меня уже чуть более заинтересованно.

– Даже так? Интересненько. Ну, и что же ты хочешь предложить? – ухмыльнулся он.

– А что бы ты хотел попросить?

Дракончик расхохотался.

– Ха-ха, попросить?! – он отвернулся и широкими шагами пошел прочь. – Я не попрошайка, чтобы что-то там у тебя просить!..

– Стой! – отчаянно закричала я, вдруг вспомнив старинные сказки. – Что бы ты **хотел**, чтобы я тебе **предложила**? – с нажимом отчеканила я слова.

Этакая особенность в обращении с духами, хранителями и другими "сказочными" существами. Те, кто сильнее, ничего не просят. Никогда не думала, что когда-нибудь опробую "уловку" из старинных сказок... Но, как ни странно, это сработало. Личи довольно ухмыльнулся и вновь повернулся ко мне. Во взгляде его читалось: "Уже лучше".

– Что бы я хотел, чтобы ты предложила? – словно сам для себя повторил он, задумчиво поглядев вдаль.

– Интим не предлагать! – на всякий случай предупредительно заявила я, пытаясь не покраснеть.

Личи опустил на меня взгляд, в котором читалось разочарование, словно я, только поднявшись, вновь уронила себя в его глазах, сморозив глупость...

– Пффф, – презрительно фыркнул он, – Этого мне и без тебя хватает, так мне за то еще и платят... Ты в двойном долгу останешься. А то и, в твоём случае, – он демонстративно оценивающе меня оглядел, – в тройном.

– Хватит, после похохмишь, – нетерпеливо оборвала его я. – Выдавай уже, чего тебе там.

– Ну-у, есть у меня одна мыслишка... – протянул он нарочито неспешно.

Я выжидательно глядела на него.

– Кровь, – насмешливость в его взгляде смешалась с серьезностью. – Фляжечка твоей крови.

Я похолодела. И напряженно переспросила:

– Ч... что?.. Это зачем?

– Нужно, – бросил он холодно, чуть сдвинув брови. Шрамик на левой от этого движения на миг стал виден явственней.

Я, хмурясь, кусая губы, молчала.

– Нет – так нет, – философски приподняв брови, хмыкнул Личи и развернулся. – Хорошего денечка!

– Стой! – меня терзали сомнения, но отступить уже не хотелось. – Я не сказала нет, я... Я просто хочу знать зачем!

– А зачем дракону может быть нужна человеческая кровь? – холодно бросил он.

– Я понятия не имею...

– Не знаешь? Правда? – он взглянул на меня с легкой тенью удивления, но оно быстро потухло, сменившись равнодушием. – Ну хорошо. Это своего рода магия на крови.

Я напряглась.

– Выпив добровольно отданную человеческую кровь, можно временно получить полностью человеческое обличье – без крыльев и всего остального. А при трансформации – возвращение в эту, "человеческую" форму. Правда, при этом полностью драконья форма оказывается заблокирована.

– Магия на крови, значит... – нахмурилась я. – А это... Не опасно? Ну, в смысле, для человека?

– Нет, – взглянув на меня, просто ответил Личи.

– И зачем это тебе?

– Для работы! – едко бросил он, даже не пытаясь казаться убедительным. – Ну так, твое решение? Других желаний у

меня к тебе нет. Соглашайся или проваливай.

Он протянул руку, глядя на меня с вызовом.

Ох, Небо, как все сомнительно и шатко! Но... не отступить же теперь.

Я сдвинула брови, усмехнулась и решительно взялась за протянутую руку. Лишь стоило мне коснуться его ладони, он сжал мою едва ли не до боли.

– Так значит, я обязуюсь доставить тебя до острова Зей-Цвенг... – проговорил он твердо.

– И обратно, – встала я и, подумав еще, добавила. – Если меня не заберет Конхстамари.

Личи согласно кивнул.

– А ты обязуешься взамен предоставить флягу своей крови. И никому об этом не рассказывать. Ты будешь хранить секрет.

Пальцы его еще сильнее сжали мою ладонь.

– Обещай, что выполнишь.

– Обещаю, – решительно проговорила я, ответно сжимая его руку.

– Хорошо, – он отпустил. – Надеюсь, слово мага хоть что-то значит для тебя.

И, прежде чем я успела ответить, после небольшой паузы, бросил:

– Встречаемся через час на вершине Когтистого холма за городом.

– На обрыве?

Он усмехнулся.

– Да, там.

– Хорошо. А ты?..

– Заскочу домой, брошу вещи, переоденусь.

Неожиданная мысль вновь озарила сознание.

– Послушай!

– Мм? – он обернулся.

– А у тебя... – ну чем черт не шутит, а? – ... случайно не водится ловца панорам?

Личи вопросу не сказать чтоб удивился.

– Нет, нету, – ответил он довольно равнодушно, но потом, вопросительно взглянув на меня, прохладно спросил. – А тебе зачем?

– Ну-у, просто я... Понимаешь, мне только для научных целей. Если бы мне удалось поймать панораму острова и свадьбы...

– Ишь, что удумала! – оборвал меня дракончик. – Нет, Дзета, вражеская ты засранка, – в голосе его появилась насмешка, – ловить панорамы стратегических объектов тебе никто не позволит! Даже я.

– Вообще-то, культурные люди говорят "засланка", – фыркнула я.

Личи усмехнулся и зашагал к лавке Шенлеров; подойдя, передал лоток Борису и походя буднично бросил:

– Я сегодня не дома, вечером не ждите.

Борис спокойно кивнул как обыденному и само собой ра-

зумеющемуся, не задав даже ни одного вопроса. Личи быстрым шагом направился прочь с площади. Ну а я – сразу поспешила на холм.

***

Сидя на обрыве, я дождалась Личи. Он пришел почти ровно через час и позвал меня идти.

– Куда? Разве мы не отсюда?..

– Нет, тут слишком близко до воды, нам нужен более высокий склон.

– Почему сразу не отправил туда? – уточнила я.

– Объяснять замучаешься.

Пройдя какими-то совершенно окольными путями, мы долго поднимались вверх по заросшему склону, продираясь через кусты кизила, и наконец вышли к площадке на вершине. Вид оттуда открывался еще краше, чем с обрывчика. Вниз круто уходил склон, спускаться по которому я бы вряд ли отважилась без веревки, сначала почти голый, без деревьев, поросший лишь кустарником и травой, а дальше, ближе к подножью – лесистый и постепенно становящийся пологим.

Личи скинул с плеча сумку, снял тибетейку и плащ, начал раздеваться. Я же принялась изучать пейзажи. Тот обрывчик остался слева, ближе к морю.

Пошуршав сумкой, дракончик ловко пристроил ее на ветке, почти скрыв кустами, и подошел к краю обрыва, разми-

ная и потягивая расправленные крылья. Остался он только в изящных панталонах до колен, похожих на те, что всегда надевал дня трансформации Кондор, видно, тоже заговоренных. Я с интересом взглянула на дракончика; тот стоял перед обрывом спиной ко мне, и я впервые толком видела его крылья.

Левое крыло было обыкновенным. Изящным, с красивыми длинными очертаниями и относительно тонкой, но крепкой кожей перепонки, в мелкой чешуе. Полноценные "перья" чешуи появлялись на нем в драконьей форме.

А вот правое крыло... На нем резко выделялись шрамы давних ранений. Почти от середины маховой части, ближе, все же, к краю, в крайнем сегменте шел неровный разрыв до самого низа, и снизу – многочисленные неровности очертаний и трещины. На втором от края сегменте кожа тоже была разорвана, но меньше, ближе к краю и более неровно, рана почти заходила на кость. Две крайние маховые кости срослись под заметным углом.

Личины движения в этом крыле были, казалось, слегка, самую малость скованны и осторожны. Такое ощущение, что у него словно была многолетняя привычка, манера держать раненое крыло так, чтобы собеседнику рассмотреть его было непросто.

– Ну что уставилась? – грубовато бросил Личи, метнув на меня короткий злой взгляд.

– Извини, – смутившись и немного растерявшись, прого-

ворила я, запоздало сообразив, что так беспардонно пялиться, минимум, не очень вежливо.

Повисло молчание.

– Скажи... – как-то вроде бы и не к месту проговорила я, – а разве не паршиво – всю жизнь стоять на коленях?

Личи, как ни странно, мою реплику воспринял спокойно и, помолчав, философски ответил:

– Если не можешь подняться с колен – поднимись хотя бы на колени.

Он вздохнул, потянувшись, несколько раз пробно взмахнул крыльями и, доразмяв правое, бросил быстрый взгляд назад, соизмеряя расстояние до меня. Удовлетворившись, опустил ладони и сменил форму.

Я задумалась, что всего лишь второй раз вижу его в истинной форме. Утонченный, с песочного цвета чешуей. Сейчас это было не так заметно, а вот стоял бы рядом Кондор, разница в росте и комплекции была разительна...

– Ну? – вновь одернул меня Личи, бросив неприветливый взгляд. – Мне, конечно, не привыкать купаться в восхищенных женских взглядах, но не попялиться же ты сюда пришла?

– Сказал бы, что готов, делов-то, – вяло и не старательно огрызнулась я, подходя.

Дракончик чуть прижался к земле, и я взобралась ему на спину. Мимоходом оценила, насколько шире и удобнее спина Конхстамари. Попыталась покрепче ухватиться за гре-

бень и чешую на плечах. Как-то не очень удобно прям...

Личи напряженно постоял, несколько раз вздохнул. Я на всякий случай проверила, хорошо ли закреплены ножны за спиной, крепко ли в них сидит меч. Наконец дракончик подался назад, отошел от края на расстояние разбега и приготовился к броску. И, выдохнув, бросил:

– Ладно. Если мы упадем, мы просто будем считать наш уговор недействительным...

– Что?! – запоздало вскрикнула я, но Личи уже рванул вперед, и я могла лишь, перепуганно заорав, сильнее вцепиться в его плечи.

Уже через секунду Личи, расправив крылья, с разбегу толкнулся от края обрывчика. От толчка меня едва не стряхнуло с его спины.

Личи с силой взмахнул крыльями, но, пролетев шен восемь чисто на силе разбега, не выровнялся. Мы так отчетливо пошли вниз, что я почти уверилась в том, что мы **точно** падаем. Личи отчаянно взмахнул крыльями и заметно накрепился в сторону поврежденного крыла, так что я вновь едва не слетела вправо, чудом удержавшись за его плечи. Впервые я настолько серьезно боялась упасть, попросту не удержавшись.

– Полегче!!! Я сейчас упаду!

– ...Погодь!.. – свистя в ушах, отрывисто донес до меня ветер.

Дополнительный взмах правым крылом помог нам падать

ровнее. Личи, с явным трудом взмахнув еще пару раз, с силой рванулся всем корпусом, пытаясь выровняться. Держаться, Небо, только б удержаться!..

Мы пронеслись над деревьями склона настолько близко, что еще чуть-чуть, и причесали бы вершины. Однако, земля, все же, наконец перестала приближаться к нам настолько стремительно. А со следующим взмахом – и вовсе двинулась параллельным курсом.

Личи снова заметно качнуло вправо, но он, подмахнув раненым крылом, выровнялся.

– Да-ха-ха! Ура! Получилось! – радостно воскликнул он.

– То есть, у тебя были сомнения?! – перепуганно прорычала я, перекрикивая ветер и отчаянно цепляясь за его плечи. Чешуя безбожно резала пальцы.

– Ты мое крыло видела?! – огрызнулся Личи. – Ясен пень, у меня были сомнения! К тому же, дополнительный вес на спине!

– Весу-то там!.. Почему ты сразу не сказал?! Что не уверен!

– А что, это было не очевидно?!

– Представь! Как можно было вообще на такое пойти?! Да еще и подставлять человека под удар!

– Ой, тоже мне удар, – бросил он раздраженно. – И, в конце концов, это не я к тебе сегодня подкатил со словами: "Эй, детка, не хочешь сомнительно полетать?"... Что-то не устраивает – прыгай, я тебя не держу! Уже вода, не расшибешься!

Что не держит, это чувствовалось. Отчаянно хотелось расслабить пальцы, чтобы унять резкую боль от впивающихся острых чешуй, но отпустить хотя бы одну руку было чудовищно страшно. Казалось, против меня взбунтовались все воздушные потоки на пути. Над головой воздух свистел совсем безбожно, и я всем телом пыталась вжаться в Личину спину.

– Ладно-ладно, – я попыталась успокоиться и говорить примирительно. – Ай!.. Личи! – страдальчески вскрикнула я. – Я сейчас...

– Ща!.. Держись! Подколдую...

На миг мне показалось, что ничего не изменилось, но ветер потихоньку стих, и я, отдышавшись, смогла наконец почувствовать себя более-менее в безопасности, почти как на спине Конхстамари. Ладно, не почти. И даже не близко...

– Извини, – выдохнув, проговорила я. – Просто я испугалась черт знает как.

– Не я тебя позвал! – огрызнулся он, сердито глядя вперед.

– Знаю, знаю... – протянула я и, страдальчески застонав, пососала пальцы сначала одной, а потом другой руки. Теперь все было не так страшно, но отпустить обе решиться я не могла.

Личи летел над водой, оставшийся слева Эрстхен постепенно отдалялся. Раненому крылу отчаянно не хватало воздуха и маховой силы. То и дело приходилось делать дополнительный взмах им, чтобы избежать крена.

Дорога над водой ожидаемо оказалась не близкой. Берег скрылся. Садиться, отпускать руки или как-либо иначе менять позу я не решалась. Смотреть вперед шея быстро устала, и потому я, положив голову на бок, осматривала небо и далекий горизонт, периодически закрываемые правым крылом. Море волновалось, местами уже появлялись белые барашки. В какой-то момент, опустив взгляд, я обнаружила, что море ближе, чем казалось. Мы шли низко над водой.

– Мы теряем высоту, – начала я.

– Да я знаю! – огрызнулся Личи, едва дав мне договорить.

– То есть, так и задумано?

– Затк... – хотел было огрызнуться он, но почти в этот же момент крылом в нижней точке задел пенную макушку волны и едва не влетел в следующую уже головой. Я вскрикнула, отчаяннее вцепившись в его плечи; Личи, выругавшись, резко дернулся, уворачиваясь, и, уйдя от столкновения, в несколько рывков не без труда набрал высоту.

– Осторожнее! – вскрикнула я. – Я чуть не упала к черту!

Какое счастье, что я все-таки не решилась сесть – слетела бы неминуемо...

– ..., Дзета! – по-драконьи рывкнул он что-то, видно, не сильно приличное. – Не болтай под руку! Отвлекаешь!

– Плохому танцору... – нервно огрызнулась я в ответ, не стараясь, впрочем, быть убедительной.

– Я уже высказывался... касаясь твоего пребывания... у меня на спине! – тяжело дыша, проговорил он, поднявшись

еще немного выше. – Что-то не устраивает – прыгай!

Я фыркнула, не сочтя нужным отвечать. А Личи нервно недовольно добавил:

– Еще чуть-чуть, и нырнули бы в воду! Молись, чтобы этого не случилось...

– А что такое? – встрепелась я. – Ты что, не умеешь плавать?!

– Идиотка, – устало вздохнул он, закатив глаза. – Плавать я умею. Вот упадем – и поплывем пешком до самого берега! Потом устанем и утонем!.. Или ты думаешь, что я взлечу с воды?

Я ахнула, запоздало поняв столь простое и очевидное.

– А Конхстамари? – спросила я, помолчав. – Он может взлетать с воды?

– Ну откуда я знаю? – фыркнул Личи. – Ты должна догадываться, насколько это тяжело. Но, Конхстамари, наверное, может...

Я кивнула. Мы вновь замолчали на какое-то время. Однако вскоре это слегка наскучило, и я уже раскрыла было рот для вопроса, но решила сперва осторожно уточнить.

– Личи, можно спросить? Или не отвлекать?

– Можно, болтай, – бросил он, напряженно взмахивая крыльями.

– Скажи... Ты кольца носишь. Не боишься за пальцы, если вдруг кто... заклинание сплет?

– Боюсь, потому и снимаю, – равнодушно бросил дракон-

чик.

Я сомнительно хмыкнула, взглянув на него, потом проговорила:

– Но кольца ты носишь часто, а снимаешь редко. Не боишься, что именно тебя кто-нибудь призовет?

– С Долмиром-то под боком? Нет, не боюсь.

– Долмир, конечно, недалеко, но что, если ты окажешься ближе? Ведь заклинание срабатывает на ближай...

– ...Сильнейшего из ближайших, – скучающе проговорил он одновременно со мной.

Я удивленно замолкла на миг.

– Конхстамари не говорил об этом...

– Ну, думаю, Конхстамари может себе позволить не учитывать такие частности... – хмыкнул дракончик прохладно. – Так что нет, пока в Долмире есть кто-то – а кто-нибудь там есть постоянно, за исключением, – он сделал выразительную паузу, – крайне редких случаев – опасаться мне нечего.

– Понятно, – проговорила я.

От неудобного положения головы шею вновь начало ломить, и я прилегла на левое ухо, глядя вдаль, туда, где встречаются небо и море. Вновь наша дорога проходила в молчании.

Личи дышал тяжело, видно, что устал. Взмахи крыльев были резкими и напряженными. А я почти успела привыкнуть к тому, что нас покачивает вправо. Однако через ка-

кое-то время Личи дернулся, вновь едва не черкнув по воде, заставив меня встрепенуться и напрячься, немного набрал высоты, выровнявшись, и начал забирать заметно влево.

– Что случилось? – я приподнялась и завертела головой.

И только теперь увидела вдалеке остров. Кусочек суши вырастал из воды высокой зеленой кочкой с торчащими из нее камнями. Ближе выяснилось, что кочка окаймлена золотистой песчаной полосой.

Личи приземлился, немного не долетая до берега, на мелководье, и пешком дошел до суши, тяжело дыша, усталым шагом, опустив крылья и волоча их по воде. Как песок оказался достаточно близко, он ненадолго остановился и вытянул левое крыло чуть вперед; я соскользнула на пляж и принялась осторожно оглядываться. Было неожиданно тихо, лишь ветер шуршал листвой, прибой шумел, да слышались потревоженные перекрикивания птиц.

– Где все? Мне уже начинать прятаться? – встревоженно спросила я.

– Это не тот... остров, – проговорил Личи, пытаясь отдышаться и тяжело ступая по песку.

Я вопросительно взглянула на него.

– Мне надо передохнуть. Я не могу лететь без остановок...

Не доходя до границы пляжа, дракон со стоном опустился на песок, распластав крылья. Кончик хвоста вообще остался в воде.

– Ох. Понятно, – проговорила я, потягиваясь и разминая

затекшие шею и плечи, потом, сделав небольшую паузу, заинтересовалась. – И... сколько нам еще осталось?

– Это примерно четверть пути, – ответил Личи.

В этот момент я поняла, что, видимо, до того острова мы не долетим.

– Четверть? Тольк... – я оборвала возглас и замолчала.

Личи не услышал или сделал вид, что не услышал.

Я задумчиво и напряженно почертила песок мыском.

– Личи... А ты уверен, что... ну... мы долетим?

Я опасалась, что он разозлится, однако, бурной реакции не последовало. Тот молчал некоторое время, потом проговорил:

– Да. Долетим. Я свои силы знаю. Будет тяжело, но до острова с перерывами мы доберемся.

– А... как назад?

Личи тяжело вздохнул и философски-безнадежно ответил:

– Через боль.

Я приподняла брови и со вздохом поглядела вдаль.

– Личи... А зачем оно тебе надо?

– Надо! – огрызнулся тот. – Что, хочешь отступить теперь?! Спасовать? Забрать назад слова?

– Да нет же! – ответно вспыхнула я. – Не передергивай! Я просто спросила, а не отказалась!

Создалось нелепое ощущение, что мы оба делаем очень сомнительные вещи во имя сомнительных целей. Но, ско-

ванные обязательствами и движимые этими самыми целями, теперь не хотим отступать. Но наваждение быстро прошло.

Я, вздохнув, отошла к границе песчаной отмели и вновь потянулась, покрутила головой.

Это четверть... Небо, а сколько времени займет вся дорога?

– Личи, – неуверенно начала я, – а сколько времени тебе потребуется на отдых?

– Мы только прилетели! Имей совесть!

– Ладно, – смущенно проговорила я. – Я понимаю. Просто... когда мы вообще будем там? Мы хоть что-то увидеть успеем?

– Как раз к самому интересному прибудем, – ответил Личи. – На Конхстамари своего полюбоваться успеешь...

Я фыркнула; но спорить не сочла нужным. Делать было особо нечего. Я прошла по пляжу, осматриваясь, потом решила углубиться в заросли. Успокоившиеся было птицы вновь принялись испуганно перекрикиваться. Судя по тому, как спокойно они тут живут, гости здесь бывают редко.

Остров был небольшой. Заросший дикими плодовыми деревьями. Вскорости, попетляв в зарослях, я выбралась на полянку, что оказалась берегом живописного озерца. Дальше начинался подъем на возвышенность, увенчанную каменистой короной. Вода в озерце была холодная и чистая. Только увидев ее блеск, поняла, что хочу пить. Напившись, вспомнила про Личи и поспешила к нему.

– Эй, тут есть вода. Хочешь пить?

Личи приоткрыл один глаз и взглянул на меня. И, вздохнув, проговорил:

– Знаю. Но ты права, пойдём.

Он поднялся и устало побрел к озеру. Пришлось, конечно, продирааться через кусты, но вскоре мы были у берега. Личи попил воды, а потом просто опустил ненадолго лицо в прохладное озеро. Некоторое время ещё полежал на берегу.

Мне хотелось окунуться, но поскольку было не то чтобы совсем жарко, мочить одежду не казалось хорошей идеей.

– Личи? А ты на меня сильно разозлишься, если я попрошу тебя дойти до берега, а я тут окунусь? – расхаживая по прибрежным камням, проговорила я.

– А в чем, собсна, проблема? – недовольно протянул он, не открывая глаз.

– Шмотки мочить не хочу.

– И?..

– Ну, я не хочу, чтобы ты на меня смотрел, – фыркнула я.

– Пффф, было б на что, – презрительно и насмешливо бросил он. – Че я там не видел, да и не льсти ты себе... Хочешь, я отвернусь? Без лукавства, мне плевать, я даже глаза открывать не буду.

– Ну, зн... – я неудачно поставила ногу на камень; она почти попыталась скользнуть, я поспешила шагнуть на следующий, чтобы уравновеситься, но он оказался и того хуже, сырой и заиленный, и я, нестойко скользнув по нему вперед,

живописно всплеснула руками и навернулась прямо в воду, да сразу окунувшись с головой, даром что мелководье.

Выныривала я уже под хохот Личи.

– Ты там шмотки мочить не хотела, да? Ха-ха! Как-то нелепа ты для мистика!

– Заткнись! – беззлобно крикнула я, отправив в него фонтан брызг; Личи лишь прищурился, не перестав смеяться, прохладные брызги в лицо, казалось, были ему только в удовольствие. – Кто там отвернуться и глаза закрыть обещал!

– А-ах, како-ое соблазни-тельное падение! – протянул он тоном, вогнавшим бы меня в краску, не будь столь театральным. – Держите меня, я за себя не отвечаю!.. Нет уж, теперь я не отвернусь, я первое просмотрел, но вдруг ты еще раз шлепнешься!

Я, фыркнув, недовольно скинула промокшие тапочки. Высохнут уж, ладно...

– А у вас все мистики такие неловкие, или ты особенная?

– Особенная! – фыркнула я, заходя в воду, не раздеваясь; толку-то уж. – Прямо как ты среди драконов.

– Что, прямо настолько? – хохотнул Личи.

– Иди ты! – беззлобно, но недовольно огрызнулась я, окунаясь теперь уже умышленно. – Хватит над ерундой смеяться, будто и впрямь смешно... Палец тебе покажи, тоже ржать будешь?

– А эт смотря какой! – ехидно бросил он.

– Ты всегда над такими глупостями хохочешь? На признак

большого ума не тянет... – фыркнула я.

– Люди пустынь умеют добывать влагу из воздуха. Когда остро нуждаешься, научишься собирать по крупицам и находить там, где в достатке не стал бы искать, – произнес он философски. А потом, не дав мне задуматься, насмешливо бросил. – Ты давай только воду особо не мути! Нам еще пить оттуда.

– Вон, во фляжку набери! И не бурчи, – бросила я шутиливо.

Личи, моментом став высокомерно-серьезным, смерил меня выразительным взглядом.

– По-твоему, этой капли хватит?

– А ты в форму смени и в человеческой пей...

– Толку-то? Сменю обратно – и не хватит. Да еще делать нечего, из формы в форму скакать, лишние силы тратить...

Долго купаться я не стала. Вылезла, отвернулась и, сняв, выжала рубашку. Надела обратно. Штаны, упрятавшись за растительность, тоже сняла, отжала и вновь надела. Желательно, чтобы к полету одежда подсохла; выше прохладнее и ветренее.

Когда я вернулась к берегу, Личи зубами собирал с веток фрукты. Потом лег на траву перед собранными, прижав лапой, начал счищать шкуру и выедать мякоть. Яркие спеющие плоды дразнили аппетит. Постояв немного, я соизмерила высоту до ближайшего низко висящего плода и, поленившись лезть, нахально взяла один из собранных Личи. Хотела

взять ярко-розовый, какой еще в начале нашего знакомства давал мне Кондор, или рыжий, но под руку попался не сильно приметный зеленый, с румяным бочком.

– А самой нарвать не судьба? – проводив мою дерзновенную руку взглядом, недоброжелательно рыкнул дракон.

– Ой, жадина, – фыркнула я, пытаюсь очистить шкуру, но нигде пока не найдя возможности вскрыть. – Подумаешь, одной фруктинкой больше, одной меньше...

– Меня коробит сам факт, – буркнул он.

Я тем временем достала нож и надрезала непокорную шкуру. Снаружи плод был зеленый, с оранжевым боком, а внутри – ярко-желтый в рыжину и очень сочный. Сок от надреза тотчас потек по рукам, и я принялась их облизывать. Оказалось сладко и вкусно.

– Они, кстати, ядовитые для людей, – бросил Личи.

– Врешь, – флегматично отбрыхнулась я, откусывая добытый кусок мякоти. Прислушалась к ощущениям физического тела. Точно врет. Тем более, походя я вспомнила – видала такие плоды на рынке среди прочих загадочных южных фруктов.

– Смотри, распухнешь и пятнами пойдешь... – не особо стараясь, вновь припугнул он.

– Не надейся, не запугаешь. Я мистик, я умею отличать съедобное от несъедобного.

Я попыталась разрезать фруктину напополам, но нож внутри застрял, наткнувшись на что-то твердое. Долго при-

шлось ковыряться, прежде чем удалось найти коварную кость. А вытащить ее и вовсе не представилось возможным, она не отделялась, как косточка, скажем, сливы, волокна мякоти словно прирастали к ней. Пока я ковырялась, сок залил все руки. Хорошо хоть рукава закатала и ела стоя – иначе одежду пришлось бы мочить повторно... Но вкус мне очень понравился. Хоть и ужасно заморочно есть. Наверное, я просто не знаю, как правильно чистить.

– Фкуфно, – облизывая пальцы и нож, проговорила я. – Обожаю фрукты.

– Я тоже, – проговорил Личи, разгрызая ярко-розовый фрукт вместе с кожурой.

– А ты какие больше всего любишь?

– Яблоки.

– Яблоки? – удивленно переспросила я, пытаюсь понять, не пропустила ли я мимо ушей сарказм. – Я думала, что-нибудь более экзотическое.

– Не-а, как ни странно, – усмехнулся он. – Всегда их любил. Я впервые их здесь, примерно в этих широтах, попробовал, после изгнания матерью. И с тех пор это в принципе мой самый любимый продукт. Видела бы ты, какие у меня были сады на Шесс!.. Жаль, что... остров был разрушен и большая часть всего погибла...

Я вздохнула.

– Там еще растет что-то, – проговорила я. – Мы как-то... летели мимо.

– Я знаю. Бываю там. Урожай забираем, не пропадать же... – ответил он, потом, заметно более бодрым тоном продолжил. – У меня там как-то даже были свои собственные ручные контрабандисты... В ночи туда пристали и давай урожай убирать. Потом явился я, и, упуская всю нецензурщину и кровавые угрозы, мы договорились на взаимное сотрудничество: они доставят весь товар в целостности и сохранности в Эрстхен, передадут торговому дому Шенлеров и будут возвращаться безвозмездно помогать со сбором каждый год, ну а я взамен... не сожгу их вместе с кораблями, и даже не сдам властям за нарушение границ частной собственности. Урожай доставили и... больше их в наших морях никто не видел. Слились, трусы, – фыркнул Личи и театрально продолжил. – И что их не устроило, по-моему, прекрасные были условия!

Я рассмеялась.

– Жду теперь новых контрабандистов. А то не нам же еще на корабли и работников тратиться...

– Они, небось, всем своим уже растрепали, чтобы не совались! – весело отозвалась я.

– Ой, будет! Контрабандисты ребята не жадные! С радостью поделятся с товарищами по ремеслу вкусненьким дельцем! – злорадно ухмыльнулся Личи.

Какое-то время мы вновь молчали.

– Личи, а... – несмело начала я, опасаясь реакции, – когда мы полетим?

– Уже скоро, – просто и спокойно ответил он.

“Скоро” оказалось действительно скоро; немного отдохнув, дракончик позвал меня на берег, показать, как нам лететь.

– Смотри, – Личи начертил когтем по земле некое подобие карты. Условно очертил берег континента и поставил отдаленную точку, наградив ее лучиками. А между ними посадил еще несколько точек. – Вот Побережье, вот остров Зей, – он ткнул когтем в точку-“звездочку”. – Но это огромное расстояние. Наш маршрут будет такой, – дракончик прочертил линию от Побережья до первой точки, находившейся чуть левее и отделявшей примерно четверть пути. – Мы здесь. Потом полетим так, – провел пунктир ко второй точке. – Всего на пути, считая этот, у нас будет четыре острова. Хотел сразу до второго перелет осилить, но, видишь, не сложилось... Последний бы тоже хотелось обойти... Но, боюсь, все-таки придется делать остановку.

Маршрут получился ломаный и заметно косящий влево.

– А так не сильно дольше, чем было бы напрямую? – спросила я, разглядывая углы.

– А какая разница, – философски вздохнул Личи. – Прямого перелета на семь сотен сот мне не осилить. Остается только более короткими “перебежками”... Впрочем, все равно не настолько больше выходит.

Я кивнула, задумчиво разглядывая рисунок.

– Ну, пойдём. Нам еще на холм подниматься, – Личи кач-

нул головой в сторону холма и стер кончиком хвоста рисунок на песке.

Дорога в гору оказалась не столь тяжелой, сколько запутанной. Хотя некоторые склоны действительно были трудно преодолимы для человека. Попетляв, мы все-таки вышли на вершину. Скрепя сердце, я забралась Личи на спину и попыталась как-нибудь покрепче уцепиться.

– Ох, Вышие, только б не слететь и на этот раз... Седло хотя бы приладить...

– Слышь, сейчас за такие предложения до взлета с обрыва полетишь! – огрызнулся Личи.

– Хоть веревку бы...

– На шею себе повяжи!

– Ох! – я вздохнула. – Ладно, забудь. Надеюсь, мы не упадем.

– Нормально, я уже приноровился. Постараюсь поплавней взлетать.

Он чуть подался назад, чтобы взять разбег. Я выдохнула, посильнее, насколько возможно, вцепившись в его плечи, и зажмурилась.

Рывок; толчок. Полет вперед, потом вниз, вниз, вниз... Вниз-прямо; прямо. Вдоль воды невысоко над поверхностью. Но на чуточку выше с каждым взмахом, старательно набирая высоту.

Я раскрыла глаза и выдохнула. Выровнялись.

***

Второй остров оказался почти такой же, как первый. До-летели почти без приключений. Личи сразу, пока были силы, набрал высоту и старался ее держать. У острова дракончик так же приземлился, чуточку не долетая до берега и, дойдя по мелководью, растянулся на песке.

– Ты так выматываешься за перелет? – сочувственно спросила я. – Что даже нет сил дойти до какого-нибудь пригодного для стоянки места?

– Моя цель, – проговорил он, не поднимая головы, – это как можно быстрее отдохнуть и восстановить силы, чтобы поскорее быть в состоянии лететь дальше. А не пытаться выделываться перед тобой, какой я сильный и ни капельки не устал... Так что пусть будет считаться, что да.

Я кивнула, сочтя аргумент убедительным, хоть Личи и не смотрел на меня. Впрочем, я небезосновательно полагала, что на мое мнение ему плевать.

...Интересно, что же движет тобой, дракон? Зачем тебе-то все это понадобилось?..

Стоянка здесь заняла примерно столько же времени, сколько и на первом острове. Отдохнув, мы продолжили путь, чуть изменив курс. В какой-то момент вдальеке показался островок, я уже думала, что нам сюда, но Личи его проигнорировал.

– А почему мы не останавливаемся на этом острове? –

поинтересовалась я.

Личи устало вздохнув, ответил, как само собой разумеющееся:

– Он же плоский, как лист кувшинки. Как сядем – так там и останемся, оттуда только вплавь.

– А-а, точно, – проговорила я.

Впрочем, вскоре показался и наш, скалистый, высокий. Тут Личи не стал садиться на берегу, да и не было такой возможности – он был обрывистым, и, как казалось, мелководья не было и в помине. Остров словно вырастал из воды каменным зубом. Пришлось покружиться над ним и кое-как приземлиться на маленькую “полянку”-плато, поросшее ковром из трав.

Ссадив меня на камень, Личи еще вынужден был покрутиться, выискивая место где разместиться и раскинуть крылья. Из-за разросшихся деревьев и слишком близких скал на расправленные крылья места никак не хватало.

Личи немного покрутился, изможденно честеря камни и деревья, потом плюнул и сменил форму. И устало подошел к обрывчику, у которого сидела я, поглядел вдаль.

Небо вдалеке начинало затягиваться тучами. Не очень хорошо. Хоть бы мимо прошло...

Он отошел от края и, устало выдохнув, распластал крылья и лег, как ни странно на спину. Закинув руки за голову и глядя в небо.

Я машинально, не отдавая себе отчета, проводила его

взглядом и хотела было вернуться к созерцанию горизонта, но глаз зацепился за одну, вроде не сильно бросающуюся, но плохо укладывающуюся в человеческом сознании деталь. Я, конечно, неоднократно примечала у Конхстамари, если доводилось увидеть его полуобнаженным. Но задать глупый вопрос ему было как-то неловко и стыдно.

– Личи, скажи. Я замечала, но как-то постеснялась спрашивать Конхстамари... Чтобы совсем дурочкой не выглядеть... У вас правда нет пупка и... ну, этих, – я смутилась и замялась; фраза звучала донельзя нелепо, – сосков, – сказала я совсем тихо.

Личи смотрел на меня с моими ломаниями, откровенно веселясь.

– Люди, я вас обожаю! – сдержанно смеясь, проговорил он. – Рога и крылья смущают вас меньше! Впору на визитке писать, ей-богу... Ну, что ж тебе на это ответить? – он ухмыльнулся. Да, правда. Хочешь, проверь! – бросил он с нескрываемой издевкой, после как ни в чем не бывало продолжил. – Это, как бы, логично. Мы не млекопитающие и не плацентарные, так с чего?

Я задумчиво кивнула.

– Согласна, логично. Просто непривычно. Крылья и рога сразу в глаза бросаются, а вот такие детали, они как-то менее очевидны.

Личи, в свою очередь, тоже согласно кивнул. Я оглядела лежащего рядом дракона оценивающим взглядом. На груди,

плечах и предплечьях золотисто поблескивали нечестные полупрозрачные чешуйки.

– Значит, южане светловолосые? – без вступлений проговорила я. – Странно, обычно наоборот...

– Когда-то давно светлая чешуя хорошо смотрелась в южных песках. Хотя, конечно, теперь это не особо актуально...

– Светловолосых меньше?

– Темные волосы и чешуя лучше передаются по наследству. Потому черноволосые светлых неминуемо вытесняют. И, наверное, скоро совсем вытеснят.

Я встревоженно посмотрела на Личи, его же лицо оставалось философски спокойным.

– Неужели так? Это грустно...

Он пожал плечами.

– Это жизнь. Светловолосых родов осталось мало, по пальцам перечесть; а мой... – он вздохнул, поглядев вдаль, – и вовсе можешь считать канувшим в лету. Он оборвется на мне.

– Почему?

– Ни одна не выберет увечного, – сказал он холодно-иступленно. – Ни при каком раскладе. Даже если он чудом хоть кого в драке победит...

Я помолчала. Потом попыталась неуверенно предположить.

– А та малышка на тебя явно с симпатией смотрела...

– Не смей говорить так о ребенке! – оборвал он меня сер-

дито. Помолчав, добавил. – Тем более, она вырастет, созреет... И ее симпатиями начнут двигаться другие соображения.

– Ну, кто знает, – неуверенно протянула я.

– Ты пытаешься судить по себе. По своему народу. Наши женщины руководят иные принципы. Они совсем другие. Дракайки жестоки, сильны, безжалостны; и они будут выбирать отцами своего потомства физически сильнейших и обязательно безупречно здоровых. Такова их симпатия. Поэтому их выбор чаще всего и падает на победителей – подточенному болезнью или раной вряд ли одолеть соперников.

Я задумчиво кивнула.

– А ваши женщины – напротив, ласковее, добрее, сострадательнее... Даже чем ваши мужчины. Хотя ваш народ весь более добрый и мягкий, чем наш.

– Как бы кощунственно это не звучало от боевого мага... – начала я. – Женщине в общем, наверное, естественно быть более ласковой, хотя при этом сильной, способной защитить детей.

– Вы, – чуть приподнял брови дракончик, – были преимущественно хранительницами очага.

Я пожала плечами и продолжила мысль:

– Почему ваши женщины... такие?

– Эхехе, хочешь знать, да? – как-то странно посмеялся он.

И в этот момент я осознала, что **точно** хочу.

– Хочу!

– Ну, что ж... Я расскажу тебе то, чего никто не расскажет.

– Даже Конхстамари?

– Особенно Конхстамари.

– Почему?

Вместо ответа Личи хмыкнул, поглядев вдаль. Потом, чуть посерьезнев, начал:

– У всякого народа есть свои темные времена. Но нашим – нет свидетелей среди других.

Я выжидательно посмотрела на него, ерзая от нетерпения.

– Когда-то чужих детей убивали, – чеканя слова, проговорил он. – Ведь это не твой род, не твое продолжение, а род соперника, врага. Такое присутствует в повадках у многих агрессивных животных, конкурирующих между собой в том числе и за самок, за возможность оставить потомство... Чужое потомство – это чужой успех, а значит, часто, твой неуспех. А лишить противника продолжения рода – победа похлеще той, что в драке...

Я глядела на дракона изумленно.

– ...Матушке Эволюции это, конечно же, не понравилось, за что она мужчин наказала, даровав женщинам превосходяще большую силу. А мужчинам после – вменив инстинктивный ужас перед малыми детьми, – добавил он, понизив голос, и продолжил. – Женщина-дракон может о колено сломать хребет любого мужчины. А женщина с детьми, женщина во власти своей крови и инстинктов... вообще не знает пощады. Она убьет любого, кто посмеет приблизиться к потомству. Она забудет, что ей ведомы разум и слова. Обра-

титься в зверя, дикого и не ведающего жалости.

Он вздохнул и подытожил:

– Их агрессивность – след древней обиды на себялюбивых мужчин.

Я молчала, задумчиво тормоша пальцами траву.

– Конечно, это было сотни тысяч лет назад... – Ли-чи усмехнулся, поймав мой ошарашенный взгляд. – Что? Неужели ты думала, что миру и правда пять тысяч, как считают ваши храмовники от мифического сотворения? Наивная девочка! Даже вашему народу – не один десяток тысяч лет...

Он усмехнулся и продолжил:

– Потом уничтожать малых детей перестали... Убивали уже больших, автономных. Из тех же соображений – лишить соперника продолжателя рода, отомстить. Преимущественно это использовалось в качестве изощренной, грязной мести. Конечно, поступивший так неминуемо пятнал свою честь. Но какое это утешение отцу, лишившемуся наследника?.. Далекие, темные времена. Свидетелей, кроме нас, этому тоже нет. Вы в драконье “средневековье” еще с ветвей не слезли и шерсть не потеряли... Потом народ это перерос. Почти. Напрямую закон это... не то чтобы запрещает. Ты знаешь, драконы очень равнодушны друг к другу и почти не вмешиваются в чужие дела, если это не касается непосредственно их. Но такое клеймо убийцы – очень большое грязное пятно на честь и репутацию... Ну, думаешь, Конхстама-

ри рассказал бы о таком? – Личи с невеселой усмешкой поглядел на меня. И помолчав, взглянув вдаль, проговорил ледяным тоном, с прорезавшимися хищными нотками. – Да-а... Славная была бы месть Сэфхинри за мою разрушенную жизнь...

В этот момент я взглянула на него пораженно.

– Ты серьезно? Это ведь ужасно! Это бесчестно!..

– Это бесчестно?! – прорычал Личи, взглянув на меня злобно и вместе с тем отчаянно. – Это очень бесчестно! А честно было, когда сильный крепкий мужик Сэф разорял дом едва ли не мальчишки с перебитым крылом? И никто, никто ему слова не сказал?! Ведь не поло-ожено вмешиваться в чужие дела, если тебя не касается! Никого не касалось!

– Но ведь... так нельзя!.. Он не прав, это тоже было неправильно, но...

– А что мне терять? Честь? Репутацию? Доброе имя? Ха-ха-ха-ха! – он злобно сверкнул глазами. – Все, что можно – уже потеряно!

– А что насчет человеческого облика?

– Пфф, – злобно ухмыльнулся он. – Я моральный калек, сильно хуже уже не делается. Да и мне не принципиально самому пустить ему кровь. Пусть умрет жертвой обстоятельств, стихийных бедствий... Я просто хочу видеть боль и безысходность в глазах Сэфа!

– Ты думаешь, – проговорила я тихо, – от этого тебе станет легче?

Взгляд его потерял огоньки злорадного задора и сделался грустным.

– Может, и не станет... – Личи вздохнул тяжело и печально. – Все равно это все баловство, пустые слова, не всерьез. Ничего мне ему не сделать. Да и... Сэф – не главный, кому я хочу мстить. Далек-о не главный... Сцerra с ним, пускай подавится.

Ненадолго повисло молчание. Я припомнила кое-что, что однажды упоминали.

– А давно погиб твой отец? – тихо спросила я.

– К моей автономии. Точнее, я получил автономию с его смертью. Я был наказан на несколько лет, но этот срок не вышел.

– Понятно, – неловко проговорила я. – Будь он жив, он бы, наверное, вступился...

Личи пожал плечами.

– Сложно сказать. Возможно, но, когда отец вступает за взрослого сына, это сильно подрывает авторитет последнего. Да и вообще, обоих. Все-таки совершеннолетнему под папкиным крылом прятаться – стыдоба... – он ненадолго замолчал, потом добавил. – Хотя уверен, кое-чем он меня по итогу выручил бы. Одним полезным подарком.

Я с интересом взглянула на дракончика:

– Это чем?

– *Вэр лэне*, – усмехнулся он, – Если это тебе о чем-нибудь говорит.

Я покачала головой, усиленно вспоминая драконий. Ничего подходящего не нашлось.

– Это какой-то артефакт?

Личи усмехнулся, покачав головой.

– Спасло бы от ошибок и помогло бы избежать позора.

– ...Совет? – пыталась угадать я. – Я не знаю...

Дракончик, не стирая усмешки, глянул на меня.

– “*Лэне*” переводится как “милосердие”, – мягко проговорил, почти пропел он. – “*Вэр*” – удар.

“Удар милосердия”, – тихо ахнула я.

Я помолчала, потом, вспомнив еще один из невысказанных вопросов, решила задать, заодно и тему переключить.

– Вы, значит, самый древний народ?

В глазах Личи на миг мелькнула не до конца понятная мне холодность.

– Драконы... Самый древний, осознавший себя разумным.

Я удивилась уточнению.

– Амфибии эволюционно старше. Но не как разумный народ. Лишь – как биологический вид. Почему-то как разумный народ они начали формироваться много позже. Что-то их затормозило... Возможно, мы.

Несмотря на философскую ровность фразы, было в ней что-то едва уловимое...

– Почему чаще всего, говоря о вашем народе, ты говоришь “драконы” и редко – “мы”? – спросила я напрямую.

Личи вздохнул.

– Я не отрицаю свою причастность к биологическому виду. Но я не хочу быть частью их общества. И давно ей не являюсь...

– Ты поэтому не любишь, чтобы к тебе обращались подраконы “орра”? – догадалась я.

Личи, поморщившись, кивнул.

– Да. Да и нет у меня такого статуса... Мне по душе человеческое общество. Вы добрее. И сильнее своей сплоченностью, состраданием. Может, и не вы одни, все вы, маленькие народцы, общественные. Но именно ваше общество я изучал на контрасте с драконьим. Драконье общество не терпит слабину; стоит лишь чуть расслабить челюсти, и тебе дадут по зубам.

Он замолчал, вздохнул, потом продолжил:

– У людей тоже есть злая часть, но... Добрая все вывозит. Я стараюсь стать частью вашего общества. Хотя порой бывает тяжело – вы коллективные, а мы – от природы одиночки. Мне часто не хватает сил и требуется перерыв от постоянного общения.

– И поэтому ты иногда уходишь в лес ночами? – догадалась я.

– Да, – он опустил брови и посмотрел на меня тяжелым взглядом. – И поэтому я **ненавижу**, когда кто-то ко мне туда приходит.

Я потупилась.

– В лес, или на чердак, или просто сижу в комнате. Главное – чтобы никто не трогал. Не важно. Все равно... Это проходит, можно приспособиться. Человеческое общество мне все равно милей. Можно даже смириться с тем, что вам до всего есть дело. И даже с женскими-хозяйскими инстинктами Мэрай, Борисовой жены, которая постоянно лезет в мои комнаты без спроса че-то там прибрать, – он фыркнул недовольно, но беззлобно.

Я чуть слышно посмеялась.

– Слушай, ну раз ты мне задаешь вопросы, – Личи усмехнулся, поглядев мне в глаза, – позволь, я тоже тебя спрашиваю.

Пожав плечами, я кивнула, шутливо отозвавшись:

– Спрашивай, мне не жалко.

– Тебе нравятся девочки?

– ...Что? – ошарашенно переспросила я. Сказать, что вопрос меня поразил – ничего не сказать.

– Ты на парней не смотришь, вроде как?

– Чего? Что за вопросы у тебя такие? – возмущенно воскликнула я. – С чего ты вообще такое взял?

– Ну-у, – протянул он с легкой улыбкой. – Я вижу, как ты на меня смотришь...

– И как же? – с вызовом осведомилась я, повернувшись.

– Как на мебель! – ответил он с ухмылкой и не вполне понятным мне весельем. Но взгляд его был пронзителен, в глазах горел интерес.

– В смысле?

– В коромысле! – нахально рассмеялся он. – Смотришь, как на мебель. Как на дерево. Как на предмет. Ну совершенно нейтрально, – с насмешкой начал он.

– Что, обидно? – едко поинтересовалась я.

– Непривычно! – нахально ответил Личи, продолжая ухмыляться. – Что прям интересно даже. Честно скажу, я привык к другим взглядам от женщин. Хотя бы с примесью влюбленности, восхищения или вожделения... А ты смотришь просто как на собеседника. Ты смотришь в глаза. Почти всегда. Не пялишься, что вновь немного непривычно. Тебе не интересно мое тело... В том плане, – он говорил ровно, спокойно, словно просто высказывал наблюдения. И иронично добавил. – Отсутствие сосков и пупка тревожит тебя больше. Да крыло... Шрамы. Ты смотришь просто. С интересом. Не так, как смотрит женщина на мужчину. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Я чуть усмехнулась, вставив "охотно верю".

– И даже сейчас, – усмехнувшись, спокойно продолжил Личи, – когда я лежу рядом с тобой полуобнаженный, ты смотришь мне в глаза, – он пронзительно посмотрел на меня, поймав мой взгляд.

Я, смутившись еще сильнее, вновь отвела глаза куда-то в сторону. Личи же поднялся, развернулся и лег на грудь, положив голову на руки. Крылья он распластал по бокам.

– Это даже немного странно для молодой девушки. Пото-

му что обычно в этом возрасте девчонки... весьма подвержены природным желанием. Даже если всеми силами отрицают. Я думал, что, быть может, ты правда любишь Конхстари. Но... ты и на него смотришь так же равнодушно.

Я почувствовала себя неловко и, не поднимая глаз, пробурчала под нос: "Ничего не равнодушно, не выдумывай. Просто мы друзья".

– Потому и возник вопрос, тебя не интересуют мужчины? Ну, просто, знаешь, так тоже бывает... В твоём вкусе девочки?

– Нет, – бросила я, отворачиваясь. – Девочки меня тоже не интересуют.

– Никто не интересуется? – почти скучаяще протянул он, зашуршав, видимо, вновь укладываясь на спину.

– Да. Нет! Не знаю... – почти огрызнулась я. – Просто... Просто я не особо влюбчивая. Не чувствую... – произнесла я и почти содрогнулась. "Нэйкерэ" мелькнуло в голове.

На некоторое время повисло молчание. Я сидела, глядя на далекий горизонт; легкий бриз поглаживал и развеивал мои отросшие с зимы волосы. Они ненавязчиво щекотали основание шеи и плечи.

– Что-то случилось? – спросил Личи.

Я вопросительно взглянула на дракончика, не поняв вопроса. Он пояснил:

– Из-за чего ты не чувствуешь влечения?

– Да нет, – растерянно проговорила я. – Не было ничего.

Просто так вот... Не чувствую, и все.

– Правда? – Личи смотрел на меня с интересом. – Точно ничего не происходило?

Я вновь покачала головой и пожала плечами.

– И ты никогда не влюблялась? Никогда? Не было ничего, что тебя отвратило?

– Не знаю, – поморщилась я. – Ну... мне, вроде как, когда-то нравился мальчик, лет в восемнадцать. Не уверена, что это была любовь, или даже влюбленность, или вообще хоть что-то серьезное. Так, чисто на мордашку красив был и собеседник интересный.

– Хоть целовались?

– Ну-у, – поморщилась я и, помолчав, добавила. – Видать, не мое.

– И что потом?

– А потом ничего, – я пожала плечами. – Он очень быстро утратил ко мне интерес, потому что понял, что в постель не затащит. Я немного расстроилась, потому что он мне казался интересным человеком, хорошим товарищем... Но это быстро прошло. Мы, мистики, тоже своего рода одиночки... Единственное, потом я немного испугалась... – я замялась. – Ну-у... Я была очень наивной барышней, и если бы обманом, или силой... – я терялась в словах, не зная, как лучше сформулировать. – В общем, что могло случиться что-нибудь... непоправимое.

Личи нейтрально кивнул, и мы вновь на некоторое время

замолчали.

– Ну... Как я слышал, "непоправимое" на магию, вопреки заблуждениям, у женщин никак не влияет. А мужчинам, вроде как, делает даже чуточку лучше.

Я, поморщившись, пожала плечами.

– Вроде и так... Какая разница? Я просто не хочу. Мне оно не надо.

Вопреки моему ожиданию, Личи просто кивнул и не стал спрашивать.

– Наверное, и так бывает... – проговорил он ровно. Потом, помолчав, продолжил. – Даже отчасти могу тебя понять.

Теперь уже я посмотрела на него внимательнее.

– Правда?

– Я после *нее*... тоже больше не любил.

– Той, которую ты обратил? – проговорила я, догадавшись.

Личи прикрыл глаза вместо кивка.

– Так значит... – прошептала я.

Клянусь...

– Самые отчаянные, глупые и страшные вещи совершаются во имя любви, – проговорил он тихо. – Может, это и твое счастье: не любить. Ты не сойдёшь с ума от чувств, не ослепнешь.

Я, помолчав, несмело проговорила.

– Неужели ты больше не любил с тех пор? Может быть, все еще...

Он покачал головой.

– Бывает, тобой пролито слишком много слёз, чтобы вновь научиться любить... Вырванное сердце любить не может.

– Понимаю, – прошептала я тихо.

– Нет, золотко, – грустно усмехнулся Личи. – Ты не понимаешь. И, да будет судьба к тебе милостива, никогда этого не поймешь.

Повисло молчание; я чувствовала себя неловко, мне казалось, что стоит что-то сказать, но я никак не могла подобрать нужные слова.

– Прости, я... Я даже не знаю, что говорят в таких ситуациях, – неловко прошептала я. – Я неувязок, прости.

– Пфф, – насмешливо ответил он. – Согласись со мной, что она мразь, этого хватит.

Я молча кивнула. А Личи, помолчав, тихо проговорил:

– Как хотелось бы забыть ее, только вот... Она, уходя, пропахала в моей жизни такие борозды, что уже ничем не за-

ровнять.

– Сто лет жизни... – догадавшись, проговорила я.

Личи, скривив губы, покачал головой; я поспешила исправиться:

– Да-да, не сто лет, я знаю, а количество жизненной энергии...

– Она забрала больше, – бросил он холодно.

– Больше? – удивленно проговорила я.

– Дзета, я мальчишкой сделал то, что взрослые крепкие мужики делать бояться... Выжил, и на том спасибо. Но крылья себе подрезал очень здорово. Только пережитое совершеннолетие – не лучшее время, чтобы баловаться такими тяжелыми штуками. Дорого расплачиваться пришлось...

– Все те способности, что проявляются с совершеннолетием, – осенило меня.

– Да, – проговорил он, поджав губы. – И по ним ударило, отбросив назад на десятки лет.

– И... теперь они восстановились?

– Только часть. А часть, возможно, не восстановится уже никогда, – почти философски бросил он.

– Жаль, – проговорила я. – А что именно за способности?

– Много всяких полезных штук, – хмыкнул он. – К примеру, только входила в силу магия "Статис"...

– Статис? – удивленно переспросила я, припомнив, как у башни Кондор использовал это заклинание.

– Читай "заморозка", – пояснил Личи, неправильно трак-

товав мое удивление. – Никак не хочет толком восстановиться. Работает раз через раз, в новолуние после четвергового ливня, под удары шаманского бубна лицом на восток... И то слабо. Жаль, конечно, полезная штука.

– А телепортация? – подумав, спросила я.

– Как видишь, мы не телепортируемся, – хмыкнув, развел руками Личи.

Я вздохнула.

– Я все отдал той, кому нельзя было доверять...

Он замолчал. Молчал долго. А потом проговорил:

– Эх, все бы не было так паршиво... Надо было хотя бы тогда уgomониться уже и сидеть ровно. Залечь на дно, заливать раны и не усугублять. Так нет...

Я вопросительно взглянула на него.

– Но тогда так отчетливо казалось, что все еще можно исправить... – проговорил дракончик со вздохом. – Догнать чертовку-предательницу. Свернуть ей шею, *развенчать*, вернув хотя бы жалкие крупицы отданных сил... По крайней мере, смыть кровью позор... Как глупо и наивно! Я бросился следом за ней, едва смог стоять на ногах и держаться в седле. С убитым здоровьем. На северо-восток... Под зиму! – Личи цокнул языком и покачал головой. – Можно ли было придумать хуже? Я не уверен. По-моему, я везде выбрал наихудший вариант.

Я печально поглядела на него и осторожно уточнила:

– Видимо, поездка не увенчалась успехом?

Личи мрачно усмехнулся.

– Упрямства хватило доползти аж до Соулу. Здоровья же...

– Не хватило?

– Закончилось еще на уровне Мейта! – невесело усмехнулся он. – Очень быстро пришлось смириться, что продолжительная езда верхом – не для моего здоровья, и пересестись в повозку. Это было медленнее, дороже, но реальнее. Как казалось...

– А откуда у тебя деньги на это? – подумав, спросила я.

– Сэф же не совсем последняя сволочь – денег из моей же сокровищницы на первое время он мне милостиво отсыпал, швырнув в лицо, как подаяние. Должен же я был хотя бы нанять корабль до Шесс, кой-как перебиться первое время. По-хорошему, немалые деньги, хоть и крупницы от моего. Можно было бы безбедно, хоть и не на широкую ногу, жить на них лет пять... – Личи вздохнул, поглядев вдаль. – Но я решил их так бездарно спустить в первую же осень-зиму...

Он замолчал.

– Можно же было... – я растерялась, подбирая слова. – Поэкономнее как-нибудь?

– Когда стоишь в единственном на семь десятков сот в обе стороны ломбарде, выбор у тебя невелик, – он вновь замолчал. Радости воспоминания не приносили.

Я запоздало задумалась, что золото, тем более фамильное, для драконов, должно быть, очень много значит.

– Одно кольцо пришлось сдать... знаешь за сколько? – Личи метнул взгляд на меня. – За двадцатку сереньких!

Я посмотрела на него пораженно. Двадцать сереньких!.. Я за эти деньги на обрыве в простыне пела.

– Почему? – не сдержала возмущения я. – Это же нечестно! Нельзя же так! Не надо было продавать...

Личи прохладно усмехнулся, покачав головой.

– Потому что, не устраивает курс – езжайте дальше, еще за семьдесят сот, до следующего. Хотя, судя по лицу возницы, что устал от “завтраков”, пешком пойдете... Да, кто-то неплохо нажился.

Он вздохнул, пожав плечами.

– Там все как в тумане. Чем дальше, тем тяжелей... Под конец я дольше лежал, свалившись с лихорадкой, в бреду и забытии, чем ехал. Тысячу раз мне советовали повернуть назад. Говорили, дальше будет только хуже. Я лишь огрызался, что сам разберусь. Мне казалось, что упрямства хватит, чтобы доехать. Ведь если очень-очень стараешься, обязательно все сможешь... – тон его сделался досадливо-ледяным. – Оказалось, что нет.

Личи замолчал ненадолго.

– Я один день не доехал до Соулу. В очередной раз застряв, наконец осознал тысячу раз сказанное, – он вздохнул и проговорил, чеканя слова. – Дальше будет только хуже. Дело к зиме. Климат, чем дальше, тем беспощаднее. И раз я уже здесь и сейчас так сдаю, я попросту не дотяну даже до

загорянской границы, куда там до столицы... Тогда я наконец приказал поворачивать назад. И по возможности гнать. Хотелось обогнать зиму, но она дышала в спину своим ледяным дыханием, отчего делалось еще хуже. Без простоев не получалось.

Он горько усмехнулся.

– Дорогой назад приходилось отдавать последнее, смотреть в ехидные ухмыляющиеся лица узнающих, отвечать, как погодка в Заагре; либо в жалостливо-сочувствующие, что не легче. Дорогие теплые вещи были проданы взамен на дешевые. Последнее было отдано в Дарпе за дорогу до Эрстхена. Я ведь, бросаясь за ней, ничего не жалел, все хотел поставить на кон. Я не думал, как буду возвращаться. Я не думал, *что* буду возвращаться.

Я вздохнула.

– А на Побережье уже пришла зима, – невесело усмехнулся Личи. – Близился ее пик. А у меня в карманах была горсть меди да две последние серебряшки...

Личи замолчал, глядя куда-то вдаль. Я просто тихо сидела рядом, тормоша пальцами траву.

– Луис Шенлер много сделал для меня, – проговорил Личи негромко. – Неоценимо много, – он вздохнул и продолжил. – Сначала взял на работу. Потом и вовсе – принял в свой дом. А ведь он очень боялся меня...

Я вопросительно взглянула на Личи.

– Боялся? Почему?

– А ты бы не побоялась? Принять в свой дом... плевать даже, дракона – не дракона, незнакомца. Незнакомца с подорванной верой в... – он усмехнулся, – человечество? И вообще во все, что можно. Луис опасался, вдруг что-то пойдет не так, и я причиню вред его семье. Его супруге Сайнаре, Марку с его молодой женой и их ребенком... Боялся, потому что не знал, что можно ждать. Впрочем, я не был сильно опасен для них, я был слишком слаб.

Личи снова замолчал ненадолго.

– Я четырежды был при смерти за ту переломную зиму. Вопрос очень остро стоял... Но если б не Шенлеры, – он прицокнул языком. – Вопросы бы даже не стояло.

– Ну да, – проговорила я, понимая кивнув. – Крыша над головой и пища все-таки многое решают...

Личи сделал неопределенное движение бровями. Вроде и согласие, но словно не совсем. Видно, что было что-то еще. Я поглядела на него вопросительно. Он то ли не видел, то ли упорно делал вид, что не видит. Я уже решила было, что ответа не будет, но Личи добавил:

– Даже упуская самое простое и банальное... – он помолчал, философски глядя вдаль, и проговорил тихо. – Проще вернуться от Черты, когда есть кому ждать... Это, конечно, суеверия, – поспешно добавил он. – Ненаучно, но... Но как-то и опровергнуть не так просто. Жизнь и смерть – это дело очень тонкое.

Я молча кивнула, глядя на горизонт. Личи же после

небольшой паузы, вздохнув, продолжил.

– Зато сколько всего интересного удалось узнать о человеческом обществе изнутри. Чего никогда не узнаешь в иных условиях. Еда для бедных, дешевые ночлежки, где можно было провести ночь за несколько медных, ваша невероятная человеческая взаимовыручка... Эта паутинка, тонкая, но дающая поддержку. Вас связывают тысячи ниточек, вы постоянно помогаете и выручаете друг друга. Драконы же всегда держатся особняком. И помогают только за услугу, чтобы никто никому не был должен более этого. Жить как люди, с людьми – по их мнению, позор.

Я вздохнула. А дракончик, помолчав, проговорил:

– Одно из самых значимых достижений – то, что удалось спасти красоту.

Я с усмешкой взглянула было на Личи, ожидая увидеть встречную самодовольную ухмылку, однако он продолжал говорить ровно и выражение лица его было бесцветным; он даже глядел не на меня.

– Почему? – неуверенно уточнила я.

– Я просто довольно быстро осознал, что это единственное, чего у меня есть стоящего... И нужно вцепиться зубами и не отдавать ни при каких условиях. Потому что проиграть будет равносильно смерти.

– Ты сразу решил... пойти торговать собой?

– Да нет, конечно, – усмехнулся он, взглянув на меня так, словно сказала глупость. – Когда только вернулся, я на но-

гах-то едва держался, какое там. Даже не говоря об этом, выглядел я тогда... не так. А это... Это было уже много после. Мне немало времени потребовалось на восстановление.

– Все равно, – бросила я. – Мне кажется, можно было найти иной, более... моральный путь.

– Ты знаешь, что такое нищета? – пронзив меня ледяным взглядом, спросил он зло. – Едкая, горькая. Когда жизнь пожевала и выплюнула помирать на побережье под зиму с убитым здоровьем, без крыши над головой и с несколькими грошами в кармане. Когда за каждый прожитый день приходится бороться...

Он замолчал. И молчал довольно долго.

– Я хлебнул эту едкую щепоть нищеты, и мне хватило, чтобы решить, что я готов жить как угодно, но только не так. Лучше уж буду торговать собой... У каждого свой ад. Я в своем побывал и больше не хочу.

Я опустила глаза, устыдившись. Личи вздохнул.

– Тем более, вместе с гибелью Шесс во мне окончательно умерла глупая наивная надежда, что я когда-нибудь вернусь в драконье общество и будет все как прежде. Не будет. И держатся больше не за что.

– И ты тогда стал изгоем для своих?

– Они не *мои*, – процедил он сквозь зубы. – А изгоем и презренным неудачником я для них стал уже с побегом мерзавки-драконэлки, с которой я не смог свести счеты. А после, когда вернулся, когда не смог вновь стать частью их об-

щества, от меня и вообще, по сути, отреклись. Драконам всегда друг на друга плевать. Ну, почти всегда. Для меня тогда сделали исключение. Позорное клеймо “брошенки” и белые розы под порог!..

– Белые розы? – не поняла я.

Личи, фыркнув, отвернулся и зло бросил:

– Белые, это которые не красные!

– Извини, я правда не понимаю, при чем тут розы, – проговорила я.

Дракон оценивающе взглянул на меня и, видимо, поверив, что я не шучу, вздохнул и принялся объяснять:

– Белые розы – символ сочувствия чьему-то горю, скорби расставания. Их дарят, когда хотят выразить свое сочувствие тому, кого оставили. Но, как и во всем, бывает, значение обращают в злую иронию, и их преподносят, когда хотят уколоть. “Брошенка”, вот что это обозначает.

Он метнул злой взгляд вдаль.

– Мне бросали белые розы под порог десятками. Где только их брали? Я с утра открывал дверь, а там было море лежащих цветов.

– Кто это делал? – осторожно спросила я.

– Да кто только не делал... “Анонимками” швыряли, не докладывались. В основном, драконы, они все знали, но иной раз и люди – вы бываете порой необъяснимо злы и жестоки... Почти уверен, что среди драконов был Сэф и не было Конхстамари. И, пожалуй, Хару тоже не было. О многих

сомневаюсь, да, в общем-то, мне плевать. Кто-то и вовсе, бывало, в открытую в лицо швырял.

Личи замолчал ненадолго и я, подумав, спросила:

– Сколько это длилось?

– Да Небу ведомо, сколько. Пока я не додумался воткнуть белую розу себе в волосы.

– Зачем?

– Как зачем? – усмехнулся он. – Чтобы лишить их власти.

Белые розы, так-то, не носят в открытую, такое обычно стараются не афишировать. Это все равно что себе на лице написать “брошенка” и так по городу пройтись... Но ведь, если так сделать – ты лишишь власти тех, кто норовил тебя этим уколоть.

Я кивнула.

– Пони...

– Понимаешь, да? – насмешливо-прохладно осведомился он.

– Не понимаю, да, – вздохнув, ответила я.

Мы замолчали. Личи, насмотревшись вдаль, перевел взгляд на крыло, чуть приподняв его, и, покачав головой, опустил.

– Почему так... неудачно? – осторожно спросила я.

– Надо ж было сразу этим заняться. Пока вернулся да опомнился, кости уже схватились. Только заново ломать... Боязно. Мало того, что неизвестно, удачно ли сломается, так еще и, зная мое тогдашнее состояние, не дай Небо второй

раз не схватится...

Я молча кивнула, хотя Личи опять на меня не смотрел.

– А этот шрам, – я кивнула на узкую бесцветную полосочку на его груди против сердца, пересеченную полукругом растущего месяца, – тоже от... драки с Зей?

Личи даже не смотрел на меня, поэтому я сделала было неуверенное движение рукой; и тотчас была остановлена резко метнувшимся ледяным взглядом.

– Конхстамари рассматривай, – холодно и недобро бросил дракон.

– У него такого нет.

– Надо же, – мрачно хмыкнул он.

– Это шрам от обращения? – догадавшись, тихо спросила я.

Личи молча кивнул, вновь поглядев вдаль.

– А выглядит ничего так. Эстетично.

– Заткнись уже, – устало проговорил он.

– Прости, – смутившись, ответила я. – Не подумав брякнула.

Личи тяжело вздохнул, продолжая изучать растительность на дальних пиках.

– Подумать только, сколько от нее осталось... Такие дары на память. Ну кто еще может такими похвастаться? Пожизненная способность притворяться человеком...

– Почему?

– Вот так. Выше уже не буду, – фыркнул он; я кивнула. –

Способность предсказывать погоду... больной головой и не только. Дождь, зной, холод... Вспышки на солнце туда же. Убитое к чертям здоровье. А еще периодическое обострение старых ран... – он замолчал, а затем продолжил, тон его при этом сделался хищным. – Вот затем, золотко, мне все это и нужно.

Я взглянула на него напряженно.

– Ты собираешься мстить?

– Ах-ха, – кивнул он просто.

– Для этого... кровь?

– Кровь для того, чтобы пройти границу и не пройти по ориентировкам. Она ведь ждет... Я знаю, что она наверняка сделала все, чтобы себя обезопасить. Небошь, с самого своего бегства палец со спускового крючка не снимает. Но она ждет дракона. А не человека. В этот раз должно все получиться! Я уже восстановился, в этот раз мне хватит сил!

– И давно ты это задумал? – уточнила я.

– Сегодня, как ты со своей глупостью подбежала! – ехидно ответил он, и тон его вновь сделался ледяным. – И тысячи раз прежде. Продумывал и хоронил тысячи различных вариантов... Но месть, золотко, это как самый неуспокоившийся мертвяк: сколько ни хорони, один черт при первой же возможности поднимется из-под земли.

– Ты... ты уверен, что, – я замялась, – что это нужно делать?

– А ты считаешь, что она не заслужила?! – злобно проры-

чал Личи, сверкнув глазами. – Она всю мою жизнь с землей сровняла!

– Говорят, если собираешься мстить – копай сразу две могилы.

– Вот и чудно, – холодно отчеканил Личи. – Хоть три. Все во имя мести.

Я хмыкнула и пожала плечами. Личи, вздохнув, недобро и устало проговорил.

– Лгунья, что играла на чувствах. Та, которой нельзя было доверять...

– Как ее звали? – помолчав, поинтересовалась я.

– О-о, это имя на слуху. Уверен, и ты его знаешь, – он вздохнул, и после небольшой паузы, холодно и зло проговорил. – Ее имя Адденейз.

– Адденейз? – переспросила я, не вдумавшись, и только после этого пришло осознание. – Адденейз?! – воскликнула я ошеломленно, и звуки моего голоса эхом отразились от скал. – Королева Адденейз?!

– Ныне – королева, – проговорил Личи ледяным тоном, чеканя слова. – А тогда – мелкая аристократка из нищающего дворянского рода какой-то богом забытой провинции. Без денег и громкого имени, но с большими амбициями и манипуляторским талантом. Что мечтала стать королевой и была готова на все ради мечты. Которая, шармом и своей новой краденой магией очарования покорила сердце молодого принца Рейфэ.

– Ты серьезно?.. – холодея, прошептала я. – Серьезно хочешь убить королеву?

– Она мой драконелл, – отчеканил он жестко. – Это мое священное право.

– Но она же... королева, – прошептала я. – Ты точно уверен? Этот план не кажется тебе каким-то слишком... Слишком. Просто... цареубийство – это точно ненормально...

– Что? Ты решила спасовать? – прошипел он злобно. – Отступить? Теперь ты хочешь нарушить и обесценить собственные обещания? – он поднялся, сел на коленки, уперевшись кулаками в землю. – Давай, скажи мне это в лицо, паршивка! Скажи, что ты передумала, а слову твоему – грош цена!

– Нет, постой! – поспешно воскликнула я. – Вовсе нет! Я не отступаю! Но... Может быть... хотя бы спросить у Конхстамари? – неуверенно начала я, и уже на первых слогах имени дракон пронзил меня жгучим злым взглядом.

– Ты не посмеешь! Ты дала обещание молчать!

– Знаю, но... Но... Ведь если все в порядке, он не будет про....

– Ему плевать! Ему до моей мести и моих счетов дела нет! А ты, – он решительно направил палец на меня, – ты дала слово никому не говорить!

– Я знаю, я обещала...

– Я рассказал тебе все это, зная, что ты будешь молчать. А знаешь, почему? – он взглянул на меня злорадным колючим

взглядом. – Потому что теперь ты скована цепями собственной лжи. И раскрыть мой план Конхстамари для тебя будет обозначать раскрыть и свою ложь! Свой запретный стговор со мной, свое многократное и вопиющее послушание его наказов.

Я сжала губы. В глазах Личи поблескивало торжество.

– Уж прости. Я опасался, что честного слова не хватит. Не та нынче честь. Не обессудь: ниточки от паутины твоей лжи будут мне зарокотом. Отпущу, как только рассчитаешься.

– Коварно, – помолчав, хмыкнула я; дракончик самодовольно ухмыльнулся. – Ты прав, я попалась. Но я и не отказываюсь от сказанного, – чеканя слова, сказала я решительно. – Я помню свое обещание.

...Кто знал, что оно так быстро затянется петлей на моей шее...

Я по жизни не гнушалась маленьких хитростей, невинных и безопасных. Но жутко не любила лгать по-настоящему. По-крупному.

Не выполнить прямой уговор, прямое обещание выглядело и ощущалось ужасно. В первую очередь, я дала обещание, и теперь это обещание держало меня.

И... Да, черт возьми, он тысячу раз прав! Я теперь пленница собственной лжи.

Когда я давала слово, я была предельно честна. Я абсолютно честно не хотела его обманывать. В конце концов, о чем речь, обещание дано.

Может, все и в порядке. Черт возьми, Личи должен знать, что делает. Наверняка. Значит, все в порядке.

Но тревожно посасывать под ложечкой не переставало. Может быть, я все-таки уточню у Конхстамари? Как-нибудь ненавязчиво, проходя? Это ведь не будет считаться совсем уж предательством? Если все нормально, он ведь так и скажет. И ничем не помешает... Правда ведь, ничего страшного от этого не случится?

Ну, исключая то, что он, наверное, будет на меня очень зол... За то, что не послушалась. Много-много раз...

Мысли метались стаей испуганных птиц. Я не знала, что делать и говорить. Задумка Личи казалась мне сомнительной. Но мне так не хотелось быть обманщицей...

– Знаешь, застарелые обиды тянут вниз и мешают жить дальше...

– Какие умные слова, – бросил Личи прохладно-саркастически. – Глубоко...

– Я знаю, – поморщилась я. – Понимаю, что говорю очень простые и банальные вещи, но... Знаешь, есть люди, которые с этим работают. И я даже знаю одну очень хорошую женщину здесь. Недавно я помогала ей...

– Я знаю, о ком ты говоришь, – проговорил Личи ледяным тоном. – И можешь не продолжать.

Я осеклась и взглянула на него.

– На твоём месте я бы не стал так легко проникаться симпатией к человеку, владеющему гипнозом и психологически-

ми манипуляциями.

– Знаешь, – помолчав, сказала я. – Думаю, ты слишком предвзят. Я общалась с ней, она очень милая...

– Корада профессионал своего дела. Она из тех людей, которые ради своих амбиций и в огонь, и в воду, и по головам. Знаю я эту породу, – добавил он с горечью.

– Мне кажется, ты не совсем прав, – с сомнением проговорила я. – Я не думаю, что она лжет и использует приемы. Она мне показалась очень честной и искренней.

– Именно это ей и надо. Зная как, не так уж сложно заставить человека думать о тебе хорошо. Видишь, как ловко она умеет завоевывать симпатию? Ты уже попалась.

– Почему ты... так считаешь?

Личи хмыкнул.

– Она гипнолог, золотко. Для нее втереться тебе в доверие и заставить тебя думать, что ты сама прониклась к ней симпатией – как нечего делать, – помолчав, он продолжил. – Меня она тоже почти поймала. Утаила, кто она есть. Втиралась в доверие, изображая преданного друга. Честного, искреннего, бескорыстного, ценящего не за внешность, а за душу, к каким у меня слабость. А оказалось, что грезит лишь об очередном профессиональном достижении на своей полке. Но она прокололась, незначительно, но я ее раскусил... Знаешь, очень обидно, когда видишь в человеке друга, а потом оказывается, что это мозгоправ. Ноги хотелось перебить тому, кто на меня ее вывел, за такой подарочек... Но боль-

ше было злобы на себя. Как же легко меня обмануть. Даже после всего того... – он прохладно продолжил. – Хочешь – верь ей. Дружи с актрисой. Играет она хорошо.

Я молча принялась изучать горизонт.

– Можно подумать, тебе друзей мало, – бросила я. – Сколько людей тебя обожает...

Личи вздохнул, поглядев на меня уставшим взглядом.

– Это трагедия всех красивых. Все любят только твою внешнюю красоту. А так хочется, чтобы кто-то полюбил твою душу... Твою маленькую гнилую душонку.

Я молча вздохнула, обдумывая.

– А Шенлеры? – спросила я наконец.

– Шенлеры, – проговорил он согласно. Потом, после небольшой паузы, добавил. – И не только они. Но все равно... Таких несравнимо меньше. Пойдем, Зет, – сказал он, помолчав. – Полетели, нам пора.

– Угу, – согласилась я, поднимаясь. И все еще терзаясь.

Я уже очень конкретно сомневалась, не зря ли все это затеяла. Это становилось все более зыбко, ненадежно... И казалось все менее удачной идеей.

Но ведь оно того стоит...

Ведь так?

***

Дорога до четвертого острова не принесла ничего принципиально нового. Мы не нырнули, уже хорошо. Личи дол-

го колебался, брать ли эту остановку или попытаться добить весь отрезок, но справедливо решил, что на весь путь сил может и не хватить.

Вскоре появился и остров. Он был красив и очень удобен. Многоуровневый по высотам, живописного рельефа, с прекрасными плодовыми деревьями, озерцом и водопадом... Все усложняло одно маленькое обстоятельство: остров был заселен.

Еще на подлете Личи снизил скорость и высоту, предпочтя держаться у поверхности. Остров вырастал из воды неприступным каменным зубом, постепенно переходящим в крепостные стены. Замок изящно вписывался в рельеф, используя природную защиту. Лишь с одной стороны была песчаная отмель с торчащим из воды неподалеку высоким каменным шипом. Но там уже замок, вырастая из песка, был неприступен.

– Будь готова прыгнуть в воду, как только мы приземлимся, – бросил Личи, осторожно подлетая к песчаной отмели.

– Но как? – взволнованно спросила я. – Как ты собрался отдыхать, если остров чей-то?

– Увидишь, – лаконично отозвался он, приземляясь в воду и поднимая брызги. Не успела я опомниться, как дракон скинул левое, ближайшее к замку крыло, и опустил правое плечо, заставив меня поспешить с решением.

– В воду! – прошипел он.

Соскользнув, я лишь разглядела краем глаза, как замок

ощетинился оружием. С перепугу я сгруппировалась и нырнула до дна. Было жутко мелко. Мне было даже страшно выныривать. Я с содроганием ждала, как зарядит по воде дождь из стрел, но... Ничего не произошло.

Я вынырнула, осторожно прячась за правой лапой дракончика, что стоял, устало опустив в воду крылья, и поймала только отрывок фразы.

– ...себе свои зубочистки засуньте! – ехидно кричал Личи людям, грозящим луками из бойниц.

– Ох, Небо, – прошептала я, осторожно подглядывая из-за его плеча.

– Убирайтесь! Вы не имеете права нарушать границы частной собственности орры Мьерр'Лнэ! – возмущенно кричал человек, которого я вычленила как главного.

– А я ничего и не нарушаю! – ехидно ответил Личи, подходя чуть ближе к границе воды; защитники замка напряглись, я с ужасом заметила пару баллист, держащих нас на мушке.

– Личи, черт возьми, что ты делаешь? – зашипела я, стуча того по плечу; я с трудом поспела за ним через воду, укрываясь под его крылом. – А что, если они выстрелят?

– Не посмеют, – самоуверенно ухмыльнулся тот, дойдя до мелководья и по-кошачьи вальяжно улегшись.

– Ты так уверен? – возмущенно прошипела я.

– Его законная территория начинается с границы воды, – ехидно проговорил дракончик. – Так что, пока мы не на су-

ше, мы не нарушаем границу. А пока мы не нарушаем границу, никто ничего сделать нам не посмеет.

Команды стрелять действительно не последовало. Нас лишь очень навязчиво держали на мушке. И крайне недружелюбно смотрели.

– У этого Мье... Мре... – я сплюнула, поняв, что все равно не воспроизведу имени названного, и пошла более легким путем. – У этого дракона тут охрана?

– Угу. Маленький охранный отрядик. Вот этот крендель с лысиной – управляющий. Это если кому не охота самому с хозяйством возиться, можно такую зверушку в дом взять...

Я осторожно выглянула из-под его крыла, стараясь оставаться невидимой.

– А-ах, какой удобный остров! – заставив меня вздрогнуть, нарочито громко воскликнул Личи. – Как же тут здорово отдыхать после долгого полета!

Я вновь спряталась за плечо дракончика, вжав голову в плечи... Нет, ну вот неймайся же ему!

– Об этом будет доложено орре, – помолчав, процедил сквозь зубы недовольный управляющий. – Он сам разберется с вами.

– Должено о чем? О том, что я на мелководье у вашего берега сидел? – ехидно уточнил Личи. – Да пожалуйста!

Лицо управляющего еще сильнее помрачнело, но говорить он ничего не стал.

Личи грациозно возлегал на мелководье, скрестив перед-

ние лапы, аккуратно разместив полусогнутые крылья рядом с собой, и, изящно уложив хвост по кругу, по-кошачьи показывал его оперенным кончиком.

Кончик хвоста был довольно близко к берегу, что меня слегка напрягало. А Личи, похоже – только забавляло. Он даже нарочно подвинул хвост еще ближе к берегу. И, в очередной раз качнув, положил, самым-самым кончиком зацепив границу песка.

– Смотрите, мой хвост нарушил границу! – с хохмой воскликнул он, взглянув на “осаждаемых”. – Вот уже нет! – хвост качнулся в другую сторону. – И снова да. И снова нет. И снова да!..

В песок на границе воды вонзились две нетерпеливые стрелы. Но Личин хвост уже был отдернут под звонкий смех своего обладателя.

– Кончай с этим ребячеством! – недоброжелательно прошипела я. Под прицелом десятка луков и пары баллист его задора я не разделяла.

Хотя, как показалось, стрелявших управляющий обругал.

– Не забудьте орре рассказать, что мой хвост на его песке полежал! – весело проговорил дракончик, уложившись наконец спокойно. – Не бойся ты, – шепнул он уже мне, – они не имеют права обстреливать ничего, что за границей кромки воды.

– Все равно, нечего бесить людей с баллистами, – пробурчала я.

Личи лишь насмешливо покачал головой и улегся поудобнее.

– Можно, пожалуй, даже немного подремать, – бросил он.

– А если вода отойдет? – спросила я. – И граница сместится...

– Сейчас прилив, – с усмешкой ответил дракончик. – Можно даже вот так.

И он перелег чуть ближе к отмели. Устроился, почти свернувшись клубочком, положил голову на лапы. Я попыталась как-нибудь пристроиться, чтобы не сидеть в воде.

– Как ты неудобно лег, – нахально высказалась я, – мне прям примоститься негде. Задубею в воде сидеть, не май месяц.

– Со стороны замка на лапы садись. Я крылом закрываю, – скучающе отозвался дракончик, не открывая глаз. И, якобы потягиваясь, растянул левое крыло навесом, под которым я прошмыгнула и которым, взобравшись на лапы, была укрыта.

Вопреки ожиданию, удобно усесться там не получилось: я либо должна была упираться ногами и стоять в напряженной позе, либо – сидела задом в воде.

Попыхтев, я вновь претензионно высказала:

– Личи, мне неудобно... Как-то ты плохо лежишь.

– Я лежу так, чтобы было удобно мне, – холодно отозвался он. – Мы сюда приземлились, чтобы я отдохнул, а не чтобы тебе удобно было. Ты-то в полете отдохнешь.

– Справедливо, – помолчав, отозвалась я, смиряясь с дискомфортом.

Некоторое время я спокойно сидела, спиной опираясь на Личин бок, а ноги закинув на лапу. Сверху меня скрывало положенное на воду крыло. Этакое уютное гнездышко из дракона. Жаль только, зад в воде.

Начав подмерзать, я осторожно поерзала, косясь на дремлющего дракона. Вроде, мои копошения ему не мешали. Поэтому сначала я постояла, уперевшись ногами в лапы, а спиной в бок, потом полежала над водой на лапах, потом постояла в упоре лежа... Вода поднималась, а от периодического контакта с ней и постоянного пребывания мокрой в тени, я начала мерзнуть уже конкретно.

Одно дело, когда ты идешь и купаешься хоть час, не вылезая, и совсем другое, когда бесконечно скачешь из воды на сушу и особо не имеешь возможности двигаться. Это, видимо, сбивает с толку Теневую сущность, и тело начинает терять тепло. И волосы, зараза, плохо сохнут... Вот в таких случаях вспоминаешь еще одну причину, почему короткие удобней. Впрочем, отращивать мне еще не надоело, так что это легко перетерпеть.

Наконец я кое-как уместилась рядом с Личинным плечом, упираясь ногами, кажется, в лапы и вроде бы нашла хорошее положение, но тут дракон холодно осведомился:

– Удобно?

Я поспешно убрала ноги с его лица и неловко вынужденно

соскользнула-таки с плеча, еще раз окунувшись.

– Личи, я замерзаю, – покаянно проговорила я уже начавшими подрагивать губами.

– Скоро уже полетим, – ответил он, вздохнув. И, полежав еще буквально с минуту, поднялся, тряхнул головой и принялся потягиваться и разминать крылья.

Я полноценно оказалась в воде и осознала, что вода заметно поднялась, и была мне уже до середины бедра.

Пока дракончик совершенно случайно так удачно покосачьи выгнул спину, потягиваясь, я скользнула под ним прочь от замка, вновь упрятавшись за его лапой.

– А вода-то ничего так поднялась, – проговорил Личи нарочито громко. – Можно прям подойти и в стену плюнуть...

– Личи, прекрати, – страдальчески прошипела я.

– Неплохая насмешка стражу границы... – не унимался дракончик.

Однако ничем, кроме недовольных взглядов, по нему все еще не стреляли.

– Слушай, – запоздало встревожилась я, оглядевшись. – Но тут ведь нет никаких возвышений, откуда можно было бы взлететь...

В ответ Личи одарил меня взглядом, от которого сердце провалилось куда-то ниже щиколоток. Этаким лихим шкодно-отвязным взглядом, с которым обычно вершат самые дерзкие выходки.

Я даже на секундочку захотела нырнуть и кинуться вплавать

прочь.

– Сейчас вот крепко держись, – проговорил он, ухмыльнувшись. И я, безнадежно вздохнув, кивнула.

Дракончик же как-то неожиданно лениво прилег, словно собираясь еще немного поваляться. Но только я увидела и ощутила, как он подобрался. Нарочито скучающим взглядом он скользнул по замковой стене до каменного зуба...

И подобрался еще сильнее. Правой лапой он незаметно для замка сгреб меня в охапку и шепнул: “Сгруппируйся”.

“Вот сейчас”, – безнадежно подумала я.

В следующий миг был рывок. Хотя я и ждала, дыхание из меня, сжатой, вышибло, хотя, по счастью, давил он не слишком.

– Давай! – рявкнул он, швырнув меня на спину.

Едва зацепившись и удержавшись, я до боли сжала зубы. Только не орать...

Личи в пару прыжков достиг каменного пика и, высоко прыгнув, лихо толкнувшись от него почти в верхней части, долетел до угловой стены замка, хватив еще несколько шен высоты. Толкнулся от стены вверх и прочь от замка, отчаянно заработал крыльями. Со стены посыпались каменные крошки и матюки.

Я зажмурилась.

Насколько сильно нас несет вниз, я только ощущала. И едва не с принятием неотвратимого ждала удара о воду, считая биение сердца. Один, два, три, четыре...

Я приоткрыла глаза.

К воде Личи прошел впритирочку. Если б в этой фазе взмаха крылья оказались в нижней точке – нырок был нам обеспечен...

Но Личи, спланировав, все-таки вырвался вверх на высоту маха. И, с явным трудом, очень тяжело пошел чуть ввысь. Не сильно. Медленно и с явным трудом. Чуть поднявшись, снова потерял немного. Но с еще большим усилием все-таки набрал приличную высоту.

– Ч-черт, тяжело, – прошипел он, только тогда наконец осмелившись обернуться на замок; взгляд, вероятно, должен был быть издевательски-торжествующим, но получился страдальческим. – С-сил уже нет... Ну чуть-чуть ведь осталось...

Я напряженно подумала, что еще целая дорога назад.

Однако Личи все же выровнялся, успокоил сбитое дыхание и, медленно набирая высоту, пошел почти ровно. Лишь уже привычно подмахивая правым крылом. Честно говоря, я была впечатлена. Вот теперь я была действительно уверена, что мы долетим.

Я обернулась назад. Слышно не было, но возможно, маюки еще сыпались вслед. Холодея, я заметила в бойницах еще более опасные орудия, чем легонькие баллисты, которыми пугали нас – замок был вооружен хорошо замаскированными пушками... От осознания этого стало дурно.

– Личи, ты что, совсем дурной? – пророкотала я. – У них

там кроме баллист еще пушки! А если бы они нам вслед пальнули?!

– Не пальнули бы, – беспечным тоном бросил он. – Реального повода нет. Может быть, в иное время и могли бы... Зато, что намылился в заповедную территорию в неурочный час... Впрочем, скорей уж тогда крылья потрепал бы сам хозяин. Пушки им для другого, и то на всякий случай.

Хмыкнув, я еще раз напряженно оглянулась на замок, скрещивая пальцы, чтобы поскорее миновать зону дальности выстрела. Отмеряя на всякий случай максимальную. Кто знает, какой они у них мощности... Постепенно запоздалое волнение угасло. Хоть и не совсем. Кое-что все же саднило.

Все-таки, стоит ли знать Конхстамари о дерзком Личином плане мести? Что плохого может случиться от того, что он узнает? Ну, кроме того, что я стану подлой обманщицей? Не будет ли беды, если месть удастся?..

Передернув плечами, я поморщилась. Пока решение не приходило, я лишь внутренне металась от одного к другому, возвращаясь к вопросу снова и снова, снова и снова, прокручивая ситуацию в голове...

Надеюсь, решение придет. Да поможет мне судьба выбрать верный путь. Время пока есть.

***

Последний участок маршрута дался особенно нелегко. Пару раз мы едва не нырнули; впрочем, Личи “утешил” ме-

ня, что отсюда до острова Зей уже можно добраться и вплавь. Ну, разве что проиграем время...

Но все-таки вскоре показался нужный нам остров. Он был истыкан плотными рядами каменных плосковершинных зубьев различной высоты. Словно многорядным частоколом были огорожены разноуровневые скалы, от высокого пика до площадок, лишь немногим возвышающихся над берегом.

Еще издали было видно, что над островом парят драконы. При приближении было все явственней различимо, что их воздушные маневры имеют осмысленный и боевой характер. Двое дрались в воздухе, остальные сидели на камнях. Спустя какое-то время появилась еще одна дерущаяся пара.

Личи осторожно снизился к воде, чтобы не привлекать лишнего внимания. И все беспокойно метал взгляды в сторону драконов. Однако, по счастью, все были поглощены битвами, а море мало кого интересовало. Наше приближение осталось незамеченным. Личи надеялся, что и приземление тоже не привлечет внимания. Однако тихо произвести посадку не удалось, брызги и песок все же оказались подняты, и хлопанья крыльев при торможении заглушить не получилось. Едва приземлившись и остановившись, Личи замер, припав к земле и напряженно озираясь, особенное внимание уделяя взгляду наверх.

– Будь осторожна и сразу прячься, – едва слышно бросил он мне и так понятное.

Я скользнула вниз с его плеча, мягко шурхнув тапочками

по песку, и, держась вплотную к его лапе, осторожно огляделась. Привычно для дитя земли, но не неба, в первую очередь окинув взглядом стороны. А взглянуть наверх я уже не успела.

Личи вдруг содрогнулся и, дав мне подзатыльник правым крылом, раскрыл его надо мной шатром, припадая еще ниже к земле. Прежде чем я успела что-то сообразить, сверху, с ближайших невысоких каменных площадок ехидно раздались:

– Ты глянь, кто у нас тут!.. И каким ветром тебя сюда принесло?

– Что, прошлого раза не хватило? – недоброжелательно ответил второй голос.

Оба были довольно звучными, менее грубыми, чем голоса старших, и, очевидно, принадлежали молодым драконам. Даже показались отдаленно знакомыми, словно уже однажды слышимыми.

Личи, напряженно припав к земле, словно просто в силу позы подрасправив крылья в стороны, смотрел в направлении вершин, с которых доносились голоса. Его напряжение ощущалось почти физически. И очень заметна была усталость, по старательно, но не вполне успешно сдерживаемому тяжелому дыханию и напряженной крупной дрожи.

– Ты смотри, уж не первый ли раз он крыло показал? – злоехидно заметил один из голосов.

– Ну да, он же его всегда прячет!..

Личи заметно содрогнулся, я вновь почти физически ощутила его дискомфорт. Как отчаянно ему хотелось спрятать крыло, но он не мог его убрать, потому что оно скрывало меня.

– Полно вам, – наконец собравшись, лишь едва заметно дрогнувшим голосом, проговорил Личи. – Ваше-то какое дело до меня...

– Большое! – недоброжелательно бросил первый голос. – Тебе тут ловить нечего!

– Вы сами тут на птичьих правах за взрослыми подглядывать. От вас не убудет.

В ответ хмыкнули и продолжать спор не стали.

– У вас есть место? – проговорил дракончик, ненавязчиво смещаясь чуть ближе к камням. Чужая и предугадывающая его движения, к ним поползла и я. Шатер крыла, скрывающий меня от посторонних глаз, уже не сильно далеко был от каменного частокола. Краем глаза, осторожно поглядывая из-под крыла, я увидела собеседников.

– Нет, – недружелюбно ответил молодой дракон, демонстративно уложив хвост на свободный камень, стараясь занять побольше места. – Все занято, абсолютно все.

– А не жирно твоему хвосту? Слишком много места занимает... Видно, больше надо было кусать! – со злой издевкой бросил Личи. Словно высматривая места на скалах и принаравливаясь, он подошел еще ближе к камням.

Юноша ошетинился, огрызнувшись на драконьем.

– Здесь места нет, – недоброжелательно бросил второй, товарищ потрепанного Алэйнаарэ. Фарай’Лархэ, кажется, как припомнила я. – Иди у старших спроси, может, подвигнутся!

Личи, фыркнув, передернул крыльями. Я ускользнула в щель между камней.

– Да и ладно. С берега тоже ничего так видно... – дракончик, наконец освоившись, сменил подчиненно-напуганную позу, встряхнул и сложил крылья, вальяжно описав петлю вдоль камней, и по-кошачьи изящно прилег на берегу, аккуратно разместив усталые крылья около себя.

Я же, сделав Личи благодарственный жест, скрылась в щели. Пробравшись через нее насквозь, я попала в небольшой “колодец”. В этот момент сверху раздалось особенно явственное хлопанье крыльев.

Я, с упавшим сердцем, уже метнулась было в щель; вскинув голову, увидела, как один из драконов, с чешуей цвета темного песка, после очередной атаки спикировал вниз и, приземлившись, признал победу соперника склоненной головой. Победитель остался в воздухе, словно приглашая нового противника. Чешуя его была черная с заметным синим отливом. Уж не Шейр ли?

На всякий случай, я прижалась к камням, хотя и предполагала, что вряд ли он будет высматривать что-то в щелях...

Вскоре я нашла удобную для подъема скалу. По ней взобралась, пролезла еще какими-то лазами. Пошнырять при-

шлошь немало, но в награду я обнаружила крайне удачную нишу, в которой было удобно сидеть и все было видно, а вот сама я оказывалась практически скрыта от всех, в том числе и тех, кто в небе.

По части “успеем как раз к самому интересному” Личи оказался бесспорно прав. Сейчас происходили, наверное, самые красивые битвы. Наиболее сильные и матерые драконы сражались между собой, слетались, разлетались, разным образом атаковали друг друга.

На фоне догорающего закатного солнца, еще яркого, чтобы освещать бойцов, но уже не слепящего глаза, это смотрелось особенно здорово. Чешуя сражающихся блестела и переливалась, ловя теплые яркие лучи.

Осматриваясь, я заметила и главную зрительницу. Драконья женщина вальяжно лежала на невысокой площадке, практически на одном уровне со мной, потому скалы ее почти не скрывали.

Дракайна лежала обнаженной, как ни странно, на спине, распластав крылья, казалось, более увлеченная разглядыванием своих когтей, нежели дракой. Нас разделяло немалое расстояние, но, соизмерив, я прикинула, что она очень крупная. Уж насколько здоровые драконы-мужчины, эта госпожа казалась еще больше.

Телосложения она была далеко не хрупкого, в плечах едва ли не мощней самого крупного мужчины и однозначно шире в бедрах и выше ростом. Ее густо-каштановые невероятно

пышные волосы лежали крупными не очень явными волнами, с одной стороны в них была заплетена пара небольших косиц. Волосы частично укрывали ее грудь, ничем не отличимую от мускулистой мужской. На плечах, предплечьях, груди, голенях и бедрах поблескивала нечастая чешуя. Рога орраайнэ Зей были тоже весьма немаленькие и, видно, что опасные. С разветвлением и очень острым концом.

Вальяжно покачивая ногой, она ненавязчиво поглядывала на драку в небе. Обычно в воздухе была только одна пара сражающихся. Если кто-то проигрывал и выбывал, взлетал новый боец, а то и новая пара – выявлять сильнейшего из двоих, чтобы отправить его сражаться с победителем.

По-поводу Конхстамари Личи тоже оказался прав. На него я посмотрела, и даже не раз. И он был явно в числе сильнейших. Хоть и тех было немало.

Выделялся еще один матерый дракон, который был чуть ли не снежно-бел, лишь немного отдавая в серебро, особенно ближе к гребню, голове и лапам, лишь глаза его блестели холодным золотом; чувствовалось, что и он тоже боец очень сильный. В небе, казалось, он брал силой, но не ловкостью. При мне он победил двоих; но не сражался с Шейром и Кондором.

Конхстамари победил своего нового соперника, тот, после очередной атаки, признал поражение и, не дожидаясь следующей, опустился вниз. Чешуя его казалась буровой, острые рога единожды разветвлены; хвостовое оперение фор-

мой походило на дубовый лист. Тоже видно, сильный боец, но Шейру прежде уступил. В буром, казалось, тоже было что-то знакомое. Вероятно, я видела его на том сборище по поводу райчи...

А следом взлетел черно-синий Шейр. И они с Кондором схватились. То сцепляясь, то разлетаясь. Периодически пуская друг в друга столб огня, то уворачиваясь, а то без вреда пролетая сквозь. Было безумно интересно, кто же из них все-таки окажется сильнее. Они смотрелись сопоставимыми, если не равными. Красная бронза и черная ночь. Так кто же сегодня?..

– Окх’аррш! – вдруг раздался резкий зычный окрик дракайны одновременно с ее звонким хлопком над головой.

Кондор с Сэфом мигом разлетелись и замерли в воздухе. А после, внимательно поглядев на Зей-Цвенг, опустились на свои высокие камни близко к центру. Вся толпа выжидающе замерла; мне показалось, что громко дышу.

– *Ак разэрниэ джеркх’эи!* – властно объявила женщина. Точного перевода я не знала, но мне упорно виделось “я сделала свой выбор”. Орраайнэ же продолжила, указывая пальцем. – Конхстамари. Раттэн’Хару. Таркхэ’Чшаар.

Она отвернулась, и, не утруждая себя проверкой, последуют ли за ней, скользнула в невидимый мне прежде вход своего замаскированного самобытного жилища.

Выбранные тотчас направились за ней, спокойно, с уверенным изяществом победителей. Конхстамари, его предпо-

следний соперник, что недаром казался мне знакомым, и снежно-серебряный.

Шейр, не скрывая негодования, совершил какой-то пируэт, взметнув крылья, и пару раз разъяренно по-звериному прочертил камень передними лапами, далеко швыряя некрупные осколки породы. Те, кому пришлось оказаться с ним рядом, поспешили ненавязчиво отдалиться.

Во всей же толпе прокатился едва заметный вздох досады. “Не меня”.

Вздыхнула и я. Хотелось бы мне полюбоваться подольше. Я была довольна, но мне словно капельку не хватило до удовлетворения, что было, с одной стороны, даже неплохо – не успела заскучать. Однако, как говорить... “Вкусно, но мало”!

Тем не менее, необъяснимая гордая радость за Конхстари тихонечко светилась внутри.

Посидев и поозиравшись, я заскучала. Кажется, ничего интересного вечер более не обещал. Догоревшее солнце утонуло; его прощальные лучи целовали вершины самых высоких скал. Собрание начало помаленьку редеть, рассасываться. Кое-кто из драконов улетал, не считая более свое пребывание здесь нужным. Некоторые же, словно с какой-то слепой надеждой, оставались, намереваясь ждать до упора... “Ну вдруг орраайнэ троих не хватит...”

Я, заскучав, покачала ногами, потом поднялась, прошла

по своему каменному “коридору” и приноровилась было спускаться, но при первом шаге меня испугнул пролетевший сверху дракон. Тень не позволила бы меня заметить, но разум осознал это уже после екнувшего сердечка.

Отдышавшись, я осознала и другую мысль. Пока немало кто улетает, вряд ли мы с Личи сможем благополучно и незаметно отбыть. Тем более... времени прошло не так уж много, а он очень устал... Наверняка же, приди я сейчас к берегу, придется ждать, и, скорей всего, долго.

Похвалив себя за проницательность, я развернулась и прошествовала по своему коридору в обратную сторону. И направилась гулять. Я взбиралась и спускалась, скользя по тени и прячась в нишах. Остров был неописуемо прекрасен своей самобытностью, необычностью, этими причудливыми каменными зубьями...

Вскоре я миновала основной частокол и вышла к его сердцу – центральным каменным “сооружениям”, что очевидно составляли “гнездо”. Где-то оно примыкало к “частоколу” вплотную невысокими своими скалами, где-то – отставало далеко, образуя “колодцы” и другие в разной степени ограниченные площадки. Все “сооружение” гнезда было многоуровневым, разновысотным. На многих его “крышах” зеленели сады.

Частокол, в общей тенденции, вырастал к центру, хотя много где, после высочайших центральных рядов, были воткнуты и более низкие камушки. Где-то камни смыкались

плотно, где-то между ними можно было спокойно пройти двоим рядом, а где-то стены и вовсе казались монолитами, лишь с небольшими трещинами и сколами.

Я вышла из частокола под сень деревьев и по неровному плато направилась к центральному конгломерату озелененных камней. Плато было недолгим, переходя в каменистые джунгли, преодолеть которые было не на шутку тяжело. Поэтому я осторожно, крадучись, пошла направо, вокруг. Конечно, я сразу знала, что обойти “гнездо” не выйдет ни при каком раскладе, уже недалеко оно прирастало к частоколу, и можно ли по каким-то проходам, коридорам и щелям пройти каменный лабиринт, я не знала. Потому постаралась подобраться поближе к “гнезду”, обходя камни.

Вскоре, когда я оказалась почти-почти рядом, меня вдруг попытался снести к стене непонятный сквозняк. Он ощутимо тянул к какому-то очень странному пролому в стене, множественному, словно составляющему неведомый рисунок. Не затаянул бы, ясен пень, но я, отшатнувшись, поспешила отойти.

Да уж, хотелось бы знать, что это за аномальные воздушные потоки... И странные пробои в камне?..

Осознание пронзило стрелой. Вентиляция! Только теперь я поняла, что охвативший меня порыв ветра – поддув в отдушину! А жилище орраайнэ, видать не так уж и далеко от цивилизации, как мне думалось вначале. Кто знает, может, внутри там – апартаменты похлеще царских.

Я посмеялась, отходя, и почему-то занервничала. Возникло смутно-тревожное ощущение опасности подошедшего к зверю с наветренной стороны. Я взволнованно прислушивалась к замку. Кроме ненавязчивого пения ветра в разломе отдушины ничего не было слышно. Все было тихо.

Однако энтузиазм к прогулке с меня, видимо сдуло. Я спешила отойти прочь. Пойду-ка я все-таки к берегу... Взволнованно-деловито я обошла каменные препятствия и, огибая гнездо, расторопно направилась к заросшему плато, оттуда спеша к своему уже проверенному каменному коридору. Разглядывать виды теперь особо не тянуло. До берега хотелось добраться скорее.

Впрочем... Я силой уняла свою чересчур разбушевавшуюся мнительность. Спокойно, все же тихо. Воздуха много, а я всего лишь маленькая человечка, да еще и не далее как вечером хорошенько выкупавшаяся и пропахшая морем.

А дракайна – не ищейка.

Да и, право, не может же такая мелочь разрушить знаковый обряд, что происходит раз в столетия...

Рев сотряс остров примерно через пять минут. Я как раз скорым шагом пересекала плато, почти дойдя до своего хода. Сколько по нему, во многих местах открытому, еще чесать до берега, подумать я уже не успела.

Ох-х, Небеса. Скажите, что это не из-за меня!..

Все драконы заметно взволновались. Я пересекла плато и

почти нырнула в устье входа известного мне пути, тотчас в этот момент рев пронесся уже над гнездом. Весь остров тут же взорвался шевелением: драконы брызнули прочь, предпочитая не дожидаться, пока дракайна выскажет недовольство лично.

Разъяренная дракониха выпорхнула из гнезда скорее прыжком, чем крыльями.

Прежде нее оттуда вылетели двое: снежно-серебряный и... кто-то из темных, не разглядела, кто. Впрочем, и третий вскоре показался, видимо, ненавязчиво спрятавшись от разгневанной женщины и ускользнув из ее гнезда после.

Казалось, они женщину сейчас не сильно тревожили. Она, клацнув зубами ближайшим, пустила вверх столп огня, и, безошибочно определив направление, рванула в сторону нарушившего покой.

А может, мне показалось...

Я, холодея внутри, нырнула и пробежала коротким коридором и, скрываясь в камнях, поспешила к берегу. Глупая отчаянная мысль, что, если я добегу до берега, это безумие прекратится само собой, пульсировала в голове.

“Ждет ли он меня? – испуганно пронеслось в голове. Но я поспешила утешить себя. – Это часть нашего уговора... А что, если?..”

Я спешно окинула взглядом небо, но в суете было уже не разобрать. Для верности, как запасной вариант... Рука скользнула по пустоте на запястье, и я мысленно застонала.

Ну ладно, без запасных.

Гневный рык драконихи раздался едва ли не над моей головой, заглушив мой ответный визг; я припала к земле и нырнула в щель коридора. Тяжелый удар драконьей женщины разнес каменное укрытие, как ветхую деревянную сараюшку, обрушив половину стены. Я вскрикнула, повалившись на землю, и уже в следующую секунду вынуждена была уворачиваться.

Едва вскочив на ноги, я бросилась прочь, норovia заскочить в выглядящий более надежным проход. Но дорогу мне тотчас перегородили; я метнулась в сторону плато, но едва взбежала, дракайна вновь гневно ударила лапой. Иного пути не оставалось, инстинктивно я метнулась вверх по огромным каменистым ступеням; дважды я ужом увернулась от гигантской кошачьей лапы, лихо прыгая вверх-в сторону. Я была почти наверху; там лишь оббежать, и...

Последний удар дракайны пришелся по ногам. Нет, не так уж больно и сильно, да и почти мимо... Сложно поранить когтем толщиной едва не в мою голень. Но это сбilo меня с ног, и, оступившись, я “юркнула” совсем не туда, куда хотела.

Вопя, я почти скатилась в один из каменных “колодцев”. Хвала Теневой сущности, только сбила колени. А, перевернувшись, я вскрикнула еще сильнее: зубы драконихи сомкнулись в шене от моего лица. Ее глаза, огромные пылающие глаза горели нечеловеческой осознанной яростью. Яро-

стью разумного, но ослепленного гневом зверя.

“Они не глупы...” – мелькнуло в голове. И это осложняет дело.

Смерть, однако, не пришла. Колодец был узок; дракайна не могла до меня достать, упираясь рогами. Я, обливаясь холодным потом и чуть не подвывая, пыталась забиться в угол, чтобы стать еще менее досягаемой; дракайна приноравливалась так и эдак, но рога все никак не позволяли ей влезть головой в колодец, надсадно царапали камни, выбивая из них крошки.

Тогда, яростно взрыкнув, она запустила в колодец чешуйчатую бронированную лапу, вознамерившись, видимо, растереть жертву о камни; я увернулась, перекатившись. По счастью, видеть, куда вести лапу, теперь было сложно.

Но и я была в тупике: колодец был почти глух, а нижайшая ступенька с выходом-щелью располагалась на высоте двух с половиной шен.

На очередном опасном гребке, я, холодея и мысленно умирая от безумия собственного хода, вскочила ей на лапу, обхватив и прижавшись. Дракайна тотчас сжала неплотный кулак, что позволяло драконье строение лапы, выдернула меня наверх. А из неплотного кулачка я выскользнула на твердую землю.

По-кошачьи приземлившись на четыре конечности, я тотчас подорвалась бежать; но, с обрушившимся до мурашек близко ударом, нырнула в большую, протяженную камени-

стую щель, слабо представляя, как буду выбираться...

Я провалилась в щель, пытаясь вдавиться в нее поглубже, отползти; когти дракайны крушили камень над головой, пробиваясь все глубже, с каждым разом пугающе ближе к моему лицу; я нелепо по-тараканьи отползала, но, казалось, еще пара ударов, и она наконец достанет.

Я выхватила меч, исступленно понимая всю бессмысленность этого, но все равно попыталась отбить удар. Сталь лишь высекла искры из твердого драконьего когтя; тем же движением дракониха выбила меч из руки; тот жалостливо звякнул о камень где-то позади.

Смерть была близка, как никогда...

Однако следующий удар оказался совсем нелеп, скомкан; дракониха с ревом вдруг обрушилась на щель головой, точнее, прижалась углом нижней челюсти, словно оступившись.

Происходящее наверху стало невнятным; даже рычание, как показалось раздвоилось.

Удары дракайны по щели стали случайными и вообще какими-то бестолковыми... Словно она и не била, а просто топталась на месте? На миг ее темный силуэт вообще исчез от щели, метнувшись в сторону. Потом когти ее вновь скребанули по камням. Пара горячих брызг с них слетело мне в лицо. Кровь?..

А после она как будто была сбита, оттеснена. Силуэтов сделалось отчетливо два. В следующий же миг с отчаянным возгласом:

– Дзета! – в щель просунулась рука, знакомая, родная до боли рука Кондора.

– Кондор!..

Я мигом вскочила и крепко схватилась за его “человеческую” руку; он тотчас выдернул меня из щели и жестко толкнул в сторону; спустя секунду, схватив, едва ли не как куклу, потащил прочь. А еще через миг, тормознув... с размаху запустил вперед, прямо в провал ущелья. Я вскрикнула.

Да, я не права! Но не бросать же меня за это со скалы?

Поймал меня он уже в драконьей форме, крепко и безапелляционно прижав к себе, да еще и охватив крыльями. Через мгновение я поняла, зачем. Неистовое драконье пламя охватило нас.

Мы падали камнем; как ни пытался Кондор меня укрыть, жгло со всех сторон; затылок и шея ощутили что-то влажно-горячее; пахло жженой шерстью, а после – и горелым мясом. Кондор заметно усилил хватку, стиснув зубы.

Неконтролируемый ужас – разобьемся! Однако огонь иссяк, и Кондор, расправив крылья, немислимим виражом пронесся впритирку ко дну. По счастью, ущелье было глубоким, а орраайнэ – не могла извергать пламя без перерыва.

Я сжала зубы, ощутив тяжелое неприятное действие перегрузок, но организм быстро скомпенсировался. Стрелой мы вылетели из щели, спиной проходя к драконихе; немислимим пируэтом Кондор увернулся от клацнувших в чудовищно опасной близости зубов. И, вывернувшись, устремил-

ся прочь.

Догнал нас только столп огня, однако он лишь жгуче лизнул, безвредно ожег, прежде чем мы увернулись; вновь пахнуло жженой шерстью...

Черт, только не волосы! Только отросли!

Правой лапой Кондор резко, но осторожно забросил меня на спину; только теперь я заметила рану у него на плече... Конечно, чешуя огнеупорна! А вот, если нарушить целостность...

Додумать я не успела; в это момент ветер донес до уха тихое, несмелое, но требовательное едва уловимое “Дх’Орр!” Кондор чуть повернул голову, стрельнув в ту сторону глазами; заметив подающего какие-то сигналы другого дракона, с явной нежеланной бескомпромиссностью неотвратимого, забрал в ту сторону. Оррайнэ все еще буянила позади.

– Ляг. Спрячься! – рявкнул Кондор, приближаясь к дракону, что кружил над чем-то у берега, стараясь держаться пониже.

Это оказался Хару. Кажется, я научилась признавать его в истинном облике. Кондор, приблизившись, выругался, тоже закружив над водой, держась немногим выше Хару, чтобы скрыть меня. На мелководье стоял по грудь в воде растрепанный перепуганный драконенок, попеременно метая взгляды на взрослых.

– Что еще за ...? – ругнулся Конхстамари. – Как он здесь?.. Хару изобразил неопределенный жест.

– Взлетал, упал. Видимо, вымотан уже, устал. По возрасту изгнанник... Может, заплутал и решил к матери вернуться... Или взрослых увидал и увязался.

– Это-то ясно, – мрачно бросил Кондор. С острова послышался еще более громкий рев. – Ниже, Хару! Не хватало еще нам ее внимание к нему привлечь!

Оба дракона спустились еще ниже к воде, укрываясь за скалами.

– Что нам делать с ним?

Кондор напряженно глянул в сторону острова; его взору последовал и Хару. Дракончик испуганно бросал взгляды на взрослых.

– Заметит – пришибет же! – прошипел Кондор; я не сразу поняла, что он о драконенке. – Нашел ведь время заявиться...

– Вы же могли бы его забрать! – зашипела я Кондору.

– Нам нельзя забирать его отсюда. Он не прошел своего испытания. Он должен до большой земли сам добраться, – ответил Кондор вроде тоже тихо. Однако, ветер донес его слова до Хару.

– Знаю! Не объясняй, – решив, что это ему, отозвался тот. – Но... – он красноречиво глянул в сторону острова, как прежде Конхстамари. – Понадеемся, что не найдет?

Кондор напряженно молчал, кружа над драконенком низко над водой.

– Как думаешь, на кого похож? – задумчиво поинтересо-

вался Хару, прерывая затянувшуюся паузу.

– Да на всех помаленьку, – бросил Кондор. – Иную форму бы увидеть... Но не здесь и не сейчас.

– Что все-таки делать с ним?

– Хару, я не знаю, – почти простонал Кондор. Только теперь мне показалось, что он, вроде как, едва заметно “прихрамывает”. – Мы не имеем права вмешиваться в его судьбу. Но и оставить его на растерзание Зей...

Где-то в стороне вдруг отчетливее других раздались какие-то звуки хлопанья крыльев, чуть не похожие на те, что были прежде. Больше – на те, что слышались с битв.

– Не тронет, – каменно отчеканил Хару. – Сэф нашел ей другую игрушку.

Я обернулась. И, содрогнувшись, прошипела:

– О, нет!..

В небе над островом завершился невидимый, оставшийся незамеченным неравный бой; Сэфхинри швырнул Личи вниз, на островные скалы; жестко столкнувшись с ними правым крылом, тот полетел прямо в лапы разъяренной Зей.

– Туда и дорога, – прохладно бросил Кондор, разворачиваясь и направляясь прочь. Хару тоже уже взял курс от острова, в чуть ином направлении, чем мы.

– *Ак'х иржнэ кх'оранэс тшиэ ол Сорхэ Аррж!*²⁰ – прощально крикнул он растерянному драконенку.

– К... Кондор!.. Нет! Нельзя же... – я не верила, что он

---

²⁰ Мы будем ждать тебя на Большой земле!

так бездушно улетит, не обернувшись даже!

Но тот с неотвратимой решительностью удалялся прочь от острова.

– Знал, куда сунулся. Сам виноват.

Голос Кондора был жесток и недоброжелателен. Я попыталась для убедительности схватить его за плечо, но, ахнув, отдернула руку; Кондор поморщился и шикнул.

– Нет! – простонала я, мысленно содрогаясь. – Не должно быть так!

“Я виновата!” – отчаянно пульсировало в сознании.

Я оборачивалась назад, нервно, пытаюсь хоть что-то оглядеть. Малодушный страх, что придется все раскрыть, сжимал горло, и я всем сердцем ненавидела себя за это.

Какая, к черту, разница, как я буду выглядеть, если на кону чья-то жизнь?!

– Кондор! Неужели ты можешь так?.. Просто улететь прочь! Как ты можешь! Будет же поздно!

– Уже поздно! – рявкнул он. – Зей его прикончит!

– Надо же хоть попытаться! – совсем отчаянно вскрикнула я, уже не веря и мысленно оплакивая. И едва не прослушала за своим же криком звук голоса Зей.

Я обернулась.

Она в человеческой форме стояла на вершине скалы, сгребя в кулак Личины волосы, держа его рядом с собой и что-то гневно выговаривая. Он рядом с ней казался совсем крохотным. Ветер донес до меня обрывок ее гневного крика:

– Проваливай! Чтобы я тебя тут больше не видела! – она швырнула его прочь от себя, на край скалы и, видимо, предотвратила пару мгновений, которыми он не успел воспользоваться, после чего еще яростней закричала, наступая. – Проваливай!!!

Личи ничего не осталось, кроме как живо сменить форму и сигануть со скалы. Долго в воздухе с перебитым в старом же месте крылом дракончик не продержался. Немного проскользив над водой, он бессильно неотвратимо нырнул, подняв тучу брызг.

Мое мимолетное облегчение от того, что Зей его не убила, рассеялось. Из воды ему ни за что не взлететь; на остров путь заказан, до Большой земли вплавь не добраться. Без помощи он обречен!

– Не прикончила, видишь! – едва сдержав нервный смешок, бросила я. – Прошу тебя!.. Ты не можешь так поступить!

Ответа не было. Конхстамари с эгоистичным равнодушием удалялся. Коктейль из страха, вины и отчаяния начал превращаться в злобу.

– Кондор! Нельзя так! – злясь, прокричала я. – Мы должны ему помочь!

– Мы? Должны? Ему? Помочь?! – рявкнул дракон, обернувшись. – У меня есть вопросы к каждому чертовому слову в этой фразе!

– Пожалуйста! Мы должны...

– Я ничего не должен! – рыкнул Кондор, сверкнув глазами. – Что ты в него так вцепилась?

На последних словах в его глазах словно промелькнула несмелая искра предположения, догадки, предвосхищающая понимание.

– У меня с ним договор! – отчаянно закричала я. Вышвыривая из рукавов все спрятанные карты. – Это он меня сюда принес!

– Что ты только что сказала?! – прогремел Кондор гневно.

– Что слышал! – в тон ему совсем злобно рявкнула я.

Кондор рванулся так, что я упала с колен и едва не сорвалась; и, не меняя курса, упорно пошел вперед, зло и неотвратно.

– Как ты можешь! – совсем отчаянно заголосила я. – Ему самому не выбраться! Он утонет!

– Туда и дорога! – зло отозвался Кондор.

– Либо ты поможешь! – закричала я, срывая голос. – Либо!.. – не договаривая, я с разбегу сиганула с его плеча, зажмурившись, сжав зубы, чтобы не вскрикнуть.

Кондор, выругавшись, поймал меня и, жестко и небрежно зашвырнув на спину, так, что я еле удержалась, заложил крутой вираж, разворачиваясь.

“Хвала Небу, хвала Небу...” – судорожно думала я.

Личи бился в воде в человеческой форме; Кондор, подлетев, спикировал и выхватил его из воды, после чего круто развернулся и двинулся прежним курсом прочь от острова.

Молча. Очень выразительно молча.
Я устало повалилась на его спину.
Великое Небо. До чего ж все ужасно.

***

Кондор приземлился на летную площадку, бесцеремонно бросив Личи на камень, молча ссадил меня, трансформировался.

– Ну и какого черта?! – рявкнул он наконец, поднявшись. Тем же движением схватил Личи за волосы и, рывком вынудив встать, жестко бросил к краю площадки.

Я испугалась, что он вовсе швырнет его со скалы, но Кондор силы рассчитывать умел.

Личи, почти долетев до края, шарахнулся было назад, но рука едва не соскользнула; он, вскрикнув, метнул испуганный взгляд назад, чуть отстранился от обрыва и сжался.

Растрепанный, с обветренным лицом, подбитой губой и спутанными волосами, чуть окровавленными справа. На опасливо спрятанных за спину крыльях отчетливо угадывался неестественный свежий излом; кожа с чешуей в месте перелома была вспорота острым осколком кости.

– Какого черта вы вообще творите?! – прорычал Кондор, и метнул злобный взгляд на Личи. – Совсем страх потерял?

– Не трогай его! – вскрикнула я, вцепляясь дракону в руку. – Это все я!

Конхстамари резко выдернул руку, и это движение заста-

вило его коротко болезненно шикнуть.

– Спелись?! – прорычал он. – Что у вас за чертовы договоры?

Я выскочила вперед, перегородив путь.

– Э...это я его попросила! Меня туда доставить... – сбивчиво затараторила я. – Я... Я думала...

– Ты думала?! – едко уточнил Кондор. – Не похоже, чтобы ты думала, прежде чем сделать очередную дурь! Ну и на что вы там сговорились?

Плечо Конхстамари пересекала обожженная рана, выглядящая жутко. Сама рана от когтей не была столь страшной. Но с нарушенной чешуей плечо потеряло стойкость к огню, и он сделал свое черное дело. В центре прорезало-прожгло до мяса; вокруг раны было несколько нетрансформировавшихся или трансформировавшихся лишь частично закопченных чешуй, они смотрелись жутко и неестественно; кожа вокруг была обожжена, ближе к ране начиная набухать волдырями.

– Отвечай! – требовательно прорычал он, пытаюсь отстранить меня и сделать шаг. – Что у вас за договор?

Личи бросил короткий и едва ли не ищущий взгляд вниз; но потенциальный путь к отступлению был тотчас отвергнут.

– Какая разница?! – рявкнула я, продолжая перекрывать Кондору дорогу. Его взгляд вспыхнул. – За кровь! – раскололась я, испугавшись. Все равно уже все пошло крахом...

– Что?! – прогремел Кондор. – Это шутка?! Ты что, с ума сошла? – он вскинул руки к небу, видно, не находя слов;

вздрогнул левым плечом и шикнул, поморщившись. – Тебе жить надоело? Ты маг, и не знаешь, что магия на крови опасна?!

– Личи сказал неопасно!..

– Неопасно, значит? – прорычал Кондор тихо и угрожающе, метнув взгляд на того. Потом воззрился на меня, поджав губы. – Какая же ты д... бестолковая!

Взгляд Конхстамари из уничижительного сделался гневным и переметнулся с меня на Личи.

– Лживая ты сволочь!.. – прорычал дракон.

– Я не лгал! – вскрикнул Личи.

– Ну да, – пророкотал Кондор и продолжил, выбивая каждое слово, как ударом плети. – Ты просто сказал не всю правду!

Личи, вжав голову в плечи, отчаянно схватил воздух, дыша дергано и неровно.

– Случись что с тобой, до нее по кровяному “мостику” тоже достанет, и ее – в лучшем случае! – покалечит! – он метнул едкий взгляд на меня. – Зачем упоминать такие досадные мелочи и забивать ими голову глупой девке?

Личи только оскалился, затравленно сверля Конхстамари взглядом.

– И мне даже страшно предположить, что же ты, придурок, с кровью делать собрался?..

Взгляд дракончика вспыхнул.

– Сам знаешь!!! – рявкнул он.

– Идиот! Ты что, совсем умом тронулся? – прорычал Кондор.

– Она мой драконэлл!!! У меня есть на это моральное право!

– Она монарх человеческого народа! – проговорил Конхстамари, отбивая каждое слово, будто ударом о наковальню. – Это все перекрывает!

Личи запнулся, подавившись возмущением; он попытался что-то вставить, но Кондор не дал ему открыть рта.

– Ты планировал развязать мировую войну?! Ты собрался перепахать целый материк кровавой бойней?! И тебе плевать на тысячи невинных жертв, тысячи сломанных и покалеченных жизней, на всех, кто страдает только потому, что какому-то отбитому идиоту захотелось свести свои счета?! – гневно прорычал Кондор. – И чем же ты тогда лучше нее?!

Личи било дрожью. Он, задыхаясь, чуть ли не до крови закусил губу.

– Этого... не случилось бы!.. – выдавил он, сбиваясь дыханием. – Мне... нужна только она!

– Сказал бы я, что у тебя мозгов как у воробья, да боюсь сильно польщу! – зло и устало прорычал Кондор, потом, повернувшись, воззрился на меня. – Ну а ты что?! Неужели тебя правда ни на секунду, ни на капельку не смутила идея просто пойти прикончить королеву другого народа?! У тебя и мысли не возникло?

– Возникло, – наступая, ответила я.

– Тогда почему ты влезла в это?! – распалялся Кондор. – Ты на полном серьезе собралась стать соучастницей царевубийства и провокации Мировой войны?! На твоих глазах назрело бы нечто ужасное, а ты бы, как дура, молчала и никому не сказала?!

– Я бы тебе сказала!!! – воскликнула я в сердцах, и голос мой звонко зазвенел в скалах, подхватываясь и повторяясь эхом.

И уже произнеся, я осознала, что именно. На меня словно обрушилась сверху лавина льда. Обернуться и взглянуть на Личи мне уже не хватило духу.

Кондор же тем временем схватил меня одной рукой за мои обе и, подняв, потащил к входу в замок.

– Ты не посмеешь! Отпусти! – заверещала я, отчаянно пытаясь достать до него ногой, но маха, как ни бейся, не хватало. Я вертелась и рычала, пытаюсь выбиться, однако сила Кондора была слишком превосходящей. – Только попробуй что-нибудь сделать!..

– Да что ты! – проговорил он зло, быстрым тяжелым шагом зайдя в замок и моментально свернув в какой-то неприемный закуток справа.

Открыв дверь, Конхстамари бесцеремонно швырнул меня внутрь маленькой комнатухи и запер снаружи. Я сначала с рычанием поколотилась в дверь, потом заметила маленькое высокое и почти заваленное окошко. Добраться до него удалось только по горе швабр, метел и прочей утвари. Од-

нако принесло оно лишь разочарование, оказавшись узкой бойницей, в которую пролезали разве что мои руки.

“Все предусмотрел”, – со злобой подумала я.

– Ты знаешь, что, если ты что-то сделаешь!.. – я, вскрикнув, почти сорвалась с нагроможденной “лестницы”, удержавшись лишь за окно. Поспешно восстановив равновесие, я утвердилась у бойницы и выглянула, протиснув руки. – Ты пожалеешь!..

По счастью, из бойницы хотя бы просматривалась площадка. А зрение у мистиков орлиное.

– ...Но она согласилась! – со злобой рывкнул Личи. – Она мне должна!..

– И ты заикаться посмеешь?! Она больше ничего не должна! Я снимаю с нее все долговые обязательства!

Подошедший Кондор так экспрессивно махнул рукой, что Личи, отшатнувшись, снова едва не соскользнул с края каменной площадки и вскрикнул.

– Я мог оставить тебя в воде! Больше скажу! Я вправе прямо на этом месте взять и свернуть тебе шею за то, что ты сделал! За то, что нарушил прямой запрет!.. А ведь из-за тебя мне пришлось преступить закон!

– Какой еще закон? – непонимающе спросил Личи.

– Закон природы, мать его! О том, что выживает сильнейший!

Личи оскалился, злобно сверкая глазами.

– Это она меня во все это втянула!!!

– У нее мозгов со спичечную головку! – Кондор метнул злой взгляд в сторону моего окошка. – Нашел, кого слушать!

Я, гневно зарычав, погрозила торчащим из бойницы кулаком. Личи поерзал на неудобном краю и вздрогнул, неудачно потревожив раненое крыло.

– Все бы получилось! – отчаянно, почти без голоса прошептал он. – Я бы просто убил ее одну, без шума и лишних жертв!..

– Королеву, да? Ты бы убил королеву, и ничего, ничегошеньки не случилось бы?! – гневно осведомился Кондор. И, выдержав красноречивую паузу, продолжил. – И как ты собирался это осуществить? Ты доберешься до лиорианского центра к середине даррзайна²¹! Там будет, почитай, зима! Это я уже молчу про Заагре! Тебе мало было того раза? Не все здоровье тогда угробил? Решил повторить? Уж в этот-то раз точно получится, да?

Личи закусил губы откровенно до крови, а взгляд стал совсем затравленным. Плечи его чуть подрагивали.

– И пусть даже каким-то волшебным образом доберешься до границы... В лучшем случае тебя просто пристрелят на ней. Потому что у них наверняка есть ориентировки, по ком стрелять на поражение!.. Ну а дальше – если будет еще большее чудо, и границу ты преодолеешь – еще лучше. Проехать всю Заагре, попасть в столицу, во дворец, как-то совсем не

---

²¹ Даррзайн – третий месяц осени. По григорианскому календарю длится с 23 октября по 21 ноября.

подозрительно подобраться к королеве... Все реально, все выполнимо!

Кондор распался, бил словами словно нарочно.

– Весь этот план с самого начала обречен на провал! Что вообще заставило тебя думать, что у тебя хоть что-то может получиться?!

В этот момент мне отчаянно захотелось бросить в него чем-нибудь тяжелым. Под рукой были только метлы и швабры. Докинуть из такого неудобного положения было, конечно, не реально...

– Что, Личи? Сложно быть хитрожопым интриганом, когда ты тупой?

Лицо дракончика еще больше перекосилось. Он еще сильнее закусил окровавленные губы, и по щекам, едва коснувшись кожи, почти сразу на холодный камень скалы скользнули две крупные слезы.

Голос Кондора сделался едко-презрительным.

– Что еще?.. Тебе настолько нечего терять, что ты можешь позволить себе заплакать в присутствии кого-либо?

Личи на это уже не реагировал, совсем откровенно зарыдав, неловко, дрожащими руками размазывая по лицу слезы. Сжавшись в комок, он обессиленно опустился на бок на жесткий камень скалы. Конхстамари, презрительно морщась, отвернулся и холодно бросил:

– Счастье, что все сорвалось! Небеса тебя уберегли!

– Да будь они неладны... так меня беречь!.. – давась ры-

даниями, провыл Личи.

Холодный же безжалостный голос Кондора продолжал:

– А теперь проваливай прочь с моей территории. Я и так сохранил твою жалкую жизнь, хватит с тебя моей милости.

Ответа не последовало; Личи все так же тихонько, едва слышно рыдал, вздрагивая.

– Давай! – зло рывкнул Кондор. – А не то я сам тебя сброшу со скал!.. Ну!

Он выжидательно уставился на дракончика.

– Бросай, – выдавил Личи, захлебываясь беззвучными рыданиями.

– Не смей! Слышишь?! Не вздумай! – задыхаясь от крика, верещала я из узкого окна, махая руками в ужасно неудобном положении.

Кондор тяжело и зло выпустил воздух сквозь зубы.

– Я позволяю тебе остаться тут не дольше, чем до рассвета. Если к взошедшему солнцу я обнаружу тебя тут, на этом месте – лично сброшу со скалы!

Конхстамари повернулся и резким тяжелым шагом прошествовал по площадке к замку. Я отлипла от окна и, спрыгнув с горы вещей, бросилась к двери. Пришлось немало подождать, пока меня соизволят отпереть.

Щелкнул замок, и я вывалилась наружу, с негодованием воззрившись на дракона. Взгляд Кондора был сердитый и тяжелый. Предстоял непростой разговор.

– Я, – жестким суровым голосом начал Кондор, – прошу

тебя не соваться на свадьбу. Ты... – он бесцеремонно схватил меня под локоть и поволок в залу, – берешь и притаскиваешься прямо туда! Я – советую тебе не якшаться с Личи! Ты – берешь и заключаешь с ним какие-то несусветные договоры!!!

С каждой репликой он говорил все резче и яростней, как топором рубя фразы. Я вырвала свою руку из хватки, благо держал Кондор не намертво.

– Ты словно назло делаешь все, что я прошу тебя не делать! – воскликнул он, подойдя к столу. – Словно нарочно пытаешься убиться!

– Извини! – совсем не тем тоном, которым полагается говорить это слово, рывкнула я. – Но я делаю, что мне надо!

Я знала, что я не права, но все равно кипятилась.

– И что же тебе надо? Создать как можно больше проблем! – прорычал Кондор. – Чем ты думала, когда все это затеяла! Для тебя это все забава? Такая игра? Ну и как, весело?! – он стукнул ладонями по столу.

– Не кричи на меня! – рывкнула я. Чтобы быть выше, я вскочила на стул, встала на колени и уперлась в столешницу руками. Мне хотелось смотреться менее нелепой, но в драконьих интерьерах это было сложно.

– Ты! Вынудила меня вмешаться в чужую судьбу! И да-
же, – он сделал выразительную паузу, – драться с женщиной!

В человеческом понимании последнее звучало, конечно,
немного иначе. Учитывая реалии драконьего народа – это
действительно была смелость на грани безрассудства и сла-
боумия. Но собственная неправота только распалила меня.

– Ну и не дрался бы! – ядовито выкрикнула я. – Я не про-
сила!

Конхстамари поджал губы.

– И это – вместо благодарности?! Может, зря я влез? Вы,
девочки, просто играли? А я, глупый мужчина, встрял и ис-

портил вам забаву?!

Я осеклась. Огрызнуться в ответ на это я просто не могла. Было бы совсем неблагоприятно...

– Из-за тебя я обманщица!

– Из-за меня?! – гневно осведомился Кондор, стукнув по столу. – А может, из-за того, что сама по своей дурасти ввязалась в авантюру и наобещала чего не попадая?!

Я зло сверкнула глазами.

– Ты уже ничего ему не должна! Я сказал – снял с тебя все долговые обязательства!

Я яростно хватала ртом воздух, не зная, что возразить. Мне не хотелось принимать эту “подачку”, но и возражать и обратно брать на себя долг – тоже. Тем более, такой...

– Тебя совсем не смущает, – продолжал дракон, – что он утаил от тебя риски и просто с огромной вероятностью навредил бы тебе, дай небо не прикончил?! Пустоголовая ты магичка-недоучка! Магия на крови, чего бояться?!

Я вспыхнула. Злобно выдохнула, сжав кулаки. Я знала, что Кондор прав, во многом прав. Но чем правее был он, тем злее себя чувствовала я.

– Не думаю, что Личи стал бы открыто вредить!.. Он падла, но не злой!

– Личи смертник! Тот, кто во имя своей безумной мести пойдет до конца, не важно, чьего! Личи ради этого сам за Черту нырнет, и тебя еще с собой прихватит! Со всеми, кто неудачно под руку попадется. Ты для него разменная монета-

ка!

Я стиснула зубы.

– Ты бы скорее всего погибла, когда его убили бы! Минимум – сильно пострадала бы!.. А осознаешь ты, что если бы что-то, упаси небо, получилось, дело бы склонилось к войне! Мир и так сейчас... – он осекся и умолк, сверля меня взглядом. – Я уже умолчу о том, что он нарушил мои прямые запреты касаясь тебя! И подверг тебя, глупую, опасности... Но я сохранил ему жизнь! Это уже милосердно сверх меры!

– Может, и мне тогда большего не положено?! – воскликнула я, хлопнув ладонями по столу.

– Говорить с тобой бесполезно! – прорычал Кондор, запрокинув голову и устало закрыв лицо правой рукой. – Ты невыносимая упрямец!

– Ты не лучше! – рявкнула я. – И хватит рычать на меня!

– А что прикажешь, за твои проделки в зад тебя поцеловать?!

Я недовольно зарычала.

– И сколько же за мою неправоту ты собираешься ругаться? Может, выгонишь тогда, раз так злю? Хочешь, могу тоже обратиться!

– Я сейчас тебя никуда не потащу! – устало выдохнул он; правой рукой он держал, прижимая левую чуть выше локтя. – Даже не надейся!

– Сама уйду!

– Куда ты отсюда денешься без меня? Ты собралась в ночь

по скалам? Перебьешься, в замке посидишь!

– Если я захочу уйти – я уйду в любой момент!

– Да пожалуйста! – воскликнул он в сердцах. – Мои окна всегда открыты для тебя! Если ты так хочешь умереть – в добрый путь! Я уже устал спасать твою глупую жизнь!

Он развернулся и тяжелым быстрым шагом вышел прочь. Я осталась в зале одна.

***

Ночь выдалась тяжелой. Я невыносимо долго ворочалась, прежде чем уснуть, и спала беспокойно.

Утром меня разбудил шум. Вроде невнятное хлопанье крыльев, а потом какой-то шорох, похожий на осыпь черепушек. Как будто кто-то спрыгнул на осыпающийся склон, и камушки посыпались... А потом ухо поймало уже гораздо более явственное и уверенное хлопанье крыльев, явно в драконьей форме. И от этого я окончательно проснулась.

Конхстамари!

Я, пораженная догадкой, тотчас вскочила и подлетела к окну. Оно выходило не прямо на ту сторону, хотя и довольно близко к углу, поэтому сначала я могла только слышать, видя лишь небольшую часть склона, высунувшись из окна почти по пояс. Солнце уже играло на задних, восточных стенах замка.

В голове билась судорожная мысль, неужели он и правда претворит в жизнь свою угрозу? А я даже ничем не успею

помочь... Разве что, трагично покричать из окна!.. Но показавшийся наконец Конхстамари стрелой пролетел между скалами, медленно снижаясь к подножью. Мелькнул там, совсем близко к земле скрывшись от глаз за скальными камнями, после чего так же деловито пролетел назад, к замку.

Я вздохнула с облегчением. Не сбросил.

Конхстамари вернулся в замок. Я совершенно не представляла, как мне себя вести и что делать. Но начала поспешно одеваться и приводить себя в порядок.

Взяв расческу, досадливо вздохнула. Вчера все было не до того, и только поздно вечером я наконец поняла, что не так с головой. Волосы слева неслабо подпалил огонь, сожрав больше половины их длины. Они частично прикрывали ухо и неровно, дергано становились чуть длинней к затылку и смешивались там с неповрежденными. Выглядело и ощущалось это ужасно.

Ухо, которое теперь было почти открыто и ощущалось голым, все хотелось прикрыть волосам, но под рукой обнаруживались лишь короткие погорелые пучки, едва достающие до мочки. Конечно, это было не страшно – голова цела, и на том спасибо. А волосы отрастут. Но растут, черти, медленно.

Почесав их расческой, я предприняла попытку собрать хвост, чтобы не мешались, но из-за погорельцев слева он вышел ущербным.

Отыскав свои вещи, я начала одеваться. Содранные колени покрылись корками; сгибать их стало больно и неудобно.

но. Чуть больше дозволенного согнешь – коросты трескаются и начинают кровоточить. Паршивая мелкая, пустяковая, но такая неудобная в быту травма.

Собравшись, я поспешила до залы. Конхстамари наверняка сейчас будет там.

Душу защемило от обыденно-теплого ощущения, что Кондор как обычно готовит завтрак и ждет меня в зале, в смеси с прохладным, колючим осознанием произошедшего конфликта.

Было тревожно. Что будет теперь, после всего случившегося, после этой ссоры? В любом случае, прийти было нужно. Пересечься, а там как пойдет...

Когда я дошла до залы, Конхстамари уже успел уйти. Вопреки ожиданию, он ничего не готовил; лишь на столе стояло несколько каких-то оставленных, видимо, лекарственных флакончиков. Идти искать его было как-то глупо и неуместно. Да и чтобы я сказала? Как оправдала бы свое появление? Одно дело, если б мы случайно столкнулись в гостинной зале, в которой постоянно бываем оба...

Постояв в пустой зале, я вернулась в комнату.

***

Пара последующих дней прошла как-то бессмысленно-выжидательно. С Конхстамари мы упорно не пересекались; он пребывал в своей части дома, лишь изредка появляясь в зале или кухне, чтобы вскипятить воду и, наверное,

чем-то перекусить, стготовить что-то максимально простое. Регулярно мне оставалась горячая вода и иногда что-то поесть. Была это забота или случайность однозначно определить я не могла.

Я к встрече тоже не стремилась, хотя и не сказать, чтобы избегала. Откровенно идти на контакт самой не хотелось. Если бы он пожелал меня видеть – нашел бы. Нарастающее холодное напряжение дружелюбия не добавляло.

Я молчаливо переживала обо всем произошедшем. О сорванной свадьбе, о Личи, о невыполненном обещании, об отчуждении Кондора, немного о его ране. Но Кондор, надо полагать, в лечении понимал, так что разберется. Лезть к нему казалось неуместным.

Хвост собирался убогий и нелепый, на одну сторону. А слева волосы некрасиво топорщились. Я нетерпеливо жаждала обкорнать их сама, но осознавала, что этим угроблю прическу окончательно, и буду ходить страшная, пока не отрастут. Мысленно я уже отстегнула денег на хорошего цирюльника.

Было как-то даже странно и нелепо, что в такой ситуации я переживаю о волосах. Но волосы, несмотря на все переживания, были на моей башке постоянно, и очень раздражали своим подпаленным видом. Этакая дополнительная гирька не на ту чашу весов.

Раздражали и коленки. Я, неувязок, все никак не могла телом осознать, что их нельзя резко сгибать, потому они веч-

но трескались и кровили.

К вечеру второго дня это молчаливое холодное ожидание мне окончательно надоело. Я специально застала Кондора в зале. Он колдовал с какой-то лечебной мазью, вымешивая-растирая ее в плосечке.

Плечо его было перевязано; повязка источала легкий горьковатый травяной запах. Левую руку Кондор держал согнутой, положив ладонь на грудь сбоку.

Он выглядел довольно неплохо, хоть и малость уставшим. Волосы были аккуратнo собраны в хвост.

– Добрый вечер, – нейтрально поприветствовала я.

– Добрый, – холодно отозвался он, коротко подняв взгляд и почти сразу вновь опустив в плоску.

Его прохладный тон срезал мою возможную приветливость. Некоторое время мы молчали; слова как-то не спешили находиться.

– Ты... хоть что-то нормальное ешь? – помолчав, прохладно-нейтрально спросила я первое, что пришло на ум и более-менее успело оформиться. – Не особо вижу, чтобы ты что-нибудь готовил...

– Тебя это беспокоит? Если ты голодна, ты всегда знаешь, где взять еду.

Я равнодушно пожала плечами.

– Когда ты собираешься меня отсюда унести?

– Мне надо восстановиться, – холодно проговорил он, –

прежде чем лететь далеко. До центрального региона не полчаса лету.

– Мои вещи в Дарпе! – недоброжелательно напомнила я. – Дальше Дарпа меня не надо!

– Чудесно, – прохладно бросил Кондор, помолчав. – Значит, вылетим завтра.

Я кивнула и удалилась.

Наш отлет прошел прохладно и молчаливо. Собирать мне было нечего, я прибыла сюда совершенно налегке. Меч, и тот остался в щели на острове.

Кондор доставил меня до Дарпа, осторожно приземлившись и ссадив меня в пригороде. Я заметила, что на левую лапу он не ступал, держал ее подобранной.

– Спасибо, что подбросил, – кивнула я, намереваясь направиться к городу.

– Удачной дороги, – нейтрально проговорил Кондор.

– До встречи, – по привычке бросила я. Но поправляться уже не стала.

Я направилась было к городу, но, сделав пару шагов, оглянулась. Дракон развернулся и собрался улетать.

– Разве не хочешь убедиться, что я уехала? – прохладно поинтересовалась я, вопросительно на него взглянув.

– Толку? Захочешь развернуться – и, отъехав, вернешься, – мрачно и даже как-то грустно проговорил Кондор. – А до столицы тебя пасти – уволь.

К концу фразы тон его вновь стал прохладным. Я хмыкнула и пожала плечами. И, развернувшись, направилась к городу. Кондор, немного проводив меня взглядом, взлетел и направился в сторону Жемчужной скалы.

На постоялом дворе, доплатив недовольному хозяину за просроченную ночь, я спешно взлетела по лестнице и принялась перебирать вещи. Собрала и пересчитала все оставшиеся деньги; вздохнув, взялась за цацки.

Кондорово золото я отмела сразу. Все-таки, это подарки... Сердце чуть заметно укололо грустью.

...Да и к тому же, его чувствует Кондор. Однозначно не годится.

Я вернула браслет на руку, спрятав под рукав, а серьгу в ухо. Брошь и другую пару сережек тоже припрятала.

Вот мои собственные цацки – все сгодятся. Жаль только, преимущественно серебро, да совсем мало золота, обычного, человеческого. Выйдет слишком дешево. Я перебрала в голове, где их можно было бы подороже продать. Как ни крути, выходили гроши. Пустые ножны тоже дорого не продашь.

Единственное, можно еще сдать магические цацки... Правда... Жалко, конечно. Отлично подобранный сбалансированный набор с хорошо налаженным контактом с хозяином... Я прошлась пальцами по магическим кольцам и амулетам. Талисман Сцерры словно тревожно покалывал пальцы.

Вздыхнув, я ссыпала их в отдельный мешок. Позволит Небо – выкуплю.

Я собрала вещи и выехала. Направилась искать магическую лавку. Кто ж знал, что это может оказаться не так просто... Поиски отняли у меня целый день... На продажу и в залог, как оказалось, магические артефакты можно сдать не везде. Точнее, сдать-то можно, но по цене металла, а это уж извините.

В Дарпе соответствующего заведения не оказалось; в одном встреченном ломбарде меня пожалели и посоветовали доехать до соседнего лиорианского городка. На Смешанной, сказали, найти нужную лавку будет еще тяжелей, да и не факт, что оценивать будут честно...

Пришлось метнуться до Дейдре, что располагался от границы в полдне пути. В город я прибыла сильно за полдень, да и там еще пришлось пометаться, разыскивая лавку. И счастье еще, успела до закрытия.

Внутри было уютно и тепло; поблескивали разные магические штучки. За прилавком стоял приветливый толстенький дедок с седой бородой и аккуратными ухоженными волосами вокруг лысины. Он через линзу разглядывал какой-то амулет и, видимо правил крепление. Так бережно, едва ли не по-отечески.

Лишь закрылась за мной дверь, он отложил работу и, вежливо приветливо улыбаясь, слегка поклонился.

Весь этот уют и атмосфера очень остро контрастировали с моим внутренним состоянием.

– Что-то желаете приобрести, госпожа? – радушно проговорил он. – Может, подсказать? Что вы ищете?

– Я... я хотела бы продать...

От своих же слов еще сильнее засосало под ложечкой. Взгляд дедка-лавочника сделался опечаленно-взволнованным.

Мистик, продающий свой талисман – это было нечто сродни менестрелю, продающему лютню. Воину, продающему свой верный клинок. Охотнику, продающему любимую ищейку... То есть, выражало высшую степень отчаяния.

А ведь у меня даже не произошло какой-то большой катастрофы... Сама себе я вдруг показалась плохой актрисой, ни с чего разыгрывающей драму.

– А что стряслось, госпожа?

– Да ничего страшного! – улыбнувшись, как можно бодрей ответила я. – Просто... просто вот деньги нужны...

Я, стараясь не смотреть ему в глаза, выложила на стол свои мистичьи цацки. Последним положила талисман. Ощущение, словно отдаю их в ремонт. Их починят, почистят и вернут...

– И как же вы будете? Без талисмана?

Я вздохнула, но вновь сделав голос бодрым, отозвалась:

– Выкуплю!

– Значит, закладываете? – голос лавочника был сочув-

ственным. – Не продаете?

Я молчала, раздумывая. Продать с концами хорошо подобранную рабочую атрибутику, которую не в каждом городе еще купишь, было страшно и очень грустно. Но так я выручила бы вдвое больше...

– Да. Закладываю, – наконец ответила я. Вздохнув, спросила. – Это за полцены, верно?

– Могу вам уступить за три четверти, – подумав, ответил лавочник. – Выкупить можно в течение двух месяцев. Но... если такое дело, могу придержать дополнительно... Только не более, чем на месяц. Уж простите, никак не больше, увы...

– Поняла. Хорошо.

Пары месяцев должно хватить, чтобы заработать на выкуп. А уж трех-то точно...

Выехала я уже потемну. Рассчитывала доехать до границы, но все-таки пришлось остановиться на ночевку на полпути. До Дарпа я ехала спокойно, чтобы не утомить Шельду, там вновь сделала стоянку. А от границы до Эрстхена гнала.

Конечно, деньги – это совсем не то, что я обещала, да и наверняка по Личиным меркам выходили жалкие гроши, но идей лучше у меня не было.

Конечно, мутная задумка с кровью была однозначно отвергнута. Но хоть что-то же я должна? Я и так чувствовала себя предательницей... Совесть царапала душу колкими ма-

ленькими коготками.

Ведь именно я все это затеяла. И ведь... я могла хотя бы смолчать тогда, споря с Кондором. Это уже ничего не меняло... А вышло, словно я сразу собиралась Личи выдать... Весь мой план обернулся какой-то подставой.

Мне так не хотелось быть той, кому нельзя было доверять!

Потому теперь я хотела расплатиться хотя бы деньгами. Хоть это и не шло ни в какое сравнение... Вряд ли даже покрывало ущерб.

Доехав до города, я оставила лошадь у какого-то постоянного двора на пути. Дорогой я прокручивала в голове мысли, что же сказать и с чего начать разговор, как лучше извиниться. Единой картинкой никак не складывалось, было слишком много всяких “если”.

Вскорости я была у дома Шенлеров. Дойдя до крыльца, я пару раз осторожно выдохнула и, наконец, постучалась. Дверь открыл крепкий темноволосый парень выше меня на голову и, ненавязчиво закрыв собою вход, поприветствовал меня с легким вежливым кивком, но взгляд его был прохладный и усталый.

– Доброго дня, мне надо увидеться с...

Договорить мне не дали.

– Извините, никого не велено пускать на порог, – отчеканил он. – Пожалуйста, уходите!

– Нет, мне очень нужно! Поговорить!..

– Господин Чиэнстелли ни с кем не будет разговаривать.

Вы можете оставить письмо...

– Пара слов! Пустите меня!

Взгляд охранника сделался совсем уставшим. Я запоздало догадалась, что наверняка далеко не первая, кто пытается увидеть Личи.

– Письмо. Напишите письмо.

– Вы не понимаете...

– Девушка, уходите, никто с вами разговаривать не будет, а в дом подавно не пустит, – раздался откуда-то из гостинной жесткий голос Бориса. – Рорэй, гони ее! – скомандовал он.

И охранник тотчас приступил к исполнению.

– Нет, подождите! Я не... – почти вскрикнула я, попытавшись воспрепятствовать. Однако была оттеснена жесткой рукой “вышибалы”-телохранителя и не смогла договорить.

– Сказано – прочь все пошли! Сил уже от вас нет!

– Да я не воздыхательница! Мне просто!.. – вновь не смогла договорить я.

И охранник уже успел закрыть дверь, как откуда-то сверху громко, раздраженно, с истерическими нотками, раздалось:

– Кто там ещё!?

Охранник от двери будто бы что-то невнятно пробубнил, и ответом ему было лишь раздраженное рычание. А после Борис, вроде как, назвал мое имя.

– Кто?!

Послышались резкие тяжелые приближающиеся шаги по лестнице, и я очень кстати подалась назад, потому что меня

едва не сшибло распахнувшейся дверью.

– Ты?! – рявкнул Личи, пронзив меня ненавидящим взглядом. – И ты посмела явиться?!

От такого напора я резко растеряла все мысли и забыла все, что думала сказать...

Его нынешний вид остро контрастировал с тем, каким я привыкла его видеть: всегда безупречного, аккуратно и стильно одетого, с красиво уложенными волосами... Худой и бледный, с отчетливо очерченными скулами на искаженном злобой лице, в простой домашней рубашке и небрежно накинутом на плечи халате. Волосы, растрепанные, спутанные, были собраны в неаккуратный пучок на затылке. А в глазах блестели опасные пугающие льдинки ненависти.

– В... вот! Возьми! – не давая ему опомниться, я протянула и буквально сунула ему в руки деньги. – З-здесь мало, я знаю! Но все лучше, чем ничего! Я положила туда драгоценности... Просто я решила, что ты наверняка сможешь продать их выгодней, чем это сделала бы я...

Я чувствовала, что несу пургу, но иных слов не находилось. Не дожидаясь, пока он это поймет, возмутится или еще что, я развернулась и быстрым шагом пошла прочь.

Как-то глупо и нелепо. Не сказала ничего толкового, важного, нужного. Как какая-то сволочь сунула деньги и ушла. Нужно было хоть спросить о здоровье. Или лучше не спрашивать?.. Извиниться в конце концов...

...Не прошла я и десяти шагов, как в затылок с размаху

впечатался мой мешочек.

Вам когда-нибудь прилетало по голове мешком с деньгами? Очень больно, скажу я вам. Меня чуть с ног не сбило...

– Дрянь! – рявкнул Личи злобно. – И ты посмела?!

– Извини! Мне правда жаль, что так вышло! – обернувшись, морщась и потирая затылок, прокричала я.

– По-твоему, можно так просто?! – он поджал губы, метнув в меня гневный взгляд.

– Я не желала тебе зла! – я подбежала и вновь сунула ему мешочек, но он отдернул руки.

– Ты меня обманула!..

– Я не хотела!

– Не хотела?! Ты сразу собиралась нарушить слово!

Я страдальчески закрыла глаза; у меня не было аргументов, которые бы я могла противопоставить.

– Нам просто нужно было остановиться, пока не поздно! – застонала я, все-таки сунув ему свой мешок.

– Это ты меня подожгла!!! Ты воскресила во мне эту сотни раз похороненную жажду!

– Прости!!! – отчаянно и пронзительно вскрикнула я.

Он замолчал, поджав губы, едко, зло глянул мне в глаза. Я лишь несвоевременно походя отметила, как не к лицу ему худоба.

– Проваливай! – швырнув мешок мне под ноги, почти выплюнул он, не сводя с меня колкого ненавидящего взгляда. – И дорогу в этот город забудь!

Личи развернулся и хлопнул дверью так, что задребезжали стекла, и я всерьез заопасалась, что с дома сейчас что-нибудь посыпется. Дверь от удара отскочила и вновь распахнулась, показав гостиную и сидящих там людей. Помимо Бориса, его жены и Евы, там был еще и Марк. Кто-то, видно, из прислуги и охрана.

– Никого не пускать! Что непонятного?! – гневно крикнул Личи и тяжелым шагом через две ступеньки взлетел вверх по лестнице. – Никого!!!

Я боялась посмотреть на Шенлеров, встретиться с ними глазами. Лишь на краткий миг я случайно взглянула на Марка, но пересечься взглядом мы не успели. Считать эмоцию не удалось, но ничего хорошего все равно бы не увидела.

Без сомнений, для них я теперь была врагом.

Подхватив мешочек, я резко подорвалась и бросилась прочь, вынудив спешно расступиться уже собравшуюся было толпу, провожаемая их цепкими взглядами.

Что конкретно мне делать, я придумать сходу не смогла. Сначала я хотела навеститься к Гефару в ресторанчик “Старый двор”, но потом струхнула, что мне там тоже будут не рады, или, по крайней мере, попытаются расспросить... Вдруг у Гефара уже есть информация касаяемо Личи и меня.

Я вернулась на тот постоялый двор, где оставила Шельду, и, подумав, заранее оплатила ночь. Теперь свои жалкие гроши мне, видимо, уже можно было не жалеть...

Не представляю, можно ли чего-нибудь еще решить, но кто знает, может, к утру что-то поменяется?

Я попросила чего-нибудь попить, а после заказала ужин и села ждать, перебирая в голове разные бестолковые неоформленные мысли и варианты. По столу скользнула тень, и я, не поднимая глаз, уже почти открыла рот поблагодарить разносчицу, как раздавшийся вдруг голос вырвал меня из раздумий.

– Так значит, тебя можно поздравить? – резко, нахально вопрошала довольно смело одетая девица с длинными распущенными волосами, с улыбкой глядя на меня. Рядом стояла вторая, коротковолосая шатенка.

– Что? – растерялась я.

– Ты кинула Личи?! – заявила вторая не то восторженно, не то с тенью вопроса.

Я ахнула, внутренне содрогнувшись, и, видимо, выдала себя лицом.

– Bravo! Не каждой такое по силам! – злоехидно воскликнула первая, светленькая, нахально подсаживаясь за мой стол сбоку. Вторая тем же временем села на лавку слева от меня. Я оказалась зажата с двух сторон. – Мало, крайне мало кому удавалось заслужить его ненависть!

– Ч-что? – растерянно огрызнулась я.

– Что там за интрижка у вас была? – не давая мне сказать, едва ли не легла ко мне на плечо шатенка.

– Да какая разница! – смеясь, осадила ее блондинка.

– Это не...

– Отомстила этой смазливой морде за всех обиженных девчонок! – не обращая на меня внимания, продолжала она.

– Молодец! – злобно смеясь, вторила шатенка.

Я зарычала, не находя слов. Внутри все сжималось...

Только теперь я запоздало понимала, как превратно можно истолковать брошенные в сердцах Личины слова.

– Что вы там... навывдумывали?.. – кой-как выдавила я; голос срывался.

– Все! Можно очко засчитывать! – не унимались девки. – И белую розу бросить!..

К горлу подступила кислая смесь вины и обиды. Я резко отставила кружку, подхватила сумку и, грубо отпихнув блондинку, выскочила из-за стола. Та возмущенно вскрикнула от удара, потом негодуя бросила:

– Ошалела!

– Закройте рты, кошки драные! – рявкнула я, бросаясь к выходу.

– Чего?! Ты слышала? Как она заговорила!

– Ни кожи, ни рожи! Как она его вообще зацепила?! Пу-галo огородное!

Я, обернувшись, от двери кинула в них искрой. Прилетело по столу, выбив пару щепок, разбросав приборы и уронив кружку. Конечно, так было делать нельзя... Но я сделала.

Девушки в унисон завизжали.

– Сумасшедшая! – слышались возмущенные возгласы с

разных сторон. – Ему под стать! Два сапога пара!..

Не дожидаясь полноты реакции, я выскочила из трактира. Вслед мне лишь ошарашенно взглянул хозяин. Но на оплаченную комнату мне было уже плевать.

Прочь. Прочь!

От злобы, вины, раскаяния мне хотелось выть.

Прочь. Прочь из города.

С немой невольной мольбой к Высшим.

Пусть этот город забудет меня!

Волоком почти бегом протащив Шельду под уздцы до ровной дороги, я вскочила в седло и толкнула пятками в бока, правя к выезду. То и дело теребя дрянную раздражающую обгорелую прическу...

Я плохой друг, ненадежный поделщик, бездарный исследователь...

Уеду отсюда подальше. Цацки только выкуплю... И вернусь в центральный регион. Куда там меня хотели? В Придонье, кажется? Вот и чудно! Может быть, там и неплохо. Особенно, для моего уровня. Пожалуй, этого я и заслуживаю.

А браслет... Браслет.

Куплю себе комнату. И положу на полку.

Дорогой читатель!

Если вам понравилась история, пожалуйста, поддержи-

те книгу отзывом или оценкой. Это очень важно для меня. Также вы можете следить за моим творчеством и узнавать новости, вступив в группу: https://vk.com/duh_plameni Там будет анонсирован выход второй части.

Также в группе можно найти дополнительные материалы по книге, песни, специально написанные мной для этой истории и много картинок, не вошедших в иллюстрации.

Если вы нашли ошибки, опечатки, логические нестыковки или у вас возникли вопросы по содержанию, можете написать мне в ВК или на почту: tsukanovanina@yandex.ru

Спасибо, что читаете :)